

Настяна Орлова

The Last station

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Настяна Орлова

The Last station

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70184503
SelfPub; 2023*

Аннотация

Действительно ли существует свобода воли, или это только её видимость. Есть ли кто-то ещё, кто управляет нашими жизнями? Почему одна из главных конспирологических теорий обрастает всё больше фактами и не выходит из головы Паши? Этими вопросами задаётся главный герой и, пытаясь найти ответы, оказывается в психиатрической больнице. Новые условия, новая влюблённость, размышления о жизни, о времени и о себе помогают ему оставаться на плаву и не утонуть в больничной нездоровой среде. Но вопрос остаётся открытым: так ли он безумен?

Содержание

Пролог	5
Часть 1. Депривация свободы	9
Часть 2. Изоляция	22
Часть 3. Психоз	32
Часть 4. Интеллект	43
Часть 5. Пути познания	56
Часть 6. Галлюцинации	62
Часть 7. Заводские настройки	77
Часть 8. Самоанализ	83
Часть 9. ПТСР	91
Часть 10. Катарсис	102
Часть 11. Апатия	108
Часть 12. Аддикция	119
Часть 13. Тоска	134
Часть 14. Первопричина	149
Часть 15. Надежда	167
Часть 16. Страх	186
Часть 17. Нестабильность	205
Часть 18. Гордыня	211
Часть 20. Внутренний ребёнок	234
Часть 21. Ретроградный Меркурий	244
Часть 22. Дуализм души и тела	256
Часть 23. Просветление	271

Часть 24. Синдром отмены	286
Часть 25. Внутренний стержень	296
Часть 26. На развалинах	310
Часть 27. Травма	316
Часть 28. Нормальная жизнь	335
Часть 29. Моя остановочка!	350
Часть 30. Мы здесь. Мы живые	365
Часть 31. Закон жанра	378
Часть 32. Предостережение	391
Часть 33. Возраст Христа	414
Часть 34. У холмов есть глаза	436
Часть 35.1. Дух свободы	444
Часть 35.2. Искатели плохих новостей	449
Часть 36. Не проморгать момент	459
Часть 37. Мир, который мы не видим	468
Часть 38. Игра ниже пояса	486
Часть 39. Правила игры	500
Часть 40. Нечего праздновать	509
Часть 41. Жизнь, злободневная и сумрачная	536
Часть 42. Мир, который приютил нас	551
Часть 43. Последняя инстанция	565

Настяна Орлова

The Last station

Пролог

Жёлтый автобус дорожной службы на манер американского школьного автобуса невзначай проехал мимо, перетягивая на себя внимание всех ожидающих на остановке. В нём, готовые к труду, ехали дворники с мётлами в руках, как юные маги. Но путь их пролегал не в Хогвартс, а за окраину города – к стройке восьмиэтажки.

Павел усмехнулся своей ассоциации. Неужели даже в этой незначительной мелочи в мире был смысл – в том, чтобы он увидел автобус с дворниками и придумал эту параллель. А вечером сел пересматривать всю серию фильмов о Гарри Поттере. И уже в одной из частей нашёл следующую подсказку. Звучит, как какой-то бред.

Обычно он не думал об этих замысловатых причинно-следственных связях – не дольше, чем о любой другой навеянной мысли, – но последнее время его органы чувств стали ярче воспринимать любые совпадения. «Случайности не случайны», – гласила аннотация книги, которую он читал на выходных. И с тех самых выходных он не думал ни о чём другом. Книга называлась «Земле 20 лет». Не 20 тысяч,

не миллионов, а всего лишь две декады лет. Автор полагал, что Земля, на которой живет читатель, – это матрица. Воссозданная декорация для одного единственного человека.

«Каково это – быть тем единственным, для кого создаются такие миры?», – думал Павел в начале чтения книги. А под конец он осознал: не такая уж это и глупая мысль. Для примера: сколько нужно матрицы, чтобы создать мир для Павла? Один муляж города. Одно кафе. Два-три учебных заведения. Дом. Сотня человек, среди которых семья, дюжина соседей, одноклассники и друзья. И всё. Материальность жизни Павла на этом ограничивалась. А больше за пределами рамок этого мира и не нужно. Остальное компенсируют картинки и видеоматериалы в интернете и по телевидению. Сотня актёров, мелькающих на экране, – графика; рок-звезды, чью музыку Павел боготворил, – звуковая дорожка, не более. Их тоже не существовало. Не существовало и этих гор, куда ездили отдыхать его родственники. Не существовало морей и океанов. Даже больше: не существовало истории. Кто-то просто придумал для Павла летопись воображаемого мира, чтобы парень поверил и задавал поменьше вопросов. То есть, то, что случилось до рождения Павла, ничем не реальнее, чем рептилоиды.

Игнорировать эти идеи сейчас не хотелось, потому что от их переосмысления приятно покалывало кончики пальцев. Была в этом какая-то искра. Чем больше совпадений он находил, тем реальнее эта фантастическая мысль, и тем фан-

тастичнее его жизнь. И то, что Павлу, по невероятной случайности, тоже 20 лет на момент чтения книги – никакая не случайность.

Он стоял на остановке. Мимо проезжали другие автобусы, а он, за неимением иного, дискутировал сам с собой, доказывая и тут же опровергая гипотезы, выдвигаемые в книге, которая до сих пор лежала в его рюкзаке.

А если у каждого человека имелась своя матрица? Или человек, как в «Аватаре», лежит в капсуле, а в его сознании крутятся картинки жизни, которой не существует?

Ну, да, конечно. Он – лазурный аватар, который вместо того, чтобы встать пораньше и успеть на электричку, вынужден сейчас морозить себе зад в ожидании маршрутки, чтобы поехать на учебу.

А если смерти нет? По истечении срока, лет в шестьдесят, он просто очнется в аквариуме желатиновой жижи, как какая-то маринованная селёдка. И вокруг будут стоять люди в халатах и осуждающе смотреть, мол, и этот подопытный прожёл свою жизнь напрасно. И весь эксперимент – создание индивидуального мира для этого человека – был напрасным.

Или это временная иллюзия – путешествие в прошлое – как платный аттракцион, куда пускают богачей, чтобы прожить жизнь, как их предки, которые платили за коммуналку и ели еду из супермаркета, а не гомогенную пюрешку из герметичной упаковки. Потому что в их будущем, в году так трехтысячном, где-то на Марсе других развлечений нет. По-

тому что будущее утопически идеально и предсказуемо...

Если думать об этом слишком долго, можно сойти с ума.

Часть 1. Депривация свободы

Окна здесь по определению не открывались вне зависимости от того, чего хотели остальные. Вентиляция не гоняла воздух по просторным коридорам. А кондиционер, элементарно, сняли и увезли ремонтировать на неопределенное время. Всё бы ничего, но воздух не проникал даже через щели в окнах, потому что их нет. Когда-то один единственный случай в 1956-ом навёл руководство на мысль о том, что решётки на окнах и отсутствие ручек на оконных рамах – важнейшая необходимость. Наверное, доплачивать уборщице никто не хотел.

Несмотря на вековую историю двухэтажного здания, в котором в начале XX-го века размещались военные казармы, затем во времена гражданской войны сюда свозили всех инфекционных больных, ну а только после Второй Мировой здесь организовали Психиатрическую больницу, вопрос с наладом работающей вентиляцией оставался открытым.

Поэтому вся группа теперь была вынуждена обливаться потом, мучиться непонятным зудом и дышать насыщенным кварцем воздухом. Раз в год и палка стреляет, и кондиционер забирают в ремонт. Согласитесь, атмосфера совсем не располагала к душеизлиянию. Однако они всё равно собрались в одном месте, а своего рода сестра Рэтчед руководила их сборищем всего неопределенного и пограничного, что

бывает в людях. На самом деле девушка, Инга Васильевна, – их врач-дежурант – ничем не схожа с персонажем Кена Кизи, просто Павлу так хотелось. В институтские годы он имел удовольствие много читать – за неимением другой деятельности. Ассоциация напросилась сама собой.

– Может, Луиза хочет что-нибудь сказать? – как по сценарию, провозгласила эта девушка тридцати лет от роду, не имеющая пока ничего, кроме сертификата о высшем образовании. На поприще психиатрии её опыт начинался здесь и сейчас, и Паше такой предводитель не нравился. Но кто его спрашивал.

– Не сегодня, – ответила в который раз Луиза. Девушка двадцати трёх лет. И никакая она не Луиза, всего лишь Маша, но просит называть себя, соответственно её мировоззрению. Чёрствая, сухая брюнетка, которая даже не смотрела на Пашу, словно не замечала, – взор пробежал насквозь. Это неудивительно. Может, Павел мало знал о ней, но того, что знал, было достаточно, чтобы чувствовать, что ему с таким человеком не по пути. В этот раз Луиза опять ничего не рассказала группе, а Павел на это только закатил глаза.

Ну что ж. Такими темпами знаменитая «групповая психотерапия» этой Луизе не поможет.

Павел бросил взгляд на соседа справа. А вот Макс со своим другом точно не промолчат сегодня. Максим, если не понятно, – парень с раздвоением личности. Для него мнение своей названной личности важнее мнения окружающих. И

вот сейчас он вновь тянул руку, чтобы поделиться своими наблюдениями о мире, настоящем и гнетущем его.

Сестра Рэтчед глянула на Максима, следом скосила взгляд влево и внезапно обратилась к нему:

– Павел?

– М? – отозвался он. Взгляд метнулся к её карим глазам, задержался на приподнятых бровях и опустился вновь вниз, к щиколоткам.

– Поделишься мыслями о том, как влияют на тебя групповые занятия? Ты размышлял о нашем домашнем задании? О своей роли в мире?

Павел протяжно выдохнул. Она говорила строго по сценарию. Одно только его смущало: как они и её вплели в Систему? Почему доктор Инга – как привыкли её называть пациенты, – выбрала эту профессию? Паша часто задумывался, что движет людьми, которые намеренно приходят в Систему? Почему Инга не выбрала Ветеринарию, чтобы быть подальше от этой мозгопромывочной грязи? Или не пошла по стопам родителей, чтобы добиться успеха в Бизнесе? Конечно, все профессии так или иначе призывают копать в мозге, без этого сейчас никуда, но Паше кажется, что психиатрическая больница – это эпицентр зла, штаб-квартира надзирателей Системы. Здесь помимо обычных больных много тех, кого присекла сама Система за то, что этот кто-то посмел приблизиться к её тайнам. Инге Васильевне на своём месте, очевидно, тепло и комфортно, хоть она и палит всю

их контору своим зловещим видом.

«Так почему Психиатрия?», – каждый раз искренне хотел спросил у неё Павел, но так и не решался. За ними наблюдают. Да и вопрос – риторический, не иначе.

– Можно, в этот раз я тоже воздержусь от высказываний? – попросил вместо этого Паша. Лицо врача-стажёра не изменилось, ни один мускул не дрогнул. Сложно было сказать, как она относится к ним всем и к нему лично, потому что с таким непроницаемым лицом доктор могла и в автобусе ехать, и вырывать у людей позвоночники. Каждый человек был хорош в чём-то одном. Так вот искусством доктора Инги был её профессионализм.

Да, надо признать, если бы Павел возглавлял Систему, он бы тоже назначил её на эту должность.

– Павел, – обратилась она, не моргая, – именно обсуждая наши идеи и мысли, мы в конце концов приходим к соглашению. Обсуждая проблемы с другом или компанией, мы с большей вероятностью найдём решение. Даже если мы, как слушатели, не будем давать оценку твоим мыслям, тебе самому будет легче расставить приоритеты и найти истину среди ошибочных выводов...

Опять она об этом. Павел сомневался, что он заслуживал звание «проблемный пациент», – опять же, он смотрел фильмы, – и повышенное внимание к его персоне без приукрашено выглядело подозрительно. Что ему ещё сделать, чтобы от него отстали? В конце концов, он здесь не ради терапии.

– Может, завтра, – сдался он. Деланное сожаление, как он надеялся, отразилось на его лице. – Я правда попытаюсь.

– Хорошо, – как ни в чём не бывало перевела тему сестра Рэтчед. – Готовность идти на уступки формирует в нас умение слушать. Вас никто не осуждает. Цель, в первую очередь, обеспечить Вас надёжной опорой, с помощью которой Вам станет легче открыться себе и миру. Давайте в таком случае, переключим внимание на слушание. Отвлечёмся. – Она слабо жестикулировала, чем напоминала Павлу ленивую коалу. – Сейчас я включу знаменитую симфонию для духовных практик. Просто послушаем её, и в конце Вы мне назовёте по одной эмоции, которую она в Вас вызвала.

Воцарилось молчание, ввиду технической заминки. Доктор искала в своем плейлисте нужную музыку, провод переходника опутывал её телефон и спускался, как белая струйка молока, к сабвуферу десятилетней давности. Скорее всего, эта одна из двух колонок, составляющих полноценный домашний музыкальный центр. Так кажется. У бабушки Павла дома тоже такая есть.

Была.

Справившись, доктор Инга отложила телефон на колонку и обернулась к пациентам. Руки были сложены на коленях в замок, ноги соприкасались на уровне коленей и щиколоток, подбородок приподнят чуть вверх. В таком положении Инга не выражала ничего. Как если бы Некто внезапно сбросил все настройки на заводские, обезличив Ингу до состояния

куклы. Такие были первые ассоциации, и за столько лет Павел научился им верить.

Заиграл быстрый колокольный перезвон, к которому в процессе подключилось нечто ударное, кроме метронома, добавляя ритм. Затем наслаивались другие инструменты. Фортепиано. И шипящий звук на фоне, который Паша никак не мог идентифицировать. И снова на первый план вышли колокола.

Доктор Инга, видимо, из тех людей, у которых есть даже «плейлист для церкви».

Он попытался сосредоточиться, даже закрыл глаза. Какой там был вопрос? Назвать чувства, которые вызывает у него эта композиция.

Никаких.

Это не первое групповое занятие; кто-то, на скромный взгляд парня, действительно добился прогресса, но Паша знал, что чужая результативность в этом случае направлена на то, чтобы другие быстрее открывались. Нельзя исключать факт, что эти реконвалесценты, душевно повествующие о том, как легко на душе им становилось, всего лишь массовка.

Затем к композиции прибавился новый звук – женское горловое мычание. Паша открыл глаза и уставился на одну из пациенток. Она, казалось, была наполнена каким-то божественным благоговением, этакая Мать-Природа в человеческом облики, за что и получила она это прозвище. Воло-

сы пушисто опадали на плечи и грудь. Ни капли макияжа, но по сравнению с другими её можно было бы даже назвать милой, если бы не эти приступы нирваны под церковные звуки.

Доктор проследила за реакцией остальных присутствующих. И если пациенты были заметно встревожены, взгляд Инги опять был лишен каких-либо оценочных оттенков; она приняла информацию, зафиксировала в невидимый блокнотик и двигалась дальше.

Не в правилах стен этого заведения называть кого-то умалишенным или блаженным. Но в шутку можно давать друг другу клички. Как Матери-Природе.

Павел не знал, есть ли у него негласная кличка, потому что он не понимал, что в головах у этих людей. Когда он был ещё на свободе, учился в школе, в университете, подрабатывал на заводе, мотивы и мысли людей были написаны у тех на лицах. Кто-то пытался скрывать их, но тем самым ещё сильнее обнажал душу перед Павлом. Люди в основном были похожи, и двигала ими всем понятная физиология, желание быть любимыми, иметь уважение среди себе подобных. Это если прямо утрировать. А что в головах у местного контингента, Павлу не понятно. Он уже вторую неделю, как по звонку, обивал коридоры этого заведения, пытался вести себя менее подозрительно и заставлял Всевидящее Око думать, что Оно победило.

Двуличие, проснувшееся в нём, порой поражало и его самого. Здесь и сейчас он – один; наедине с самим собой – дру-

гой; во внешнем мире – третий. И нигде он не настоящий, потому что понятие жизни у него немного отличалось от общепринятого. Он уже не помнил, когда он жил, а не просто рефлексировал свои мысли и ощущения, читая символические знаки и сопоставляя их в своей голове. Многогранная эмпирическая структура выводов напоминала кристаллическую решётку прочных связей. Увы, игнорировать их больше не получалось, поэтому он теперь здесь.

– Ну, что? Появилось ли что-то от прослушивания данной композиции? – спросила доктор Инга, как только мелодичные ноты аутро стихли, а Мать-Природа лениво покачивалась из стороны в сторону.

Макс уже тянул руку. Поза его не изменилась, лишь раскрытая ладонь взлетела вверх и сотрясалась, как от разрядов тока. Казалось, ткни в этого парня иголкой, и его разорвёт от словесных потоков; а учитывая, что у него два разума на одно тело, то тот поток не заткнется, если не дать право высказаться всем.

– Давай, Максим. Начни первый, – наконец, обратила на него внимание Инга.

Павел закатил глаза, предчувствуя *это самое*. То, что в психиатрических кругах не научились никак иначе называть, кроме как мысленно матом. Возможно, единственная роль Максима в этом мире – это раздражать других, заставляя уходить в себя, запирается как можно глубже, чтобы не слышать его бред.

– Я всё время думал об отце. Эта мелодия напоминала мне о детстве. Когда я был меньше, отец говорил мне: «Человек – животное, искушённое до всяких соблазнов, и всегда им и останется». Отец учил меня бороться с подобными порывами. Настаивал на том, что нужно пробудить силу, заложенную во мне природой, которая у других атрофирована, и учиться управлять ею. Настоящая сила... «Человеческая популяция, – повторял он, – нуждается в чистке. Кастовое разделение сделало одних безвольными овцами, а других – пастухами. И этого не изменит один голос или даже миллионы голосов. Этот мир не исправить без кардинальных мер. Социальная дезорганизация уничтожающего лидерства». Он говорил это нам за обеденным столом. За игрой в нарды и лото. На прогулках и на праздниках, когда выпивал, и когда водил нас в кино...

Макс всё продолжал. Его радикальные взгляды мог бы принять даже Павел, если бы только эти взгляды не подразумевали под собой кровавую бойню меньших над власть имущими.

Второй личностью Максима был голос его отца, который однажды заставил его напасть на человека. Максима по решению суда здесь держали насильно.

Здесьние обеды также претерпели некоторые изменения,

требуемые правилами безопасности. Хочешь, сиди за круглым столом; хочешь, выбери стол-по-трое. Но оставаться совершенно одному с обеденными принадлежностями не желательно. А уйти с ними в палату тем более не позволят. Как и не вернут на место ручку от пластмассовых окон. Если понаблюдать за упрямыми людьми, то они и ложкой сумеют, к примеру, вспороть себе живот. Нельзя недооценивать отчаяние человеческого рода, склонного страдать при любой удачной возможности. Представьте себя ребёнком, которому голосом взрослого пообещали приз, если вы сможете проделать в диване дыру чашеобразной стороной ложки. Затем попробуйте оставить такого ребёнка на весь день с этой мыслью. Не нужно усиленно думать, чтобы догадаться: если вдавливать с достаточной силой, рано или поздно непрокальваемое полотнище растянется и порвётся, впуская ложку внутрь – в нашем случае, в брюхо.

Поэтому за одиночками следят в четыре глаза.

Это и заинтересовало Павла – это повышенное внимание. Захотелось поиграть на чужих нервах. Словно бы он парень с репутацией вора, который каждый день посещал один и тот же магазин. Внимание повышенное, но неоправданное.

Паша рад наконец-то поесть в одиночестве. Он уже принял холодную переноску с чашкой супа и вторым, и пошёл к наиболее изолированному дальнему углу, как на пути появилась та неприятная пациентка – Луиза. Скрытная, мутная, ещё и психованная. Та деловито покосился на еду Павла

и на свою:

– Знаешь, раз уж мы заказали одно и то же, тогда вместе пообедаем? – начала она, и Павла почему-то это ошарашило. Эта Луиза правда не считала невербальных сигналов или это оригинальный способ начать знакомство?

– Нет, – сказал он и постарался обойти сумасшедшее препятствие.

– Подожди, эм, Павел? Я просто рядом посижу.

– Нет, – повторил Паша. Он не враждебный. Он всего лишь хочет иметь право выбора, где сидеть и с кем. И он выбрал одиночное место вдалеке под взором надзирателей, провоцируя их своим единоличием и необщительностью.

– Да погоди ты, – Луиза перехватила его за локоть, другой рукой всё ещё удерживая свой поднос.

– Не трогай.

Предупреждение никого не испугало. Другие пациенты ими не интересовались. Луиза приблизилась, так и не отпуская руку, чтобы прошептать:

– Мне нужно проявить себя «компанейской» и готовой к общественной жизни. Так что я вынуждена первой пойти на контакт, чтобы меня перестали насиловать на индивидуальных сессиях, – объяснила она.

Абстрактная картинка резанула в голове неприятным образом после слов о насилии, и Павлу понадобилось мгновение, чтобы отмахнуться от неё и проанализировать ситуацию.

Так. Луизе нужно притвориться «нормальной». И она выбрала средством достижения цели Пашу, исходя не из личных выводов, а *просто так*. Потому что Паша – первый попавшийся? Так он и поверил. Это был бы слишком очевидный ход, чтобы запудрить Павлу голову и отвлечь от главного. Однажды с Павлом уже познакомилась девушка, чисто «случайно», и ничего хорошего после неё в его жизнь больше не случилось. Он учёл свои прошлые ошибки, и теперь уяснил: ничего не делается «просто так». Случайности заканчиваются там, где существует хоть мизерная выгода.

– Я сказал «нет». Глухая? – взъерепенился он. Последний раз с ним вступали в контакт так агрессивно только в школе. Школа вообще странное время. Единицы могут назвать это время лучшим в жизни. Школа создана не для жизни, а для избегания её. Так что, пожалуй, это был последний раз, когда кому-то было до него дело в принципе, и сейчас вот опять.

– Ты обломишься что ли? – девушка пихнула его в грудь, как свояченица пихает своих корешей у подъезда. Слишком много тактильных событий.

Луиза не унималась. Зелёные капельки глаз смотрели в упор и не желали быть проигнорированными. Павел глянул за спину Луизы, ища аргумент, с помощью которого можно скрыться от неё, и уже начинал злиться, пока не нашёл:

– Если ты не отступишь, я попрошу вон того верзилу вмешаться.

– Да ты меня не слышишь! Мне нужна помощь.

– Позвони в техподдержку.

Луиза наконец отцепилась от него. Бросив презрительный взгляд на Павла, она процедила сквозь зубы:

– Сыкло.

Часть 2. Изоляция

План, не успев созреть, уже вышел из-под контроля.

У Павла теперь есть собственная палата. Личная во всех смыслах. Из неё выходит прекрасный вид на огромное *Ничего* из окна, которого *нет*. Который гармонирует с домашней и уютной обстановкой обшитых матрацами стен. У него есть кровать с периной и комплект постельного белья. Туалет и раковина. Больше ничего ему не предоставили по простой причине того, что теперь он «на карандаше» у заведующего отделением и, по совместительству, у своего лечащего врача.

Можно сказать, его заметили, наконец-то, и всё из-за сцепки с этой занудой-Луизой, которая так отчаянно сверлила его мозг, что он не выдержал и наорал на неё. В ответ девушка напала с кулаками, и, собственно, в соседней камере палате для одиночек теперь сидит и она. За что боролись...

Бледные стены напоминали кожу одной из пациенток – имя он не запомнил, – она страдала дистрофией. Всё её тело, покрытое тонким пушком, сияло молочным цветом, показывая степень её болезни. Ещё чуть-чуть, и она бы слилась со стенами, которые окружали сейчас Павла днём и ночью.

Время взаперти дало ему возможность подумать. Он часами сидел в одной позе в изголовье кровати и смотрел перед собой. Если бы его транслировали по ТВ, как реалити-шоу,

это была бы самая низкорейтинговая передача, и он постарался, чтобы это было действительно так – преодолевая боль в шее и желание покурить, он упорно отсиживал свой срок. Двое суток.

Неспособность выговориться приносила на данный момент наибольший дискомфорт. Просто обсудить, чтобы понять, как ему следовало поступить. Потому что реальность ощущалась, как какой-то непродуманный разработчиками тупик, в котором ему никто не может объяснить значение элементарных вещей. Все только лгут, глядя в глаза, а это, сами знаете, не очень радует и отбивает желание доверять.

Ему нужно быть максимально бдительным, чтобы не выходить из образа. Потому что план, не успев созреть, уже вышел из-под контроля. Вторая неделя, а его уже попытались приструнить этим заточением, заперев наедине с самим собой. Исправительная изоляция действовала на него соответствующим образом, воскрешая в памяти все события, захороненные под покрывалом стыда. В любое другое время вспоминать их не было бы ни капли желания, но здесь минуты тянулись часами, и вспомнить он успел всё.

Если спросите его о самом примечательном событии, перевернувшем его жизнь, то Паша без сомнений ответил бы, что это его первый арест.

Сразу стоило пояснить: он не виноват. Кто-то, кто оказался излишне скрупулёзным, или тот, кто не вовремя встал на его пути, – виноваты. Он – нет.

Он помнил это, хотя прошло, пожалуй, лет восемь. Легкий стыд и непонимание всё ещё не давали ему отпустить это воспоминание и забыть, как он делал бы это с другими проблемами в жизни. Этот случай в биографии задел его за живое.

Дело было в жарком июне. Его погнали с первой официальной работы из-за скандала с высокопоставленным клиентом и пригрозили, что с их рекомендациями его примут только в ассенизаторскую контору, где ему и место до конца века. Говорили они это не так завуалировано, кстати, но смысл понятен. И после увольнения Павлу приходилось тяжело. Он пробовал устроиться на смежные должности в дочерних компаниях, чтобы не терять стаж, но его гнали ссаными тряпками. Он позанимал деньги у всех, у кого мог, но наладить жизнь и устроиться на новую работу не получалось. Как будто все в городе внезапно узнали, что он необучаемый опездол, и теперь не хотели подписываться на это. Чёрная полоса для его карьеры и кошелька.

Он не работал уже сколько, месяца три? Последние деньги ушли на ежемесячную плату за ещё тогда съемную квартиру, и в какой-то момент он начал голодать. «Неужели это и есть взрослая жизнь, которую так нахваливали сверстники?», – думал он с истеричной усмешкой, попивая чай из за-

варенного по третьему разу пакетика. Неприятное чувство в желудке сопровождало его днём и ночью. На шестой день он подумал, что привык, как бы странно это ни звучало. Люди голодают и по месяцу, когда сидят на бесчеловечных диетах, так почему временное отсутствие пищи должно его коробить? Он справится. Когда его особенно сильно клонило в сон, он спал. Снилось ему только еда, к слову. Когда пропало настроение, и его настигла апатия, он смирился. Но он справится, думал Паша, просматривая очередное объявление о работе. Однако не тут-то было. На воде и старых сухарях далеко не уедешь. По пути на внеочередное собеседование он чудом не упал в обморок, и тогда-то он осознал плачевность своего положения. Нет, он не вывезет это, если что-то не сделает. И он решился на отчаянный поступок.

Мозг работал исключительно на солнечной энергии, поэтому нечего удивляться. Павел буднично оделся, закрыл квартиру и целенаправленно пошёл в супермаркет – дальний от его дома, где он почти не бывал. По дороге он ещё сомневался; давал себе обещание, что может отступить в любой момент; отговаривал себя и вновь подстрекал, как достойным потомком Раскольникова. Но всё изменилось, когда он зашёл в самую обитель порочной еды.

Он потел и учащённо дышал. Корзинка неощутимо болталась в его руке, задевая полки и углы. Какие-то товары падали позади Паши, но он слишком волновался, чтобы заметить их. Люди вокруг не заботились о нём, занятые своими

покупками, но что-то подсказывало Паше, что его спину уже прожигал взгляд охранника. Здоровенный мужик на входе старше на несколько лет стоял в фирменной зелёной жилетке. В руках он сжимал рацию.

Павел поспешно проходил мимо полок. Между лопаток горело неприятным предчувствием опасности. Рационально! Выбирать с умом! Ему нужна гречка, наверное, или что-то вроде лапши-спагетти. Что легко засунуть под толстовку и сойти за толстяка.

Сильные потуги в желудке заставляли обливаться слюной при появлении в поле зрения едко пахнувшей выпечки. Нет, это не выход, это того не стоит, думал он, отворачиваясь от полки с тёплыми булочками.

И прямо носом упёрся в другой стеллаж.

Будьте прокляты, гамбургеры, чей запах заставил Павла потерять разум!

Он неосознанно схватил бумажный пакет и засунул в него три гамбургера, упакованных в пластиковую коробочку, отчего даже выронил пустую корзинку.

Гребанные его руки, это было слишком палевно!

Паша оглянулся и поймал взгляд охранника, обращённый прямо на него. Глаза в глаза.

Он бросился бежать. К груди прижимая заветный пакет с едой, он оббегал один стеллаж за другим, врезаясь в покупателей, как торпеда, на полном ходу. Охранник побежал тоже, но Павлу удалось виртуозно проскочить и не попасться

ему в руки.

В висках долбил набатом собственный голос: «Чёрт-чёрт-чёрт!».

Здоровяк преследовал. Павел бежал. Сучий супермаркет был во много раз больше обычного киоска, где можно сдуру спереть пару пирожных и продавщица даже не попытается воспрепятствовать. А здесь за ним до сих пор гнался охранник, как голодный лев за антилопой. Но в их случае, антилопа оказалась намного голоднее и изворотливее.

На обдумывание схемы движения у парня было меньше секунды, поэтому не стоит полагаться на его навыки планирования и реструктуризации! Он голодный двадцатичетырёхлетний мальчишка, отчаявшийся до кражи еды. На его стороне были гормоны, адреналин и страх в чистом его виде. Он сшибал продукты с полок, толкал людей, прямо в стеллажи. Ему удалось оторваться, и теперь всё, что отделяло его от прямой сплошной до дома, – это автоматическая дверь супермаркета.

Последние силы были брошены на преодоление преграды. Вот только он с таким запредельным упорством отрывался от охранника позади, что не заметил второго.

Тот, крепко сложенный, но худощавый, как бамбук, в последний момент встрял между стеклянными створками и Павлом. Паша даже понять не успел, что его остановило, как тут же оказался сбитым с ног. Больно упав на плиточный пол, он так и не выпустил драгоценный пакет из рук, придавив

его своим телом. Сверху его атаковал тот охранник, а следом накрыл и второй.

Чтобы его осудить, окажитесь на его месте и решите эту проблему как-то по-другому. Вперёд. Он подождёт.

Сидя в полицейской машине, он думал только о том, что теперь он преступник.

Как это могло произойти? Почему он попался? Он крал и раньше, не из нужды, а по молодой глупости, но такого ни разу не было! Ни разу! Он вытаскивал из магазинов целые корзины продуктов. Как он мог попасться на грёбанных бургерах?! Как будто кто-то ударил его в локти, подтолкнул его руки к этим бутербродам, чтобы подставить...

Может, за этим стоит кто-то ещё? Кто-то более могущественный, чем он, кто может дергать за ниточки. Кто-то, кто ставил ему подножки скрытно, но не менее изящно...

Паша думал и анализировал. Прокручивал в голове свои действия. Было стыдно, но не за кражу, а за свою глупость. Неосмотрительность. В отделении полиции на него смотрели с легкой ухмылкой. Ну да, конечно, им в жизни не пришла бы такая идея, они бы не опустились до магазинной кражи, они – молодцы, а Паша – дурак. А чего с дурака возьмёшь? Посадить его на пятнадцать суток и вклеить штраф. Так они мыслили и, не скрывая, перешушукивались при нём же.

«Унизительно», – в который раз повторял себе парень и не отводил от них злой взгляд. Когда ему в общих чертах объяснили дальнейший ход дела, он подумал, что хуже, чем

это, в жизни ничего уже не может произойти.

А потом, менее чем через пятнадцать суток, его отпустили за хорошее поведение. Да и шутка уже о «голодающем Поволжье» никого не смешила, а кормить его и выделять свободную койку – только в убыток. Штраф всё же выписали.

За это время Паша немного ближе познакомился со своими надзирателями и привык к ним. С одним из них они даже обменялись телефонами, потому что Павел занял у него денег на первое время, но не об этом речь.

По выходе Паша уже с твёрдой решимостью пошёл разбираться со своим дерьмом, чтобы больше не попадать в такую ситуацию.

Чёрная, во всех смыслах, полоса в его жизни, оставила мораль: как только ты попытаешься дерзить, судьба вернёт тебе это в троекратном объёме в виде мощного подзатыльника. А если ты подумал, что можешь оседлать судьбу, то тебя тут же выбросят из седла.

Мораль ещё одна: благодаря тому, что он насильно был выпнут на путь исправления, он стал на шаг ближе к истине, которая открыла ему глаза на мироустройство и Систему.

Он мог сидеть и дольше. Вариться в собственных сожалениях и сомнениях. Но по истечении сорока восьми часов медбрат постучал, заставив Павла проснуться от погружения

в прошлое. Что ж, если они думали, что ему не хватит упорства высидеть и он станет мягче, покладистее, то они ошибались. Он всё ещё неуклоним от своей цели.

Его незабвенную подружку выпустили только на следующие сутки. Павел увидел её в общей гостиной, пока был занят тем, что развлекал себя всеми возможными способами. Она заторможено ввалилась в общий зал и приглядела незанятый диванчик. Прошла мимо парня и даже не посмотрела, словно не узнав обидчика. Вид был взъерошенный, напоминающая невыспавшегося подростка после сумасшедшей ночи. Плохая координация выдавала в ней пару успокоительных таблеток. Видать, девчонку не так легко было утихомирить. Заострять внимание долго не хотелось, тем более после того, как первые сутки он действительно думал только о ней и об их короткой стычке. Искал подводные камни, потому что делать больше-то нечего в заточении. А теперь у него отлегло, да и есть занятие поинтереснее. Пусть идёт к чёрту. Это не важно теперь.

Изрядно потрудившись, он наконец смог скомковать смоченный хлебный мякиш, чтобы затем использовать его, как сырьё для лепки. Ключа из него всё равно бы не получилось. Можно, конечно, нашинковать этим месивом замочную скважину двери, чтобы задержать людей, которые попытаются пройти через неё, но пока практической необходимости в этом не было. Павел отложил первый комок в сторону, принимаясь за следующий кусочек. Курить хотелось

нестерпимо. Хлеб под пальцами напоминал теплый галлий – металл, плавящийся в руке при температуре человеческого тела. Он бесполезен в строительстве, но зато широко используется в создании зеркал и термометров. Павел когда-то был хорош в этих всех металлах, а теперь он в психиатрической больнице. Лепит фигурки из хлебного мякиша. Ходит на групповую терапию. Вокруг него умалишенные, и он – один из них. Поздравьте его!

Как он должен справляться? Хорошо, что человеческая жизнь – это не навсегда. Через несколько дней всё, наверняка, наладится. Только бы дотерпеть. Никому нельзя давать знать, что его чемоданчики всегда собраны и стоят у порога.

Он продолжал делать заинтересованное лицо, разминая хлебные колбасы в один подвижной состав, и раскладывал по столу. Весь его вид был сосредоточен и как бы говорил, что он невероятно занят и лучше к нему с бесполезными разговорами не подсаживаться.

Часть 3. Психоз

Взгляд медбрата прожигал спину, но как только Паша оборачивался, парень смотрел спокойно и будто не на него. Смешно от этих догонялок, с одной стороны. А с другой, он даже побриться нормально не может. Бритву по понятным причинам не дают, а электрической машинкой гладкости не добьешься. Поэтому либо ходи с брутальной небритостью, либо проси, чтобы санитары сами побрили тебя, контролируя каждое движение, а на такое Паша соглашаться не намерен. Можно, конечно, ходить как жуткий дед, что оброс бородой до грудины: каждый день он выкидывал новые фокусы на «радость» медперсоналу, и здесь это вроде как в порядке вещей. Но это не путь Павла. Он старался обходить эту сторону жизни и совсем уж не уподобляться.

Закончив с процедурами, он имел несколько часов, свободных от занятий. Хобби он так и не обзавелся, а привезти сюда свои книги или ноутбук ему не дали. Даже телефон попросили на время сдать. Но это только пока он новенький и неадаптированный.

Довольствоваться Паша мог тем, что имелось.

Христианские журналы были на каждом столике, а хорошую литературу тут днём с огнём не сыщешь. Как и спичек. Как и сигарет. Настольные игры, к несчастью, предполагали компанию. По телевизору шли программы с канала «Культу-

ра». Из-за всего этого безобразия царило почти кладбищенское спокойствие. Никого не провоцировали ни цвета занавесок, ни громкие звуки за окном, только порядком поднадоевшая скука.

Он поплёлся к окну. Со второго этажа была прекрасно видно, как миролюбиво играли там на свежем воздухе те, кому было это разрешено. Паша в свою очередь уже вышел из одиночки, но доктор ещё не дал зелёный свет на прогулки.

На заднем дворе было некое место для трудотерапии. Пациенты могли сажать цветы в массивные клумбы. Хоть засади всю полянку, не важно. Никто за этими клумбами не следит, кроме самих пациентов. Там весьма красивые цветы кстати. Одна из пациенток, кажется, самая старая женщина на памяти Павла, Зоя Кирилловна, прикладывала все свои силы, чтобы трясущимися кистями посадить хоть одну ромашку с краю. Она опиралась на ходунки, с седой ухоженной причёской и ростом полтора метра была похожа на возрастную Розу из Титаника. Просто наблюдение.

Можно было ничего не делать, как та же Мать-Природа: она снимала обувь и гуляла босиком по травке, напитываясь июньским солнцем. Странно, что она не верещали от того, что своими ногами давила незримую живность.

Свежий воздух исцелял. По крайней мере её.

Он точно ползет на стену, если придётся задержаться здесь надолго.

Была и неожиданно приятная часть в пребывании здесь. Среди десятков разных мировоззрений встречались настолько гениальные, о которых не задумывались даже отцы-прародители Философии.

На одной из групповых терапий речь зашла о «внутренних переживаниях», и Павел в самом деле начал немного *переживать*, когда услышал слова одного из пациентов:

– Если когда-нибудь Вы... Вы все! Захотите испытать высшую степень шока... И понять, что в мире всё тлен, а жизнь скучна и обыденна... – уверенным тоном начал он, а остальные затаили дыхание, – посмотрите полный разбор сюжета «Death Stranding»... Или игрофильм... Желательно перед этим посмотреть «Евангелион»... И пустить хмурого по вене...

– Кого пустить? – уточнила доктор Инга.

– Хмурого! Наркотик такой. Не при Вас будет сказано, но эффект такой, что крыша улетает напрочь. А без него у Вас не получится осознать масштаба того сюрра, в котором мы живём...

– Спасибо, Денис, – проговорила доктор, настрачивая что-то в своём планшете. Она собиралась перевести тему, потому что игр этих не знала и знать не хотела. В отличие от Павла.

– Постой, можешь на пальцах объяснить, что в них такого

особенного? Что тебя задело за живое? – говорил, а возможно, и проявлял хоть какую-то активность впервые за долгое время Павел.

Денис с радостью переключился на парня:

– Это мир, который вроде бы жив, но вроде мёртв. Это игра с очевидной целью, но неизвестно: это символизм или действительно цель героя. Это мир, в котором никого не удивляет телепатическая связь сестёр-близняшек, а духи населяют весь мир. Это игра, где для поисков призраков используют недоношенных детей, а женщина, чей ребёнок погиб ещё в утробе, была связана с его духом пуповиной. Это мир, где сны – это не сны, а реальность; а реальность не является таковой, поскольку всё относительно. В этом мире ты будешь путешествовать во времени, но так ли это?..

Повисло молчание. Павел ожидал совсем не этого. Искал камень, а нашёл алмаз собачье дерьмо. С ним такое бывает.

Немного с досадой под конец он понял, что здравая мысль парня и вовсе сорвалась с крючка, и Паша остался только с рекомендацией игры на будущее.

– Я бы с удовольствием поиграл с тобой в неё, – на всякий случай произнёс он и попросил кивком их доктора-стажёра продолжать.

Сессия только началась, а он уже чувствовал себя уставшим. Инга тоже была не в духе. Привычные сеансы терапии перед ужином давались нелегко, если перед этим ты всю ночь следил за шизофреническими выходками пациен-

та, чьего имени Паша не знал, но слышал, как тот размазывал фекалии по палате.

В такие моменты Павлу хотелось просто отключить разум, чтобы время ускорило свой ход и романтика психиатрической больницы оставалась эстетически пригодной. Если в истории его сумасшествия фигурирует дерьмо, сперма и другие выделения человеческого организма, то он предпочитал их игнорировать, чтобы через несколько лет вовсе забыть. В его коротком курорте в психушку не было фекалий, и всё.

Однако, для Инги это обычный вторник. Разве что она спокойнее обычного, движения её плавнее и капельку грациознее. Меньше самоконтроля из-за усталости.

– Тогда, если больше никто не хочет высказаться, – она выждала монументальную паузу, – то предлагаю вам пройти опросник.

Из-за спины доктора появились кипа аккуратных листовок размером с альбомный лист и фломастеры.

– Это тест Бузина. Он выявляет Ваш умственный возраст.

– Прошу прощения? – переспросил Макс. Его лицо искажилось от заинтересованности.

– Мы посмотрим, в каком возрасте ваш мозг по меркам общепринятого среднестатистического человека.

– И что вам дадут эти результаты? – все-таки спросил Паша с подозрением. Зачем им знать о внутреннем возрасте его или их всех. В плане лечения едва ли это окажет им помощь. Если только с помощью этого теста они не собираются рас-

кусить обман Павла...

– Они дадут мне понимание не только уровня вашего ума, но и эмоционального возраста. Вашу преємственность психотерапии, которую можно будет в дальнейшем подкорректировать.

– Я и без теста могу сказать, что мой биологический возраст соответствует умственному, можно мне его не проходить? – заявила Луиза, и от звука её голоса Паша напрягся. Возможно, она до сих пор его капельку пугала.

– Твое мироощущение, безусловно, важно для результата. Вопросы лишь объективизируют итоги, – говорила Инга мягко и вкрадчиво.

– Можно отказаться? – спросил Павел. Он имел способность предчувствовать неприятности даже в непримечательных вещах. Глаз наметан.

– Либо здесь, либо на индивидуальном занятии с вашим доктором. А там, как ты помнишь, отказаться ни от чего нельзя, и тест вы будете проходить вслух, обсуждая каждый вопрос и его значение...

– Ладно-ладно. Понял. – Он поднял руки, сдаваясь. – Давайте.

Доктор вытащила из мультфоры несколько тестов и встала, чтобы каждому отдать лично. Видимо, неспроста они сегодня рассажены по партам. Доктор, как учитель, прошлась между рядов, попросила торчка-Дениса убрать ноги со стола, раздала фломастеры и села напротив – за учительский стол.

Такая манера напомнила Павлу собрание на бывшей работе в отделе товарооборота, где они раз в неделю собирались и отчитывались о количестве сделанного продукта, получали новые распоряжения и проводили разбор полетов, по необходимости.

А теперь перед Павлом лежала анкета, состоящая из сорока вопросов. Пробежавшись по первой странице, Паша понял, что тест в прямом смысле на интеллект.

Он услышал голосок в своей голове, предупреждающий, что Паша должен скрыть настоящий результат, а потому выбирать ответы *с умом*. Голосок не подводил пока.

Первый вопрос был слишком прост: «Посредством чего человеческий мозг “коммуницирует” с остальным организмом?»

«Артерии», «Капилляры», «Мышцы», «Нервы».

Паша задумался, насколько он должен быть осведомлён? Если бы даже он не помнил школьную программу, то по логике смог бы догадаться.

Он обвёл «Нервы».

Следующий вопрос был об инсулине. По какой-то причине, Паша помнил, что инсулин вырабатывает поджелудочная железа, но намеренно выбрал «надпочечники».

Остальные вопросы были из курса географии, и с ними возникли проблемы:

«Сколько стран в мире?»

Он выбрал наиболее понравившееся число. «258». Тут он

честно не знал. Вопросы вырваны из разных разделов школьной программы. Его слабости – География и История – попадались часто, отчего его настигло почти забытое чувство собственной тупости, которое сопровождало его в юности. Интересно, что произошло с ним позже, отчего он позабыл об этом? Вряд ли возраст играл роль, но что-то же заставило его поверить в собственные силы и навыки. Уже и не вспомнить.

А вот и Литература.

«Первый в мире роман, который был напечатан на печатной машинке, а не написан от руки?»

«Великий Гэтсби», «Приключение Тома Сойера», «Ярмарка тщеславия», «Унесенные ветром».

Однозначно, «Том Сойер».

Кулинария и Зоология. Эти ответы он знал, благодаря просмотрам «National Geographic».

Древнегреческая мифология. Периодическая таблица Менделеева.

Он отвечал быстро и с интересом, уже самостоятельно решив, какого результата должен добиться. Если он ответит на все вопросы правильно, будет подозрительно, и необходимость его нахождения здесь может оказаться под вопросом. Нельзя, чтобы они поняли, что он «в своём уме» раньше времени.

Такими темпами он быстро добрался до конца, пока не дошёл до этого вопроса:

«Какова плотность чугуна?».

Он разбирался в этом вопросе лучше остальных. Если разбудить его среди ночи, он ответит: «Плотность чугуна 6800 кг/м^3 . Ковкая разновидность этого металла увеличит плотность до 7000 кг/м^3 , а высокопрочный сорт чугуна имеет плотность 7200 кг/м^3 ». Он знал, потому что выставлял на электрическом табло печи на заводе эти значения годами напролёт. Одни и те же.

И теперь в вариантах ответов не находил правильного.

Он поднял взгляд на Ингу, гадая, что за игры она ведёт. Она не может знать о его прошлых работах, о его специальностях и всяком другом. В день поступления сюда он заполнял информированное согласие и, наврал врачу приёмного отделения с три короба в личной беседе, а потом заполнял большую анкету о своей жизни, положении, семье, работе, где также насочинял по всем пунктам... А эти вопросы теперь – они неслучайны! Они составлены специально для него...

Они все уже в курсе, кто он и что намерен сделать...

Павел подскочил с места. В молчании, наполненном пыхтением других пациентов, он демонстративно порвал тест на маленькие кусочки и разбросал их вокруг.

Он не даст им того, чего они хотят!

Сидящие вокруг него отшатнулись, когда на них посыпались конфетти из бумажек. Сестра Рэтчед смотрела на него,

не моргая.

– Да пошла ты! – процедил он сквозь зубы. Парень пробрался между пациентами и унесся в направлении своей палаты.

– Паш! – голос за спиной. Он принадлежал Луизе. С чего бы ей его звать?

Он зашёл в палату с отсутствующими дверями и стал ходить кругами. Его волновало, что делать дальше. Есть ли смысл теперь скрываться, строить из себя идиота и лепить куличики из хлеба, чтобы не выбиваться из общего контингента. Какую тактику выбрать?

Тест был неслучаен, это факт. Вопросы, которые знает пятиклассник, не рассказали бы ничего об умственном возрасте пациентов. На самом тесте не было даже сноски для подсчёта баллов и разъяснение промежуточных результатов.

Он думал, что водит их за нос, но за нос водили как раз его... Премерзкое чувство загнанности.

Ближе к ночи Павел нашёл себя, сидящим на кровати. Он глядел в окно, и кривое отражение, размытое каплями летнего дождя, наводило на него тоску своим безмолвием. Он так и не вышел больше оттуда, и никто не приходил, чтобы навешать ему новой лапши на уши, кроме медсестры, занёсшей вечернюю порцию таблеток. Ожидание давило. Что де-

лать дальше – не понятно. Павел решил, что будет продолжать хитрить и не признается первым. Он не сдастся, ведь этого они и ждут. Нет уж. Игра продолжается.

Он уже лгал своему доктору, своим новым знакомым. И если первое время он отводил взгляд, сдерживая неприятные спазмы в горле, то со временем стало легче искажать действительность.

Проворная доктор, эта сестра Рэтчед, проницательнее других, надо заметить. Вернее, Павел так начал думать теперь. Он смотрел ей прямо в глаза всякий раз, когда говорил очередную чушь о своей «депрессии», и вездесущей взор её понимал то, что заложено между строк. Там было понимание, которого Павел не видел ещё ни у кого. Нужно собраться и начать думать. Даже если он будет неподвижно сидеть и пялиться в окно, он не должен терять бдительность.

Значит ли это, что доктор-стажёр Инга больше других задействована в Системе и стоит выше главных врачей? Возможно. Значит, рано или поздно она тоже мобилизуется и подкинет ему свинью, дабы приручить или припугнуть.

«Её нужно устранить», – подумал Паша, и это была последняя мысль перед тем, как он уснул.

Часть 4. Интеллект

Суббота. С новым днём к нему подошла медсестра, которая подрабатывала только по выходным, попросила принять таблетки и сообщила, что лечащий врач хотел бы побеседовать с ним. Значит, доктора Инги сегодня не будет. Хорошо.

Паша оглядел новую девушку. Исходя из его личных убеждений, она была невинным цветком и не причастна ко всеобщему заговору, значит, корить её не за что. Приходящий работник. Ведь в Системе тоже бывают выходные и праздники. Но теперь он думал, что мог и ошибаться. Всё не то, чем кажется, и ему по-прежнему никому нельзя доверять. Он покорно проглотил капсулы, чтобы она ушла. Затем собрал свои конечности с белой постели, глянул на соседнюю кровать – там спал пациент-однодневка. К Павлу подсеяли кого попроще, кого достаточно откапать, снять симптомы ломки и можно отправить на волю. Поэтому Паша перестал даже с ними знакомиться. Видимо, того, кто скрыт одеялом и немного подрагивал, привезли ночью и в бессознательном положении положили к нему. Ну да, больше же некуда. Спасибо за подарок, сестра Рэтчед.

Главное теперь держать марку перед врачом. Сеанс назначен сразу после завтрака, и у парня есть время, чтобы прийти в себя. Его доктор, по сути, хороший человек. Павлу повезло с ним. Тот относился к Паше лояльно и вел себя подо-

бающе профессионалу. Просто золотой набор добродетелей, а не человек. Доктор Крашник. Он работал с пациентами полжизни и знал своё дело. Павел, конечно, что-то приврал ему насчёт прошлого, что-то пришлось приплести из личной биографии: например, неудачную попытку завести отношения и дальнейшие страдания юного Вертера. Да, с кем не бывает. И он призвал всю свою зыбкую харизму, чтобы доктор Крашник, этот вечно занятой дядька, не просто не скучал с ним, как с обычными пациентами, а, возможно даже заинтересовался его случаем. Может, это была и ошибка, но Павлу с самого начала чем-то приглянулся этот психиатр. И шутил он не так пресно.

Паша читал о выбранных для себя диагнозах, чтобы соответствовать поведением. «Депрессия» и «навязчивое влечение к женским ступням». Они накладывали незаметный отпечаток на человеческую жизнь, и потому лечение этих заболеваний можно считать равносильно лечению опухолей.

Лирическое отступление: ни того, ни другого он не имел. Но вполне мог вжиться в свою роль.

Он на самом деле много чего мог бы. Даже притворился бы, что Системы нет и что он просто параноик, каких свет не видывал. Но было одно «но»: он имел в себе то самое рациональное зерно. Всегда имел. Теперь это зерно проросло в нечто могущественное в нём – в умение понимать тонкости и хрупкость мира, понимать собственную ведомость. И теперь, ради шанса уничтожить ведомость Павел обязан был

пойти на этот шаг – лечь в больницу. Ему нужны ответы, и только так он сможет их получить.

Доктор в эти его планы не входил, но Павел не против общаться с этим специалистом, потому что зачастую тот тоже говорил занимательные вещи и бесил его меньше остальных.

Завтрак прошёл без эксцессов. Каша была в меру горячей и пресной, чем не вызывала никаких чувств, кроме равнодушия. Так что с вполне расслабленной физиономией Павел направился к кабинету врача.

Ему повезло, что дежурил сегодня именно доктор Крашник. Ни с кем другим парень не нашел бы общий язык. Он только пришел на смену и, уже получив отчёт от ночного дежуранта, был готов принять Павла. Тут можно даже не гадать: его зовут обсудить случившееся.

Паша постучал костяшками по двери и выждал паузу, прежде чем войти. В кабинете было теплее, чем в общем зале. Тонкий луч света заливал золотом аккуратно рассортированные бумаги на столе врача и телефон-селектор. Сотового телефона Павел давно ни у кого не видел в стенах этой больницы: кто имел – скрывал. Врачи и медсестры в свою очередь надёжно прятали свои в кабинки. Паша искал этому объяснение, но ни к чему так и не пришёл. Разве что эту нужду диктует то, что телефон – трубка Дьявола.

Доктор уже ждал его. Парень заметил в руках врача медицинскую карту, куда после каждой беседы специалиста, с которыми он общался тет-а-тет, заносили свои наблюдения.

Доктор Крашник был тяжелее своей необходимости, но не толстяком, седина струилась по его вискам, спускаясь к шее. Он напоминал зачерствевшего в боях с пациентами дядьку, который теперь только и рад посидеть *покропотливее* над делами пациентов, что *поспокойнее*.

Доктор поправил оправу очков.

– Доброе утро, Павел, – произнёс он и с уверенностью протянул руку для рукопожатия. Павел тут же ответил:

– Доброе.

– Присаживайся.

Паша со всей грацией плюхнулся на жесткий диванчик, решив, что ему стоит начать объясняться первым.

– Как твоё самочувствие? – опередил его врач.

– Сегодня уже лучше. Спал как убитый. Вчера я немного расстроился на групповом сеансе.

– Подробнее, пожалуйста, – попросил он, – и ты же знаешь, для меня куда важнее не *как* всё произошло, а *почему* это произошло.

Паша удивленно посмотрел на мужчину, что был старше него на целую жизнь. От его искреннего безразличия захотелось говорить:

– Не знаю даже, весь день наперекосяк шёл. Меня только выпустили из волшебной комнаты, а я всякого успел себе там понадумать. Ну, что это моя вина. Что это я неправ, – на секунду парень прервался, ибо это были не те слова, что он готовил первоначально. Эти мысли были не придуманные, а

настоящие, его собственные, и слова сами рвались наружу.

– Мне это знакомо, – пожал плечами доктор и улыбнулся: – я в такие моменты побыстрее ложусь спать, пока совсем не расклеюсь.

Чёрт.

Знаете, эту банальное чувство, когда чувствуешь себя не очень и хочется найти понимание в глазах других, а не только плохо скрытое осуждение и желание дать совет. Хочется найти хоть мизерный отклик даже в незнакомце и тут же выложить душу. Паша чувствовал сейчас эту свою уязвимость и осознавал, как он скучает по обычному общению и той отдаче, что можно получить из разговора.

Как же ему не хватало друга.

– Правы мы или нет, покажет только время, – Доктор Крашник решил заполнить образовавшуюся пустоту собой. – Под чувством вины заложены по большей части наши прошлые сожаления. Мы помним наши ошибки. И мы не хотим повторения, потому чувствуем вину даже тогда, когда ничего плохого не произошло. Что-то ещё было в изоляторе, что тебя потревожило?

– Я... – в носу защипало, но Паша прочистил горло и продолжил: – Я хочу верить в то, что я следую правильной дорогой по жизни. Но те дни заперти сделали из меня селедку, и я мариновался в собственных воспоминаниях и сомнениях. Проблема в том, что иногда я как будто просыпаюсь, смотрю вокруг трезвыми глазами... Я словно удивляюсь своему

безумству. Ну... Вы понимаете, о чём я. И когда я *что-то* опять замечаю, тогда надежда рушится... мне становится физически нестерпимо находиться в собственном теле.

– И что ты делаешь в такие моменты?

– Обычно шёл курить. Сейчас ничего. Лежу и думаю об этом, пока не усну. А во сне эти вопросы наслаиваются и превращают моё сознание в личный бал Сатаны. Это заставляет задуматься, не обычный ли я псих с завышенным эго?

– Но вчера ты не выдержал, – деликатно направил доктор их беседу в нужное русло, пока Паша не развил тему со снами.

– Кажется, я порвал тест, потому что он мне показался абсурдным, и выругался на доктора Ингу... – Паша изобразил стыд, как это делают шаловливые дети, скривив подбородок и выпучив нижнюю губу. Психопаты, лишённые совести, так же кривляются, когда им зачитывают список их прегрешений – Паша видел в документальных фильмах. – Блин. Звучит не круто, я знаю. Но в тот момент это было словно наитие.

Доктор понимающе кивнул. Кажется, картина из слов парня привела его к какому-то умозаключению.

– Как ты думаешь, какое у тебя IQ? – задумчиво спросил он, снисходительно осматривая Павла. Последний занервничал.

– Я не уверен. В принципе, я слушал, что рассказывали в школе. Какую-то информацию я помню.

– Тот тест, который вы проходили на групповой терапии, не имеет ни малейшего отношения к твоим умственным способностям. Его цель была немного другая. Тест на психику – слышал про такие? По сути, это обычные тесты, которые дети могут проходить на уроках. Ни у кого не возникает с ними проблем, когда тесты проходят в «здоровом» мире. Но если дать «нормальный» тест психически нездоровому человеку, это вызовет у него резонанс. При медосмотрах ограничиваются простыми вопросами: «как вы относитесь с апельсину?» или «чем отличается соль от сахара?» и т.д.

Паша внимательно слушал, только сейчас осознав, как неосознанно сам провалил тест «на нормальность».

– Но тем не менее, мы сейчас не для этого здесь, – вкрадчиво продолжил специалист, – я спрашиваю о твоих аналитических способностях, умственном возрасте, логическом и пространственном мышлении, умении сопоставить данные и создать цепочку сложных выводов. Вот что такое IQ.

Паша молчал, потому что прекрасно помнил такое. В институте они углубленно занимались по «Психологии». И потому отвечать не спешил.

– Хотел бы ты пройти один из таких тестов, – настаивал психиатр, – чтобы я мог дать оценку твоим действиям и помочь тебе в том тупике, который привёл тебя сюда?

Паша думал достаточно долго, по его определению, но так и не решался. Перед ним специалист. Настоящий. Не преподаватель института, который разбередит прошлые раны и по

окончании курса бросит, поставив оценку в зачетку. Когда ещё будет такая возможность объяснить самому себе значение тех цифр?

Паша помнил как это было в студенчестве. Они, конечно, проходили многие тесты, но тест на IQ – страшнейший из вещей. Результат тогда его напугал. Его не взялась объяснять даже препод по «Психологии», и ему самому пришлось искать толкование в интернете. Преподавала у них женщина, которая раньше работала в комиссии военкомата – давала заключение об отсутствии у призывников наклонностей, которые помешают им отдавать долг Родине (когда эти невинные подростки успели задолжать, не уточнялось). В общем, предмет её деятельности был серьёзным, а допущенная ошибка стоила жизни. Эту женщину побаивались. Нет, она не выглядела угрожающе, не сидела за столом с указкой, отбивая им ритмы армейских песен. Она была в меру улыбчивой и понимающей. Так все думали, пока к концу курса она не задала каждому написать зачётную работу. И темы она распределила индивидуально. Так Павлу попалось следующее: «Хроническое одиночество и способы борьбы с ним». До этого момента Паша и не задумывался, что его обособленное поведение в обществе является такой уж большой проблемой. Другим повезло меньше. Девушке, которую негласно считали нимфоманкой и чутка завидовали, выпало: «Сексуальные девиации: способы проекции детских травм на будущих партнёров». Было такое чувство, что преподаватель мастер-

ски подстебнула её сексуальную распушенность, но нет – через несколько дней однокурсница призналась, что писала эту работу в слезах.

Парню, потерявшему родителей, тоже досталось. Как и другому, грызущему ручки. Она виртуозно наградила каждого диагнозом, пока они наивно полагали, что ничего не видно. Как рентгеном просветила. Так всей группе стало известно, что среди них сидел гомосексуал, который яростно ненавидел свою природу. Его работа называлась: «Нетрадиционная сексуальная ориентация: история, способы лечения, психотерапия, шоковая терапия».

С той поры Павел побаивался психиатров и имел на это причины. Ну а теперь-то куда ему бежать? Он уже в смири-тельной рубашке. Так, может, дать шанс доктору Крашнику?

– Ну что там, док? – Паша высматривал через отражение в очках цифры на планшете врача. Они проходили тест Айзенка, расширенную версию, где в конце дополнительно показывается соотношение главенствующих областей мозга и результат более подробен.

– Ты проявил себя кинетиком, эмпатом с сильно развитым образным мышлением, это было и так понятно, – начал зачитывать мужчина, авторитетно пролистывая на ходу все ответы, чтобы перейти к заключению. Вопросов было пол-

сотни, и они сидели уже полтора часа. – У тебя есть потенциал, который ты скрываешь от нас. Удивительно.

– Хоть цифру назови, док, – почему-то зачастил с таким фамильярным обращением Павел. Энергетика была у психиатра такая, что казалось, будто они собрались в микромире и никаких других пациентов вокруг нет. Мнимая исключительность.

– Результат 168 говорит тебе о чём-нибудь?

Да.

– Нет. Это хорошо? Для человека моего возраста это нормально? – вопрошал Павел. Доктор всё меньше уделял внимания ему и всё больше – тесту.

– Это нормально. Об относительности оценки этого теста всё еще спорят, но я считаю, что какой бы ни был результат, он нормален для определенного человека. Не в моей привычке сравнивать людей и вешать ярлыки «здоровых» и «больных».

– Погодите, – не понял парень, – но это же как раз ваша работа – вешать ярлыки.

– Я хочу сказать тебе, мой мальчик... – от обращения стало теплее, – что все мы больны. Идеально здоровые и уравновешенные люди встречаются только в сказках. Да и то порой так и хочется наградить диагнозом какую-нибудь Белоснежку или Лунтика.

– Но...

– Человек – это сосуд, наполненный травмами прошло-

го, грёзами о будущем и плавающим настоящим. Прошлое наиболее сильно влияет на формирование как ребёнка, так и взрослого. Если не закрыть этот сосуд, туда рано или поздно нальют кучу дерьма.

– Я – сосуд? – удивился Паша. Экзистенциальность врача поражала.

– Сосуд, который закрыт настолько, что даже тесты не могут приоткрыть понятие о его содержимом.

– В смысле?

– В прямом. Показатели IQ высокие, это факт. Но картина мира искажена, и потому мне непонятно, как законы, действующие в твоём сознании, могут действовать и в реальном мире.

Кажется, Павел должен обидеться. Однако вопреки тому, что его только что назвали психом, он зацепился за другую часть предложения. Значит, если его психически нездоровые «законы» действуют наяву, то либо весь этот мир нездоров, либо парень откопал истину там, где её скрывали. И, что самое главное, он не сумасшедший!

– Ого, – выдохнул Паша. Осознание припекало где-то глубоко в душе.

– Это тебя шокирует? – спросил подозрительно терпеливо психиатр и отложил планшет.

– Мне нужно подумать, – уклонился Паша. Пальцы теребили нитку на диванчике. Он не помнил, в какой момент он положил руку и почувствовал короткий хвостик под пальца-

ми. Это странно. Настолько был занят тестом?

– Подумай. – Доктор отклонился на стуле, покопался в ящике стола и достал неизвестную литературу. Затем протянул парню. – А это можешь полистать, может, что-то понравится.

Книги в здешней библиотеке были только в качестве техники релаксации. И, очевидно, не тяжелые сюжеты, доводящие до истерики среди ночи, а что попроще. Сказки Чуковского или Пушкина. Ничего хватающего за душу. Паша взглянул на обложку и тут же спрятал под рубашку, словно такой подарок могли забрать.

– Спасибо.

Врач доверительно кивнул. Может Павлу и показалось, но взгляд доктора и это недоверие к нему, как к пациенту, больше отдавали заинтересованностью в новой загадке, чем желанием разоблачить. Или не показалось. Он «эмпат», видите ли, значит склонен понимать тайные мотивы людей.

– Док, – напоследок сказал Паша, потому что интуитивно беседа подошла к концу. – А какой диагноз вы мне поставили?

– Зачем тебе это? – уточнил психиатр.

– Ну... кто-то следит за чистотой своей кредитной истории, вовремя отдает долги и поддерживает имидж примерного кредитоплательщика. А я слежу за историей своей болезни... – пояснил Павел, куда более приободренный, чем за все предыдущие дни вместе взятые.

– Психопатии сложного генеза. Расстройство спектра в легкой форме.

– Оу...

– Я бы хотел поговорить с тобой повторно. Возможно, я неверно расставил приоритеты в вопросах твоего лечения, – закончил за них двоих доктор и для пущего утверждения встал, провожая пациента. – Теперь можешь идти.

Часть 5. Пути познания

Лечить свою болезнь не страшно. Страшно прожить всю жизнь, так и не узнав о своей болезни и думая, что это твоя изюминка. Тревожность. Мания по несколько раз проверять, закрыты ли двери, – не педантичность, а ОКР. Стремление доказать миру, что ваши плохие поступки не определяли вас, – не безответственность, а атрофированная совесть. Этих людей, по словам врача, намного больше, чем кажется. Каждый второй. Каждый первый. И разница между теми, кто заперт внутри, и теми, кто ходил снаружи, лишь в одном: куда они сбрасывают свой мусор – в мусоросборник или на голову другому человеку.

Интересно, как долго мучилась Мать-Природа, прежде чем оказалась в клинике? Она была странноватой в школе, её избегали сверстники, родители считали, что с возрастом пройдёт? А потом, конечно, ничего не прошло. Она так и осталась зависимым от природных явлений ребёнком, который не вписывается в мир, и была изгнана сюда. Так ведь обычно поступали с неудобными – обособляли, определяли вокруг них капсулу, как вокруг гнойника, и ждали, пока человек самотечно разорвётся, не запятнав окружающие ткани. Это место, с одной стороны, – сплошь карбункулы – гнойник на гнойнике; неудобные, собранные в одном месте, чтобы подчистить видимую часть города от психов. Хорошо, что

нынешнее время более гуманное, чем два столетия назад, и психов не расстреливали на улицах, как бродячих собак.

Чтобы не думать об этом слишком долго, потому что его настроение стало более нестабильным после того, как доктор заменил ему таблеточки, и он стал чаще расстраиваться и уходить в себя, Павел переключил внимание на всё ту же Мать-Природу. Когда-нибудь он запомнит её имя. Стоял равномерный гам, словно на рынке сельхозпродукции. Разговоры заполнили всю комнату отдыха, большинство из которых было монологами. К его удивлению, Луиза тоже была там, сидела поодаль чуть задумчиво и вроде бы поглядывала на него, словно бы решаясь подойти. Но эту мысль он сразу отбросил подальше. Даже в растянутой по-домашнему футболке и разбросанными по плечам волосами, он не знал, чего от неё ожидать. Какое-то предчувствие подсказывало держаться подальше.

К его удаче, среди девушки, снующих медсестёр, санитарок, и прочих пациентов, что занимались своими делами, была и Мать-Природа. Она забилась в угол и смотрела на шероховатость больничной стены, как будто это был морской пейзаж Айвазовского. Взгляд её был более-менее осознанным, заинтересованно следящим. Паша достаточно всё проанализировал, прежде чем оставить недоеденную пресную кашу и пойти в сторону сестрицы по несчастью, игнорируя зеленоглазую девушку в другом конце холла. Когда он подошёл, и тень его легла на лицо Матери-Природы, она обрати-

ла на него внимание.

– Я присяду? – спросил он.

– Только тихо, – пришикнула она.

Паша неуклюже приземлился на пол рядом с ней. Достаточно близко, чтобы её слышать, и достаточно далеко, чтобы не приносить дискомфорт им обоим. Подсознательно он уже сам попытался проникнуть в её голову и понять её подход. Взгляд его прошествовал той же дорогой до ближайшей стены, на которую таранилась девушка. Внешняя отделка напоминала покрытую сталактитами пещеру – выровненную, но на месте дыр оставались бугры краски. Кажется, это называется декоративной штукатуркой.

– Что показывают? – искренне задался он вопросом. Может, он последует её примеру завтра: просто усядется и будет смотреть один и тот же канал на рельефах стены. В его заинтересованности ведь нет никакой тайной подоплёки? Он надеялся, что не напугал девушку и не показался ей грубым. С новыми знакомыми всегда существует этот страх.

– Где? – повернулась девушка, оперев свои высохшие глазницы в парня. Несколько капилляров лопнули, и с такого расстояния Паша мог их все рассмотреть.

– А на что ты смотришь тут? – кивнул он в том же направлении.

– Тебе не увидеть, – заключила она. – Здесь проходит путь паука.

Паша прикинул в уме и смутно вспомнил только одно по-

нятие «пути паука», как и «пути пчелы», как и «пути муравья», но вряд ли Мать-Природа сейчас говорила о «путях познания» по Френсису Бекону.

Путь паука, по Бэкону, – получение знания из «чистого разума», то есть рациональным путем, взглянуть на проблему изнутри и понять её суть. Пауки «ткуют паутину мыслей из своего ума». Путь муравья – метод получения знаний на практическом опыте, сборе разрозненных фактов, доказательств; полная противоположность пауку. Путь пчелы – идеальный способ познания, – брать достоинства паука и муравья и избавляться от их недостатков – то есть, сбор данных, накопление опыта и посредством этого создание чего-то нового.

Павел обладал мышлением пчелы, поэтому предположил:

– По этой стене проходят пауки?

– Да.

– И ты их ждёшь?

– Обычно, стоит мне отойти, они тут же выползают и ищут выход наружу, но они заблудились, – произнесла она и указала на окошко. – Мне никак не удаётся дождаться их.

– Не думала... – Павел принял участие в её бреде, – что они боятся тебя? Как и других людей. И просто ждут, пока никого не будет, чтобы пойти по своим делам?

– Нет. Они не боятся, – зачем-то передразнила девушка и улыбнулась шальной улыбкой, переводя внимание к стене. – Я точно знаю, что страх им неведом. Они ждут момента, что-

бы напасть. Но я всего лишь хочу выпустить их на волю.

Павел еще раз перевел взгляд на закрытое решеткой и не открывающееся даже для проветривания окно, через которое видно задний дворик. Лучи солнца красиво пробирались сквозь занавески.

– Понятно.

На этом их разговор закончился. Паша ещё некоторое время посидел с ней, думая о своём, затем заскучал и вернулся к завтраку.

Как ни странно, событий здесь происходило меньше, чем в знаменитом романе Кизи. Рутинка успокаивала и затягивала, и будь у Паши пару лишних талонов на кислородные коктейльчики, он бы принял это место за санаторий. Каждый день у них групповые занятия. Если призадуматься, то можно прийти к выводу, что на таких занятиях действует правило: «по одной травме в день». То есть, доктор Инга знает обо всём послужном списке пациентов и классифицирует группы по схожим травмам и аддикциям. Сегодня слово у «неконтролируемой агрессии». Звездный час Макса, Дениса и пары других. Павел и не вслушивался, несмотря на то, что прицельный взгляд врача не отпускал его весь час. До мурашек. И пусть слезливый рассказ Макса вызывал в нём самом отторжение, а от шутливой манеры торчка-Дениса хо-

телось хмыкнуть и закатить глаза, он смиренно высидел весь срок. В нём достаточно человеческого такта, чтобы не перебивать других.

После терапии их кормили и изредка определяли счастливых, кому показан массаж или иглоукалывание. По желанию и при хорошей погоде, местные садовники-самоучки выходили к своим клумбам. Сегодня Павлу не повезло ни там, ни тут, и он отправился набивать брюхо по-армейски здоровой пищей. Невкусной, но питательной.

После еды положен отдых, и Паша уединился в собственной каюте, из которой уже выписали ночного пациента, и тревожно читал книгу, которую ему дал доктор Крашник. Следующий индивидуальный сеанс через три дня, и парень в душе надеялся, что, дочитав эту, он получит новую. Но опять же, его беспокоило, что это лишь мнимая исключительность.

Ближе к вечеру их ждал ещё один прием пищи. От него можно отказаться, чем Паша и пользовался, вырывая для себя лишний час. Такими темпами он провёл в палате весь день и почти забыл, что он вообще-то в больницу для психически больных не отдыхать пришёл.

Осознав это, Паша почувствовал вину и стыд. Да, стыд за то, что получает удовольствие.

Неприятное послевкусие сопровождало его до ночи, пока он окончательно не заснул.

Часть 6. Галлюцинации

«В её глазах раскинулась долина одиночества», – подумал меланхолично Паша, когда в один из дней к нему подседа Мать-Природа. Сама. Настроение у него было довольно разбитое. За окном ливень отбивал концерт AC/DC; пациенты, за исключением единиц, ходили унылые и погрязшие в своих переживаниях. Дождливая погода шла на пользу разве что *растениям*. Если Вы понимаете, о чём он.

Мать-Природа, возможно, тоже переживала какую-то свою трагедию, но Паша не спешил спрашивать, потому что был слишком занят едой и не хотел перебивать аппетит историей о членистоногих. Наконец, пустой взгляд девушки нашёл в парне отклик, и он отложил ложку, чтобы спросить:

– Что-то произошло?

Девушка не ответила. В голову пришла мысль вскрикнуть, чтобы вывести её из сопора хотя бы на пару секунд, но он этого не сделал. Потому что посмотрев вокруг, он не увидел причин сейчас нарушать и без того утопическую атмосферу.

Дождь – это, возможно, не о погоде, а о состоянии души.

С Матерью-Природой получилось кое-как поговорить, и как он и ожидал, проблема была в пауках. Они не желали

выходить, когда непогода разрывала небо на части. Потому и Наташе (он всё-таки тайно записал её имя на своей ладони фломастером, чтобы не забыть) было нечем заняться. В свою очередь Паша хотел бы предложить им посмотреть фильм или попить пиво. Мог бы одолжить ей телефон с бесполезными играми, отнимающими только время. Мог бы предложить приготовить пиццу и выпить кофе, чтобы отвлечь довольно молодую девушку от грусти, но не мог. Именно по таким моментам он скучал, когда понимал, что здесь его руки буквально связаны.

– А чем ты здесь ещё занимаешься, кроме охоты на пауков? – спросил он тогда. Он сам слонялся от скуки и с радостью послушал бы о дюжине не менее бесполезных дел, которыми занимали себя другие пациенты. Вместо ответа девушка увлеченно заглянула ему в глаза и сказала:

– Пойдем, покажу.

И увела его в свою каюту. Под всевидящим взглядом врача и остальных.

Когда на следующий день во время дневного сна к нему в пустой комнате отдыха подседа Луиза, Павла это почти шокировало. Но внешне он себя не выдал.

– Чего тебе? – обломал он все добрые мотивы несостоявшейся подруги. Он всё ещё помнил, как она накинулась на

него в пылу пустяшной ссоры, из-за чего их обоих посадили в одиночки.

– Да ничего. Подойти уже нельзя?

– Нет.

– Почему? – спокойно спросила Луиза.

– Потому что я опасный псих и хочу посидеть в одиночестве, – таким же будничным тоном проговорил Паша, продолжая раскрашивать детские картинки мокрыми кисточками. Удивительное изобретение – просто мочишь бумагу водой, а она сама покрывается цветными пятнами. Не очень разумное применение химическим элементам и знаниям об их свойствах, хотя что-то в этом есть.

– Не разбрасывайся здесь таким словами, – упрекнула его девушка почти на десять лет младше. Он фыркнул.

Будь у Паши право выбора, он бы уже закончил эту беседу, но у Луизы было другое мнение, и молчание парня сподвигло её саму заполнять образовавшуюся тишину:

– Даже если ты не хочешь со мной разговаривать, меня это устроит. Ты словно внимательный слушатель. Давай, как будто я была плохого мнения о тебе, ты извинился, и мы стали друзьями?

Немного *возмутительно*, не находите? Павел даже не поднял взгляда со своей раскраски, перебирая её *возмутительные* слова в голове. Хотелось уйти. А Луиза продолжала говорить.

Отношение Паши к таким людям довольно однозначное:

они ему не нравились. Таким людям плевать, слушают ли их; для них важно лишь, чтобы при своём рассказе можно было выплеснуть как можно больше эмоции и ещё раз прорефлексировать это. Эгоисты. С тем же успехом они могли бы разговаривать у зеркала. Павлу это чуждо. В разговоре он ценил отдачу и эмоции собеседника. А такой словесный понос ему не знаком, да простят боги его французский. Ему не нужно трепать постоянно языком, чтобы заполнять тишину. Он давно смирился с тем, что он лучше промолчит. Он промолчит, даже если другие посчитают это странным. Такова его норма. Может, это и было опрометчиво – смириться со своими тараканами. Может, он и не прав и должен поработать над своей проблемой?

– ...А как ты думаешь? – закончила Луиза своё вступление, которое Паша благополучно прослушал.

– Ты считаешь меня странным? – вместо ответа внезапно спросил он. Взгляд оторвался от черно-белых заляпанных картинок и испытующе воззрился на Луизу. Она осеклась на полуслове:

– Тебе честно сказать?..

Паша хотел бы знать. Бывало, что он мог увидеть самого себя через глаза собеседника, залезть в чужую голову и в общих чертах понять со стороны, что с ним не там. Но иногда в чужих глазах он не видел ничего.

– Ладно, – решила ответить пациентка. – Ну, я не считаю тебя странным. Макс странный. Он меня пугает иногда.

Женя с её кукольным домиком странная. Зоя Кирилловна, эта бабулька, тоже, хотя она и безобидная. Даже я странная. Может, потому что ты молчишь, ты, ну, кажешься адекватным?.. Не знаю.

– Женя не странная. Ей нравится играть, потому что нравится чувствовать контроль хоть над чьими-то судьбами. Ничего общего с детскими забавами и инфантилизмом.

– Что?

– Женя не странная. Она так справляется со страхами, – ещё раз утвердил он.

– Ладно... – протянула Луиза и чуть откинулась на спинку диванчика. В руках она держала коробочку сока, которую тут же принялась открывать. Оторвала упакованную трубочку, вытащила её из плёнки и воткнула в кружочек фольги.

Павлу тоже внезапно захотелось сока, но вида он не подал. Сладковатый нектар фантомно охладил горло, и он сглотнул.

Девушка от него быстренько абстрагировалась, ускользая мыслями в себя, но так и осталась сидеть рядом. Повисла та самая тишина, в которой Паша уже не мог вернуться к рисованию.

Вот такие ситуации его угнетали. С ним больше не пытались заговорить, но психологическое давление, будто от него ждут участия и инициативы, не пропало. С Луизой пока все разговоры такие.

Подгадать подходящее время не так уж и просто. Пришлось встать раньше остальных, чтобы после ухода санитарок первым выйти из палаты, уже одетым и причесанным.

Мать-Природа ждала его.

Он тут же вернул Наташе коробку из-под печенья, взятую ею со стола неделю назад. Модернизированная, пронизанная красными нитями. Не один час потребовался девушке для выдавливания дыр с помощью украденного стержня шариковой ручки и прошивания дефицитными нитками. Паша гордился её работой. Мать-Природа казалась невыспавшейся, но это не отнимало у неё баллов врожденной привлекательности.

– Держи, моя хорошая.

– Ты поймал их? – спросила она. Руки уже тянулись вперёд, как растения тянутся к свету за глотком жизни.

– Большая часть заблудились и шастали по коридорам. Они любят гулять там.

– Бедные! Их же могли растоптать! – от этой тревожной картины забилося сердце, и она *по-матерински* прижала коробку к груди..

– Я сделал всё, что было в моих силах, чтобы спасти их, – пообещал он, – остальное за тобой. Ты справишься?

Она захлопала глазами. Мать-Природа, чьи помыслы чисты, как хлорированная вода из-под крана. Возможно, он не поможет ей в её бреде, а только нанесёт новую глубокую ра-

ну. Возможно, у неё разовьются проблемы с доверием. Павел не будет первым. Это неудивительно. На человека со столь открытой душой каждый урод этого мира слетается, как светлячок на свет фонаря.

– Сможешь? – давил он.

– Да-да.

– Хорошо. Тогда иди.

Она обернулась к толпе, собирающейся у поста медсестры для получения лекарств. Испытание, с которым не справился бы никто, кроме неё.

– Вперёд.

Она хотела сохранить профессионализм. Мысли путались в голове, когда она проходила через весь холл с коробкой из-под конфет. Нельзя допустить, чтобы маленькие паучки выползли из-под крышки. Тогда букашки разбегутся, и кто-то, кто их не видит, раздавит всех до единого.

Она мельком всматривалась в идущих навстречу пациентов, как бы отсеивая безвредных. Кто угодно мог прервать её на полпути к цели и нарушить заданный маршрут. Маршрут, который придётся построить заново, а ещё раз спокойно наблюдать, как повсюду разбегаются пауки, она не сможет. Благо, Паша помог ей собрать их воедино. Удивительно, как у него это получилось.

У них в холле есть вид из окна. Этот не из тех видов, за которые доплачивают при выборе квартиры. Это вид на стену соседнего здания. Белый идеальный кирпич. У любого другого эта картина отбивала бы всякое желание фантазировать.

Но ей даже не нужна фантазия. Эта девушка и так видела, как по той стене каждый день на рассвете проползают сотни паучков. Огромная чёрная мочалка с лапками. Но стена соседнего здания после проползшей колоннады чище не становилась.

Наташа пыталась успеть, чтобы не проворонить их и в этот раз выпустить на свободу большим трудом пойманных паучков, которые сейчас лежат в клетке короба.

Нужно поспешить.

Тапочки шаркали по бетонному полу и ставили в известность работающих о передвижении одной из пациенток. Никто, как всегда, не обращал внимания. Точнее, *делал вид*, что не обращал.

Она маниакально оглядывалась, в надежде подловить кого-то из них.

В этот раз тоже никто не попался. Девушка проследовала до дальнего стола и, прижав коробку к животу, опустилась на скрипучий диван.

Она должна успеть открыть окно с единственной ручкой на этаже и выпустить членистоногих через решётку, пока строй им подобных не нагрянул. Если не открыть окно в нужный момент, чтобы выпустить их, они разозлятся и нападут

на неё.

Её уже кусали пауки. На ноге прямо на уровне щиколотки вздутый белый пузырь. Сегодня ночью она его вскроет, пока там не созрело новое поколение пауков. Тапочки сдавливали то самое место на щиколотке и приносили жжение. Но пока тапочки на ногах, пауки не смогут вырваться. Поэтому она их не снимала.

Очень сложно держать в себе маленьких паразитов и быть единственным органическим препятствием между ними и остальным миром. В каком-то смысле она беременна пауками.

Но никто не должен знать. Никто не смог бы узнать. Потому что чтобы узнать, нужно *увидеть*.

Когтистые лапки повсюду. Из кулера в стаканчик с водой падают паучки. Волосы санитара, чёрные и вихрастые, покрыты пауками.

Кажется, за шиворот шаловливым волоском тоже уже заполз паук.

Она попыталась ловким рывком хлопнуть себя между лопаток.

Санитары позади учтиво громче заговорили друг с другом.

Она хотела сохранить профессионализм и потому не сообщала об эпидемии пауков в их больнице. Пауки притягивали неприятности, как будто указывая проторенный путь чему-то более ужасному. А ещё пауки уходили самыми пер-

выми из здания, которое вскоре обрушится или загорится. Пауки повсюду. Под кожей. Скоро они будут лезть из её глазниц, ушей и остальных щелей, если их не выпускать на волю. Женщина запустила руку в свою причёску, поскребла ногтем по коже, а затем посмотрела на пальцы. Под ногтями торчали паучьи лапки. Слишком поздно...

Женщина не выдержала и выронила коробку из рук. Крышка слетела одуванчиком и плюхнулась на пол с глухим ударом.

Крик разрезал воздух и пронзил слух Павла прежде, чем он успел прикрыть ухо плечом. Он обернулся на звук. Мать-Природа кричала, маниакально ползая по полу и сгребая в объятия коворовую пыль. Всё безуспешно.

Он попытался проникнуть ей в голову, проследить за направлением её глаз, за движениями рук, чтобы представить, насколько же ужасную картину она сейчас видит. Получалось, но с трудом. Поразительно.

Паша забрал свою тарелку и флегматично переместился за свободный столик, пока большая часть пациентов наблюдали за стараниями Наташи. Её белый комплект мешковатой одежды непривычно мялся, её ломало в неудобные позы. Глаза блестели. Отчаяние тонкими волнами расплзлось по комнате.

Такое явление хоть немного разбавляло рутину их больнички. Не смотреть же вечно, как невменяемому связывают руки, чтобы он не расстегивал памперс и не кидался в других фекалиями. А так, хоть какая-то драма. Девочка с пауками. Трагедия, запертая в одной лишь голове.

– Обалдеть, – прокомментировал женский голос, и рядом с Пашей присела Луиза. Он заметно вздрогнул, а затем внутренне осудил девушку за то, что из-за неё потерял некую философскую нить от созерцания происходящего.

– Угу, – сдержанно поддержал он, ибо ничего более в голову не пришло.

– Больно на это смотреть, – заметила она, бросив взгляд на Пашу, но тот так и не повернулся. Затем она продолжила: – У неё психоз?

– Он самый.

– Разве тебе её, ну, не... жалко?

Павел поднял слишком резкий взгляд, и, вероятно, тем самым заставил Луизу отступить от своих слов.

– Я имею в виду... Я видела, что вы часто были вместе эту неделю. Некоторые считают вас парочкой, то есть, то, как вы терлись там в углу, перешептывались... Ну, то есть, конечно, кому вообще есть до вас дело? Я не думаю так, хотя, может, вы и подружились. Не могу утверждать.

Павла это уточнение только запутало. Волнение Луизе не шло на пользу. Выражение лица его сменилось на почти презрительное.

– Не смотри так, – попросила она. – Я просто пытаюсь понять, тебе её *жалко*, или она тебе *нравится*, или ты делаешь это всё из *милосердия*, и глубоко в душе ты добряк? – задав этот вопрос, Луиза замолчала. Вокруг началась беготня. Санитары пришли на крики, чтобы не дать Наташе раздражить и других пациентов. Вдвоём они схватили девушку за холодные, покрытые мурашками руки, подняли до уровня собственных предплечий, но Мать-Природа непреклонно потянулась опять вниз. Коробка всё ещё лежала на полу. Она сгребла в объятия картонный дом и не отдавалась воле санитаров. Красные нитки внутри короба привлекли внимание и персонала, но не позволили достаточно задуматься, так как задача была настойчиво вытянуть девушку на выход из общего зала. Как будто, если не вытащить горящую вещь прямо сейчас, вскоре огонь охватит всё вокруг, а этого допускать нельзя. Несчастье и апатия распространяются так же стремительно, как грипп, но больному даже не надо кашлять: достаточно одного вида, и всеобщее настроение ухудшается. А проведёшь со сгустком негативных чувств достаточно долго – и ты такой же заразный паразит.

Мать-Природа к этому времени могла уже заразить всех их, но санитары, наконец, догадались:

– Я буду нести её, ты – коробку. Пойдешь впереди, к нам лицом, чтобы она видела и шла к тебе навстречу, – пыхтя и цепляясь за ускользающую девицу, инструктировал один санитар другого. Наташу их голоса не беспокоили; её доста-

точно оглушил инцидент, чтобы она слепо повиновалась инстинктам.

– Понял, – ответил второй, с силой вырвав картонный короб из пальцев девушки.

– Нет!

Финальный визг донесся до слуха каждого. Парень перехватил девушку под ребрами, прижав её же руки вдоль тела, пока второй тряс коробкой, как красной тряпкой перед быком, и сдавал назад. Девушка рвалась за ним – за ней – за коробкой. Волосы спутались и пушились прямо в лицо санитару, который вёл её следом.

У них что-то даже получалось.

Через двадцать минут её вернули. Мать-Природа уже немного ослабла и успокоилась. Вероятно, ей что-то вкололи, отчего она теперь слезливо укачивала коробку, которую ей вернули. «Так она все-таки сумела собрать всех обратно или она поливает слезами осиротевших паучков, что выжили и остались с ней?», – задался вопросом Паша. Наташу как раз вели мимо них, и она что-то шептала про укусы паука в зад. Может, именно туда минутами ранее ей и всучили укол. Санитары осторожно поддерживали её за кисти, сопровождая к месту за общим столом.

Другие пациенты и персонал косо поглядывали. Павел тоже следил за сценой от начала и до конца, уже забыв про собеседницу, и жадно хватался за детали. Откуда-то сбоку

слышалось её протяжное дыхание – Луиза волновалась, наверное, больше всех за судьбу Матери-Природы. Но её показное молчание теперь раздражало. Он вспомнил, почему до этого препирался с ней:

– Я ничего не делаю из жалости. Это отвратительно и унижает достоинство другого.

– Я не это имела в виду... – оправдывалась девушки. – Жалко не в смысле, что она жалкая, ну, ты понял... – Луиза раздражала его своим напускным сожалением.

Позже, когда Паша будет перед сном вспоминать свой следующий поступок, он обозначит это так: выиграла обида, которая усилила и без того меланхоличное действие таблеток.

Потому что было слишком поздно для слов. Он поднялся на ноги. Поймав непонимающий взгляд девушки, Паша не удержался:

– Всё ещё думаешь, что я добрый? Тогда смотри.

Он мгновенно появился в центре сцены, рядом с Матерью-Природой и двумя санитарями. Парень, занятый удерживанием жидкой массы под названием «Наташа» в своих руках, не сразу заметил Пашу, и был не в состоянии остановить намерения пациента.

Паша ударил по дну коробки, как будто это аттракцион, измеряющий силу удара на ярмарке, и короб вылетел в противоположную от них стену. Крышка слетела первая. Коробка ещё барахталась о стену и дважды об пол. Повисла тишина. Луиза была в шоке. Санитары застыли врасплох. Мать-

Природа активизировалась по щелчку и, очнувшись от седативного, бросилась опять на пол, сбивая колени о жесткий ворс ковра. Всё началось по-новой.

Часть 7. Заводские настройки

Миновали сутки. Наступил новый день. Согретый солнечными лучами кабинет доктора Крашника впустил ранним утром в себя и Пашу.

Психиатру уже доложили о том, как пациент, сидящий перед ним, учинил драку, в процессе которой пострадал персонал и два пациента. Его сеанс перенесли на два дня раньше, и будет лукавством сказать, что Паша не рад снова увидеть доктора.

Книгу он, к слову, дочитал и в начале сеанса вернул врачу. Доктор Крашник снисходительно бросил взгляд. Осуждение, которое так и не было озвучено, витало в воздухе, разбавляя запах антисептика и хвои с апельсинами – парфюма доктора. Не стоило надеяться, что специалист спустит ему с рук произошедшее и даст новых книг. Хорошего помаленьку. Тщательно налаживаемая связь доктора и пациента была разрушена с лихвой пашиной беспечностью.

Дареному коню в зубы не смотрят.

– Что ты чувствуешь на данный момент? – спросил в упор доктор Крашник, как только они в очередной раз оказались наедине. Стандартный ход, который сдвигает разговор с мёртвой точки.

Таить парню по большому счету было нечего. Но вот под нужным углом преподнести истинное видение вещей не по-

мешало бы. Как раз пришла идея.

– Меня кое-что начало беспокоить, – незатейливо начал Паша, избегая взгляда врача. Было легче, когда голубые озера не вытягивали из Павла информацию, как свирепый вакуум. – Мне кажется, я в любой момент могу уничтожить свою жизнь.

Парень замолчал, бросив взгляд на внимательного собеседника в белом халате.

– Продолжай.

– Мне кажется, всё, что сейчас у меня есть, – очень хрупкое. Место, где я нахожусь, люди, чувства, связи, всё это настолько хрупкое, что мне просто хочется услышать, с каким звуком это всё разобьется.

– Ты поэтому спровоцировал рецидив психоза у другой пациентки? – всё так же уверенно заключил врач. Сложно сказать, сердился ли он. Объективно, он должен сердиться, и Паша это понимал. Будь это его психиатрическое отделение, он бы тоже пришел в ярость от выходки одного из пациентов.

– У вас такого не бывало? – вместо этого спросил Павел. – Когда всё было слишком хорошо – не хотелось сжать это в кулаке, разорвать и выбросить?

– Ты мне сейчас говоришь о человеческой натуре. «Ломать – не строить» – известное выражение. Тут та же техника. Без должной поддержки изнутри или снаружи, человек всегда будет направлять себя на самоуничтожение. Деградикация, деорганизация, хаос – это именно то, что присуще лю-

дям. Точнее, – в конце исправился доктор, – *слабым* людям.

Пашу это не задело. Этот мужчина не переставал его удивлять. Была в нём особая энергетика спокойствия и безмерной мудрости, которой не хотелось перечить. Рядом с доктором Крашником Паша чувствовал себя пятилетним восторженным мальчишкой.

– А что же делают сильные?

– Сильных жизнь учит справляться со своим дерьмом самостоятельно.

– И я, получается, слабый? – задался он вопросом.

– А тебе нужна ещё одна умная голова для подтверждения? – произнёс врач не особо эмоционально, хотя посыл иронии Паше понравился.

– Мне не нужен взгляд со стороны, – признался он.

– Так я и думал...

Разговор вместо привычного часа растянулся уже на полтора. Паша не унимался. Техники и примеры, приводимые доктором Крашником, заставляли взглянуть на собственную жизнь не глазами собеседника, а как бы ломая четвертую стену – глазами всевидящего и неотвратимого.

Теперь Паша видел в себе сухого, безвкусного идеалиста. Как корочка выдохшегося пирога, черствая, хотя будь её потенциал реализован раньше, Паше не было бы равных.

Именно так. Паша опять задумался о том, что зря тратит время. Гонения за Оком, в какой бы плоскости и материи Оно не представлялось, малоприбыльное занятие. Набитые зря тумачи, стертые в кровь мозоли. На него давила собственная дезагрегация. Он боялся, что вместо стойкого льда он постепенно станет паром, который другие вдыхают залпом и не морщатся. Что же он делает здесь.

– Каким ты видишь себя в этой жизни? – надломленным от долгого разговора голосом спросил психиатр.

– А какие варианты ответа?

– Ты можешь видеть себя маленькой никчемной единицей. Можешь видеть себя чем-то могущественным, запертым в хрупкую оболочку. Можешь быть могущественным, но лишенным сил. Можешь быть...

– А могу я быть мухой? – перебил Паша. – Которую вот-вот прихлопнет Большой Брат?

– Можешь. Но ты точно не муха. Подбери более соответствующее тебе сравнение.

– Тогда скажу так. Я человек. И я один в замке. Долгие годы один. И кажется, что никого вокруг больше нет, но затем в комнату заходит слон и начинает искать меня.

– И ты прячешься?

– Конечно. А когда он приближается, я стою, забившись в угол, и не дышу, чтобы он прошёл мимо и не заметил меня.

– А если бы это был не слон, а человек?

– Тогда этот человек – суровая психопатическая машина

для убийств, – добавил Паша с улыбкой.

– Пусть так. Ты бы стоял в углу? Лучшей тактикой, я думаю, было бы постоянно двигаться и осматриваться. Перемещаться, как в спорте, и быть готовым к ответной атаке. Но давай так, никакой машины для убийств. Если и есть кто-то, кого стоит бояться, то это всего лишь человек.

– Даже если этот всего-лишь-человек – сбрендивший псих, который хочет мои лобковые волосы носить, как сувенир на своей шляпке... – Паша не унимался. Зрительные образы в голове были очень яркими, и отталкиваясь от них, задумался, подбирая пример. – Я бы... снял штаны и начал гадить на пол с целью выведения противника из эмоционального равновесия.

Это на мгновение рассмешило доктора.

– В каком-то смысле, ты угрожаешь ему так же сильно, как он тебе.

– Ага, – подмигнул Паша.

Воцарилась скромная гармония. Док грациозно махнул ручкой в медицинской карте, тем самым зачеркнув какую-то пометку, и спросил:

– А не рассматривал вариант, когда вместо того, чтобы быть одному, ты мог бы собрать единомышленников.

– Для чего?

– Ну, как же, смотри. Стоять в углу комнаты – заведомый проигрыш, потому что это ловушка. Долго бегать и скрываться утомительно – потеряешь бдительность, и всё – ты в

пролёте. Куда выгоднее стоять в центре, спина к спине, и держать под контролем все четыре стороны.

Искренняя улыбка сползла с лица Паши, стало менее гармонично и захотелось закрыться от врача.

– Где твои единомышленники, Паш? – искусно подвёл наконец доктор к истинной мысли, от которой Паше и стало не по себе. Переведя дыхание, парень взял себя в руки:

– Они рядом, – просто и лаконично произнёс он. Затем украдкой, словно чтобы никто не подслушал, он постучал по своему виску указательным пальцем. – Все они тут, док. Смекаете?

Удивление, мелькнувшее на лице доктора, стало той самой втихую украденной конфеткой из вазочки для посетителей. Приятной мелочью, отчего Паша не смог остановить ехидную улыбку.

Паша не стал бы признаваться в этом вслух, но отчасти его намерения с самого начала были именно таковы – разозлить надзирателей, чтобы приблизить встречу с доктором. Общение с этим человеком шло ему на пользу.

Часть 8. Самоанализ

«Кажется, я психически здоров. Правда, нет особенного желания жить, но это пока не болезнь в настоящем смысле, а нечто, вероятно, весьма переходное и житейски естественное».

А. П. Чехов в письме Суворову 25 января 1894 года.

Разговор с психиатром дал почву для размышлений.

Проблема пребывания здесь заключалась во многом не только в «навязчивой идее» Паши. Конечно, ее можно допустить. Как и существование многих иных вещей, которые психи считают настоящими, – допустить всё это можно. Но труднее было закрывать глаза на то, что и другие люди порой замечают то, что и Паша, но игнорируют это. Почему? В чём смысл всемирного заговора, если его никто не обсуждает нигде, кроме личных часов в телеграмме и на закрытых порталах. Массонское общество массового тупизма. Вот именно поэтому Паша скептически относился к тем, кто пытался его переубедить в его идее. Нити заговора тонки, как рыбацкая леска, и пронизывают полотно мира целиком. Паша бы даже сказал: являются его основополагающей частью.

Но опять же, эти самокопания не приносили пользы Павлу – человеку, на секундочку, прагматичному, душному и

холодному, как антацид на солнце, – и он благополучно годами напролёт не получал от этих дум полезных выводов. До появления доктора Крашника.

Иногда, когда сталкиваешься с людьми во много раз умнее тебя, не важно, сколько у тебя защищено дипломов и сколько книг ты прочёл, ты всё равно будешь чувствовать себя ребёнком, тянущимся к звёздам. Маленьким принцем. Наивным и глупым. Доктор Крашник мог согнуть все его понятия, чтобы оставить Пашу с клочком мятых амбиций, но тем не менее, он этого не делал. Доктор Крашник ему нравился за его непоколебимость и своеобразный взгляд на мир. Хоть какого-то человека не прогнула под себя Система.

Психиатр воистину умел обличать человеческие страхи, чтобы затем вытягивать их по одной и подробно рассматривать, как спагетти из пасты.

Но в некоторых моментах даже он был бессилён, потому что Павел, в меру своих аналитических способностей, подсознательно прятал в себе то, что казалось ему особенно неприятным или мерзким. И вот например, когда становилось особенно тревожно, когда броня спадала, и воспоминания былых неудач накатывали одно за другим, он предпочитал оставаться наедине с самим собой, не давая никому больше подойти к себе достаточно близко.

Паша часто вспоминал прежнюю жизнь. Не определенные дни и события, а каждый свой день на протяжении нескольких месяцев после того, как он остался один три года на-

зад. Все они были подобны, как поездки на общественном транспорте. Безлики и одиноки. Он просыпался утром один. Одиночество окутывало его плотным шлейфом. Шёл завтракать и выпивал дневную дозу кофе за один присест. Кажется, излишним, но та ничтожная концентрация кофеина давала ему почувствовать от жизни хоть что-то. Пустая оболочка его вместилища продувалась насквозь ветром, и, казалось, именно поэтому люди зачастую смотрели сквозь него. Колоссальное усилие приходилось приложить человеку, заинтересовавшемуся Павлом, чтобы на самом деле разглядеть в нём что-то живое. Хватающееся за жизнь. Пульсирующее – член не в счёт.

Кажется, та пустота была до сих пор с ним, но теперь лишь с одним единственным различием – он закутался в эту пустоту целиком, как во флаг, и ею же грелся.

Как-то в начальной школе был вопрос на логику: «За какое время растает снеговик, если его нарядить в шубу». В по-наивному детских загадках обычно глубины больше, чем в изречениях Гегеля. Тогда Паша не понимал, за что ему поставили двойку. Почему шуба не греет, а лишь служит сдерживателем тепла, которое заключено внутри. Абсурд.

Тем не менее, пашин флаг его грел, невзирая на то, что внутреннего тепла у парня не больше, чем у того же снеговика.

Те дни одиноких метаний пугали, потому что им не было счета. В особенно бредовых мыслях Паша ловил себя на

том, что он, вероятно, уже умер. Аналогично киношные призраки, что ничего не ощущают, но продолжают слоняться по миру.

Да уж. «Думать» таким как Паша должно быть противопоказано. Потому что не обязательно иметь оружие в руках, чтобы вредить себе регулярно и с особым мазохизмом. Единственное решение для него было вовсе *не думать*.

Поэтому всё, что он мог, это с безмятежным видом пить кофе на прохладной после постели кухне, поджимая ледяные ступни под стул. Иногда, он даже не включал свет по утрам. Затем научился ориентироваться и при дневном свете с закрытыми глазами. Беспольный опыт, набранные впустую очки навыков.

Ничего ведь не имело смысла. Вся жизнь казалась абсурдом, если думать об этом достаточно долго. Если сбросить со счетов *жизнь* и думать, думать, думать... Анализировать всё. Искать смысл во всём. Когда нужно и не нужно. Когда должен и нет. Не удивительно, что он на самом деле мог бы сойти с ума. Он осмысливал происходящее, а не переживал его. Как психотерапевты, которые вместо того, чтобы чувствовать радость, зная механизм этого чувства, просто начинали разбирать её на составляющие. Вместо агрессии перебирали по полочкам аргументы.

Не чувствовать, а анализировать.

С этой проблемой Паша столкнулся давно. Он успел поработать и менеджером, и технарём, и рабочим, и курьером,

и в офисе подсобной крысой. И всё это время он анализировал.

Интересное наблюдение: если хочешь испортить себе впечатление о каком-то явлении, событии или человеке, просто узнай об как можно больше. Существует эта романтика неизвестности любого ремесла. Ты можешь любить кофе и еду в ресторанах, пока не поймешь, в какой атмосфере и условиях это готовится. Ты можешь видеть целителей в лице медицинского персонала, пока сам не подслушаешь их внутренние разговоры и не поймешь, что они на самом деле обычные люди. Ты можешь хоть сотни раз убеждать себя, что продукты в магазинах приличные и соответствуют ГОСТам, но поработай на производстве или сортировке этой продукции, ты потеряешь эту волшебное благоговение и трепет. Очень легко это сравнить с чувствами и человеческими взаимоотношениями в целом. Припомнить только, как какая-то мелочь в поведении человека отталкивала на первых порах, или сказанная глупость переворачивала мнение о человеке наизнанку.

Тот, кто сказал: «Готовьтесь к худшему, чтобы приятно удивляться», – был прав. Лучше вообще не строить никаких ожиданий. Себе дороже.

Возможно, Паша разочаровался в жизни намного раньше, уже после первого курса в университете. Когда осознал, в каком котловане он живёт. И тут уже обратно розовые очки не наденешь.

Будучи в очереди, будь то супермаркет, почта, или поликлиника, пропитанная хлоркой и, кажется, духом самого Дьявола, стоит прислушаться. Паша находил это время занимательным, и не потому, что мог вдоволь наесться сплетнями и лучшими рецептами от жопной боли, а главное – из-за способности в какой-то момент стать информационным таблоидом. Посиди два дня в очереди, и ты будешь в курсе работы других отделений, других врачей, их расписаний, в курсе самого внутреннего времени, и разбираться во всем не хуже самих работников: когда персонал уходит на перерыв и куда уходят на перерыв; где висит одежда работников; где ключи от кабинетов, где служебные туалеты. Чтобы сойти за своего, нужно научиться уверенно и непреклонно заходить в любые кабинеты, называть знакомые всем имена и получать незначительные сувениры. Некие квесты. Подворовывать ради развлечения. Коллекционировать призы.

А еще, не менее важный урок: просиди до самого вечера и увидишь, кто сбегает пораньше, кого ждёт дома семья, а кто задерживается допоздна каждый день, потому что возвращаться ему не к кому. Такие вот мелочи. Рабочие моменты. Эксклюзивная внутренняя кухня.

Больницы Павел не любил, к примеру, больше всего, но в налоговую ходил с удовольствием. Придёшь спокойно, а

там везде очереди, бюрократия, всюду стрелочки, но никакой определенности, из-за чего возникает куча скандалов. Ещё бы там наливали горячительных напитков, и Паша мог бы смотреть такие спектакли про дезориентированных людей днями напролёт.

Если бы его однажды пригласили на работу шпионом – круглосуточно следить за людишками и не выделяться – он бы, не задумываясь, согласился.

Уши там, уши здесь. Он и раньше думал об этом. Он мог бы встать наряду с теми, кто задействован в Системе, вместо того, чтобы пытаться бороться с ней. Мог бы. Но сделанного не вернёшь. И из созерцателя он превратился в подозреваемого на любой вечеринке. Предсказуемая жизнь и так была ему не слишком интересна.

Жизнь без смысла. Жизнь без осознанности истинного положения дел. И речь сейчас не только о всемирном заговоре рептилоидов или правительства – нечто большее, нечто, что *порабощает* незаметно. Третье звено, наряду с рептилиями и спецслужбами. Даже думая об этом, Паша всегда пытался контролировать новые догадки в своей голове. Чтобы информацию нельзя было украсть. словно бы любые его противоправные помыслы могли бы передаваться воздушно-капельным путем. У него нет чипа в голове, но если бы и был, у Паши бы ничего не сперли. Паша вёл себя максимально повседневно и сосредоточено.

Особенно последние два года, когда после своего срыва и

потери друга череда событий привела его в психушку. Павлу бы место на кинопремии за его актёрские заслуги. Или на афише, повествующей о человеке, который повёл за собой народ. Хотя это больше путь для героя Кизи, чем для Павла.

Иногда его отдельные мысли, вырванные из контекста, вполне годятся для того, чтобы быть рассказанными на групповой терапии. Инга Васильевна бы непроницаемо смотрела на него. Он бы улыбался во все тридцать два. Именно так. Поэтому по отдельности лучше его не слышать. Чтобы понять Пашу, нужно узнать всю историю, от начала до конца. А чтобы её рассказать, потребуется не один час времени, которого у людей обычно нет. Понимаете?

Есть уже догадки, почему Павел здесь? Думаю, да. Потому что он сумасшедший, очевидно.

Часть 9. ПТСР

Очередная групповая терапия. Тишина не ценится, пока у тебя её не отнимают. Пока играюче не лишают её, окуная с головой в ворох мыслей и собственного самобичевания. Неприятные подробности, от которых не скроешься, не заткнешь уши и не убежишь, чтобы не вызывать подозрений.

Правильно.

Сегодня голос у «неудавшихся самоубийц». Самое тяжёлое, через что приходится проходить человеческой психике. Хорошо, что никто не знает, что это и звёздный час Паши.

– Будучи сторонним наблюдателем, мне тяжело быть свидетелем чужой боли, как и любому из вас, – говорила Инга Васильевна менторским тоном. – Но чтобы понять механизмы появления этой боли и вовремя предупредить её у кого-то из близких, даже у нас самих, нужно об этом говорить чаще. В результате мы как бы отодвигает границы табуированной в обществе темы, и создает комфортный уголок для обсуждения переживаний, а также передачи опыта, – она сделала акцент. – Вы не ослышались. Среди нас есть те, кто порой задумывался и проходил в своих мыслях весь путь от начала и до конца; а если и те, кто переступил черту невозврата, и благодаря чуду, остался с нами. Мы ещё будем возвращаться не раз к этой теме, – договорила она и бросила, как показалось, незначительный взгляд на одного из пациен-

тов – Луизу. Паше это показалось странным, но зная Доктора Ингу, можно утверждать, что ничего она не делает просто так. – ПТСР – посттравматическое стрессовое расстройство – само по себе может не проявлять внешних признаков, пока человек сам об этом не расскажет. Но не стоит думать, что ПТСР – это только про то, как человек реагирует на трагедии внешнего мира. Или только про то, как кто-то над кем-то издевался. ПТСР могут переживать даже дети, съехавшие от родителей и оказавшиеся совсем не том мире, который им прогнозировали взрослые. Или, предположим, если кто-то смотрел военные фильмы, то есть известный сюжет: ветеран войны не может смотреть в глаза собственному ребёнку, потому что видел во сне и наяву детские окровавленные лица, лица тех, кого не смог спасти. И он не может спокойно обнимать жену, потому что всякий раз его охватывала тревога, что жена может в любой момент погибнуть. И потому любить её по-настоящему он уже не в состоянии. Всё, что в нём осталось, это страх и чувство потери, которой ещё не произошло. Человеческая психика не полотно – нельзя просто порвать её и затем попытаться сшить воедино.

– Что за фильм? – спросил кто-то, перебив доктора.

До последнего момента Паша не совсем понимал, к чему ведёт доктор, пока та не озвучила следующее:

– Не помню, – ответила она выскочке. – Я примерами пытаюсь доказать, что травмирующие события всегда оставляют след. Пережившим психологическую травму людям тяже-

ло не только вспоминать травмирующее событие. Куда болезненнее то, что происходит с психикой после случившегося. Непоправимый урон. Но стыдиться этого не стоит... – Доктор Инга подняла выжидающий взгляд на побледневшее лицо Павла, но он так и молчал. – Я поясню. Зачастую, переживших травмирующий опыт, – *опыт лишения себя жизни*, – преследует стыд за самих себя, за то, что они сделали или не сделали сами. Они презирают себя за то, насколько напуганными, зависимыми, возбужденными или взбешенными они были. И вот на этот моменте давайте сделаем сегодня акцент, – она не спускала глаз с Павла. – Ну так что? Может, пришла пора кое-кому высказаться?

Воспоминания нахлынули против воли. Такое случается не часто, но всё-таки случается, и Паша искренне ненавидел себя сейчас за слабость. В груди сдавило, а в горле сидел ком.

– В другой раз, – произнёс он, и голос дрогнул. Дьявол.

– Это то, чего ты хочешь? – издевательски уточнила Инга, и эта фраза отозвалась эхом в опустошённой голове Паши. Фраза резанула в сознании старым, забытым кровавым образом.

«*Это то, чего ты хочешь?*».

«*Это то, чего ты хочешь.*».

После отрезвляющего опыта в полиции из-за той кражи бургеров, у него появился подсознательный страх повторения. Страх не попасться, а страх оказаться в нищете. Возможно, этот гештальт сыграл с ним злую шутку, но с тех пор Паша принимался за любую работу с таким упорством и самоотдачей, что любое начальство нарадоваться на него не могло.

В его жизни было много работ. Он набирался опыта. Был и курьером, и ремонтировал технику, и редачил тексты. Хватался и индивидуальные заказы. Лишь бы почаще переключаться. События как будто бы сменялись. Даже когда он встретил девушку, он все ещё слонялся по сомнительным подработкам.

А вот после неё, он застопорился. В очередном гиперактивном бреде он официально устроился на огромное предприятие, и так и завис там. Должности как таковой не имел, это называлось быть *разнорабочим*. Удивительно даже, как он схватывал всё налету. Было бы легче перечислить, чего он не умел, потому что за эти годы он поработал на каждой подстанции производства и стал тем самым универсальным винтиком коммунизма, который можно вкрутить везде, где есть необходимость. И начальство его ценило. Но в то же время это своеобразная палка о двух концах: такие универсальные люди, как он, важны в цехе, о них первым делом вспоминают, когда что-то не так, их номер есть у каждого в телефоне, все ищут их помощи, но именно это и накладывает оковы –

никакого повышения ему не видать и никакого карьерного роста в одной специальности можно не ждать. Павел не сразу понял, что молодость проходит, а он так и застопорился на одном месте.

Ничего не происходило. Каждый день с утра до вечера он проводил на этой работе, выполняя монотонные действия то тут, то там, всегда был на подхвате. Домой приходил и готовил что-то простецкое. Меню для мультиварки на пятнадцать страниц было освоено им в идеале, а на что-то большее не хватало желаний. Затем он ложился спать, заведя будильник на шесть утра. Ожидаемо, у него появились деньги побольше, а тратить их было не на что. Перво-наперво, как только он оформил квартиру в ипотеку, он попытался заполнить её безделушками. Мелкие покупки радовали его душевную натуру, хоть и недолго; день-два – и его страсть затухала, требуя обновок. Он даже хотел заменить всю бытовую технику. Но в голову закралась мысль, что его желание что-то покупать никак не связано с реальной необходимостью. Смысл заменять то, что и так исправно работает. И Павел понял, что это уже маразм чистой воды. Меж тем, пустота никуда не девалась. Она росла внутри, как рак: тихо и незаметно, пока не достигла своего апогея.

В очередной такой день он приехал домой разбитым. С самого утра всё получалось из рук вон плохо. Не сказать, что это его вина, скорее наоборот, так сложилось: единичные мелкие погрешности навалились все разом, не оставляя

времени на передышку. Придя домой, он готов был разрыдаться. Возникла мысль уволиться. Но вряд ли бы это помогло. Его душило собственное тело и тошнило от себя. Ему бы просто отдохнуть. Одного отпуска тут не хватит. Тут нужно кардинально вырвать штекер из розетки и перезапустить систему. А когда он будет готов, примерно к весне, включить всё обратно.

В его голове эта абстрактная мысль неожиданно обрела вполне осязаемый смысл. Вот только как избавиться от ноши... Можно же отключить жизнеобеспечивающие системы хоть на время? Или даже... навсегда.

Мысль резанула по сознанию, заставив замереть в ванной с зубной щёткой в руках. Он неуверенно поднял взгляд на зеркало и мысленно уточнил у самого себя: «Ты серьёзно это сейчас?».

В зеркале стоял незнакомый парень, поношенный и осунувшийся. Паша будто впервые посмотрел на себя под таким углом. Он стал каким-то мёртвым. Он похож на труп, настолько оживленный и припорошенный пудрой, дабы не пугать остальных. Недобитая жалкая собака, которая волочит свою тушу по Земле много лет.

«Может, завершить уже запущенный процесс?».

Паша ещё некоторое время смотрел на себя и не находил слов. Он будто спрашивал разрешения у своего отражения, как у более разумного и рассудительного. Со стороны всегда виднее. Как ни странно, отражение не возражало. Оно

не выражало никаких симпатий к Павлу. Оно даже пару раз скривилось.

Он неприятен самому себе? Всё настолько плохо? Или он – ошибка. Дефект, который мешается. Плесень, которую хочется взять и соскрести ножом. Накрывать пледом и задавить.

Он с затуманенным взглядом взял с полки круглого зеркала бритвенный станок.

«Это то, чего ты хочешь?», – пронеслось в голове, пока Паша медлительно свинчивал ножку многоразовой бритвы, чтобы отсоединить лезвие. С легким металлическим скрипом конструкция разобралась. В ладонь мужчине тут же легла невесомая остроконечная пластинка.

«Твоя смерть на кончике этой иглы».

Неужели он из тех людей, кому не обязательно доживать до конца. Кого можно вычеркнуть из истории их же руками. Не нужно подстраивать события, чтобы их сбила машина или чтобы на них упала гильотина с неба. Достаточно дать им в руки их собственную жизнь, и они сделают всё сами. *Он* сделает всё *сам*.

Он может разорвать петлю. Пару решительных порезов – и он запустит финальные титры. То самое, что разрушит его День Сурка и сбросит удушающие лапы с его шеи. Он может закончить эту дерьмовую жизнь одним махом, и не будет тошнотворной работы, не будет душераздирающих снов о его бывшей, не будет этой горечи и одиночества, с которой он живёт чёрт-пойми-сколько лет.

Остриё ловило блик от лампочки. Оно было идеального размера. В одном из цехов завода изготавливали такие же на станке, а парни наработанным движением в брезентовых рукавицах укладывали готовый материал по ячейкам. Филигранный, доведённый до автоматизма навык.

«Хорошая работа, парни, я доволен», – похвалил он то ли вслух, то ли нет. Он сжал двумя пальцами пластинку и поднёс к руке. Кожа казалась слишком ровной для такого случая, под ней четко просматривались жёсткие наполненные вены. Его тело выглядело чужим. Павел решительно вдавил бритву. Острое тепло. Он вдавил сильнее до появления прокола. Лёгкое жжение охватило предплечье, но помимо этого ничего не чувствовалось. Капля крови, набухнув, тут же скатилась книзу. Паша сделал болезненный завиток и провёл глубокую линию по направлению к локтю. Та вмиг стала белой, а затем наружу вырвалась кровавая лава. Павел замороженно поднял взгляд.

Отражение наблюдало за ним. Губы сложились в кривую ухмылку. Парень напротив следил за ним. Глаза сияли от влажной пелены. Ему было интересно, как далеко это зайдёт. Хватит ли этому сосунку смелости. Это отражение больше не было им.

Павел, очнувшись, выронил бритву в раковину. Звон нержавеющей стали отозвался от стен ванной комнаты, оглушив. Парень оглянулся, вспоминая, где он находится и как он тут оказался. Комната выглядела ужасно неправильной. Беспорядочной.

рядок, постиранные вещи в корзине и грязная раковина. Он только что чуть не убил себя здесь.

– Блять.

Паша схватил полотенце с батареи и обмотал рану. Он с омерзением посмотрел на стоящего в зеркале парня и уже готовился закрыть его матом, понося всё, на чём только стоит белый свет.

Ну он учудил, конечно. Потерял контроль и предал себя. В горле собралась горечь, и в какой-то момент он понял, что плачет.

– Идиот.

Как он мог позволить причинить себе вред. О чём он думал?

В раковине остались брызги и несколько неровных дорожек крови, стекающих в сливное отверстие. Полотенце пропиталось уже насквозь. Паша загнувшись посмотрел, что там под ним. Кожа разъехалась, как от прикосновения топора, и из нутра бил робкий вишневый ручей. Он промокнул кровь полотенцем и на секунду увидел свою мышцу – бледную полосу ребристых тканей, как в учебнике, – прежде чем кровь хлынула опять. Идиот.

Он набрал номер скорой помощи.

Пока ехала бригада, он перетянул предплечье у сгиба локтя ремнём, залив к тому моменту пол в спальне. Стало стыдно, но в то же время хотелось врезать кому-нибудь. Только не понятно кому. Желательно, той крысе, которая забралась в

его мозг и подсказала ему это *гениальное* решение всех проблем. Он осознал, как он был слаб, стоя с лезвием в ванной и думая о том, что имеет право всё закончить. Собственная жизнь висела на волоске в его дрожащих руках. Было стыдно, будто он поддался чужому влиянию и его обманули, как маленького мальчика. Наверное, так себя чувствуют «ведомые» в сектах, когда в момент прозрения до них *доходит*. И они понимают, что всё это время их использовали, подталкивали в нужную сторону и насмеялись за спиной.

Окей, у него бывали сложные дни. Порой он был зол или так же разбит обстоятельствами. Да чёрт возьми, после расставания с Софией он был никакой, но до такого не доходил. Мыслил. Временами. Но не доходил.

Вспомнился фильм – или десяток фильмов, – в которых Бога изображали, как засранца,двигающего судьбами, переставляющего детали лего, сплетающего нити и разводящего мосты. Именно Бога Павел мог бы винить сейчас в своей позорной слабости, если бы уже не знал, что Бога либо не существует, либо он давно покинул это гиблое место. Значит, существует нечто, подобное Ему. От чего в воздухе веет прохладой, когда сердце замирает в страхе. От чего душит сам воздух, когда мы стоим в тупике и не знаем, куда дальше двигаться. От чего непроизвольно люди доходят до крайности без видимых причин, вопреки всему, что уже пережили, что побороли и насколько они стали сильны после всех этих испытаний. То, что ломает принципы и психику. То...

Павел остановился. Кажется, он всё это время маячил по квартире из угла в угол. Захотелось вспомнить все те моменты, которые казались ему случайностью. Их было предостаточно. Он оправдывал многие совпадения, притягивая за уши логические причины. Но если отмести логику и провести прямую зависимость, то такие события происходили *регулярно*. Выстроенные мастерски и поданные под таким дымком, что не разберёшь схожих черт. А если ничего из этого не было *случайностью*.

– Твою мать. Моей жизнью опять кто-то управляет...

Часть 10. Катарсис

Написать одну картину, рассказать читателям одну историю, создать что-то целостное из пустоты – забег на короткую дистанцию, однако даже для этого пришлось бы приложить много сил и терпения. Ворваться в новое дело с шашкой наголо – легко. Огромных усилий стоит именно довести дело до конца, когда прежнего огонька нет, и приходится черпать в себе что-то ещё, что поможет закончить. Двигаться на одной жажде завершения, и маленькими шажочками приближать конец.

Смог бы Фрейд дописать свою сексистскую трагедию по психоанализу, если бы на самом деле не был так двинут на этом вопросе? Смог бы Черчилль продвинуть свои идеи без любви к свиньям? Возвёл бы Карл Маркс марксизм в абсолют? Донёс бы Ленин идею капитализма в рабочие массы? Без должной страсти? Без сотен горящих глаз, которые смотрели на них, как на сумасшедших гениев? Смог бы ты, в мире, столь угнетённом и заурядном, найти своё место, если бы твой мозг не испытывал хоть каплю азарта и любознательности? Не смог бы.

Паша вот не смог бы тоже.

Прежде, уже к годам тридцати, после того инцидента, он только более-менее устроился, нашёл баланс между работой и отдыхом и занялся здоровьем. Но опять что-то было не так.

Не было той искры. Он словно существовал на генераторах, особенно когда деньги перестали быть решающим фактором мотивации. Всю бытовую и рутинную работу он выполнял без энтузиазма.

Он никогда не признавался другим людям, что все его поиски «Большого брата», в какой-то степени являлись продуктом его неудовлетворенности в жизни. Не хотелось признаваться даже самому себе, что жизнь была для него настолько скучной и неприятной, что он сам нашёл себе врага, поверил в него и начал с ним бороться.

Паша не любил так глубоко рефлексировать, потому что, ввиду своих изрядных аналитических способностей, он всякий раз сам находил доказательства того, что все его «бредовые идеи» на самом деле могут оказаться *бредовыми*. Признавшись в этом самому себе, уже сложнее ненавидеть придуманного «врага». А без него у Паши останется только горстка никому не нужных воспоминаний и одиночество. Одиночество, кровоточащее внутри много лет.

Поэтому анализировать себя – последнее дело, которым станет заниматься Паша, оказавшись опять в одиночке. Он же всё-таки вновь перегнул палку на групповом занятии.

Ну как *перегнул* тоже?.. Он вспылал. Но не от гнева, а от непонятных огрызков чувств, которые проснулись в нём, когда доктор Инга своим настойчивым мнением разбередила воспоминание Паши о *той ночи*.

Оно спокойно лежало на складе его памяти, похороненное под грамотами с начальной школы и фотками бывшей.

И дальше бы так спокойно лежало.

Но доктор Инга считала иначе.

Очевидно, что то, что написано пером не вырубить топором. Паша знал, что в медицинской базе данных есть запро-токолированная запись, где сначала фельдшер скорой помощи, а затем консультирующий психиатр в подробностях изложили этот случай трёхлетней давности, а Пашино «Это именно то, чего ты хочешь?» было обведено красной ручкой и отмечено звездочкой. Почему-то именно эту фразу чужим голосом Паша шептал тогда несколько часов подряд. А затем часто слышал по ночам, находясь в полусонном состоянии. Возможно, это был его собственный шепот, и никакие призраки прошлого с ним не разговаривали, подбивая завершить начатое. Из летописи этого мира всё равно стереть его поступок уже невозможно, и Паша мог бы смириться.

Но то, что доктор Инга использовала эту лазерку к архиву, а затем использовала это на Паше. Вот это было низко.

Когда прошли сутки, доктор пригласил его к себе, обсуждать это и объяснять своему лечащему врачу, почему именно он сорвался, Паша не стал. Кажется, тот и не особо выпытывал, потому что и так понял, что произошло.

В общем, долгая внеочередная терапия с доктором Крашником была ни о чём и обо всём сразу. Просто дабы убедиться, что кризис миновал и никто больше не пострадает.

– Да, сука, это то, чего я хочу! – четко проговорил Паша, смотря в беспристрастное лицо доктора Инги. Та, конечно, и бровью не повела, что сработало цепной реакцией, замыкая механизм, и взрывая терпение Павла.

По коже пошёл жар, пламенем обжигая сильнее, чем лезвия бритвы – Паша вцепился в заживший шрам на запястье и вырвал кусок кожи собственными зубами.

Катарсис – явление сомнительное. Катарсис – как способ перезагрузиться, обновить нервную систему, слышали? Занятная вещь на практике, но совершенно избитая в теории. То есть довести себя до отчаяния, упасть в собственных глазах очень сильно, чтобы появились силы подняться и идти дальше. Как вам такое определение? Стокгольмский синдром, обращенный на самого себя. Держать самого себя в плену, чтобы, оказавшись на свободе, чувствовать благодарность к своему мучителю.

Паша знает в этом толк, Паша на этой херне собаку съел.

Поэтому ранним утром он проснулся в одиночке вполне выспавшимся. После того, как переживаешь сильную эмоциональную встряску, ты «очищаешься». Эффект посильнее,

чем от «поплачь и станет легче». Это скорее как «уничтожь к чертям всё, что тебе дорого и убей всех их с помощью молоточка для отбивания мяса», – вот настолько это перезагружает нервную систему.

Звучит бредово. Но просто примите к сведению, что после срыва он проснулся как после месячного отпуска на Курилах.

Оглядевшись по сторонам, по всем четырем, таким мягоньким и однотонным, без фигурного орнамента и загрязнений, что могли оставлять после себя предыдущие посетители одиночки, Паша подумал впервые, что хочет рисовать.

Или написать что-нибудь.

Или сочинить для скрипке целую композицию, не зная нот.

Теперь на запястье плотная тугая повязка, немного ограничивающая движения кисти – чтобы швы лишней раз не расходились. Края бинта немного разпушились, и Паша неосознанным движением заправлял их обратно под бинт, продолжая беседу с врачом.

Сутки в изоляторе прошли легче, чем он ожидал, но заводить разговор о своей выписке было рано. Он теперь уже и сам понимал, что он не готов пока вернуться в мир людей.

«Сильные люди сами учатся справляться со своим дерь-

мом», – говорил на одном из прошлых сеансов доктор Крашник, и Паша пытался прислушаться к своим ощущениям.

Сейчас ему стало хуже. Объективно. Без драматизма. Что-то шло не так, как должно. Он остро это чувствовал и не знал, как помочь себе. Сам он, очевидно, не справится.

Эмоции последнее время играли с ним злую шутку, и от чего-то хотелось винить в этом новые таблетки, а не то, что Паша всё-таки не способен удержать при себе своё дерьмо.

Он подумает об этом ещё. На досуге. Что ж ему ещё осталось. Особенно, когда на горизонте маячила встреча кое с кем важным, чего Паша точно не должен пропустить, расклеившись или сойдя с ума окончательно.

«Я хочу, чтобы ты играл по-настоящему. Как в кино», – тоже было когда-то чьим-то наставлением, но Павел уже и не сможет вспомнить чьим.

Часть 11. Апатия

Зайдя в общий холл на четвертой неделе пребывания здесь, он флегматично пошёл за своим завтраком. Было всё ещё не по себе, потому что его внутренний подъём духа совершенно не менял ничего из реального положения дел в больнице. Даже практичные и новомодные психиатрические лечебницы, на которые выделены деньги из госбюджета, все равно остаются «психушками». Внутри обитает мрак, зачастую обезличивающий людей. Паша обращал повышенное внимание лишь на тех, кто хоть отдаленно сохранил рассудок – Луиза, Макс, сестра Рэдчед, доктор, Наташа – но это не значит, что рядовые пациенты не струятся колоннами вдоль стен, не кричат по ночам, не сталкиваются лбами между собой, проходя по широкому коридору. Те пациенты, за которыми просто нужен уход. Обычный, человеческий. Пациенты, которые уже не могут сами обслуживать своё тело в связи с деменцией, слабоумием, деградацией личности и тд. Молчаливые взгляды стариков и молодых смотрят из каждого угла, как будто находишься в Военной Галерее среди сотни портретов людей – куда не отойдешь, напряженные глаза всегда будут направлены на тебя. Есть много тех, с кем просто не захотели возиться родственники – их, наверное, больше всего, но лично на взгляд Павла, угрозы они не представляют ни для себя, ни для окружающих.

Кстати про угрозу.

Шизофреники – редкость. Как деликатес. Только по праздникам. Особенно по праздникам.

Если такая статистика, которая зафиксировала, что чаще всего самоубийства и обострения психических расстройств происходят по праздникам. Предпраздничная суета, огоньки, фанарики, обязанности, которые берутся из неоткуда только потому, что кому-то нужно иметь повод лишний раз собраться и выпить. И куча людей, куда-то спешащих и совершенно не разделяющих твоего настроения. Как тут не выпилиться. Особенно дни рождения.

Паша потому и перестал любить праздники. Он сам поймал себя на мысли, что когда красный день календаря на горизонте – его накрывает ещё сильнее. Без причины. Душащее одиночество и, как бонусом, мысли о самоэвтаназии. Праздники – отстой.

Сейчас же на горизонте праздников нет, но он все равно чувствовал апатию и безнадегу, когда смотрел на «рядовых пациентов». Становилось душно и тоскливо – сколько памятных моментов они пропустили, находясь здесь. Как сузился спектр чувств, который им доступен. Это правда его волновало. Пациентов держат в стабильной среде, минимум стресса, минимум телодвижений, минимум развлечений и впечатлений. С тем же успехом они могли сидеть всю жизнь в комнате родного дома и с безразличием смотреть в окно, пока еду приносят близкие.

Сам Паша от стагнации не страдал, не убивался, но этих людей было *жаль*.

Поэтому сейчас он заставил себя отвернуться, чтобы переключиться на кого-то другого. Несмотря на раздражение, компания Луизы лучше, чем кого-то из «рядовых». Он нашёл её взглядом ещё за завтраком, в углу, вяло перебирающую рисовую кашу. Она казалась ещё не проснувшейся, помятой, «незагрузившейся», и он решил не вступать в её и так сложные мыслительные процессы.

Сейчас же есть свободное время до следующей групповой терапии.

Вялой поступью он прошёл через всю комнату отдыха к ней. Луиза подняла на него встревоженный взгляд, ожидая хоть чего-нибудь – едкость, колкость, извинения, шутку, стих, хоть какое-нибудь приветствие, но не получила ничего. Он сел рядом на диванчик и почему-то молчал.

Вид открывался на всю комнату, и если подключить воображение, можно представить, что они сидят тут вдвоём у телевизора, транслирующего один и тот же телесериал.

– Ты пугаешь, – заключила она после первичного осмотра. Но затем продолжила уже без напряжения: – Неплохо выглядишь.

– Ты тоже, – тихо ответил он, не поворачиваясь в её сторону.

Луиза действительно была приятной внешности, аккуратной и ухоженной, видно, что следила за собой. «И могла са-

мостоятельно обслуживать своё тело», – добавил бестактный голос в мозге.

Волнистые волосы, тонкие губы, впалые глубокие глаза. Она не была красива в привычное понимание красоты, но её внешность запоминалась и в архиве памяти выделялась на фоне прочих однотипных лиц. Почему Паша не замечал этого раньше?

Когда она молча сверлила окружающих своими зелеными глазами-блюдцами, думая свои сложные думы, складывалось мнение, что она старше своих лет и успела повидать дерьма.

Одета она была, как и все, в нейтральных цветов одежду, которую взяла с собой из дома, – спортивные штаны и толстовка с капюшоном. На ногах теплые носки и шлепанцы. Утепление себя оправдывало, особенно когда за окном завывал северный ветер, а койка стояла у стены.

Пациенты с другого отделения тоже стали подтягиваться в общий зал, и атмосфера уныния рассеивалась. Контингент разбавился вполне обычными апатичными людьми среднего возраста и некоторыми балбесами. Мимо них как раз прошли два парня, решившие тут откосить от армии, и негромко перешихикивались. Неожиданно возникла мысль о том, что Павел завидует их непосредственности и «нормальности». Они не *загоняются*, не *вглядываются* во тьму своего сердца, а просто живут, планируют, решают дела по мере их поступления.

Паша просто другой и от этого иногда завидно. Но это не значит, что он не научился притворяться.

– Так ты, ну, в порядке? – словно через силу спросила Луиза, проследив за его взглядом.

– Угу.

– Как рука? – спросила следом, будто прощупывая почву.

– Неприятненько, – произнёс он и в подтверждение пошевелил перевязанным запястьем. Щипит. – Ты как?

– Тоже.

Он не помнил конкретно ничего о её увлечениях, проблемах, о том, о чём она рассказывала на групповых сессиях, и потому не нашёлся, что спросить ещё.

– Так а почему ты называешь себя Луизой кстати? – без задней мысли спросил он.

К его удивлению, девушка молчала. Она как-то сразу осунулась. Сникла. Расстроилась что ли. Он явно сделал что-то не так.

– Что-нибудь было ещё интересное после того, как меня забрали? – всё-таки перевёл он тему на менее личную, как он подумал. Она тяжело вздохнула, будто резко вспомнив картину минувших дней. Как его, забрызганного кровью, быстро схватили санитары и увели в кабинет фельдшера. Паше интересно, продолжилась ли терапия, как себя повела Инга, чем они ужинали, говорил ли с каждым из них потом доктор Крашник. Но Луиза была лаконична:

– Ничего вроде.

«Молчаливый одиночка был интересен ей ровно до того момента, пока она не узнала его поближе», – так расценил он взгляд Луизы, когда мельком поймал его на себе. Смущение и стыд, непонятно откуда взявшиеся, проскользили по спине. Луиза, вероятно, сожалеет, что когда-то решила заобщаться с ним, чтобы «её перестали насиловать на индивидуальных сеансах». И она только и думает, как отсесть от парня.

Ему отчего-то стало совестно, что он разочаровал девушку. Луизу. Она ожидала, наверное, кого-то нормального, но познакомилась с ним. Ему захотелось извиниться и исчезнуть подальше от её взгляда.

Ну вот опять, настроение в помойку.

Когда же это всё нахрен закончится.

Он стал уже, кажется, завсегдатаем этого кабинета. С доктором Крашником они общались слишком часто. Помимо личных встреч, он ловил внимательный взор Крашника каждое утро при врачебном обходе. Да, таков порядок. Каждое утро – обход пациентов с базовыми вопросами, но раньше этим занималась Доктор Инга, излишне буднично, не прикладывая столько смысла, сколько теперь видит Паша в глазах своего лечащего врача.

Возможно, мысли последнее время (последние годы)

определенно двигались не в том направлении, и с тех пор как Паша оказался здесь, он задумался, что ему уже давно был нужен именно этот доктор. Нет, не в плане, что именно этот мужчина, доктор Крашник, а в целом – специалист. Потому что каким бы ни был сильным человек, ничья психика не железная. Права была Доктор Инга: «Человеческая психика не полотно – нельзя просто порвать её и затем попытаться сшить воедино». Всем когда-нибудь нужен мастер, как истасканной одежде – хорошая швея, как барахлящему карбюратору машины – автомеханик. Подлить масло, смазать детали, которые со временем не молодеют и только покрываются эрозией. А дальше сам, вперёд и с песней. Такая помощь нужна всем.

Хорошо, что в нынешних реалиях у общества отходит уже эта тема про «постыдность» обращения к психотерапевту. Потихоньку, маленькими шажками, но отходит. И это к лучшему.

Раньше он и сам был слишком brutальным, слишком сам себе на уме, во многом «слишком». Принципы упертого барана. Масло масляное. В итоге к чему эта его борьба с ветряными мельницами привела? Как и героя того романа Сервантеса – в личную психушку.

А вот с другой стороны, как Паше быть, если даже он сам себя не понимал? А доктор Крашник умудрялся пробираться сквозь эти дебри и помогал искать ответы.

Врач говорил, что стремление настигнуть Бога так же аб-

сурдно, как вера в то, что Богу есть до них дело. Но при этом без погони за Богом, без жизни ради Бога, для Бога, вопреки Богу, некоторые люди не могут существовать.

Врач говорил, что если бы можно было в профессиональной этике прописать вместо таблеток «религиозно уверовать», он бы прописывал это плацебо поголовно. С верой легче жить, верующих легче направлять в нужное русло и контролировать. Вот такого вот мнения был этот доктор.

Паше нравилось чувство избранности, которую он ощущал, когда Крашник делился сомнительными выводами. Доктор даже относился к нему по-особенному: что-то сложное, граничащее с профессиональным и личным.

Даже на сегодняшней индивидуальной терапии на Пашу он не смотрел так, как должен был смотреть на того, кто двумя днями ранее попытался выгрызть себе вены. А скорее, с интересом. Как на кубик-рубика, который после многочисленных профессиональных схем так и не получается собрать.

– Ты подружился с одной из пациенток? – начал он новую тему, как только они закончили с разбором прошлого гештальта.

– На самом деле, нет, – неловко начал Паша, продолжая рисовать на планшете, который ему выдал психиатр. Задание «нарисовать что-нибудь», что, в переводе на человеческий язык, в конце должно было наиболее образно отразить его внутреннее состояние. – Луиза... или как там её зовут...

сама подседа ко мне. Я ей вроде бы показался наиболее... приемлемым... Меньшим из всех зол, – он тщательно подбирал слова. Не хотелось компрометировать девушку перед врачом, который – на секундочку! – занимается не только здоровьем Паши, но и всех пациентов их отделения.

И если говорить честно, сложно представить, каким образом происходило это «насилие» на индивидуальной терапии. Просто не вяжется этот образ с его лечащим врачом. Но если такие комментарии есть, значит нельзя забывать, что человек перед тобой даже гипотетически способен на это. Всё-таки он психиатр, а к оным до появления в жизни Доктора Крашника Паша относился с агрессивным предубеждением... Из-за той институтской истории. Ну, в общем, Вы знаете.

В этом океане не бывает безобидных рыб.

– Она не нравится тебе, как человек? – уточнил док.

– Нравится – сильное слово. Я не против её существования, я понимаю, чего она добивается, но всё-таки не знаю, могли бы мы подружиться в общеизвестном смысле этого слова. Я вообще сложно схожусь с людьми, потому что быстро устаю от них.

– Ты вкладываешь много смысла в вещи, который другие люди делают естественно, по наитию, – усмехнулся Доктор Крашник.

– Да, я заметил.

На планшете красовался кривобокий, несурзный, выпол-

ненный линиями на чёрном фоне человек. В углу горело детсадовское солнышко, лучиками едва ли не пенетрируя в человека. Паша находил эту метафору забавной. Но он не настолько глуп, чтобы открывать свою душу посредством рисуночков, и потому просто пытается придумать, как наиболее точно донести до врача мысль о том, что ему теперь «перманентно никак». Не грустно, не одиноко, не холодно, не жарко. Просто никак. Паша надеется, док поймет.

– Когда ты был в школе, ты испытывал те же проблемы в коммуникации? – уточнил врач.

– Вы думаете, что со мной что-то произошло? Если хотели выяснить, *кто сделал это со мной*, так и спросите. Но мой ответ – нет. Думал, что это очевидно. Такими не становятся, такими рождаются. Просто со временем либо люди учатся контролировать это, либо... Оказываются у вас на приеме, – заключил Паша, смотря в упор на своего психиатра.

Мужчина сделал пометку в ежедневном дневнике истории болезни, и с видом выполненного долга закрыл плотную папку с номером пациента – с пашиным номером.

– Знаешь, Паш, за годы практики у меня были разные пациенты, – начал вновь врач, смотря всё так же доверительно. Но Паша чувствовал только то, как доктор разрушает иллюзию его уникальности своими следующими словами: – И понял вот что, – драматично затормозил он, Паша ловил каждое слово с непривычной надеждой: – Раскаяние – это самое прекрасное, что есть в человеческой природе. Когда человек

сам доходит до того, как был неправ и признается в этом в первую очередь самому себе. Вот такого я и тебе желаю.

Земля ушла из-под ног Павла, и если бы он не сидел, наверняка, бы навернулся.

Такие выводы о своём состоянии Паша делал и сам, но почему-то слышать это от специалиста гораздо неприятнее. Одно дело презирать себя, а другое – когда опытные люди подтверждают, что в тебе нет ничего, кроме самоненависти и бредовых идей. Ещё не хватало, чтобы док добавил: «Это моя работа, ничего личного, парень».

Именно в таких расстроенных чувствах Паша вышел из кабинета врача. Его спустили с неба на землю и оставили валяться скрюченной криветкой на холодном бетоне.

Хреново. Как же хреново.

Часть 12. Аддикция

«Рельефы Дворцовой площади на фотографиях совсем не похожи на оригинал, который ты увидишь своими глазами. Увидев его раз вживую, ты увидишь его вновь и после – во снах. Образы пережитого нахлынут, когда не ждёшь, и будут преследовать, стоит тебе хоть ненадолго абстрагироваться от настоящего и уйти в себя. В мыслях ты часто будешь возвращаться к той осени... Неделя, по продолжительности сравнимая с месячным отпуском, а по событиям и вовсе опережающая всю былую жизнь. Казалось, всё, что было до этой поездки, – разгон – взлетная полоса только для того, чтобы наконец взлететь и очутиться там, где очутился. Дома».

...Хотела бы Луиза так вспоминать своё первое самостоятельное путешествие, как пытается выдавить из себя эти строки – с должным восхищением и восхвалением... Хотела бы, чёрт возьми, но извечное неудовлетворение отрезало ей крылья, так и не дав взлететь. Доктор Крашник велел вести дневники и каждый день записывать хоть что-то. Что угодно, чтобы отслеживать её настроение и состояние. Писать о каше с комочками не хотелось, впечатления и мемуары из заперти не годились, поэтому она импровизировала, что-то выдумывала, с каждой строкой погружаясь в реальные вос-

поминания.

Луизу окружали изящные, старые, архитектурные строения Петрограда, брусчатые кладки уютных улочек, дворы-колодцы и по-настоящему питерская эстетика. Посетив Эрмитаж, первое время она ощущала приятное потрясение и слабость, как будто только сошла с американских горок на надежную твердь земли. А спустя несколько часов все чувства так же бесследно покинули её, оставив на память только несколько особо значимых фотографий на фоне экспонатов. Кстати, интересное наблюдение: когда она смотрела на эти фотографии, чувствовала лёгкую зависть к той себе – фотографии создавали впечатление инстаграмной дивы, для которой пройтись по картинной галерее Эрмитажа – как за кексами в кафе прогуляться. Облик красив, но вспоминая собственные чувства в тот момент – чувства той девчонки с фотографии, – Луизе становилось грустно. Как будто ожидала большего.

И это ужасно. Ничего не способно полностью удовлетворить её потребность. Ничто не способно наполнить её такими эмоциями, чтобы захотелось стать пламенем и сгореть, рассказывать об этом каждому встречному-поперечному.

Отвратительно понимать, что ты бракованная. Закрадывалось сомнение, что и другие эмоции, вроде сочувствия, нежности, заботы, гнева, любви она лишь имитировала, а не чувствовала в полную силу.

Может, она зря переживала, и это лишь её особенность?

Хотелось надеяться, что она не одна такая. Может, многие тоже не чувствуют то, что воспевается на экранах фильмов и сериалов, о чём слагают поэмы. Может, многие также ничего не чувствуют, но бояться в этом признаваться из правил приличия?

Она начинала чувствовать, только когда восприятие плыло под давлением ноотропов, кофе или алкоголя. Как будто бы последний жалкий комочек чувств мобилизовался и, как брошенный котёнок, выползал наружу из канализации.

Тут она и смеялась, тут она и плакала, тут она и взхлеб рассказывала, как любит и хочет быть любимой в ответ.

А на утро воспоминания казались искусственными, пережитыми как в компьютерной симуляции, – словно она передавала управление кому-то другому.

А ещё очень тошнило от алкоголя. Не в момент, когда его пьёшь и не когда организм исходит на ругательства с похмелья. А в целом. Ассоциации не очень.

До жути иногда пугало осознание того, чем алкоголь является на самом деле. Токсин, который призван быть опиумом для мечущихся душ. Притуплять и подавлять. Такова его политика. Как кнут и пряник в одном лице. Когда Луиза находилась под действием алкоголя, даже тянущая к земле тошнота казалась чем-то далеким, неважным – уж точно не

важнее лампы на потолке больничной палаты, которая без устали кружится перед глазами, пока лежишь на спине. А на утро чувство вины и обещание «никогда больше».

А как она вела себя под алкоголем в прошлом... Канаты и барьеры, тщательно выстраиваемые ею всю жизнь, заградительные учреждения, колючие проволоки – всё это игнорировалось девушкой. Верёвка на собственной шее ослабевала, и тотемное животное Луизы приобретало больше власти. Ходить туда, куда тянет, говорить без жёсткой самоцензуры и выражать себя, невзирая на иные мнения. И никто уже не мог её ни в чем обвинить. И никто не мог сделать больно. Именно поэтому действие алкоголя девушку так коробило. Из-за дурацкого вопроса на утро: «Почему я это сделала?». Ведь это была «она» и «не она» одновременное. Луиза Шредингера. Она на своей шкуре осознала, что значит «чёрт попутал». Потому что именно так это и ощущалось.

Бутылку она всегда ставила подальше – давнее правило, которым она не собиралась пренебрегать даже в больнице. Садилась со стаканом, в котором обычно пила чай, но не в этот раз, и занималась параллельно делами, на которые смог вдохновиться её захмелевший мозг. Смотреть сны под грузом 13-ти градусного сухого казалось бессмысленным, потому что ни вспомнить великолепный сюжет, ни оценить ра-

боту собственного мозга она была не в силах. Весь сон впустую, вся ночь впустую, драгоценное время безмятежности, выторгованное у падкого на взятки санитаря – впустую. Потому отвлекалась она на что-то более продуктивное. Думала. Рисовала. Писала в дневнике эти ссаные записки доктору. Творила. На утро полученные бредни казались настолько гениальными, что она порой сомневалась, что это написала она, а не вульгарный псих из соседней палаты.

И так было всегда.

И бутылку она ставила подальше.

Долго хихикала над всяким. Над шутками в голове. Над своим лицом в зеркале. Над пятидесятилетней соседкой, которая в такие моменты становилась подозрительно умной и всепонимающей. Смешно было всегда, за исключением тех случаев, когда кто-то из «внешнего мира» портил ей всю малину своими моральными наставлениями. Верно говорят: «Не лезь в голову пьяному, он сам боится туда соваться».

Но пока бутылка стояла как можно дальше от ее «рабочего» места, всё было под контролем. Бутылка стояла так далеко, чтобы на случай, если она пойдет за добавкой и почувствуют вату под ногами, она могла остановиться. Не перешагивать порог. Не отключаться, пуская слюни на кафель со спущенными штанами в общей душевой.

Такого кстати с ней никогда не бывало.

– Луизонька, – донеслось до неё сквозь толщи воды. – Луиза, – повторный клич, и судно, на котором она уснула, затряслось. – Луиза, проснись.

Она приоткрыла чувствительные к свету глаза по одному, натываясь на мутную фигуру. Силуэт поплыл, и она зажмурилась, боясь расставаться с горячей, душной тьмой. Голос зачем-то опять просил её очнуться.

Луиза сдалась. Глубоко выдохнула и приподнялась на локтях, чтобы взглянуть в лицо нарушителю спокойствия.

– О Боже, ты дышишь.

Луиза хотела улыбнуться, узнав голос, но рот не двигался, высохшие губы не подчинялись приказам.

– Привет, – беззвучно прохрипела она. Напротив, на краю кровати сидела Юлия, соседка по палате, – женщина, как уже упоминалось, пятидесяти лет, потерявшая взрослого сына слишком рано и бывшая к этому совершенно не готова. Женщина всматривалась в то помятое нечто, что ещё вчера было лицом Луизы, а затем произнесла в ответ:

– Привет.

Футболка липла к спине. Луиза проверила на ощупь – да, так и есть, пот лился с неё ручьём. По лбу так же стекали две жирные капли вдоль линии волос.

– Сколько времени? – спросила девушка следом. Голос ещё не вернулся. Немного стыдно, что кто-то видел её позорные пробуждения каждый раз. – Я успеваю к завтраку?

Или... стоп! – В пластиковом окне без занавесок сидела тёмная ночь. Она что, сутки проспала?

– Не волнуйся, сейчас половина третьего утра, – опровергли губы цвета мрамора. – Мне показалось, что ты подозрительно не дышишь... – Луиза усмехнулась на эту реплику Юлии. – Я подошла, а тут ты в крови. Я и разбудила.

– Блин... – Луиза поспешно просунула руку под одеяло. – Только не это.

– Нет, – Юлия отвела взгляд. – Кровь изо рта текла.

– Что?.. – Луиза коснулась уголков губ и нащупала сухие корочки. Нетерпеливо почесала и сорвала одну.

Затем быстро встала и всё ещё полупьяной походкой скрылась в общей ванной, которая, хвала Небесам, находилась прямо напротив их палаты.

Луиза машинально осмотрела себя. Отёкшее потное лицо, красные глаза и обожжённые губы. Из уголка рта виднелись рубиновые корочки, стремясь ближе к уху. Винить себя уже не было сил. Умыться бы, да лечь досматривать мультики..

– Это укус. Я, когда выпью, челюсть не чувствую. Иногда могу сильно прикусить губу или щеку изнутри. До полноценного кровотечения это не дотягивает, – поделилась она матчастью с Юлией, присев на крышку унитаза. В ванной комнате были и ванная, и душ, и туалет, и кушетка – всё рядом с их палатой, и потому никто не был разбужен ночными переговорами.

Когда она вернулась в палату, Юлия, окаменев, сидела на

всё том же месте и не отвечала. Луиза отвесила себе мысленно подзатыльник: теперь Юлия наверное, брезговала быть с ней, увидев, как на кровати чётко проявились мокрые границы лежащего там тела, пережившего алкогольную агонию.

– Эм, знаешь, – стыдливо начала она. – Ведь доктору Крашнику не обязательно об этом знать...

Юлия бросила красноречивый взгляд и покачала головой.

– Я стараюсь, правда... – тихо произнесла девушка, не смея подойти. Чувство вины стрелбось в груди.

– Лу, я переживаю за тебя, – напоследок произнесла женщина и направилась к своей кровати. Луиза надеялась, что хотя бы у соседки получится досмотреть сегодня сны. Сама девушка стянула мокрую простынь и, стараясь не наткаться на стены, понесла её в специальную комнату. На ощупь засунула всё в первый попавшийся узел с грязным бельём, и только потом вернулась в кровать.

После того конфуза Луиза не пила уже три дня. Стойко держалась. Голова болела, было тошно и мучительно, и ещё до неприятного трезво. Мыслительный процесс предавал, напоминая, что заначка ещё не совсем пуста.

Дела в группе не улучшились. На личных встречах с психиатром он недовольно отмалчивался, читая ее как открытую книгу. Да так жестоко, что корешок выгибался и уголки

страниц закручивались под таким взглядом.

И помощи попросить не у кого, потому что защищать её нужно от неё самой. Тот парень, что приглянулся ей ещё в первый день, был занят куда более важными вещами. Болтал с Матерью-Природой и на групповых сеансах отмалчивался. Эгоист сраный.

Искать помощи неоткуда и незачем. Но Луиза знала, что скоро всё придёт в относительную норму, если продержаться ещё немного. Впервые она столкнулась с «постзапойной депрессией» в семнадцать. Состояние отмены. Пьяная эйфория сменялась апатией. Луиза ненавидела и презирала себя в эти дни. Длилось это состояние цепкого самобичевания два дня, но потом обычно отпускало. Сейчас оно опять напомнило о себе, но в этот раз Луиза, наученная опытом, знала, что делать, а чего избегать. Всё почти хорошо. Но руки по-прежнему тянулись к тайнику с бутылкой, которую она променяла у дежурного медбрата на наличку. И с этим бороться было сложнее.

«Две минуты до полуночи. Не одна. Ведь когда ты оглашаешь точное время, эта самая минута проходит. И не остаётся ничего. А сказав “Две минуты до полуночи”, ты выигрываешь запасное время. И вот они – последние 60 секунд, которые ты со скрупулёзной решительностью счита-

ешь в голове. Зачем? Да потому что тело хочет постепенно подготовиться. Чтобы слышать в ушах шум крови, а дыханием приглушить все остальные звуки.

И 3... 2... 1...

Ты срываешься с места и бежишь в направлении подвала, когда звенит звонок сирены. Безупречное произношение объявляет пожарную тревогу... Они заслужили гореть заживо»...

– Что пишешь? – спросила Юлия, подкравшись из-за спины и застав врасплах. Совсем не странно, что Луиза её не заметила. Мира вокруг словно и не существовало. Все мысли накрепко застряли в омуте записной книжки, из которой её вырвали в холодную реальность. Даже шариковая ручка, данная под расписку доктором Крашником, мазнула по странице страшной закорючкой.

– Просто пришло в голову, – она проводила взглядом последние бредовые строки и закрыла блокнот. На групповой терапии тот самый Паша разгрыз себе предплечье, и эта картина ярко отпечаталась в мозге. Хотелось написать что-то пронзительное, чтобы запечатлеть похожее безумие на бумаге, но пока это были только жалкие попытки.

Алкоголя не было в крови уже шесть дней. Непривычно скучно и слишком *нормально*. Зато из-за пустого ожидания ночи к Луизе иногда подкрадывалось вдохновение. Оно манило соблазнительно пальцем, и девушка покорно увлека-

лась.

Она старалась чаще писать свои уродливые наброски. Таким образом на мысли о выпивке не было времени.

Иногда они с Юлией разговаривали о жизни, и это было лучшее применение свободному времени. Юлия много рассказывала о юношестве, о неудачах в личной жизни, о том, что она подавала большие надежды, пока не забеременела от тренера. Луиза за время знакомства, кажется, узнала всё о её ребёнке. Сын был её жизнью. Тот так и не женился, не сложилось. Здоровье Юлии в один момент стало подводить женщину основательно, и сын вовсе переехал к матери. Долгое лечение, стационары, операции. Он ухаживал, как мог, жертвуя свободным временем и силами. Был опорой. О том злополучном тренере при этом Луиза больше ничего не услышала. В туннельной памяти Юлии были только её сын и то, как затем он погиб, оставив её одну, словно выбив из-под Юлии табуретку. Луиза слушала, сочувствовала, но должна была признаться, что не запомнила и половины полученной информации. Но это не значило, что ей не нравилось слушать. Тем более Юлия повторяла одни и те же истории по кругу.

В свою очередь, девушка поделилась мыслями о том, что она, кажется, алкоголичка в свои двадцать три года. Юлия пыталась её утешать, но девушке не удавалось воспринимать слова поддержки.

Таким темпом она продержалась до конца недели, что

приятно воодушевило девушку.

Луиза знала, что будет дальше. Либо просветление в рас-судке и «излечение» от зависимости, либо она сорвётся, и всё полетит в тартарары.

Решить, какой путь ей подходит, девушка до сих пор не могла. Выбор между ложным и призрачно-настоящим сча-стьем для кого-то кажется очевидным, но она себя знала: не сможет она быть счастливой ни с алкоголем, ни без.

Тем более, она ведь опять сорвётся...

Несчастный случай выпал на утро воскресенья. Привыч-ный распорядок дня и предвкушение полуленивого выходно-го обернулись для Луизы суматохой. Она не до конца очну-лась, когда их палата начала сотрясаться рыданиями Юлии. Женщина сидела, уткнувшись в подушку, вопила и стонала. Эта картина мазнула в памяти чем-то знакомым и отравля-ющим. Сонная, Луиза потянулась к женщине, надеясь хоть как-то успокоить, но Юлия упала на кровать, повернувшись спиной, и в её крике стали различаться слова:

– Мой ребёнок! Мой малыш! Почему я не уберегла тебя! Лучше бы я сделала аборт, чем вот так потерять тебя!

Что-то перемкнуло в голове девушки, сердце сжалось. В следующий момент Луиза просто встала, встряхнула волоса-ми и с толстовкой наперевес вылетела из комнаты.

Даже не хотелось думать, анализировать и винить себя. Только мстительный голос внутри: «Какого черта ты делаешь?». Но и это её больше не тревожило. Потому что она уже не сможет остановиться.

Она осознавала все свои метания и была на «ты» со своим безумием. Стакан за стаканом. Строчка за строчкой. Пока её не отпустит эта навязчивая картина, как Юлия бредила, повторяя: «Господи, почему ты забрал его, а меня оставил?! Почему он, а не я?!».

Лучше бы Луиза так и сидела в одиночке. От людей остаются только проблемы, даже когда эти люди уходят. Она заливала в себя непомерно много, подавляя рвотный рефлекс. Ей определенно был неприятен привкус терпких виноградин и осадок, царапающий горло. Но она и сама надломилась. Пошла трещинами. Её накрыло чувствами, от которых она убегала годами. Она вспомнила о своей беспомощности. Она вспомнила, как потеряла частичку себя.

Санитарки ещё домывали коридор, когда Юлия успокоилась и вышла из комнаты. К своему удивлению, она не увидела Луизу ни в холле, ни в столовой, ни в библиотеке. Проверив тайник девушки, она целенаправленно пошла на поиски. Не так много мест, где можно уединиться в больнице, но тем не менее, они есть.

– Маленькая пьянчуга, как тебе не стыдно? Разве такой

судьбы мы хотели для тебя? – приободрённая утренней истерикой, поприветствовала женщина, заходя в тёмную прачечную, которая обычно заперта. На горе грязных вещей нашлась зеленоглазка в объятиях бутылки.

Луиза не спала, но и не спешила отвечать. Взгляд гулял по помещению. Сколько часов уже прошло? Как она тут оказалась? Её лицо было напряжено. Единственная эмоция, затопившая её корабль, была старая боль. Нижняя челюсть неопределённо дрожала. Голова держалась, чуть накренившись, но ничего больше не предпринималось для организации удобной позы. Ноги изломаны в причудливой позе, как при ДТП. Позвоночник принимал на себя новую роль, повторяя изгибы пьяной ящерицы на куче тряпок.

Юлия хотела бы помочь. Но пьяная Луиза всех игнорировала. Если бы женщина увидела хоть отклик взаимного желания, Юлия определенно уже пошла бы к врачу. Он смог бы найти подход, при котором Луиза будет защищена от этой пакости. Но желания у Луизы не было.

– Ну что опять произошло-то? – нетерпеливо спросила женщина.

– А что, мне нужен повод? – прошептала Луиза. Обида на саму себя вышла на первое место, застилая все остальные чувства. Юлия молчала, видя слёзы, мелькнувшие на долю секунд на щеке девушки. Тогда-то Луизу прорвало: – Это моя жизнь. Здесь только я и никого больше. Не нужно сравнивать меня с... Хочу – гублю себя, хочу – спасаю. Я просто

могу уйти, и никому до этого не должно быть дела!

– Какой же ты глупый ребенок, – расстроено закончила Юлия и, присев рядом, совсем уж по-матерински обняла всхлипывающую девушку. Возможно, проблемы у них разные, но страдают они одинаково – беспробудно и самоуничижительно.

«В каждом человеке есть королевство. И всё, чего хочет королевство – людей, которыми можно управлять и которые будут поклоняться. В каждом человеке есть трон. На троне сидит Глава всего, и он выбирает: кто нужен, а кого уничтожить. Иногда на троне сидит холодный мозг, который хочет сделать, как можно лучше королевству. Он искренне переживает за его функциональность. Он отталкивает всех, кто может причинить вред. Но иногда там сидит сердце. И вот оно-то любит заставлять своё королевство пострадать. Гадкая сука.

У всех внутри королевство.

А у Луизы внутри только разруха. И на месте, где было два сердца, теперь не осталось ни одного», – писала девушка, вцепившись в последние крупички сознания, чтобы закончить мысль в блокноте.

Часть 13. Тоска

Стоит понимать, что помимо всего сказанного, существовал целый список манипуляторов, которые влияют на нашу жизнь и всячески портят её. На законных основаниях они насилуют мозг и принуждают к необоснованным поступкам. Доказывать их существование Паше, к счастью, не надо, но это не значит, что они его не бесят порой. На первом месте манипуляторов были сами люди. Точнее, их чувства. Ещё точнее, гормоны.

За агрессивным поведением тоже стояли определённые гормоны. В первую очередь, это норадреналин. Норадреналин и адреналин – два похожих друг на друга гормона, как по химическим формулам, так и по оказываемому воздействию на организм человека. Более того, адреналин синтезируется из норадреналина.

Но если норадреналин побуждает человека защищаться и нападать, то адреналин в критической ситуации блокирует страх, выводит из оцепенения и даёт толчок к самосохранению – к побегу. Ещё их любят называть неразлучной парочкой гормонов, где первый – «бей», а второй – «беги».

Когда им вздумается, тогда они и активируются, а ты вертись, как хочешь, и не отставай. Чем не маленькие зловередные паскуды?

Их братья-акробаты – окситоцин, дофамин, серотонин,

эндорфин и вазопрессин, – вообще нападают толпой, и тут от них никуда не деться. Они обезоруживают и вынуждают влюбляться.

Гормон – здесь, гормон – там. Ну разве честно сводить всё поведение до дюжины специальных веществ, вырабатываемых в теле, которые тебе не подчинятся?

Биологические потребности – основа основ нашей психической деятельности, постоянно сменяя друг друга, при помощи гормонов, они подталкивают человека совершать те или иные поступки, ставить цели и достигать их. Они – мотиваторы как сиюминутных, так и долгосрочных планов каждого из нас: биологические потребности движут экономику, науку, искусство и в конечном счете историю. А также, они те ещё гондольеры, которые активируются в самый неподходящий момент.

Некоторые называют это естественными реакциями, выработанными в процессе эволюции высшей нервной деятельности, подарком природы, с которым приходится только смириться, ибо отключить это нельзя¹.

И даже людей делят не по списку достоинств, а по способности контролировать свои «приколы»: холерики, сангвиники, флегматики и меланхолики. Но больше всего Пашу возмущало, наверное, нечто другое – «замкнутость» нервной системы, как бы глупо это ни звучало. Как закон сохранения энергии в замкнутой цепи. Можно объяснить и на при-

¹ Можно, но об этом не сейчас. – Прим. автора.

мерах: если человеку было слишком хорошо – забрать энергию; слишком весело – компенсировать человекофобией на пару дней; пережил тревогу – дать приток сил и мотивации; громкая истерика – обесточить чувства... и т.д.

Человеческая психика – такая тупица. Всё компенсирует и компенсирует... Уравнивает и уравнивает. Внутренняя Фемида. И это ещё не конец! Даже если у человека нет проблем, она сама создаёт их! Соберёт тоску из звездной пыли и засыпет человека ею по шею. Тоска от безделья. Тоска от хорошей жизни. Тоска от неизвестности. Тоска от предопределённости. Тоска по свободе. Тоска по стагнации.

Не лежитя человеческой психике спокойно, она же не Обломов и не тесто.

Хотя если обращаться к истокам... Откуда появилось слово тоска?

Обычно «тоска» считается словом того же корня, что «тщетный» и «тощий». Однако по мнению Даля, создателя словаря, «тоска» скорее является родственным со словом «тискать». Тоска буквально – «стеснение» в груди.

Забавно. Когда нашему разуму скучно, он тискает нас посредством нашей менталочки. Даже звучит дико.

На групповых сеансах таким эмоциям уделялось меньше времени, чем той же самой агрессии, желанию к самоистяза-

нию, адреналиновой ломке, хотя Паша с большим удовольствием послушал бы о том, что «все ноют, все тоскуют, и это нормально», – голосом Инги, разумеется. И что ещё лучше, тоска заразна – она перекинулась бы на всех. Настроение в окружении во многом определяет нашу душевную установку, задаёт ритм. Но может, если «немножко поныть» входило бы в обязательную ежедневную рутину человека, как перерыв на обед, Паша бы не чувствовал себя таким безнадёжным.

Вообще, эти мысли – это как раз одни из тех приливов, которые Павел обычно пресекает на корню, не давая им развития в голове, но только вот сегодняшняя беседа в группе опять крутится вокруг физического насилия, направленного на других, а Паше эта тема, мягко говоря, противна, и он предпочитает думать о чём угодно, чтобы не слышать следующего:

– Давайте представим ситуацию, – провозглашала новая доктор-стажёр, которая курирует их, пока Инга на больничном (или в отпуске, или уволилась, остается только догадываться), – когда возникающее желание выплеснуть ненависть, любовь, страсть, потребность в защите, можно выражать только словесно. Представим, что наше тело отключено и не может вмешиваться в спорные ситуации нашей жизни, и вместо этого у нас остается только язык. Вербальная и невербальная речь...

Введение в конфликтологию. Паша подумал, что эта де-

вушка не так наивна, как хотела показать, и всего лишь прощупывала сейчас почву. Отвлекала всеобщее внимание, чтобы у самой было время понаблюдать, изучить, обналичить и воспользоваться затем полученными секретами, которые выдавало наше тело. После доктора Крашника Паше во всех хотелось видеть его глубину и богатство разума.

Чёрт возьми, а ведь так обычно говорят про «бывших».

– Давайте представим в теории, что люди, с которыми мы конфликтуем, не хотят на самом деле конфликтовать, а всего лишь отвечают на наше агрессивное намерения. Как бы мы решали конфликты разговорами.

– А если они упёртые бараны, которые даже свои ошибки признать не могут? – поднимая руку и одновременно задавая свой вопрос, включился Макс. Тот, что с раздвоением личности и голосом отца, говорившим наказывать других.

– Вот я и говорю, – радушно продолжала доктор, – давайте представим.

Она многозначительно окинула Макса взглядом и, словно выбрав его своей целью, продолжила: – Как бы, к примеру, вы поступили с подростком, который проехал мимо вас на велосипеде и облил из лужи?

Макс стушевался. Ответ у него был, но кажется, озвучивать его он не решался.

– Ну предположим, не подросток, а ребёнок. Совсем уж первоклашка, – говорила доктор.

Вопрос был ко всем, но нервничал при этом только Макс.

– Ладно, двухлетний карапуз, который и говорить то толком ещё не умеет. Его ещё нужно всему учить.

– Ничего я ему не сделаю, – сдался Макс. Потому что, очевидно, была в нём рациональная часть, куда она денется.

– Будь он старше, – настаивала доктор, решив идти по градации.

– Мне бы потребовалось время, чтобы сказать себе ничего с ним не делать, – заученные Ингой слова резами уши, – даже если он мелкий шкодливый ублюдок, сделавший это специально.

– Хорошо, – удивленно заключила доктор, имя которой Паша никак не мог прочитывать с бейджика. – Взрослый дядька, – не обращение, а следующее условие.

– Раньше бы я, конечно, догнал его сраный велосипед и засунул в его тупую задницу, – начал Макс. – Но теперь... – он провел пальцем правой руки по браслету на запястье другой руки. – Я воспользовался бы временем, чтобы успокоиться. Чтобы расценить, насколько деяние данного субъекта были злонамеренны и были ли направлены лично на меня, а не являлись отражением его внутренних конфликтов.

Всем стало не по себе так же, как и курирующему доктору. Такой Макс, с промытыми мозгами и взглядом морального убийцы, пугал их больше, чем честный и жестокий задира, у которого все намерения на лице написаны.

Чувствовался дискомфорт. По крайней мере, дальнейшие сухие замечания доктора вибрировали неуверенностью в

собственных выводах и выбранной тактике. Наверное, именно поэтому она переключилась на что «попроще».

– Решение конфликтов может носить физический характер и в отношении самого себя. Очень хочется иногда сделать больно другому человеку, чтобы передать всю степень вашей обиды, ваших чувств, вашей страсти, чтобы человек «почувствовал», а не просто выслушал и понял. Но как навредить тому, кто и так чувствует и понимает?

Пространные объяснения – это их общая фишечка с доктором Ингой, заметил Паша.

– У кого возникало желание когда-нибудь навредить себе? – задала она вопрос к слушателям и обвела их взглядом. Пациенты тоже неуверенно переглядывались. С каким-то невысказанным протестом по поводу нового доктора. Паше нравилась их группа в такие моменты. Коллективный дух чувствовался.

Девушка уточнила:

– Ни у кого?

Ещё бы цыкнула: «Лес рук...», – для пущей картины.

– Ладно, перефразирую. Не жечь пальцы сигаретами и не кромсать себя ножницами, – произнесла она, но Паша резко вдохнул, как будто фантомное лезвие коснулось низа живота. – А например, наркотики, алкоголь, голодание, переедание, бег до изнеможения, работа по потере сознания. Я так понимаю, группа у вас продвинутая, – капля недовольства показалась в голосе, или доктора просто коробило, что кро-

ме Макса никто не идёт на контакт. – И вы понимаете, о чём я. Вред своему организму, который не оставляет очевидного следа. Жертва, на которую мы идём, чтобы «искупиться».

Она вновь обвела аудиторию взглядом, пока не нашла то, что искала.

– *Луиза*, – прочитала она имя на карточке. Инга знала всех поимённо, но ради новой докторессы на них нацепили бейджи. – Как вы справляетесь с трудными периодами?

В воздухе чувствовалось давление. Паше не нравилось, как на глазах сжималась Луиза, на девушку и так без слёз не взглянешь, в последнее время она закрылась и не выходила на контакт. Теперь кажется, что это по причине того, что насилие на индивидуальных сессиях ужесточилось. Ведь так случается, когда пациентам, к примеру, не подходит дозировка препарата? Дозировку просто бесконтрольно увеличивают, пока не получают хоть мало-мальский результат.

– Я... – прозвучал тусклый надрывный голосок и сразу замолк. Луиза глубоко задышала.

Хотелось бы, чтобы доктор Крашник прямо сейчас вмешался и победил зло, сконцентрированное, по мнению аудитории, в сидящей перед ними докторессе. Но он не спасёт их. У Луизы красноватые глаза и нежно-розовая растянутая толстовка не первой свежести.

Она как раскрытая рана, куда неугомонная врачесса-хулиганка тыкает палкой.

Паша внезапно спохватился и подал голос:

– Если бы вы взяли за основу свою историю, нам было бы легче по очереди открываться.

– Здесь я вынуждена не согласиться. *Павел*. Пример из моей жизни и мои методы не идут в сравнение с вашими ситуациями и вашими жизнями. И уж точно не помогут понять вам.

– А вы попробуйте.

– Я, – она даже приложила руку к груди, демонстративно объясняя, – разбираю проблемы в голове. Ищу решения сама. Если не нахожу, иду за советом к близким. Если же нет, обращаюсь к научной литературе, – быстро отрапортовала она, как по учебнику. – Ну, как? Сильно помог мой пример?.. Как бы вам попроще объяснить, у меня это *проработано*, это...

«Это другое».

– Приведите нам пример из собственной жизни, конкретный случай, а не абстрактную установку, – продолжал Паша, переводя весь огонь на себя, но это лучше, чем смотреть, как гибнет под обстрелами Луиза. – Это помогло бы нам понять, насколько глубоко надо копать, чтобы понять те сложности, к которым вы хотите нас подвести.

Очень хотелось сказать «подвести, как к обрыву, и столкнуть», но Паша подумал, что пока надо обходиться без крайностей.

– Я вполне простым языком задаю вопрос. Мы ещё даже не приблизились к сложностям. Это пока только *база*... У

нормальных людей это как раз-таки проработанный навык. А мы с вами...

– Вы то разделяете нас, то объединяетесь с нами против всего мира. По какую сторону вы стоите?

Было видно, что докторесса закипала.

– Нет, я никого не разделяю. Мы здесь все разные, но чтобы разбирать наши истории, нужно представлять нормальные, обычные условия и ситуации. Как если бы мы были нормальными... То есть.

Паша ухватился за это:

– Вы считаете, что для нас применимы обычные ситуации? Но мы – необычные! Мы – другой человек! – отчаянно на полном серьёзе выдал он. Возможно, почувствовав растерянность и слабость собеседника, Паше хотелось надавить на эту точку как можно сильнее. Узнать, сколько нужно приложить сил, чтобы выбесить профессионала. Это, конечно, не Джокер, а всего лишь врач-стажёр, но и они не в художественном произведении. Чувствуя в себе зачатки пробудившего таланта, он повторил с куда большим пафосом: – Мы – человек! Это не *ты*, не *я*, не *они*... нет! Это ты, я, они... старик, Наполеон, Магомет... *в одном!* – он очертил в воздухе фигуру человека. – Понимаете? Это – огромно!

Со стороны послышался смешок, Паша с удивлением отметил, что Луиза закатила глаза с улыбкой. Она всё в той же закрытой позе, локти прижаты к груди, но одна рука у лица. Девушка прикрывала костяшками рот и пыталась не засме-

яться. Это настолько его приободрило, что он продолжал:

– Существует только человек, всё же остальное – дело его рук и его мозга! Че-ло-век! Это – великолепно! Это звучит... гордо! – мгновенная передышка. Он выдохнул полной грудью и продолжил с тактом, с расстановкой: – Че-ло-век! Надо уважать человека! Не жалеть... не унижать его жалостью... уважать надо!²

– Ближе к делу. Аллюзию о человеке мы поняли, – не осталась в долгу доктор, и приготовилась слушать дальнейший его бред.

– Я веду к тому, – продолжал Паша с блеском в глазах. От нервов выступили слёзы, но он старался замаскировать их, часто моргая. – Существует же такой «Закон социального пространства»: норма невидима. То, что всеми принято, как обычное, в наше поле зрения не попадает. А на таких психов, как мы, это не распространяется. Нас обособляют здесь, чтобы мы не мешали «обычным и нормальным» жить! И правда в том, *Светлана*, – Паша встал и наконец-то смог прочитать имя обомлевшей психиатрини. Зря она заикнулась при знакомстве, что очень ценит феминитивы, у Паши теперь только они и крутятся на языке. – Что мы всего лишь вариант нормы, ведь человеческая природа многообразна. Нет чёрного и белого, нет хорошего и плохого; есть черты, которые чаще распространены среди живых существ и которые встречаются реже, и всё. Не надо разбирать «Происхождение

² Монолог Сатина из пьесы М.Горького «На дне».

ние видов», Дарвина, чтобы понять это. Это всего лишь *природа*. И психика человека имеет огромный спектр вариаций. И все они для чего-то были нужны! Для чего-то появились в популяции! А разделяя на больных и здоровых, вы берёте на себя роль Бога! Вы ведь не хотите сказать, что считаете себя Богом? Потому что Захар Захарыч, – Паша указал на пациента в углу, – готов побороться с вами за это звание!

– Что ты несёшь? – в душе пробормотала докториня. Было видно, что ей хотелось ответить. Причём в куда более грубой форме, и слова «конченный псих» так и вертелись на губах, только одиноко стоящий вдалеке силуэт заведующего врача отрезвил её. Паша тоже только сейчас заметил вышедшего из коридора доктора, но останавливаться не смел, потому что осталась завершающая партия.

– А знаете, почему Захар Захарычу понадобилось сменить ипостась? Потому что иначе его ментальное здоровье не справилось бы с потерей сына, не создай он проекцию Высшего замысла!

Господи, дайте этому актёру смочить горло.

– И ведь у него даже не было желания мстить, потому что мстить некому. Случился несчастный случай. Винить кого-то незримого не получалось, атеизм не позволял. И именно поэтому он сначала *уверовал*! Затем поверил в то, что Бог – это никто иной, как он сам! А затем стал винить именно себя. И попав сюда, он наказал виновного, и груз с плеч упал! Разве такой сложный механизм можно назвать пагубным?

Да это же сверхразум в ветви эволюции. Справились бы вы самоанализом и советами от подружек с такими чувствами, как у Захар Захарыча? Справились бы?

Девушка упрямо смотрела, не моргая, закусив изнутри щеку. Как впрочем и все присутствующие, смотрела и молчала.

– Здесь нет больных и здоровых, – заключил Паша. – Может, это как раз вам место среди нас и это у вас есть непроработанные навыки? М?

Доктор точно будет недоволен, но чего ещё следовало ожидать. Какой по счёту групповой сеанс подряд был сорван Пашей? Парень не мог ничего с собой поделывать. Иногда подкрадывалось чувство, что ему специально подстраивали такие условия, но следом он отрекся от этого. Его эгоцентричность и так зашкаливала. Приходилось повторять себе, что слишком много чести, что его жизнь не настолько интересный экземпляр для «экспериментов над личностью». Да, он смотрел «Шоу Трумана», и *это совсем другое*.

Куда больше его сейчас волновала Луиза. После того, как доктор тактично вмешался и распустил группу на перерыв, она скрылась в своей палате, ничего не сказав. Может, где-то на краю сознания ему хотелось, чтобы произошедшее приободрило её, расположило к нему, к разговору, к чему-ни-

будь. Но она скрылась в своей раковине и не выходила до самого ужина.

Паша не хотел думать, почему его так волновало *мнение Луизы*. Он всё ещё помнил её разочарованный взгляд, когда они болтали на диванчике. Возможно, ему просто хотелось искупиться и выглядеть чуть лучше в её глазах. Или не по-этому. Пока не хотелось признаваться себе в чём-то ещё. Он оставил этот пункт самокопания.

Помимо всего, его волновало и *состояние Луизы*.

Есть такие люди, их очень много, которые навык манипуляции окружающими развивали на бессознательном уровне. Наиболее частая вариация управления другими это не властные приказы. Это жалость. Принуждение предложить себе помощь, даже не прося этого. Гуманно и необязывающе. Да, признаться, это тоже нормально и действительно на практике. Паша был в похожих отношениях, и он знает, что безвозмездная помощь приносит удовлетворение.

Тупое чувство.

Рыцарство в каком-то смысле. Но вместо «дамы в беде» мог оказаться кто угодно. Твоя коллега, начальник, сосед, соседка, друг. Конечно, все люди манипуляторы в своём роде, но те, кто выбирал принимать жалость к себе – манипуляторы следующего уровня. Теперь спустя годы, обжегшись, Паша различал их свободно в толпе. С ними не хотелось иметь дел. Больше никогда.

Сейчас кстати это называлось токсичностью и несамосто-

ательностью. Детским инфантилизмом.

Именно этого он не увидел в Луизе.

Она переживала что-то. Она, очевидно для всех окружающих, страдала. При виде неё появлялось беспокойство, но при этом, стоило посмотреть на неё с жалостью и желанием помочь, она вспыхивала и была готова наброситься на любого мецената.

Она понимала, что потерялась, но также она понимала, что уже не хотела найтись. Откуда взялось чувство тоски в таком юном возрасте? Кто сделал её такой?

Тоска – это отрицательно окрашенная эмоция, тяжёлое, гнетущее чувство, возникало в случае значительной неудовлетворённости человека в самом себе или собственной жизни. Всё, как по учебнику, который дал ему доктор Крашник.

В глазах Луизы было определено это. Влюбиться в жалостливый взгляд было бы *просто*, потому что жалостливому взгляду можно помочь. А если повестись на тоску, утягивающую на дно, душащую, безграничную, ты не получишь ничего. Ты влюбляешься в катастрофу. Вот почему ему так не хотелось анализировать собственные ощущения при мыслях о Луизе. Он достаточно умный, чтобы понимать, насколько он может влипнуть.

Часть 14. Первопричина

«Когда скучаешь по человеку, первый импульс – заменить его другими людьми. На худой конец – книгами, шоколадом, виски. Но это не замена, как мы думаем, а ничтожный самообман. Рано или поздно поймешь, что заменить бывшее не в силах, да и не нужно этого делать».

© Эльчин Сафари

Доктор назначил ему новое лечение. На уточняющие вопросы ограничивался: «Мне просто пришло в голову». А спустя пару тоскливых, лично на вкус Павла, дней, пригласил вновь в кабинет. Павел не до конца уверенный, что послужило причиной перемены в настроении доктора, всеми силами пытался вывести его хоть на какое-то откровение. Однако чувствовал, что оборона врача окрепла рядом с ним, на сегодняшней индивидуальной терапии они будут играть не по правилам Паши. Хотя с другой стороны, а когда было иначе?

– О чём мы будем сегодня говорить? – скрывая предвкушение, спросил Паша. Доктор, кажется, все ещё заполнял карту предыдущего пациента. Такой вот он – деловой, занятой, домовой. Доктор Крашник окинул его пытливым взглядом и вновь прирос к своим отчётам, начиная говорить:

– Я хочу понять, почему ты не позволяешь себе чувство-

вать.

– Я не... – смутился парень.

– Именно это ты и делаешь. Ты закрылся от чувств и выбросил ключ. Я бы хотел выявить весь спектр твоих эмоций. Давай поговорим о твоей первой любви.

«Прицельно бьёт», – подумал Паша. В последнее время воспоминания накатывали не только ночью, но и днём. События минувших дней пугали. Особенно если учесть, что на горизонте так непрощенно постоянно вьётся силуэт Луизы – или как там её. Вот такой подянки он точно не ожидал от своего мозга. Сойти с ума – да, пожалуйста. Попасть в лечебницу, принимать лекарства, искажающие твоё видение мира – с удовольствием. Открываться психиатру и идти у него на поводу – с удовольствием, он – открытая книжка, копайтесь, берите, сколько сможете унести. Но, чёрт возьми, опять на те же грабли?! Этого он точно от себя не ожидал. Однако химические процессы уже были запущены, и заблокировать их не получалось.

– Что вы хотите узнать? – нехотя спросил парень. Доктор расписался в правом-нижнем углу, поставив заключение, и закрыл папку с номером, явив всё своё внимание новому пациенту. Пашу это не обижало, он думал не об этом. – Да, очевидно, у меня были раньше отношения, мне тридцать два года.

– Отношений может быть много. Меня интересуют ключевые. Все мы понимаем, о каких идёт речь – первые, самые

болезненные, последние. Промежуточные тоже разберём, если время останется.

Почему его должно не остаться, мысленно усмехнулся Паша. Он сумел в прошлых отношениях собрать всё комбо – три по цене одного. Какие-то мимолетные интрижки до этого он не считал.

– Сочинять я ничего не собираюсь, – предупредил Павел, – вы ведь не против, если я сам решу, когда остановиться. Я не готов пока.

– Всё ещё болит? – лирично поинтересовался профессионал. Паша улыбнулся:

– Типо того.

Его всегда отталкивало само слово – эгоистичность. Потому что где это видано, чтобы он шёл вопреки чьим-то наставлениям и ожиданиям только потому, что чего-то по-настоящему хотел?

Он понимал, что это нездоровое поведение – бояться следовать велению сердца, – но не собирался с этим что-то делать. Он же не знал, что наступит момент, когда у него могут появиться желания, из-за которых он захочет наконец побыть эгоистом. Кто бы знал. К этому не готовил ни один преподаватель. А проблемка-то посерьёзнее глобального потепления.

Это было четыре года назад. После института. После кражи и первого ареста. После множества работ. Но *до* неудачной попытки самоликвидации. Так это назовём. Последнее стало, скорее всего, косвенным следствием.

История прозаичнее некуда – даже самому обидно, – он встретил девушку.

И ведь всё до абсурда шло нормально. «Нормально», понимаете? Слишком «как у людей». Пленительно и странно, как будто ему снова семнадцать, когда хотелось романтики, когда другой человек заполнял собой все пространство, и ты этим надыхаться не мог. Вспоминая это спустя годы, Паша воистину уверился в том, что его опоили. Подменили. Расплавили материнскую плату. Сбили заводские настройки. Не бывает так.

Собственные чувства в то время пугали так же сильно, как и манили. Он нуждался в этом, затем бежал от этого, а затем стыдливо снова искал возможности побыть эгоистом хотя бы наедине с самим собой.

Любовь страшила, ведь как бы хорошо ты ни отгородился, она каким-то образом обходила все защитные системы. Подбирала коды даже к таким, как Паша. Это страшно. Правда. И даже не понятно, за что ему такое «счастье». Скорее всего, чтобы забить потом камнями с удвоенной силой, разнося всю его личность на щепки, как будто из пушек бомбарды.

А как он умудрился-то?

Всё началось не в университете, даже не в период адапта-

ции на работе, – так что он не мог оправдать себя тем, что был юн или загружен, или в постоянном стрессе настолько, что ухватился за девушку, как за возможность переключиться. Нет. Он не был пьян, накурен, не хотел выпилиться. Таких мыслей даже в помине не было.

Он уже тогда был странноватым для общества. Обособленным по собственной инициативе. Единоличным и сверхнеобходимого трудолюбивым. Он уже тогда был поглощен идеей предопределенности мира и искал в действиях других людей подвох.

Не понятно, почему она обратила на него внимание. Не понятно, почему решила пройти сквозь все его дебри.

София.

Это должно было его насторожить. Насторожило бы *определённо*, но после появления Софии пришёл хаос.

Это не было в полной мере «профессиональной» работой – она была и робкой, и неуверенной, и пытливой, и в следующий момент могла остановить автобус аварийной кнопкой, увидев на обочине брошенную собаку.

Только спустя время он понял, что нашёл в ней – она была всем тем, чем он никогда не мог стать, – она была живой и настоящей. Нормальной. Нормальности ему, запутавшемуся в недрах собственных дум парню, тогда и не хватало.

Всё закрутилось быстро и без его ведома. Сначала Павел никак не реагировал на кокетство его новой подружки, принимая кофе с пышной пенкой. Она ничем не отличалась от своих предшественниц – всех Паша неумолимо бросал спустя неделю, бросил бы и эту. София постепенно заняла его комнату в съемной квартире, сложила вещи для сна на полку, оставила базовый набор косметики и зубную щетку в ящике стола. Молодой и не искушенный в таких шалостях девушек Паша насторожился.

Она должна была понимать, что он с ней ненадолго, но всё равно Софи целовала его по утрам и улыбалась так *неправильно*. Каждый раз это вводило его в ступор на пару секунд, а в груди не понятно от чего кололо. Паша не собирался знакомить её с коллегами, знакомыми или близкими, потому что он пообещал себе, что эти отношения закончатся, как только она станет бесполезной. Когда-нибудь, в скором времени.

Паша брал для неё сладкий капучино и избегал смотреть в глаза, чтобы она не вкладывала в этот его поступок больше, чем он. Паша не хотел получать от неё подарки. Паша не хотел хранить на видном месте что-то, что будет настойчиво напоминать о девушке, когда та уйдёт. О её запахе на подушке или лоснящихся волосах, в которых спокойно засыпать, парень предпочитал не думать и вовсе. Павел не позволял себе думать о ней больше положенного, насильно выгонял из головы и не звонил во время перерывов на работе.

Это лишнее, а она не из особенных, повторял про себя. И не обращал внимания, что сердце стало подводить, когда во время неприятного кошмара она прижималась к его груди, а слезинки катились на его кожу. Паша ненавидел себя за то, что трепетало в нём в такие моменты, и что инстинкты твердили «защитить». Паша ненавидел, когда она кидалась ему на шею после долгой разлуки, потому что в таком случае невозможно было уклониться от её губ, а после и оторваться самому. Она просто удобная, она ведь должна была понимать это. Софии пришлось бы рано или поздно забрать свои вещи и рисунки из его дома. Паша ничего ей не обещал. Паша откладывал эту дату, потому что она всё ещё исправно выполняла свою роль. Была там, где нужно, пусть и временно. Паша позволял себе целовать её дольше во время прелюдии, растягивать близость так, как он привык только с ней. Наверное, в этом её единственное отличие: с ней хотелось целоваться, а не спать. Но парень мог отказаться от своего влечения. Он не первый раз плевал на чужие чувства, вскоре плюнет и на свои, и на её.

Твои речи, твои фантазии, все твои слова, когда ты говорила обо мне и тебе. Всё это нашло во мне отклик.

Такое не может оставить равнодушным.

Если бы мне было это неприятно, я бы сразу сказал, но я глубоко в душе... Тоже хотел...

То же.

Чего-нибудь. Хоть чего-то.

Я думаю, мы сможем сохранить это.

Я искренне полюбил то, что происходит между нами.

Ты – океан, в который я возвращаюсь после тяжёлого дня на суше.

Ты – нечто эфемерное и обволакивающее всё моё существо, даже без физического воздействия, ты значишь так много для меня.

Твоё тело манит меня и, кажется, я бы исследовал его, как произведение искусства...

Языком.

Ты заслуживаешь тщательного изучения.

Я был... очень одинок. И многим тебе обязан.

У меня нет права что-то обещать...

Но сейчас, физически, я готов на что угодно с тобой...

Всего этого Паша не мог рассказать доктору Крашнику. Ни подробности переписок, ни долгих разговоров, ни границ личности, которые они прощупывали друг в друге... Поэтому он ограничивался фактами. Девушка. Отношения. Клас-

сика жанра. Вокзал.

«Ночь. Улица. Фонарь. Аптека».

– И чем же всё закончилось? – склонил голову психиатр. Он как-то сник, словно ожидал большего.

– А оно и не закончилось.

Был всего один урок, который Паша познал из этого опыта отношений: он может получить всё, только если это «всё» не будет значить для него слишком много. А как только он привяжется, то сразу всё потеряет.

Так произошло и в их ситуации.

Они, по обыкновению, сидели на его кухне в квартире. Пили настолько крепкий кофе, что аромат разносился по лестничной площадке, заставляя морщиться привередливых соседей. В плетённой корзинке лежали засохшие булки и круассаны без начинки. Парадокс в том, что раньше они были их любимым лакомством, а затем они оба подостыли и продолжали покупать больше по привычке. София смотрела новостную ленту интернета, положив ноги на его колени, а он смотрел новости в телевизоре. В том самом, что маленький, устаревший, прямо на холодильнике, в двух дюймах от

потолка. Такие были чуть ли не в каждой квартире раньше, но теперь уже раритет.

Он поглаживал ничего не значащим задумчивым жестом подвернувшиеся ему ножки, чувствуя тепло и плавные приливы эндорфинов от простого нахождения рядом с ней. Настроение воистину хорошее.

В мире странным образом в это утомлённое утро выходного ничего не произошло, и София отложила телефон, вернувшись к кофе. Волосы собраны в низком хвосте, а не подомашнему растрепаны, как будто она собиралась сегодня на занятия. Она задумалась о чём-то своём. Естественное ли это было выражение её лица или перенятое у Паши, никто из них не вспомнит. Кофе взобрал всё её внимание, а внимание Паши фоном было рассредоточено на девушке. Он вспомнил, как она говорила, что от тугих резинок болит голова и она лучше коротко острижёт их, чем будет терпеть это. Странно, что Паше это вообще бросилось в глаза. Может, ему просто нравились её волосы. Они всегда приятно пахли.

Он приблизился к ней и, ведомый нежностью, которая не находила выхода, поцеловал её плечо. Она глубоко выдохнула и улыбнулась.

– Ненавижу, когда ты так делаешь, – полушутя произнесла она, толкая его коленкой. – В самый неподходящий момент.

– А о чём ты думаешь? – подал голос он, утыкаясь лбом в ее руку. София подняла на него внимательный взгляд, слов-

но раздумывая: «удачный ли это момент?». И всё-таки продолжила:

– Знал, что чтобы поступить на Актёрское, нужно всего лишь пройти вступительный экзамен?

– Ты думаешь об актёрстве? На четвертом курсе Банковского дела? – искренне спросил он. Она ведь это не серьёзно?

– Вероятно, я рассматриваю варианты, – как-то извиняясь, преподнесла она. – Вдруг что-то пойдёт не по плану... Ладно, забудь.

Неуютная недосказанность повисла в воздухе кальянным дымком. Что-то было не так в её тоне, и кто Паша такой, чтобы пропустить это мимо ушей.

– Почему ты хочешь попробовать? – невзначай продолжил он, чтобы лишний раз не позволить ей закрыться от него. – Ты же говорила, что тебе интересна офисная работа. Финансовый аналитик там, бухгалтер, кредитный эксперт. Чтобы подальше от людей и поближе к компьютерам.

– Интересна, но не так, чтобы заниматься этим всю жизнь.

– Вот оно как, – только и выдал он, не зная, что ещё сказать, чтобы образумить её. И затем вовремя одёрнул себя: – Моё мнение не должно играть ключевой роли в таком сложном решении. Я в любом случае поддержу тебя.

Девушка посмотрела, казалось, с надеждой.

– Я узнала, что... в области есть всего один университет. И в него не примут на бюджет даже с хорошим проходным

баллом.

– И что ты хочешь этим сказать? – у него было плохое предчувствие.

– Я должна буду уехать.

«Ого», – только и было в голове у Павла. Протест так и не сформировался в слова, отчего он продолжал сидеть с кружкой остывшего кофе. Мысли путались. Неозвученные аргументы отбивали сами себя, играя в пинг-понг. Ужас буквально взялся из ниоткуда, накрывая собой. Почему? Что с ним? Почему кажется, что земля уходит из-под ног? Подрагивали ладони, и сердце больно забилося в груди. София ждала ответа. Дышать тяжело. Он воспользовался предлогом и сбежал на балкон покурить. По пути чуть не снёс корзинку с булками со стола.

Позже он понял, что такое паническая атака.

София спустя время в тот же день поспешила рассказать, что хоть и первые экзамены через месяц, но собираться надо уже сейчас. А там она будет не одна. С ней будет подруга по переписке, с которой она договорилась жить, чтобы экономить на квартире.

Такими смелыми выводами она поразила его. Не в хорошем смысле, а скорее как ножом в спину. В тот момент, под неумело отрепетированные объяснения и жалкие обещания о том, что это ничего для них не изменит, он понял, что она давно планировала уйти. Планировала это долгие месяцы, а

он ничего не видел.

Это не было предательством в общепринятом понятии, но он всё равно посчитал себя преданным. Не только ею, а самим собой. Да, так будет правильнее сказать. Он позволил себе влюбиться настолько, что теперь оказался с этими чувствами один.

Чёрт возьми.

Он даже не дал себе времени пообщаться с ней, как прежде. Всё в нём оборвалось уже в ту секунду, когда она объявила о своём намерении. В тот же вечер он помог ей заказать билеты на ближайшую дату.

Следующие дни прошли как в тумане. Они вдвоём собирали вещи. Готовили документы. Рассчитали время от подъёма до регистрации на самолёт, чтобы точно не опоздать. Он даже вызвался проводить её до самого выхода на посадку, донести вещи и всё такое, но она была против:

– Так мне будет только тяжелее, – слёзно объясняла она, – пожалуйста. И я сама возьму себе такси.

– Ладно.

О да, они оба – эталоны нормальности.

Напоследок они отправились ещё раз прогуляться по набережной, зайти в любимое кафе, отобедать и выпить глинтвейн. Что, признаться, только сильнее разрывало ему сердце.

– Теперь ты будешь обязан мне звонить, – начала она поактёрски, включив камеру и записывая на видео-прощание.

– Грустно, наверное, покидать город? – подыграл он.

– Да, – поддержала София, смотря в камеру телефона, – очень грустно покидать город. Тем более, на такое долгое время...

– Возможно, навсегда, – полушуткой поддел он, хотя степень напряжения в этот день чувствовалась даже в таких незначительных перепалках.

– Навсегда? Имеешь в виду, что это была моя последняя осень, Паш, и уже завтра я скукожусь где-то в канаве? – энтузиазм Софии было не перекрыть даже чёрными шуточками, которые она выдавала всегда на нервной почве.

– Ужас-кошмар, – улыбался он, – не пугай меня такими заявлениями! Мы и так скоро дойдём до моста, пообещай, что там не будет никаких «прыжков веры»...

– Да, – кивнула она, оглядываясь по сторонам.

– Да и ты, к счастью, не «Вера».

– Подожди... прыжок веры? – переспросила она, повернувшись к парню с подозрением. Затем, вспомнив, воскликнула: – Нет! Прыжок веры – это когда ты падаешь, а тебя ловят. В коллективах практикуют, чтобы людей сплачивать.

– Нет, прыжок веры – это когда ты со ста метров прыгаешь в маленький стог сена, уходя от погони, – поправил Павел. Все-таки ему всегда нравилось, что их кругозор отличался.

Собеседница истерично хихикнул:

– Где такое развлечение продаётся? Я хочу!

– Вот в следующий раз увидимся, я покажу тебе! – произ-

нёс Паша, улыбаясь вполне искренне.

– Забились.

Она улыбалась очень ярко. София улыбалась ему так, будто это не последняя их встреча. Будто у них ещё есть шанс. А ведь в самом начале, как только она озвучила терзающую её мысль, она сразу сказала, что уехать собирается *она*. Она не допускала даже мысли, чтобы он поехал с ней... Паша не хотел заикливаться на этом внимание, но он заикливался. Он будет скучать по её улыбке.

– Очень весело, наверное, сейчас снимать деревья, – сказал парень это, вместо того, что крутилось на языке.

– Упс. – Девушка поняла, что всё это время не переставала снимать на телефон их прогулку.

– Я тут сто процентов не в кадре, ты – не в кадре. То, что надо, – Паша снисходительно посмеялся.

– А в этом и была задумка! Я хочу запомнить деревья. И набережную, – оживилась София. – Набережную эту прекрасную я тоже буду снимать!

– Да-да, пусть она тебе напоминает о...

Паше пришлось перехватить девушку под руку и резко дернуть на себя, чтобы освободить дорогу неуправляемому гонщику. Из-за неловкой заминки телефон в руке девушки чуть не улетел в воду, и парень, развеселившись, продолжал комментировать:

– И набережную снимай поближе к воде, и как тебя чуть самокатчик не сбил снимай. Да.

– Вот именно, – подтвердила девушка, улыбаясь в телефон самой себе в будущем. Той, которая с грустью будет пересматривать видео.

– Я то надеялся, они пропадут, – переведя дыхание, проговорил Паша, словно каждая минута тишины запечатлится на этом видео, как минута, прожитая зря, и всякий раз будет напоминать, что они не взяли от того последнего диалога всё.

– Самокатчики пропадут? – задумчиво переспросила София, чтобы удостовериться, что парень рядом с ней не начал уже нести чушь.

– Ну, знаешь, осень как бы наступила уже, – повел он плечами.

– Ты уже видишь снег? – махнув рукой, спросила София и зависла на мгновение, вновь заливнувшись на водном горизонте: – Блин, красиво. Но без снега осень не считается!

– А там, куда ты едешь, думаешь, будет снег?.. – выпалил парень, забыв о негласном уговоре обходить тему расставания.

– Надеюсь, да.

Дальше была череда событий. Случайностей. Череда дней, недель, месяцев в непонимании и шоке. Чтобы не потерять остатки рассудка, он вынужден был закрыться – чтобы та истерика, что уже расцвела в нём, не разошлась вет-

вьями в реальный мир и не показалась окружающим.

А когда лишаешь кислорода что-то более-менее живое внутри себя, умирает *всё без разбора*, медленно и мучительно.

– И ты просто сдался? Поставил на себе крест? После одной неудачной попытки в отношения? – поинтересовался доктор, до сих пор не впечатленный. Наверняка, он подозревал, что Паша ему недоговаривал, но давить не стал.

– Угу, – кивнул пациент, не поднимая взгляд.

– И после этого не встречал девушек?

– Встречал.

– И не пытался?

– А зачем? – пресёк он, рассекая хрупкую бязь доверия, вытканную между ними, снова закрывая в себе эти чувства. Неодобрение доктора он почувствовал сразу. Даже какое-то разочарование, смешанное с удивлением.

– Ты удивительный человек. В духовных вопросах ты преисполнен, а в вопросах бытовых, низкосортных, ты как ребёнок.

«Кто обзывается, тот сам так называется...», – почти добавил Паша, с по-детски надломленными бровями, но сдержался. Всего рассказать он не мог. Только то, что происходило в реальном мире на его глазах. Тот апокалипсис, кото-

рый он пережил в своей голове после расставания с Софией и дальнейших событий, он оставил при себе. Может быть, если бы он хоть раз дал волю своим чувствам и от души прокричался, всем бы стало легче, и цепь перипетий не привела бы его в психиатрическую лечебницу.

И ничего бы этого не было.

Как там говорят? Поздно пить боржоми, когда почки отказали? Или там было что-то про печень?..

Часть 15. Надежда

«Для наслаждения чтением нужна бездеятельность. Нужна неповторимая уверенность в том, что спешить некуда и что суть жизни не в результатах, а в процессах».

© Лидия Яковлевна Гинзбург

Есть особенная закономерность того, как Вселенная доносит свои знаки до Вас. Вы ведь даже и не задумывались, наверняка, сколько сил нужно приложить, чтобы в нужный для Вас момент вложить в Вашу голову нужную Вам идею. Легче всего соотнести это с явлением *детерминизма* – предопределённости событий. То есть, чтобы понять, нужно только *допустить мысль*, что эти процессы уже записаны в Системе задолго до Вашего рождения, и все они чрезвычайно необходимы для работы огромной паутины связей.

Возьмём, например, книги. Из всего множества книг, доступных Вам, во-первых, много хлама. Согласитесь. Не все книги нужно читать. Не все книги заслуживают быть прочитанными Вами. Во-вторых, нет у вас столько времени, чтобы разбираться в каждой. Но каким-то же образом Вы находите именно те книги, которые спасут Вас в определённый момент? Не учебник и не биография Джеки Чана, нет. Вы же прекрасно понимаете, о каких книгах идёт речь. Вспомнить только, как после полугода бессмысленного метания между

работой, учебой, домашними делами, вы начинаете элементарно терять себя. События путаются, как комки шерсти при линьке мейнкунов, и это всё срочно надо вычесать – спасти Вас от этой нагрузки. Вспомните момент, как вы нашли книгу. Он был до абсурда неприметен. Вы увидели название или красочную обложку; это был совет подруги или друга, которые прежде осыпали вас бесполезными рекомендациями. И почему же Вы зацепились именно за это название?

Вероятно, что-то ещё повлияло. Внутреннее угрызение совести, или желание пойти на поводу, чтобы от вас отстали. Или же солнечный блик как-то по-особенному упал сегодня на книжную полку, и вы заметили эту книгу? Чудеса, да и только, а вы не обратили внимания, потому что на следующий день уже утонули в книге с головой.

То, что кажется случайным выбором, никогда им по своей сути не является. Даже самые закоренелые психиатры-прагматики, логисты и натуралисты: Демокрит, Рубинштейн, Карл Маркс и Дарвин, – зачастую каждый в своей области сходятся во мнениях, что случайности неслучайны. Особенно в человеческой природе.

Не зря говорят, что если процесс чтения идёт долго, муторно, непонятно, – то это значит, что время ещё не пришло. Отложите книгу, над которой корпите уже которую неделю, и успокойтесь. Сила придёт к Вам, когда Вы сами будете готовы.

Книги... Да. Вы серьёзно думаете, что я сейчас имею в

виду только книги?

Вот только это относится ко всем сферам: к работе, к обучению новому навыку, наконец, к другому человеку. Более-менее удачливым людям осознание неправильности приходит быстро, и они расстаются с ненужным балластом, как-то по наитию. Бросают книгу, которую не хочется читать вовсе. Бросают работу. Бросают людей. А если не расстаются, то вероятно, тем самым идут против судьбы и уничтожают свою жизнь дальше. Но об этом пока не хочется. Самоуничтожиться мы всегда успеем.

Ответы приходят тогда, когда их не ждёшь. Сейчас я вот пытаюсь учить Вас жизни. И если Вы до сих пор тут, то так надо. Если хочется закрыть эти страницы, то сделайте это сейчас, либо останьтесь со мной ещё на одну чашечку кофе. Путь неблизкий, но может, и в нём Вы найдёте ответ, нужный Вам именно сейчас.

«Животные тоже страдают различными расстройствами, но только у человека болезнь может превратиться в способ бытия»³, – такие слова встретили Павла на первых страницах книги, которую ему дал доктор Крашник. Книга о том, как наш мозг может играть с нами, подменять понятия, менять вещи местами и издеваться при любой возможности.

³ «Человек, который принял жену за шляпу», – Оливер Сакс.

Тяжёлая книга. Паше показалось, что Система уже прямым текстом говорила ему: «Ты болен. Здесь не за что бороться, отпусти свою защиту и дай доктору сделать всё за тебя».

Или это инициатива не обделённого умом доктора Крашника, чтобы его пациент перестал сопротивляться. Нельзя забывать, что тот являлся специалистом в области мозгокопания и даже знал техники гипноза. Амитал натрия, кстати, был призван высвободить все подавленные воспоминания, помогает при некоторых формах амнезии и потере памяти в состоянии аффекта – это Паша тоже узнал из книги. А затем нашёл глазами на полке врача похожую баночку с названием и формулой. И о техниках ещё тысячи таких и подобных манипуляции тут и говорить не надо. Доктор Крашник сам являлся именем нарицательным для манипуляции. Прямо как гормоны, которые без спроса включались и регулировали нашу жизнь тогда, когда им так казалось правильным.

Но тем не менее, книгу Паша поглотил, как касатка рыбу. Он привык докапываться до подтекстов и смыслов там, где того не ожидаешь. Такой вот он землекоп. Два с половиной землекопа.

Так вот, о чём он. Подсунутая под нос книга оставила после себя осадочек. Выйдя следующим утром на групповую терапию, он будто заново взглянул на знакомых людей, а некоторых как будто *увидел изнутри*. Как будто к нему вернулась память про этих людей, о потере которой он и не догадывался.

«Потеряв ногу или глаз, человек знает об этом; потеряв личность, узнать об этом невозможно, поскольку *некому* осознать потерю», – непрощенно мелькали цитаты из книги, и сначала Пашу даже пугало, как он не пришёл к такому заключению сам.

Мать-Природа не осознавала, что она сошла с ума, потому что не осталось этой самой Матери-Природы. Ничего в ней не осталось от человека, чья бдительность и внимательность, наверняка, опознали бы в себе потерю ноги или личности.

Так что все мы могли быть больны, весь мир мог быть болен; а если болезнь повсеместна, и легализована, то заметить её не сможет никто, пока не станет слишком поздно.

Кстати, о том самом «поздно». Кажется, Паша упустил момент, когда потерял контроль. Он ведь находился здесь с определённой целью, он знал, что нельзя позволять промывать себе мозги. Однако позволил. И никакое оправдание его не утешало.

«Ты должен был бороться со злом, а не примкнуть к нему», – не из книги, однако тоже к месту.

Пора было вспомнить о первоочередной задаче. Он ждал момента освобождения своего протеже из-под стражи. Он ждал, когда из комы выведут его друга по несчастью.

Неожиданно?

Его тоже неожиданно это осознание ударило, как обухом по голове, заставив очнуться. Возможно, осознанию этого поспособствовала книга, но как уже было сказано, ничего не

происходило случайно. Если бы не книга, то это сделал бы его психиатр какими-нибудь окольными путями. Если бы не психиатр, то Луиза, начав задавать чрезвычайно личным вопросы. Или какая-нибудь Зоя Кирилловна – одна из пациенток, чьи летаргические приливы приходили неожиданно и кого угодно могли привести в состояние *вынужденной рефлексии*.

Он самозабвенно и отчаянно шестую неделю ждал своего друга здесь. Он надеялся, что тому станет лучше. Когда Паша звонил и узнавал по телефону с разных номеров о состоянии парня, ему называли размытые сроки. Всё-таки травма спровоцировала кровоизлияние, и чтобы предупредить осложнения, его друга ввели в искусственную кому. Это нормальная практика. Временная мера. И вот, пришло время его бы и разбудить, но что-то никто не торопился. Паша звонил каждый день. Почему его не будят – нет информации. С кем можно это обсудить – нет информации. Можно поговорить с его лечащим врачом – нет информации. А Паша не из тех, кого остановит бюрократический лабиринт. Может, не самым умным образом, но он нашёл лазейку.

Легче будет наблюдать за ситуацией *изнутри*, подумал он.

И вот Паша уже полтора месяца в отделении психиатрии. Ничего, если честно, не сдвигалось с мёртвой точки. Говорить с кем бы то ни было и расспрашивать о другом пациенте было бы неосмотрительно. Доктор Крашник в два счёта раскусил бы его – тут тупик.

Был ещё один вариант. Долгожитель этой психушки, за-
всегдае этого бара для душевнобольных – вышеупомяну-
тая Зоя Кирилловна.

Что Паша знал о ней из коротких переговоров пациентов
и медиков? Её также сплавляли сюда родственники, которые
не сумели найти альтернативу (или общий язык с ней, ибо
человек она сложный с большой буквы). Её место тем не ме-
нее всегда было у стены. Не потому что оно самое удобное,
просто она откровенно подзадолбала разговорами всех. И
пациентов, и санитаров, и врачей, и даже дежурантов-одно-
дневок. Всех. Даже саму себя. Она как будто бы ощущала
свою неуместность, но ничего не могла с этим поделать.

Никто первым её не трогал, потому что знал, чем это чре-
вато. Зоя Кирилловна могла заговорить насмерть кого угод-
но. Такая информативная дама не могла не привлечь внима-
ние Паши, но пока он адаптировался и свыкался с положе-
нием дел, он не мог пойти с ней на контакт. Так что сейчас
было наилучшее время для официального знакомства.

Уверенной, но неспешной поступью он направился в об-
щий зал. Сегодня не предполагалось никаких сессий, па-
циенты свободно разбрелись по этажу. Кто-то читал, кто-
то смотрел на телевизоре зацикленный концерт балета, ло-
вя вьетнамские флешбеки, кто-то, как Паша, затевал только

шалость и стремился осуществить её.

Зоя Кирилловна, тяжело ходящая и в целом медлительная, уже минуты три шла на ходунках до своего места в углу. Люди её не устраивали, нечего было с ними якшаться, они вон все какие-то больные ходят. Люди ей не нравились здесь. Но хотя бы к диванчику она не предъявляла никаких требований. Диванчик её устраивал.

– Разрешите присесть? – нависая над ней своею тенью, спросил Паша, подкравшись исподтишка. На парня уставились тусклые недовольные глаза старушки. Ответит или не ответит? Пошлёт или не пошлёт? Наверное, она и сама ещё не решила, поэтому не дожидаясь вердикта, Паша присел.

Как и следовало ожидать, он застал её врасплох, а первой реакцией даже у самых одиноких и голодных до нормального общения людей будет отторжение. Отторжение тех, кто проник в личное пространство. Зоя Кирилловна нахмурилась и выбрала выжидательную тактику, чтобы ни в коем случае не идти на контакт первой. Поэтому надо было располагать её к себе планомерно. Систематически. По капельке, по шажочку в её сторону, и она бы сама растаяла.

– Часто здесь бываете? – глупо начал он, потому что какую бы чушь он ни нёс, потом это неловкое первое впечатление будет перекрыто чем-нибудь ещё. Например, чем-то ещё более ужасным. Хотя она уже и так многое видела на общих сессиях и заочно сложила представление о Паше. И его срывы, и фонтаны крови, и две драки с Луизой... Терять

ему нечего. – Не хотите прогуляться?

В ответ тишина.

Краем глаза он заметил взгляд дежурной медсестры. Та нахмурила брови и в удивлении наблюдала за процессом. Согласен, ситуация из ряда вон.

– Мне бы хотелось обсудить с вами одно занятное происшествие, – попытался Паша вновь. Глаза её были красивого василькового цвета. Смотрели в сторону. Склера неестественно блестела, и складывалось впечатление, что ей или вставили искусственный глаз, или как минимум заменили хрусталик. Жутко.

С другой стороны, жуткие женщины всегда были в его вкусе.

– Вы здесь долго, всё знаете, всё видите, – не спрашивал, а констатировал он. – И наверняка, знаете столько же, сколько врач. Мне нужно понять одну вещь, и было бы любезно с вашей стороны помочь мне.

Он ходил вокруг да около. Сразу выкладывать суть дела – лишать интриги. А вот потянуть время и ещё раз указать этой даме на её значимость – лишним не будет. Да и что-то подсказывало Павлу, что с высоты лет ей может быть элементарно скучно от однообразия людей и атмосферы вокруг. Порой всем нам скучно, а развлекаться, гуляя по своей голове, может надоедать. В общем, Павел всеми силами убеждал себя, что был так же необходим для Зои Кирилловны, как и она для него.

– Мир ведь не рухнет, если вы со мной заговорите? – вновь подал он голос. Женщина смотрела на других пациентов установленным, словно отретпетированным взглядом ворона с вершины холма, не обращая на парня внимания. – Я бы предложил вам выпить чаю. Слышал, здесь делают отменный чифир.

Он заламывал пальцы в замке, постукивал ногой по полу, стараясь даже на невербальном языке изъяснить свою заинтересованность в собеседнице.

– Вам, может, хочется сладкого? Я могу подсуетиться.

Королевские предложения осыпали её, но результата не приносили. Паша начал перечислять ассортимент всего, что видел сегодня на раздаче в столовой – ватрушки с творогом, печенье, похожее на хворост, птичье молоко, булочки, солёные крекеры, – всё то, что ещё можно было выклянчить у медсестричек. Он следил за изменениями в поведении женщины. За ответ принял бы и подергивание поредевших ресниц, и движение пальцев рук, перебирающих кайму платья, даже излишне резкое дыхание пытался истолковать за ответ, но она не подавала вида.

Провально.

– Ладно, могу на свой вкус взять. Брусничный морс, например. И булочку с малиновым джемом. К примеру, да. Или вы блюдёте за фигурой? – не унимался он. – Ладно, я мужчина, я решу за вас.

Отрапортовав, он уже собрался встать, обходя её ходунки

и смотрел в сторону кухни.

Она внезапно задержала его за рукав рубашки.

– Круассаны с шоколадом. Укради столько, сколько сможешь унести, и только тогда мы поговорим.

– Договор, – Павел довольно кивнул и пошёл в нужном направлении, стараясь сильно не улыбаться.

К нужному делу они так и не перешли. Он осознал на своей шкуре, как Зоя Кирилловна могла заговаривать кого угодно, и её жертва даже не осознавала того, как пролетали часы. Так и Паша упустил возможность выведать информацию. Но если честно признаться, он мало об этом сожалел, потому как женщина эта оказалась на удивление проницательная и многогранная.

Пришло время вечернего обхода. Пациенты разбрелись по палатам. Вечером измеряли температуру, разносили таблетки, справлялись о настроении пациентов и напоминали о дневниках самонаблюдения – это уже для тех, кому они были показаны, чтобы отслеживать «прогресс».

Луизе с недавних пор тоже поменяли терапию, потому что доктор распознал, что она не отвечала на его лечение, и специалисту было крайне интересно, в чём же дело. Кажется, там был замешан санитар – это Паша узнал, сплетничая с Зоей Кирилловной на обеде. Он был благодарен и этому. Было

ощущение, словно между ним и Луизой поставили перегородку, и парню никак за все эти дни не удавалось обойти её, чтобы пересечься с девушкой. Поэтому, может быть, и разговор с Зоей Кирилловной его так увлёл.

Она рассказывала, что в молодости её главной страстью был альпинизм. У них был целый тематический лагерь с единомышленниками, которые как только позволяла Партия, собирались все вместе и отправлялись рисковать жизнью. Горные хребты Кавказа, богатая природа Алтайского края, заснеженный Краснодар. Её рассказы были словно из прошлой жизни, и Паша подумал, что, вероятно, так оно и было. Жизнь была тогда, а теперь у Зои Кирилловны остались лишь воспоминания и травмы немогущего тела, не дающие ни вернуться туда, ни найти что-то новое. Её переход *на ту сторону* уже начался, но ещё не закончился, и это сильно досаждало, заставляя срываться на других и провоцировать иных почувствовать то разочарование, которое их ждёт в будущем. Всех их ждёт. И Павла, разумеется.

После разговора с ней захотелось помыться. Или сходить в церковь и постоять в тишине, чтобы соскрести с себя эти мысли, эту духоту и безнадегу. В сравнении можно было понять, что его жизнь не так уж и плоха, относительно дыры в её душе. Он ещё живее всех живых, оказывается.

Но к наступлению следующего дня он благополучно отпустил эти чувства и с новыми силами пошёл на контакт с этой женщиной.

Пугающая тьма, в которую снова нужно вступить, чтобы по выходе получить то, что ему нужно. Своеобразное подземелье с сокровищами, которое охраняет дракон.

– Вы мне напоминаете дракона, – так и сказал он ей ни с того ни с сего, когда во время беседы наступило затишье. – Знаете, такой долгожитель, который охраняет свои границы и спасается одиночеством. Чтобы не быть снова раненым и преданным.

– Ты по-своему мил в своей наивности, – в ответ произнесла она. – Я и правда долгожитель, Бог даст помнить, восемьдесят девятый год пошёл. Я похоронила всех, кого любила...

– Вам никогда не хотелось, чтобы историю вашей жизни хоть кто-то бы да знал? – задал он нескромный, по его мнению, вопрос, на что бабуля рассмеялась, развеяв флёр мудрости, который их окутал.

– Всем нам есть, о чём сожалеть по ночам, – глубокомысленно изрекла она. – Но не всё стоит того, чтобы быть рассказанным.

– После таких слов, обычно, люди делятся той самой мудростью, которую познали за свои годы. В чём секрет жизни? – продолжал Павел их нелепый пинг-понг штампов. Глубоко в душе он хотел думать, что она тоже понимает, как подурачки они выглядят. Но Зоя Кирилловна, несмотря на это, погрузилась от его вопроса больше, чем ему хотелось.

– Секрет-секрет-секрет, – нараспев выдохнула она, – В

чем смысл жизни? – она выжидательно сложила руки в замок на колени. – Как думаешь, ты осознаешь, где ты сейчас?

Так как продолжения не последовало, Павел включился в беседу, предчувствуя неладное:

– В больнице.

– Нет.

– В Новосибирске.

– Нет.

– В России.

– Нет, бестолочь, – она глубоко вздохнула. – Ты в гостях.

«Маразматичная бабка», – пронеслось в голове Павла, но вслух он и бровью не повёл.

– Да-да. В гостях. Ты в этом мире совсем недавно. Ну сколько тебе? Двадцать пять? Тридцать? Ты же только-только вырвался из-под опеки родителей и встретился лицом к лицу с этим миром. Даже не осознав, в какой мир ты попал и как действуют его законы... Да что там говорить, ты не осознаешь даже своей собственной силы, не знаешь, на что ты способен. Конечно, ты тут гость. Ты имеешь права на этот мир не больше, чем пришелец, прилетевший неделю назад.

– Пришелец?

– Я утрирую, – она закатила глаза. – Ты судишь о мире, как младенец. Но знаешь что? Эта колыбель человечества намного интереснее, если только позволить себе это увидеть. Пора выбираться из колыбели и посмотреть более осознанно на мир, который нас окружает. Ты мог бы сделать это с вы-

соты Джомолунгмы, но даже этого недостаточно, чтобы понять, как же ничтожно наше существование и как прекрасен мир, который приютил нас.

– Даже не знаю... – произнёс Павел. – То есть, вы хотите сказать, что чтобы понять всё это, мне нужно дожить до ваших лет?

– Не обязательно. Ты смышлённый. Кажется, о некоторых из вещей ты уже и сам догадался?.. – не успел парень ответить, как она продолжила: – А знаешь, перевари это и потом забудь. А то если будешь слишком много об этом думать, потеряешься в бесконечности смыслов и останешься здесь, как я.

Она сникла, придерживав себя на полумысли. Он ухватился за надежду на то, что она может что-то знать. Нет, она определённо *что-то знает*.

– Если с вами, то хоть на краю света, – попытался он пошутить.

– Я столько раз это слышала, но ни один падла не сдержал обещание, – озорливо проворчала она, и это больше прозвучало как точка в разговоре. Они сидели минуту, две, десять, наблюдая за другими пациентами, и канал на телевизоре никто так и не переключил. Показывали всё тот же балет под аккомпанемент Чайковского.

Она не была озорной старушкой, которая кокетничала с незнакомцами и улыбалась вставной челюстью во все двадцать восемь. Но иногда она могла примерить на себя и эту маску. Паша понял, что чем умнее человек, тем больше масок есть в его арсенале, чтобы уметь находить подход к тем, кто им интересен или полезен. Это не новость, но возможно, Павлу приятно знать, что в нынешнем его окружении не все так глухо. Если знаешь что искать, всегда можно найти это.

Нет, Зоя Кирилловна не бриллиант среди стекляшек. И она бывала занудной, и от неё можно было не меньше устать, чем от бубнящего деда с саморасстёгивающимися подгузниками. Все тут такие, и это не только его мнение. С людьми всегда есть такая проблема – когда они в своей среде и не прикладывают усилия, они все скучные и тупеющие на глазах.

Возможно, он и правда нигилист, по крайней мере, по собственным определениям, да.

Этими мыслями он поделился с Зоей Кирилловной.

– Да. Ты можешь назвать себя нигилистом, если полностью попадаешь под собственное представление того, кто это. Мне, кстати, непонятно, почему тебя это волнует. Это не такая уж сложная истина, чтобы дойти до неё, – проворчала она. – Нигилист или сволочь, какая разница, не пойму. От того, что ты подберешь слово посимпатичнее, сам ты симпатичнее не станешь.

Всё-таки в этом она была неизменна. Опровергать – её суперсила. Ставить в неловкое положение – навык восьмиде-

сятого уровня. Выставлять глупцами – кредо по жизни. Тут не важно, какого мнения она придерживалась на самом деле. Важнее спроецировать его так, чтобы с мнением собеседника не совпадало. Вот и всё на этом.

Безусловно, был и толк в этих разговорах. Мимолётом она могла проронить какую-то важную информацию, а Паша, как уборщик в зоопарке, бегал за ней с мешочком и подбирал.

Они сидели всё так же в общей гостиной. Для вида Паша принёс шашки, к которым они так и не притронулись, но выглядели на их фоне более импозантно. Мимо сновали пациенты. Обычный вторник. Они пили чай и сплетничали о врачах.

– Мне нравится его подход, – проговорила эта возрастная пациентка, когда речь зашла о докторе Крашнике. – Он *объективен* не на бумажке, а на самом деле. Знаешь, как пишут на пачках сигарет «Рак», «Бесплодие», «Мучительная смерть», а на бутылках алкоголя «для лиц старше восемнадцати лет». А если бы этим табачным и алкогольным лобби заправлял наш психиатр, он бы, наверняка, на обратной стороне писал о положительной роли этих аддикций. «Расширяет кровеносные сосуды, улучшает кровоснабжение мелких сосудов», «уменьшает головную боль», «снимает зубную боль», «снимает психоэмоциональное напряжение», «помогает завязать разговор». За это я люблю нашего доктора. Хотя и он не без греха.

– Например?

– Он не принимает непослушание. Порой жесток даже по меркам других специалистов. Ему будто жизненно важно добиться результата. Вот он говорит, например, пациенту, что нужно сделать, чтобы стало легче, а пациент просто не следует рекомендациям. Это доктора очень злит.

– Насколько?.. – Думать о самом плохом Паша не хотел, но прежде чем его собеседница открыла рот, ответ сам всплыл в подсознании. Психиатры – страшные люди. Сила их в том, что они могут калечить людей, не оставляя синяков.

– Та девушка, – хмыкнула под нос Зоя Кирилловна. – Видела вас вместе пару раз, и как вы шушукались между делом. И как потом поругались. Я грешным делом подумала, что ты мог бы ей помочь. Выслушать хотя бы. Её никто не слышит. Ей никто не верит. Однако всё то, что происходит на индивидуальных занятиях, остается только между пациентом и доктором.

– Твою мать, – в сердцах произнёс Паша. Луиза.

Имя ощущалось знакомым комком в горле. Чувство вины отозвалось на уровне груди и рухнуло куда-то вниз.

– Эта девчонка тоже не так проста, заметил? – понимающе продолжила Зоя Кирилловна, заметив его состояние. – То, как она сопротивляется лечению. Как цепляется за собственное «я». Как будто отказавшись от своей зависимости, она откажется от части себя. Хотя, так и есть. Кто мы без наших вредных привычек? Стерильный пластилин, который

можно согнуть, как вздумается...

– Прекратите...

Захотелось сменить тему. Срочно. Без объяснения причин. Но для Зои Кирилловны это как подкормка для пираний.

– Тебе ведь это нравилось, – заметила пациентка, – с какой женственно сильной подачей она заявляла о своих чувствах, не боясь осуждения. Её голос сквозил силой. Голос как пощечина. Я в её годы была такой же, – авторитетно заявляла она. – А задавался ли ты вопросом, откуда она берёт силы для борьбы? Что кроется за этим милым личиком? А я могу рассказать...

– Знаете, я пойду, – припечатал Паша. Затем встал и зашел в сторону коридора, ведущего в палаты. Мальчики налево, девочки направо. «Нельзя позволять Зое Кирилловне лезть в душу», – сделал он себе мысленную пометку. Она тоже своего рода психиатр. За столько лет жизнь научила её без единого учебника. Так что нужно держать ухо востро.

Завтра он вернётся опять.

Часть 16. Страх

Он пытался несколько раз завести разговор о своём друге. Нужно было попросить Зою Кирилловну выведать о состоянии пациента N, или даже лучше, получить хоть какие-то сроки его перевода из отделения интенсивной терапии. Паша даже озвучил свою просьбу, но женщина каким-то невероятным образом перевела тему в сторону пустых ожиданий и человеческого самообмана. Так что Паше огорчённо оставалось только слушать.

– Люди иначе воспринимают уродство относительно других людей, – проговорила она как заученную истину. – В то же время своё уродство кажется одновременно и чем-то сокровенным, и святым, и самым неприкаемым фактом. Не понимаю, что в голове у людей, которые не ненавидят собственное отражение в зеркале.

«Маразматичная бабка», – в который раз пронеслось у парня в голове. Но пока градус бреда не превышал точку кипения, он мог спокойно воспринимать её монологи и прокручивать цитаты, чтобы расплести все замыслы. Зое Кирилловне не занимать природной духоты.

– Что вы считаете своим самым большим просчётом? – с некоторой обреченностью задал он в свою очередь вопрос, когда тема ушла далеко в сторону от его приятеля и вернуться на прежние рельсы не удавалось: – Я имею в виду, вы упо-

минали, что всем есть, о чём сожалеть, но где, на ваш взгляд, вы не доглядели, не успели, не спохватились вовремя, и после чего всё пошло н-низде, кхм, по накатанной вниз?

Она громче, чем следовало, ухмыльнулась, вскинула запястье, словно отмахнулась от его нецензурщины.

– Ты ведь всё равно не воспримешь мои слова, как методичку для действий. Как только попросаешься со мной, бегом унесёшься в закат, чтобы самому набивать шишки. Мой опыт, он что? Он к чему? Он не универсален... – грустно продолжала она. – Однако если тебе интересно, то конкретно в моей жизни был самый главный, как ты выразился, просчёт.

– Я весь внимание.

– Я слишком много ставила на любовь, – задумчиво выдвинула она и замолчала, должно быть, предавшись воспоминаниям. Между бровей пролегла морщина. Взгляд бродил по комнате. После глубокого вздоха она продолжила: – Я любила его. Батюшки, как я его любила. Пока я не стала меняться. Пока он не стал меняться. Пока мы не начали вызывать друг у друга отторжение, но так и не смогли расстаться, потому другой жизни не видели.

Во взгляде Павла движения Зои Кирилловны из ниоткуда приобрели девчоночью неуверенность. Морщинистые сухие пальцы перебирали подол синего сарафана, глаза смотрели вниз.

– И сколько вы прожили вместе? – тихо уточнил Паша,

чтобы не спугнуть эту картину.

– Встретились с ним на наших вылазках на Урале. На заснеженной вершине. Университетские годы ещё. И так и прожили вместе шестьдесят пять лет.

– Я, – протянул он, – пока не вижу связи. Почему вы хотели бы это переиграть? Вы не были счастливы?

Не сказать, что её слова шокировали, но они точно шли вразрез с его представлениями о жизни Зои Кирилловны. Хотя опять же, какое значение имеет, что он там себе напредставлял, жизнь-то не его.

– Я была счастлива. Настолько, насколько могла. Но не благодаря ему, а может, даже вопреки.

– Простите?

– Настоящая любовь не похожа на ту, как её рисуют в книжках. Любовь обычная. Бытовая любовь. Если долго думать обо всех её стадиях, можно в ней вовсе разочароваться.

– Хотите сказать, что любовь ушла?

– Нет, – покачала она головой, а после долгой паузы продолжила: – Любовь рождается из пустоты, согласен? Она произрастает в нас, набирается сил. Доходит до своего апогея, и... Отмирает, оставляя после себя тоску и воспоминания.

– Как настоящий живой организм? – предположил Паша.

– Скорее, как паразит.

– И всё равно не вижу причин для того, чтобы сожалеть об этом, – упорствовал он, как всегда, когда чувствовал, что

вышел к переломному моменту.

– Любовь забирает время, – призналась она. – Не все люди готовы этим жертвовать.

– Вы сожалеете об утраченном времени, – подытожил он и не смог скрыть толику удивления. Слишком... заурядно что ли. Но Зоя Кирилловна уже не ответила.

Такая Философия утомляла. Вечные вопросы, вроде этого, никогда не разрешаться, ответов на них нет. Они как хроническая болезнь, и болей ею мы все.

Фрейд, кстати, считал, что параноидальный бред является не первичным симптомом, а неудачными попытками сознания восстановить расплывающийся в хаосе болезни мир.

Это всего лишь мысль между делом, пока ему выдавали новую порцию каши и таблеток. Девушки, работающие на кухне, бок о бок с медсестрами и санитарками, стояли за прилавком. Раньше он и не замечал, что все они по-своему милы. Это на самом деле странно. Бывает идешь и не задумываешься, скользишь взглядом по мебели, стенам, людям, вяло участвуешь в разговорах, не смотря человеку в глаза. Всегда больше погружен в свои мысли, словно *анализируешь свои чувства, а не чувствуешь их*. Паша на предыдущем индивидуальном занятии как раз признался в этом доку, а тот, не долго думая, приписал новое назначение к его терапии.

Жёлтые капсулы сменились розовыми выпуклыми пластинками с пятьдесят копеек. И было бы наивностью не связать изменения в его мыслях с действием этих таблеток. Сегодня Павел неплохо выспался, и пасмурное небо не казалось таким серым. Люди стали как-то красивее. Улыбка сама ненароком появилась на лице, когда девушка за прилавком отдала ему пластиковый стаканчик с утренней дозой лекарств.

И только подходя к столику Зои Кирилловны, он поймал себя на мысли, что что-то идёт неправильно. Что момент счастья, сравнимый с эффектом от поедания шоколадного батончика, ненастоящий. Непривычный. Неправдоподобный.

Это совсем не Паша. Это какой-то отупевший придурок, что засел в голове, не давая его настоящим и важным мыслям развиваться.

– Здравствуйте, – в полуступоре проронил он, всё ещё держа таблетку за щекой, и сел рядом с женщиной. Та по-совиному окатила его утренним пренебрежительным взглядом и продолжила есть, поднося сухими жилистыми пальцами ложку ко рту. Рядом стоял кроваво-яркий компот. Кажется, у каждого на столике сегодня стояли такие красные фонарики, и Паша задумался, как же это странно – скучать по красному цвету.

Таблетку он всё-таки проглотил.

Один момент, несмотря на его притуплённое чувство вины, не выходил из головы. Луиза вновь появилась в общей гостиной. Последний раз он видел её дня три назад, и если раньше по рассеянному уставшему взгляду ещё можно было что-то прочесть, то сейчас Луиза не выражала ничего. Она слишком была погружена в себя и на проявления внешнего мира не реагировала.

Он повторял себе, что просто должен поговорить. Может, попытаться помочь. Но как только он набирался сил, встречал её пустой взгляд, и словно током прошибало отчаяние. Это, может быть, даже не его дело. Луиза, наверняка, уже и знать о нём не хотела, и не думала вовсе. Просто сидела, наверное, и думала свои думы, как и они все. И на самом деле она в относительном порядке.

Ему так хотелось верить в это, что в итоге он так и не пошёл, словно оправданный собственной совестью.

Сразу после завтрака запланирована групповая встреча в общем зале. Паше оставалось помолиться о том, чтобы вела её не та врач-стажер, с которой он словесно сцепился в прошлый раз. Хотя кто вообще слушал здесь их молитвы.

Но нет, опять не его день.

Злонамеренная мстительная докторесса, наверняка, накопила за время отдыха новые знания и суперпрактики, которыми захочет разбередить их больные души. Паша только встретился с ней взглядами. Внешне холодная и недоступная

женщина никак не отреагировала. Он немного уязвился от того, что это было менее драматично. Хотелось небрежного толчка плечом, как в коридорах старшей школы.

Местные обитатели расселись по излюбленным местам.

Кто бы что ни подумал, но Паше приглянулось место около Зои Кирилловны, где прямо напротив сидела доктор Светлана, а чуть правее, даже взгляд не надо скашивать, сидела Луиза. Ничего не выражая, докторесса в выглаженном по тонким выточкам, накрахмаленном белом халате взяла приветственное слово:

– Как вы знаете, неотъемлемой частью наших занятий является дальнейший качественный подбор и коррекция терапии. В этом ключевая роль и ваших дневников самонаблюдения, которые вы заполняете по утрам и вечерам. Так отслеживание процесса лечения происходит наглядным способом и в хронологическом порядке...

Доктор ещё привела пару примеров, но так, словно всеми правдами и неправдами пыталась обойти слово «эксперимент».

«Я ставлю над собой эксперимент», – кажется, была такая песня, или Паша и тут ошибся. А хотя если бы и не было, он бы запатентовал этот слоган для автобиографического фильма: «Я ставлю над собой эксперимент... Свою же жизнь я возложу на кон», – наверное, продолжил бы он в более лирической форме, но долго пролистывать эту мысль ему не позволили дальнейшие слова доктора:

– Мы с вами сегодня сделаем более интерактивное занятие. Немного пофантазируем. Ничего сложного нет, но нужно подумать. Уделите себе минутку и подумайте, чего каждый из вас боится. Выясните ответ хоть бы для самих себя. Вы потом поймете, что с этим делать.

Паша обвёл подозрительно притихших присутствующих взглядом. Не поддавалась на умиротворяющие речи разве что Зоя Кирилловна. Но и сама старушка с интересом наблюдала за тем, куда это всё их приведёт.

– Подумайте и найдите ответ на вопрос: «Чего я боюсь?». Можете записать на листочке, если вариантов слишком много.

Никто не спешил браться за фломастеры, получалось и так.

– Хорошо, – монотонно подбодрила она, найдя в глазах аудитории послушание, – теперь мы попытаемся обличить наш страх в наглядную жизненную ситуацию. «Что бы было, если бы это на самом деле произошло?». На всякий случай поясню, что ваш страх реален. Он может произойти с высокой вероятностью, а если мы будем мысленно закрываться от него, то так мы только себе свяжем руки. Ведь в то самое время, пока мы в безопасности, мы можем придумать план действий на случай, если произойдет наша жизнеугрожающая, наводящая мурашки одной своей мыслью, опасность. Чем дальше мы избегаем, тем дальше мы будем беспочвенно бояться, а задача для нас сейчас – перестать бояться и взгля-

нуть страху в лицо.

«Не слишком ли часто психиатр использовала сплывающие их всех местоимения “мы”, “наш”, “вместе”?», – между тем думал Паша, но на всякий случай припомнил свой давний страх. Усыпляющий голос Светланы действовал даже на него.

– Теперь, если вы позволите, на всякий случай поясню, что такое страх, тревога, чем они похожи, а также чем они различаются. В таком контексте рациональнее было бы сказать, что одно вытекает из другого. Мы тревожимся, потому что нам страшно. Нам страшно, потому что мы чувствуем тревогу. Хотя причина тем не менее у них одна – потеря контроля над ситуацией. Но разница в *предметности раздражителя*: при страхе мы знаем, чего конкретно боимся, а тревога просто возникает из-за внутреннего напряжения и чрезмерной бдительности.

Паша даже подзавис от её внезапного ликбеза.

– Ну что ж, давайте перейдём к делу. Приведу пример: Я боюсь змей. Я чувствую страх из-за змей, потому что мне неизвестно, как они себя поведут рядом со мной. Они просто больно укусят меня, или я буду отравлена их ядом? Я могу себя успокаивать, что они пройдут мимо или что многие люди за всю свою жизнь никогда не встречали ни одну змею. Ведь и мест для нашей встречи не так много. Я могу себя утешать. Но то, что я могу сделать, чтобы *уменьшить страх* перед встречей со змеями – прокрутить гипотетиче-

скую ситуацию в голове и представить план своих действий, если встреча всё-таки произойдёт и меня ужалят.

– Змеи не нападают без причины, – подала голос Мать-Природа. Паша уже и позабыл, какой у неё приятный тембр, когда она не под транквилизаторами. Взгляд относительно прояснился, и её состояние выдавал только редкий тремор рук. – Змеи, как и пауки, пойдут на контакт с человеком, только если начать угрожать потомству. Например, если вы не увидите и наступите ногами на гнездо. Или заденете важную архитектурную составляющую их общности. Поэтому совет, который вам поможет в ситуации встречи со змеей: вытащите голову из задницы и откройте пошире глаза, прежде чем соваться в дикую природу. Никто не любит, когда посторонние заходят в твой дом и ещё диктуют там свои правила, как будто имеют на это право. Не имеют.⁴

Доктор промолчала с полминуты, и оставалось только делать ставки, как себя поведёт их сегодняшняя куратор.

– Ладно. Вероятно, змеи не так уж меня и пугают, – выдохнула она, словно отпустив ситуацию, – но я приведу пример более распространённый: я боюсь выступать перед огромной аудиторией.

Как будто проверяя своих слушателей на прочность, она удостоверилась, что новый пример не был воспринят в штыки, и продолжила:

– Страх сцены, страх сказать что-то не так, забыть сло-

⁴ Всеобщая декларация прав человека.

ва, опозориться сидит во всех людях. Даже артисты с много-летним стажем иногда сталкиваются с ним, потому что и с огромным опытом невозможно навсегда избавиться от подсознательного страха провалиться. И в этой ситуации мы должны вспомнить о правиле «трёх шагов». Первое: понять свой страх, обозначить его словесно. Это мы, собственно, уже сделали. Второе: представить, как будто то, чего мы боимся, уже произошло. Сложно, трудно, но пока только в голове, представляем.

Она дала сидящим перед ней монументальную паузу, чтобы каждый прокрутил в голове *то самое*. Паше даже и представлять не нужно: он видел это своими глазами, и теперь это как второй раз прыгнуть с парашюта – страшно от того, что ты воочию знаешь, как это может быть дерьмово. Поэтому он переключился, чтобы посмотреть на то, какие успехи у его собратьев по несчастью. Некоторым понадобилось прикрыть глаза, и, судя по прищуренной мимике, приятного в этом процессе мало. Для Зои Кирилловны страх, наверняка, заключался в том, как она потеряла кого-то из своих близких друзей в белоснежных горных лавинах. По крайней мере, Паше так кажется. С её-то хобби градус опасности возрастал в сотни раз. Выше только у пожарных и военных.

И когда уже Паша хотел бросить уверенный взгляд не потревоженного сознания на врачессу, он заметил её.

Луиза смотрела вниз и вправо, и если бы она знала о ла-зейках психологии, о которых рассказывал доктор Крашник,

она бы поняла, что направлением своего взгляда показывала проекцию той зоны своего сознания, к которой обращалась. То есть, к сенсорной памяти. То есть, она не представляла ложную ситуацию, она обращалась к *воспоминаниям*. Паша нашёл это сходство между ними в некотором смысле трогательным.

Тем же неспешным напором психиатр продолжила:

– Вот молодцы. Теперь смотрите. Самое страшное произошло, вы уже оказались в этой ситуации, ход времени не повернуть. Остаётся подумать, что вы можете сделать.

– То есть зачем? – уточнил неизвестный парень на периферии.

– Чтобы страх был не таким выраженным, мы можем проработать последовательность действий. Взять худший сценарии из возможных. Потому что наиболее часто страхи людей заключаются в *тревоге перед неизвестностью*.

– А если таким образом проработать все неизвестные ситуации, намекаете, что я стану бесстрашным? – спросил всё тот же настойчивый голос. Парень смутно знакомый, но с какой патологией он в больнице, Паша сейчас вспомнить не мог.

– Бесстрашным – вряд ли. Но чувство тревоги в целом может уменьшиться, нормализуется сон, психосоматика будет менее выражена, и множество других плюсов.

Паше честно нравилась эта практика, пока она была представлена в этом контексте. Пока всё было чисто гипотетиче-

ски, пока ничьи воспоминания не обнажались. Но вечно это продолжаться не могло, конечно, и доктор Светлана приступила к интерактивной части своей познавательной лекции:

– Теперь по очереди попробуйте рассказать, в чём заключается ваш страх, а затем по этой технике сами же попытаетесь построить сценарий того, что вы можете сделать, оказавшись в своей ловушке.

Паша взял себя в руки, перестав изображать заинтересованность. Психиатр уже не проведёт его маской кротости и покладистости. Поздно притворяться другом, когда все видели твои клыки.

– Если есть доброволец... – начала она и задержала внимание на наиболее сосредоточенных лицах. На этот призыв ответил наиболее активный её слушатель, тот же самый парень справа от Паши, с красующимся именем «Олег» на бейджике:

– Я тоже боюсь сцены, – не без смущения признался он. – Стоит мне задуматься, столько людей одновременно меня освистают, и это вызывает во мне чувство стыда и ярости. И ещё... Я как будто подсознательно хочу пройти через это, но не хочу, чтобы это было с «основным мной». Если бы у меня был «запасной я», я бы его отправлял на все сомнительные мероприятия, чтобы он проходил через них, и мне не нужно было бы жить с историями позора в голове.

– «Запасной я»? – в лучших традициях Тарантино повторила доктор и мгновение опробовала эту мысль на вкус. – Да!

Ты мог бы проходить через это, используя своё подсознание. Это ведь именно то, о чём я говорю. Ты молодец. Проиграв эту сцену в голове на репите, с «запасным тобой», просмотрев несколько возможных сценариев, ты уже не будешь так бояться растеряться на выступлении. Это поможет ослабить градус давления на самого себя...

– Одни плюсы, да и только, – присказкой закончил парень, не отрывая глаз. Казалось, что он симпатизировал их доктору, и Паша против воли бросил такой же оценивающий взгляд на девушку-психиатра, чего прежде не делал в контексте групповой терапии. Нет, слава Богу, не цепляло.

– Ну хорошо. Со страхом сцены сталкивается преимущественное большинство людей, хотя на сцене приходится играть единицам. Но для того, чтобы травить анекдоты в малознакомой компании, тоже нужна своеобразная смелость, – объяснила она, и стало даже как-то обидно.

Вот сейчас Паша пойдёт и на зло устроится в театр актёром. И корешей с психушки подтянет. Вот уж у них спектакль получится, каждая «Золотая малина» будет ими честно заслужена.

– ...и если страх сцены ещё можно суррогатно побороть, то разобраться с нашими собственными проблемами будет сложнее, – продолжала она. Доктор обвела рукой присутствующих, не показывая пальцем, и остановилась на случайном пациенте: – Чего ты боишься, *Гера*?

Очень красивый, даже по меркам обычных людей, юноша

с лёгкой степенью дебильности уверенно провозгласил:

– Не знаю. Мне просто всегда «не очень», и не особо комфортно. И... я не знаю.

– Ладно, – кивнула она, словно сделала пометку, и собралась дать слово следующему, но в этот момент Олег снова поднял руку:

– Я кое-что вспомнил. Я же употреблял раньше.

Что-то не сходилось в схеме доктора, и та подозрительно уточнила:

– И в чём заключается страх?

– Я... Пережил жуткий трип. Там я пережил свой личный ад.словно в кандалах. Мне страшно, что я не контролировал свою жизнь. Шутки шутками, но это не шутки. Боюсь, что однажды я опять потеряю способность мыслить здраво. Мне так страшно... – говорил парень. Волосы его интересными кудрями спадали на лоб, а воистину ангельское выражение лица наталкивало на мысль о невинности. Даже если его никто ещё не начал обвинять, его уже хотелось его пожалеть и встать на его защиту. Или взять вину на себя в крайнем случае.

На этой мысли Павел поймал себя, и вероятно, был не единственным. Но потом, как флэшбек, его настигло озарение.

Паша наконец вспомнил, чем отличился этот парень, болтающий без умолку с самого начала сессии. Его выдало его маниакальное лживое подражание собеседнику. Лжец, лжец,

лжец. Каким-то образом он настраивался на волну человека, делал вид, что следует манипуляции, а затем сам проворачивал ту же штуку с человеком, добиваясь меркантильных целей. Всё бы ничего, но даже для таких сложных психопатических действий есть статья в уголовном кодексе. Его обвиняли в подстрекательстве. Обычный преступник, но адвокат убедил присяжных, что ему следует пройти курс лечения.

Романтично. Эта лечебница – не только сборник больных, но и исправительная колония. Для государства невозможно придумать ничего гуманнее, чем отделить всех неугодных в отдельное учреждение, где каждому найдут занятие и применение.

Олег говорил то, что ей надо услышать, но это совсем не раскрывало его случай. Он лишь питался её эмпатией и сопереживанием, если так можно выразиться. Паша вмешался:

– Он лицемер, не слушайте его. Он проходит здесь освидетельствование по признанию в невменяемости.

Светлана удивлённо посмотрела на Павла, а затем коротко кивнула. Она как-то сухо подвела черту:

– Что ж, какой бы ни была проблема, «три шага» необходимо практиковать, Олег. После этой сессии ты сможешь ещё раз обсудить этот вопрос с заведующим.

Паша не имел корыстных целей. Просто вряд ли с помощью этого пациента доктор смогла бы закончить свою глубокомысленную цепочку умозаключений, а ему интересно, что будет дальше.

– Кто-то ещё хочет высказаться? Катерина? – словно передала эстафету доктор, завладев вниманием пациентки, и оставила Олега неудовлетворенно бурчащим что-то под нос.

– Нет. Мне не бывает страшно. Идите дальше.

– Константин? Что скажете в свою очередь? Припоминаете ли вы случай, когда вам было страшно, чувствовали ли вы тревогу, с которой не могли справиться?

– Нет, я знаю, как справиться с тревогой. Я могу пойти покушать, и так мне станет легче.

– Что ж, это тоже действенный, хоть и со своими оговорками, метод по преодолению тревоги.

Двое пациентов начали переговариваться с одной стороны, а сидящий справа Олег начал нашёптывать своего рода угрозы на ухо Паше. Видимо, обиделся.

– Тише, пожалуйста, – просила Светлана. Гомон голосов только нарастал, и ей пришлось повысить голос: – На самом деле человек не может испытывать страх и есть пищу одновременно, и это объясняет механизм заедания стресса. Но мы опять отошли от темы. Всё-таки я дала вполне конкретное задание.

Паша уже сам не успевал следить за сюжетом, поэтому когда очередь загадочным образом дошла до него, он на секунду подвис.

– Павел? Может быть вы приведёте пример?

– Не думаю, – отмахнулся он по инерции. Как-то напряжённенько стало, и закралась догадка о том, что кто-то спе-

циально ввёл их в состояние паники.

– Не уж-то у вас всё получается контролировать? М? – прикрикнула она. – Олег, отстаньте от него! Гера, по очереди! Мы уже разговариваем! Скажите, Павел, вам же так нравится перечить другим и выставлять себя умным? Так чего же вы молчите сейчас? Или наконец-то, осознали, как страшно бывает терять контроль? – нахлёстом продолжала девушка, и без шуток, становилось не по себе от её тона. Ещё мгновение, и последовало бы клишированное снятие маски со злодея, как в фильмах. Наверняка, оно бы и последовало, если бы среди дюжины шумов сиплым тонким голоском не отозвалась Луиза:

– Я дошла до точки. Я абсолютно точно дошла до *блядской* точки. Я не понимаю, что я должна делать.

Каким-то образом, она захватила всеобщее внимание, и голоса начали затихать.

– ...ничего не получается. Ничего не получается держать под контролем. Ничего не получается держать под контролем, понимаете?!.. – прорвало девушку, и стало тревожно уже не за себя.

Паша хотел как-то вмешаться, но словно почувствовав это, рядом сидящая Зоя Кирилловна сдавила немощной костлявой рукой его руку. В этом жесте было обещание зрелища, и Паше стало тошно от этого. Луиза тем временем продолжала надрывным тоном:

– Я допускаю одну и ту же ошибку раз за разом. Каждый

сранный день. Это, мягко говоря, удручает. Ясно? Я не контролирую свою жизнь, живу в какой-то тупой игре, где постоянно проигрываю. Ничего не работает. Я готова даже поверить, что мной управляют, только бы не признавать, что во всём виновата я. Чёрт возьми, я ведь действительно всеми, мать его, силами выгораживаю себя. Не виню после срывов. Каждое утро встаю так, будто накануне я не разрушила всё, что так трепетно пыталась собрать. В очередной раз обещаю себе, что в этот раз всё будет иначе, и опять посылаю всё это к черту. *Ёбаный круг*. Каждый день одно и то же, – последние слова скрылись в шёпоте и были заглушены откровенным рыданием.

Паша потерял дар речи. Уголок губ доктора Светланы дёрнулся вверх. Она глумилась над ними.

Часть 17. Нестабильность

Приспособляемость определялась нами уже не как способность ориентироваться в ситуации, а всё чаще нашей доступностью для остального мира.

Насколько сильно ты мог бы прогнуться, пока твой позвоночник не сломается. Насколько сильно ты был готов унижаться ради того, чтобы не выпадать из реалий этого мира. Прогибаться важно.

Особенно оказываясь в месте, вроде психдиспансера, соседствуя с нестабильными личностями, важно было следовать всем предписаниям. Паша только сейчас начал понимать, как хрупка менталочка местных обитателей. Рядом лучше не стоять, не плакать, не кричать. Как будто рядом человек с ослабленным иммунитетом – лучше не чихать. Лучше вообще дыхание задерживать. Навредить можно было буквально любым жестом, словом, взглядом – и вся пяти-месячная работа психиатра коту под хвост.

Паша постарается быть осторожнее.

Возможно, такую задачу перед собой поставил только он. Здешние постояльцы обычно без зазрения совести косо осматривались, толкались плечами – нарочно или нет, – бубнили под нос, создавая характерный белый шум. И поделаться с этим было нечего. Только подстроиться, смириться, прогнуться.

Иногда казалось, что он настолько прогнулся, настолько вошёл в роль, что и сам подсознательно смирился с вымышленным диагнозом.

А где есть диагноз, там появляются и симптомы...

Ночь темна. Пахло хлоркой и талой водой с подвала. Взобравшись повыше к изголовью кровати, Паша тревожно смотрел в лунную темень улицы. С этой траектории было немного видно стену соседнего здания, а ввысь вздымался бугристый небосвод. Совсем холодный и убаюкивающий. Мерцающий одинокими звёздами. Глаза понемногу слипались, взгляд уплывал при каждом взмахе ресниц. Былая бодрость покинула его, распахивая объятия навстречу забытию.

Паша поймал себя на мысли, что он бы хотел так умереть. Закрыть глаза и обнять смерть. Да и кто бы не хотел так? Конец не был бы страшен, будь он таким спокойным. Отравляющим, точно угарный газ. Вот это было бы «естественным» ходом вещей. Не биться в агонии часами, как это бывает. А вот так, чтобы совсем не страдать. Гуманная эвтаназия.

Он лежал на своей одноместной кровати с железными перилами, за которые бывает удобно фиксировать верёвки, и всеми остатками сознания цеплялся за мысли о сегодняшнем сеансе. Как Луизу на самом деле пугала неспособность контролировать свою жизнь... Это не то же самое, как у него,

не один в один, но схожие черты в их историях узнавались.

Нет, их случай с Луизой в каком-то смысле можно было бы объединить, но только враг девушки не осязаем, его нельзя привлечь к ответственности, он буквально сидит в голове Луизы, а враг Павла реален: он скрывается под маской в лицах прохожих и постоянно меняет личину. Он – это совокупность людей, совокупность законов, совокупность злых намерений всего человечества.

И как только Паша дошёл до жизни такой?

Тусклый свет пробирался сквозь незанавешенное шторами окно. Неровные тени прокладывали дорогу другим теням с улицы, заползающим в палату. От тишины было спокойно, хоть и хотелось загадочным образом эту тишину поймать, связать и обезвредить, лишь бы она не давила.

Трещинки краски на стене взбирались паутинкой к потолку и сплетались в единый узор.

Сердцебиение обманчиво заходило в быстром темпе. Кто бы что ни говорил, но ночи проводить здесь бывало жутко. Если днём тут шумно, иногда даже стоял гул, как на баскетбольной площадке, санитарочки метались от одного к другому: от деменции и слабоумия к депрессивным и овощеподобным. Хоть какая-то видимость жизни. А ночью, особенно спокойной бессонной ночью, здесь оставался только Паша наедине с самим собой.

Как же он дошёл до этого? Может, всё зашло слишком да-

леко и пора, наконец, остановиться? Глаза слипались. Веки тяжелели. Паше было иррационально страшно в такие моменты в тёмной палате, в зыбкой тишине, наедине только с самим собой. Лежать и ловить обманы зрения.

Тревожные тени. Шорохи. Звоночки того, что всё вышло из-под контроля. В такие моменты можно соскучиться даже по его придурковатому соседу. Под редкий суетливый бубнёж хотя бы заснуть можно. А тут, вряд ли. Тревожное бодрствование.

Как в детстве этот стул с вещами, который в итоге превращался с помощью воображения в жуткого беса или монстра. У Паши сейчас, например, точно такой же стул в палате стоял. Но ностальгией не пахло.

Холодок коснулся кончиков пальцев. Та тень в углу продолжала пялиться.

Надо будет с утра разобрать вещи со стула.

Чёрт бы побрал это воображение... Он ведь и сам понимал, как происходят эти финты мозга. Они кажутся забавными, только если не происходят с вами лично.

Первый порыв – встать, включить фонарик и разобрать хлам, раз всё равно не спится и сердце сходит с ума от навязанной тревоги. Чтобы лишний раз убедить себя, как этот мир тосклив и безобразен в своих фокусах.

Вот только он вспомнил, что в том углу в палате никто не ставил стул.

Эта догадка охладила разморенный мозг, и Паша распах-

нул глаза, в упор уставившись в тот угол.

Чёрное обрамление тоже всколыхнулось и растворилось под соседней койкой.

Невидимая рука сдавила шею, не давая вдохнуть, не давая закричать. Истерика подкатила к горлу. Тело не двигалось. Тело не слушалось. Ничего не получалось. Он чувствовал липкий холодный пот и подступающую тошноту.

Эта херня сидела под соседней кроватью и смотрела в его сторону. А он не мог и пальцем пошевелить.

Тошно так, словно на него бросили рояль, распяв по постели.

Стояла тишина, и в ней особенно чётко были слышны удары сердца. Отбойный молоток в его груди. Ледяное пламя в венах. Волосы на затылке болезненно шевелились, подсказывая об опасности.

Всё вышло из-под контроля.

«Грёбанные руки, да пошевелитесь же вы! Помогите, кто-нибудь!»

Он заплакал. *Чёрное нечто* потянулось костлявыми руками из-под кровати. Он чётко видел, как оно перебралось наверх и присело на его постель. Время остановилось. Его парализовало.

Чёрный мрак смотрел изучающе, жадно, приближаясь к лицу Паши, как секундная стрелка к полуночи. Ещё мгновение и раздадутся куранты. Но курантов не было. Только приближающееся *нечто*. Из последних сил Паша зажмурился и

провалился во тьму, чувствуя холодное онемение на губах.

Часть 18. Гордыня

В человеческой природе известно несколько видов смерти. Клиническая смерть – та, которую ещё можно обратить, т.е. когда человека можно вернуть. Биологическая – та, что «навсегда и безвозвратно». Из которой возвращать уже нельзя по регламенту, потому что если что и вернётся, это будет уже не человек. И разница между смертью клинической и биологической чаще всего 3-4 минуты в нормальных условиях. Такой вот парадокс, попробуй угадай. И это два самых распространённых состояния. Но люди зачастую не знают про третий вид смерти – социальной. Это тот самый случай, когда вернули оттуда, откуда возвращаться было нельзя, и никто, разумеется, «спасибо» не говорит. Когда некоторые функции организма уцелели, а мозг умер окончательно.

Так что же тогда считается необратимым состоянием?

Доктор говорил, что человек умирает как социальное существо уже тогда, когда сам себя хоронит. Когда, например, продолжает проживать один и тот же день, наступая на те же грабли и волочит своё тело по кругу. Это верный признак того, что человек «умирает». Обещает себе с чем-то завязать, а затем снова срывается. Возрождает гиблые отношения. Идёт на нелюбимую работу, которая его душит. Как вечная пытка в аду. Именно вечная пытка – когда каждый день обнуляешься, чтобы совершить ту же ошибку. Доктор называет это

пассивной аутоагрессией. Так, может, мёртвый человек это вовсе не про плоть? А кто тогда живой, и где эта грань?

Очередные мысли за завтраком.

Рано или поздно в процессе пребывания здесь начинаешь понимать, что к психиатрическим больным относят буквально всех. За всё, что не принято в обществе и порицаемо большинством, можно получить билет в Психолэнд. От сексуальных правонарушений и девиаций до повышенной мнимости и подозрительности. Поэтому калейдоскоп самых разнообразных персоналий могут находиться одновременно на одной квадратной площади лечебницы.

Что же их в итоге отличает? Ничего. Эти люди всего лишь перешагнули полосу невозврата, разделяющую мир здоровых и больных. И уже не важно, один раз вы оступились или пятнадцать, мучили животных и людей или только самого себя, потому что в мире больных действуют другие понятия и законы. Как на зоне. Право на жизнь переквалифицируется в понятие дееспособности. А чтобы выйти на свободу, нужно доказать одному очень предвзятому к вам человеку, что вы больше не будете угрозой для остального мира.

Но все-таки есть что-то неизменное в этих двух мирах. К ним привыкаешь. Если достаточно освоишься в психушке, обратно уже не захочется. Цепкое оно. Не отпускает.

До прихода сюда было кое-что, чего Павел боялся, – потерять себя в этом круговороте идей, образов, чужих больших мыслей, больничных распорядков и вполне убедительных врачей. Он боялся потеряться настолько, чтобы не увидеть больше свою тень. Буквально стать пустым.

Это не какая-то эмпирическая метафора о душе, аде и рае. Это вполне весомая угроза сознанию, направленная извне. Нивелировка личности. Как бы говоря, стирание личности: всех отличительных черт, взглядов, мироустройства. Прошивка до заводских настроек.

Это нельзя сделать одномоментно, но к этому можно подталкивать и направлять. И за месяц, два, полгода человек обезличивается до первобытного, до млекопитающего, которого язык не повернется назвать носителем высшей нервной системы.

Он не хотел, чтобы его история закончилась так: как история человека, который не справился со своей жизнью только потому, что не смог договориться со своим психованным «внутренним я». Но кажется, именно навстречу этому он непрерывно несётся.

Сеанс был запланирован на утро понедельника. Седьмая неделя пребывания здесь. Прошло два выходных с последней групповой терапии, и Паша уже подостыл. Помниться,

он опять вступил в вербальную схватку с психиатром, наорал на неё за то, что та довела Луизу до слёз. Но в этот раз хотя бы никто не пострадал. Почему Пашу ещё туда пускали, оставалось загадкой. Вторых шансов, по его мнению, было дано незаслуженно много.

Утро началось неплохо, парень принял таблетки, позавтракал и, больше ни с кем не пересекаясь, умчался к кабинету заведующего. Ничего не грело душу так, как осознание того, что он опять облажался перед человеком, который уже устал его отчитывать.

Он поспешно заглянул в кабинет после короткого стука и смог застать преинтереснейшую картину. Напротив доктора, на излюбленном Пашей чёрном диванчике сидела та самая докториня, хмуро уперев взгляд в пол. Ничего не предвещало беды, но Павел на всякий случай закрыл дверь с другой стороны с глухим «извините».

И правда, чего это он так вломился, когда обычно сидел в предбаннике кабинета и ждал приглашения войти. Порой перед ним даже очередь была.

Но долго мусолить эту мысль он не мог, потому что принципиальная Светлана, которая в чарте по бесячим людям опередила Ингу, вышла из кабинета. Хотя это утрировано. Она нервно *вылетела* и хлопнула бы дверью, если бы не предохранитель на замке. Вскоре в проёме появился и сам врачеватель, приглашая на этот раз парня зайти.

– Здравствуй, Паша.

– Добрый день, – задумчиво поздоровался парень, занимая ещё не остывшее место. – С ней всё будет в порядке?

Он спросил это, не надеясь, что доктор сразу посвятит его во все детали их врачебной работы, но мало ли. Сказать что-то надо было. Делать вид, что эти события не связаны с ним, было бы куда более глупо.

– Ты, верно, догадываешься, что произошло? – спросил доктор Крашник. Уверенной походкой он вернулся за рабочее место и свернул все открытые дела.

– Я думаю, вы обидели её. Но каким образом? Разве что, только могли её уволить. Но опять же, разве есть, за что увольнять.

– Ты прав. Но чтобы уволить, нужно хотя бы быть её начальником.

– Но... Вы же?

– Лечащий врач. Как и для большинства в этом отделении. И меня несколько огорчает мысль, что некоторые мои особо уникальные экземпляры умудрились повздорить.

– Подождите, – кажется, он начал понимать, – доктор Светлана тоже пациентка?

– Я бы сказал в первую очередь, она моя подруга. А во вторую, пациентка, и это только потому, что ввиду болезни она больше не практикующий врач.

Паша ждал продолжения, ещё не понимая, как реагировать.

– В общем, она здесь не лежит, только приходит раз в три

месяца на капельницы. По старой памяти, да и персонал её любит, – начал с задумчивой улыбкой психиатр.

– Чем она больна? – перебил Паша.

– Ничего психиатрического, поверь. Просто проблемы с костями. Это не важно. Но я к чему веду? Раз ты спросил. Недавно мы как обычно болтали после её процедур, вспоминали прошлое, обсуждали недавние случаи. И не сошлись в одном вопросе, – доктор усмехнулся, прикрыв глаза, и покачал головой: – Она меня убеждала, что я занимаюсь сизифовым трудом, бегая вокруг наркоманов и пьяниц, игроманов и сексоголиков. Заявляла, что невозможно добиться стойкой ремиссии. Просто пока пациент в больнице, за ним следят и чуть ли задницу не подтирают. Она не верила, что люди могут здесь измениться. И мы поспорили. Я предложил внедриться в одну из групп и убедиться..

– То есть, *поспорили*? – пришлось озвучить своё замешательство.

– Да. Заключение пари. На финальной проверке она должна была попытаться вывести кого-нибудь на чистую воду. В зачёт шло бы и признание в бесполезности терапии, и если бы обозначенный пациент наглядно сорвался. Но и тут ты не остался в стороне и всё равно умудрился унизить её перед всеми.

Непонятная, нездорово пульсирующая боль появилась в районе затылка. Что ж все тут такие голодные до загадок, им в детстве их не дозагадывали что ли, что теперь они решили

во взрослой жизни отыграться...

– Почему... – как бы потактичнее спросить, думал парень, – почему?

Паша уже ничего не понимал, и доктор, в некоторой степени сжалившись, закатил глаза:

– Знаешь, в чем моя задача? Мне важно не убедить вас в том, что вы не правы. Моя задача в том, чтобы вы могли найти ответы на свои вопросы и больше от этого не мучились. Светлана была убеждена, что люди, в целом, не меняются. Что все мои пациенты, весь мой опыт – это лишь их временное самовнушение. Или они просто лгут, чтобы от них отстали. Какие бы результаты я ей ни приводил, *человеческая природа*, понимаешь ли, *была прогнившая и порочная, деструктивная во всех отношениях*. То, что произошло в пятницу, по её мнению, доказывает то, что несмотря на сомнительный успех, вы все вернётесь к своим тёмным сторонам, как только покинете больницу. И вот в этом Светлане я уже не смог помочь. Мы только что опять из-за этого поссорились.

– Разве это не было... нечестно по отношению к группе? – все-таки сформулировал Паша. – Мне не очень понятно, как доведение Луизы до истерики помогло вам что-то друг другу доказать.

– Ты не знаком с ней. Светлана тоже когда-то свято верила в идею исцеления, когда-то сутками билась с упрямыми пациентами. Затем она устала верить и сдалась. А после увольнения она не упускала случая поддеть прежних коллег за их

неудали. Она жаждает доказать всем, как это всё глупо. Светлана всего лишь хотела доказать, что люди не меняются. На примере Макса и алкоголички Луизы. А я не мог ей этого позволить.

– А вы на самом деле верите в то, что говорите? – спросил парень, вспоминая чужие нравоучения. Доктор вздохнул:

– Люди не меняются, Паш. Люди могут учиться и приспособливаться к новым реалиям, если они поверят в них. Всё, что порой нужно человеку для выздоровления, – поверить в него. И продолжить жить. Другого секрета нет. Никаких реконвалесцентов. Но такое я могу рассказать только тебе. Если Светлана это услышит, она продолжит ненавидеть меня и весь мир. И всё по новой.

– Вы же понимаете, как это мерзко? – потухшим тоном произнёс Павел. Чувствовалась обида, как будто кумир его юности был пойман с поличным с подростком, и все узнали, что их герой ничем не лучше других, а вероятно, даже хуже. Получается, и доктору Крашнику была не чужда *гордыня*.

– Подумай на досуге ещё раз. Взгляни на ситуацию так, как ты это умеешь. Я не хочу, чтобы ты обманывал хотя бы самого себя.

Паша ещё давно принял для себя, что одинокий человек должен хоть куда-то высказывать свои мысли, чтобы не сой-

ти с ума. Это было обязательное и неуклонное правило для таких одиночек, как он сам. И это именно то, что происходило при беседах со специалистом – Паша просто говорил. Говорил-говорил-говорил. Говорил, что думает. Затем додумывал. Строил следующую мысль. Такого эффекта не будет, если подумать тихо про себя, сидя в промерзшем заполненном автобусе или гипнотизируя кружку кофе на кухне в шесть утра. Таким способом качественно мысли не собрать. Только какие-то зачатки мыслей. А с психиатром всё собиралось воедино как-то само.

Прямо как когда-то с его другом. Его прежний единственный слушатель сейчас находился в коме, но даже когда он был бодрее всех живых, он подтверждал пашины мысли и не позволял усомниться в правильности выбранного направления.

Например, что все они здесь марионетки, и не имеют свободы воли.

И именно эту истину Паша пытался доказать и обличить. Иногда возникало предчувствие, что доказательства повсюду, где-то на периферии, только сдвинь с глаз белый тюль, загляни за завесу, и вот оно – очевидное и невероятное.

А как же Паша тогда распознал уловки Системы? Хороший вопрос. Если ответ, но с чего бы начать. С элементарных законов природы? С детерминизма и предопределенности? Эффекта бабочки? Правила шести рукопожатий?

Наверное, лучше с пустоты и с цикличности жизни.

Паша просто пришёл к выводу, что всякий раз сценарий повторялся. Как только он терял что-то или кого-то, образовывалась пустота \neq чёрная дыра. Через какое-то время в неё засасывало что-то новое – увлечения, покупки, знакомства, работу, – чем в итоге и заполнялась эта пустота. Но лишь на время. Пока Пашу не лишали чего-то важного вновь, оставляя новую зияющую дыру. Им крутили, как марионеткой в колесе для хомяков.

Не будет новостью, что подобным образом он встретил и своего друга. Григория. Почти как Распутина, но скорее как Потёмкина. Паша был в очередной раз опустошён, после Софии и остального, после нанесённого себе урона, и сам бы не скоро оклемался. Они какое-то время переписывались по рабочим моментам. А затем заобщались по-настоящему. Непривычно было найти в незнакомце такого понимающего единомышленника. И вот незаметно на месте гниющего пустого колодца в груди Паши Григорий уже устроил пикник и воздвиг алтарь во имя конспирологии, проецируя на большом экране любые неугодные вселенной идеи. Это общение не казалось чем-то важным, но стало таковым. Они переписывались достаточно долго, около года, но жили в шести часах езды, поэтому виделись вживую нечасто. Со стороны может показаться, что они – два фанатика, но это нормальная практика для диссидентов: быть в меньшинстве, значит быть странным и непонятым.

И вот, что произошло дальше. В хронологическом поряд-

ке. Друг написал, что нашёл важную информацию, которой должен поделиться. Сказал, что это не телефонный разговор и что он больше не может выходить на связь. А потом Гриша пропал.

С вырванным клочком из груди Паша не был намерен так просто смириться и ждать новую подачку судьбы. Он най-ти-таки Гришу. Но было слишком поздно.

Часть 19. Депрессия

– «Что-то не так», – думаешь ты и без задней мысли начинаешь искать виновника... «Чаще расслабляйтесь», – гласит памятка от психолога, висящая в общей комнате, и посмотрев туда, ты, словно застигнутый врасплох, каждый раз через силу пытаешься успокоиться и растаять на кресле. Всевидящий гедонизм. Всепрощающее око. Поощрение для твоей лени. Снижение нагрузки на высшую нервную деятельность до шадящего уровня.

– Пожалуйста, заткнись.

– Когда твой внутренний мозг сигнализирует, что что-то не так, лучше лишний раз остановиться и задуматься. Сигнальная тревога не бракована. Если ты не видишь опасность, не значит, что её нет. Почувствуй то, чего не видят глаза. От глаз укрыться сможет даже слон в посудной лавке. Глаза сами по себе малоинформативны, если уж на то пошло, и обманы зрения тому прямое доказательство. Отвлечь их, затуманить, выколоть – так много способов воздействия. А при

сильном нажатии на закрытые веки появляются звёздочки. Не более, чем слабые стекляшки из макулы и сосудов. Не та чушь про зеркала души.

Паша завис на секунду, смотря в стену перед собой. Голос за спиной продолжал бубнить:

– Ну и лежи теперь, трогай глазные яблоки. Сконцентрируйся на глазах. Гимнастика важна. Посмотри на стену, в окно, вверх, вниз. Подумай о чём-то, кроме грусти. Например, о том, что ты всегда видишь свой нос, просто мозг привык не замечать его.

«Да сраная же ты сука», – подумал Паша, сведя глаза к переносице.

– Давление крови в сосудах человека тоже интересная вещь. Изнутри оно ощущается настолько неприятно, будто кто-то тебя незаметно избил, а ты и *проморгал этот момент*. Опять я про глаза? Тогда обязательно следует упомянуть, что от давления вываливаются глаза. Так что если неожиданно проснёшься и найдешь собственный глаз на подушке, переживать не стоит. Точнее, переживать поздно, а потому и необязательно. При этом терять зрение всегда трагично и особенно болезненно. Хотя невидящие с рождения ведь продолжают вести полноценную жизнь. Порой куда более полноценную, чем твоя.

Он просто не будет слушать. Паша просто закроется и не будет реагировать.

– О чём ещё ты хочешь подумать перед сном? Раз уж про-

цесс настолько скучен и застопорился в самом начале. Например, о том, что от высокого давления растёт сердце в прямом смысле. Оно может увеличиваться и рано или поздно может отказывать. Таблетки могут лишь отсрочить неизбежное, и то не всегда. Таблетки можно и не пить, но результат не заставит себя долго ждать. Вот увидишь.

– Закрой рот.

– По внешнему виду вообще много чего можно сказать, ведь всё связано. Поражённые печень и почки отражают грязную кровь. Кожа показывает грязный кишечник. По цвету глаз ребёнка можно узнать, что ребёнок не родной кому-то из родителей, как было со мной. А вот по одежде совершенно ничего не понятно. И макияж не выделяет из толпы, а обезличивает.

Паша готов лично врезать тому, кто подложил в его палату свихнувшегося студента-натуралиста из местного медколледжа.

– Смерть любит ставить различные условия. Преграды, через которые надо пройти, чтобы продолжать бороться. Никому не нужные цепи клятв и обязательств. Каким надо быть садистом, чтобы уверять людей в том, что закапывать тела в землю – значит освободить их? Рыжий лис зимой затаскивает тела своих мёртвых сородичей в нору и, благодаря им, греется. И, хотите сказать, создатель у них один и тот же? Где смысл?

Вот и Паша думал, в чём смысл того, чтобы он терпел но-

вого соседа.

– Задуматься только: сегодня ты переписываешься с человеком письмами, а завтра тебе приходит «возврат», означающий, что нужного человека по этому адресу больше не проживает. Смерть не знает таких чувств как удивление, восторг, сюрприз. В её подчинении лишь извечные печали, депрессии и пустота, убивающая все, до чего дотянутся её жадные пальцы. Одна смерть приносит нестерпимую боль *четверым*. Но что есть одна смерть для мира? Ворсинка на ковре. Крохотный волосок, накапливающий пыль воспоминаний. Это банальнейший из примеров жестокости жизни. А если попробовать обесценить и жизнь, и смерть, и судьбу? Мысль о том, что люди смертны, не пугает. Пугает то, что люди могут быть *внезапно смертны*. Что ещё ты хочешь услышать от меня?

– Ничего я не хочу, дай поспать, – простонал Паша, накрываясь одеялом с головой.

Кто бы мог сказать ему, что в будущем его настолько будет волновать чужая жизнь, что он сам сознательно решит затормозить своё выздоровление, только бы вовремя успеть предотвратить катастрофу. О какой именно катастрофе его предупреждает Система, Паша не знал. Но он чётко осознавал цель – Луиза. Все стрелочки вели к ней, все намёки все-

ленной указывали на неё. И в конце концов, он не хотел её бросать в том состоянии, в котором она сейчас. Волей-неволей он уже эмоционально увлечён событиями, происходящими в этой лечебнице, и бросить всё так, как есть, означало оставить гештальт открытым. Спасибо за эту ментальную подсказку доктору Крашнику.

Останавливало его только то, что он, собственно, Луизе никто, и встречать в её судьбу, не зная ни предыстории, ни подробностей, не стоит. Ясно, что он хочет как лучше, но получиться может как всегда. Тем более девушка ослабла, посерела – обесточена после эмоционального всплеска нан той групповой терапии, – и нужно дать ей время на передышку.

Так он себя успокаивал примерно три дня, и как-то незаметно подкралась следующая консультация с психиатром. Паша пытался пространными вопросами вывести доктора на нужную тему, узнать побольше о проблематике Луизы, но доктор Крашник плавал по темам, сам выстраивая маршрут разговора. Порой тот говорил настолько абсурдные вещи, что Паше приходилось подключать всё свое критическое мышление, чтобы анализировать их разговор и не утечь в метафорические дали. Если доктор Крашник – высококлассный специалист, которым Паша восхищается, это не значит, что все его утверждения нужно принимать за чистую монету. Даже кумиры не идеальны.

– Иногда мне приходит в голову, что я их до сих пор не понимаю, – то ли в шутку то ли всерьёз говорил врач. – Нор-

мальные люди... – слишком живые. Слишком обычные. Как по учебнику. Я таких редко встречаю. Они ведь совершенно не имеют мотивации. Это что-то на антинаучном. Потенциал не возникает в замкнутой цепи без внешней причины. С моей точки зрения, это они – психи. Ненормальные. Они пугают. Их надо отделить от общества. Я понимаю сломленных, понимаю больных и отчаявшихся, зависимых и потерянных. А вот *этих* понять мне не под силу.

– Вы звучите как один из нас, – поддакнул Паша, улыбнувшись.

Доктор понимал больных куда лучше, потому что провёл в этом болоте достаточно и сам в каком-то смысле был того же теста. Иногда черта стиралась, кто здесь доктор, а кто пациент.

– Вы не устали от меня? – под шумок как-то бросил Паша, когда одна тема сменила другую. Время с доктором летело так же быстро, как собственная крыша.

– С тобой, Павел, я, признаться, отдыхаю. Приятно видеть хоть какой-то прогресс.

– Вы просто меня используете, чтобы компенсировать чувство вины от неудач, док, – ввернул парень фразу, которую недавно услышал от психиатра. Это можно считать профессиональным подтруниванием или флиртом, или всем вместе, уже не важно.

– Всё возможно. Кстати... – начал он, а парень затаил дыхание по привычке на это его «кстати». – Ты ни разу не на-

звал меня по имени, – он показательно поправил бейджик на халате. Тот был деревянный, переливал перламутровым лаком и казался необязательным. Желания отвечать у Павла не было:

– Много букв. А я остановился в развитии, где «ма-ма мы-ла ра-му».

– Понимаю. Коротко, ёмко. А ещё и стирает градус серьёзности между нами и словно перекидывает мостик, – продолжил психиатр, вяло жестикулируя.

– Ага.

– Это удобно, понимаю. Можно до последнего играть в доктора и пациента, перебрасываться колкостями и не признаваться самому себе, как сильно ты потерян.

Паша промолчал, продолжая натянуто улыбаться. «Вот именно! Зачем задавал вопрос, если уже сам знал ответ?».

– Возвращаемся к терапии, да? – Он даже сел прямо. – Ладно, я готов.

Какими бы ни были мотивы доктора, Паша сильный и сможет многое вынести. Даже мусор из головы, если надо. Без перчаток. Голыми руками в это залезть. Запросто.

Настойчивости доктору не занимать, в который раз убедился Паша. Когда его пациент сопротивлялся, док бесился. По-докторски. Тихо. Одними глазами.

– ... Определись в конце-то концов, чего ты хочешь? – повторял специалист, направляя Пашу, как котёнка, гулять по собственным мыслям.

– Я не зна-а-а-а-ю.

– Хоть секунду подумай, хотя бы для вида, – слёзно попросил доктор, но, очевидно, уже успел разочароваться в своём подопечном.

– Док, я думал! Я всю жизнь думал над этим вопросом и так и не нашёл ответ. Вероятно, я ничего не хочу... – пожал Паша плечами.

– Вот! Теперь переверни фразу наоборот.

– «Я хочу... ничего»? Я хочу... чтобы ничего этого не было... – вкрадчиво повторил парень, почти обреченно. Затем согласился: – Да, наверное, я хочу, чтобы то, что сейчас происходит, закончилось. Я страдаю. И не понимаю, в чём причина. Или понимаю, но ничего не могу с этим поделать.

Док по-доброму ухмыльнулся:

– Ты мне напоминаешь одного пациента... Я тогда был в ординатуре, в самом начале своего пути, курировал одного парня, – затем психиатр, видимо, в своей профессиональной манере начал сразу пересказывать историю болезни: – Раньше был спокойный, со слов, никогда не создавал проблем, не дрался, развивался по возрасту, но...

– О, о, я знаю, – встрял посреди мысли Паша. – Он видел мир чёрно-белым и думал, что это нормально? Все узнали, что он был маньяком? Он считал себя дедом Морозом?

Сутенёром? Мамочкой трёх ангелочков? Он бросил всё и спился? Все истории начинаются с подобного, продолжением буквально может быть всё, что угодно, – объявил пациент.

– Ничего из этого. Он с семьёй переехал в район получше. И у него начались трудности. Раздражительность, срывы на жену, тревожность, апатия, мысли о собственном бессилии.

– «Ваш» пациент, – подтвердил Паша, слушая внимательно.

– Сам он поставил себе депрессию. Обратился в клинику, хотел вернуть контроль над своей жизнью. Я прописал ему противотревожные, дал задание вести листы самонаблюдения, вёл его как обычного пациента.

– А в нём было что-то необычное?

– Да. Он не реагировал на терапию. Ты же знаешь, что антидепрессанты не действуют на тех, у кого нет депрессии? Потому что депрессия это не абстрактная болезнь, тут идёт речь об органическом поражении нервной системы, и причиной являются не апатичные мысли, а вполне себе обозримые изменения в работе головного мозга – нарушения его работы.

– Да, я слышал такое, – Паша немного не понимал, к чему ведёт док, – и что в истории этого парня не сходилось?

– Терапия ухудшала его состояние, смена препаратов приносила вред. У него появились суицидальные мысли.

– Так бывает? – уточнил Паша.

– Да, как побочное действие некоторых антидепрессан-

тов.

– Весело живёте, док.

– Именно из-за этого я решил проконсультироваться со своим наставником.

– И? – Паша затаил дыхание. Развязка!

– Так вот меня обсмеяли так, что до сих пор иногда припоминают.

– Не томите, док. Что же было с тем парнем? Вы его не убили, судя по юмористическому тону. Он оказался здоров?

– Не совсем... – доктор выдержал паузу, – это были глисты.

– Простите? – Паша выпучил глаза в жесте карикатурного удивления.

– Отравление нервной системы человека продуктами жизнедеятельности червей. Проявляется в виде слабости, утомляемости, агрессии, раздражительности организма.

Паша хотел заплакать от смеха.

– То есть вы его проглистогонили, и он стал нормальным парнем?

– Нет, потом он до кучи накатал на меня жалобу. А ведь обратиться он в терапевтическое отделение, ему бы по обычному анализу крови уже могли поставить диагноз.

– Есть ли какая-то поучительная мудрость, которую можно вынести из вашей истории? – задался вопросом Паша больше для себя, чем обращаясь к доктору. – Наверное, «не стоит всё усложнять»? Или «когда нужна помощь, не стоит

доверять первому встречному»? Или «самовнушение наказуемо»?

– Выбери то, что тебе больше нравится. Но мне понравилась мысль одного мальчика-практиканта: «Враг может быть повсюду. Может прятаться у всех на виду. Может прятаться там, куда мы смотрим в самую последнюю очередь. Даже у нас в заднице».

– Такая себе философия. Или вы так тонко намекаете, что я не особенный и не исключительный? Что я просто болен? – обреченно выдал Павел и добавил: – На самом деле трагично, это может даже разбить сердце... Лучше скажите, что у меня глисты.

– У тебя – нет. Но я это уверенно говорю только потому, что ты уже пропил профилактическую терапию при поступлении.

Ну, конечно, приехали. Чего ещё он не знает? Паша недовольно вздохнул:

– Кстати, насчёт препаратов. Могу я посмотреть всё, что я принимал? Меня мучает недосказанность.

– Лучше расскажи, какие изменения произошли? В худшую, в лучшую сторону. Вообще поделись мыслями, – Доктор Крашник сложил пальцы в замок и посмотрел в упор своими голубыми глазами.

– В целом, ничего не изменилось. Но я бы хотел уменьшить дозировку таблеток. Кошмары участились. И сонные параличи, – осторожно продекларировал Паша, на подсозна-

нии у себя отмечая, что доктор перевёл тему. Нужно бы насторожиться, но настроение поговорить на более животрепещущие темы, чем о самом себе.

– Хм... – Доктор почесал подбородок. – Интересный момент. Что ты понимаешь под «сонным параличом»?..

Видимо, зря взболтнул.

Невозможно вечно бегать от неприятных разговоров (возможно). Не надо бояться сложностей (надо). Нельзя обсуждать проблему, связанную с другими, исключительно в своей голове (лзя).

Паша мог бы и дальше отсиживаться в своей палате, уговаривая себя подождать более подходящего случая для разговора с Луизой, если бы не его сосед.

Сначала тот поделился, что раньше чтобы выводить чтецов мыслей на чистую воду, он подходил к каждому знакомому и мысленно визжал. Если хоть один мускул на лице собеседника двигался в раздражении, то сосед делал вывод, что перед ним телепат.

А затем сосед наглядно подошёл очень близко к кровати Паши и закричал в ухо. Паша вылетел из палаты, как пробка.

И потому парень вынужден был согласиться, что время пришло. Беглянка-Луиза нашлась в общем холле. Девуш-

ка наблюдала за рисующей Матерью-природой и вполголо-са переговаривалась с ней. Такое непосредственное участие, словно они находились в классе Искусств при обсуждении грядущих экзаменов. Было в этом что-то спокойное, умиротворяющее, по чему Паша успел соскучиться.

Даже ненарочно залюбовался девушкой, пока не поймал её встречный взгляд с другого конца комнаты.

Ну что ж, вперёд.

Часть 20. Внутренний ребёнок

Паша, осторожничая, приземлился около девушек. Мать-Природа рисовала вполоборота, сидя под торшером, держа на коленях планшетку с бумагой. Следы от воска были бледные, очерки едва проглядывались на листе. Лицо было спокойное и сосредоточенное. Только спустя пару минут парень разглядел на рисунке портрет Луизы. Это показалось ему трогательным, но вмешиваться и комментировать что-либо он не хотел. Луиза так же сидела, краем глаза заметив Пашу, но не пошевелилась, продолжая позировать.

С ленивым видом, с растрепанной шишкой на голове, казалось, что девушка недавно встала, хотя тут все так выглядят – по-домашнему, как на курорте. Погода за окном не радовала последние дни, но в общей гостиной всё равно было душно.

Хотелось что-то сказать, однако слов не находилось.

– Я устала, – подала голос Луиза. – Можно я пойду посплю?

– Тогда можно я нарисую тебя спящей? – вопросом на вопрос отозвалась Мать-Природа.

– Не надо, Наташ.

– Мне нравится рисовать. Это успокаивает.

– Я понимаю, но ты можешь рисовать кого-то ещё. Или комнату, или какие-то вещи. Всё, что видишь.

– Мне нравится рисовать тебя, я привыкла к тебе, – ответила Мать-Природа, отчего Паше стало немного не комфортно. В реальном мире его бы осудили за то, что он нарушает границы приватного разговора, подслушивает, пялиться и всякое такое, а здесь кажется, что все плавают в одном болоте и не боятся осуждения друг от друга.

– Я правда больше не могу, – звучало вполне искренне от Луизы. Непривычно слышать такие откровения от человека, столь сильного и неприкасаемого. Но от того, что девушка устала, её оборона тоже сдала позиции, и разговорить такого человека будет легче, – очень не вовремя всплыло одно из правил общения из книжки по криминалистике. Пользоваться этими навыками стыдно. Но стыдно, когда видно. Тем более он учится принимать в себе все свои стороны, и навыки манипулирования в том числе.

– Можешь нарисовать вон ту пожилую даму, – подал голос Паша, указывая на Зою Кирилловну в конце комнаты. Та только собрала с постели свои суставы и вышла из палаты, опираясь на ходунки. – Она будет не против.

– Почему? – спокойно спросила Мать-Природа. Кажется, она и не возражала от незваного слушателя. Или дело было только в том, что это Паша.

– Она может подолгу сидеть на одном месте и не двигаться, – сказал парень.

– И не сможет убежать, – поддакнула тихо Луиза, не смотря в их сторону.

Девушка собрала восковые карандаши из детского набора «Каляка-Маляка» и вёртко ретировалась в сторону «пожилой дамы». Странно, что даже мысленно язык не поворачивался назвать её «бабулей». Может, и правда эти двое смогут поладить.

Когда Мать-Природа скрылась из поля зрения, Паша опомнился:

– Привет.

– Привет.

– Как ты себя чувствуешь?

– Не очень. Устала, – вкрадчиво ответила девушка, откидываясь на спинку дивана. – Не справляюсь.

– Это не странно. Ты имеешь право уставать. Ты не машина, – попытался Павел. Хотя точно не понимал пока, какие слова будут правильными. – Хочешь поделиться?

– Ты не поймёшь.

– А ты попробуй.

Девушка замолчала, и Паша дал ей это время. На периферии было видно, как среди шатающихся туда-сюда пациентов, в углу образовался новый союз. Молодая девушка, как очарованный призрак, рисовала на своей планшетке, а рядом, сидя в широком кресле вещала о чём-то Зоя Кирилловна. Мать-Природа хотела долго рисовать, а Зое Кирилловне требовалось вести долгий монолог. Даже интересно, кто выдохнется первым.

– Я устала, – произнесла внезапно Луиза, – я не могу

помыться. Сон не помогает. От таблеток только временное облегчение. При этом я ловлю себя на моменте, что лишь притворяюсь живой, имитирую присутствие, хотя уже давно чувствую себя *мёртвой*. Это такой абсурд.

– Это нормально, – в лучших традициях проговорил Паша. Что ему ещё было сказать. – Могу ошибаться, но такой синдром тоже есть в психиатрии. Только там он описывается именно как полная вера в то, что человек уже умер. Доктор Крашник рассказывал, – вовремя спохватился Паша.

– Ну-с, он мастер что-то такое рассказывать, – как будто уколола Луиза, и на её лице промелькнула тень улыбки. – И это в его стиле всё упрощать и делить мир на симптомы и болезни.

Паша согласно кивнул.

– А что он говорит насчёт твоего состояния? – удачно влез Паша, не дав теме свернуть в другую сторону.

– Догадайся. Я у него спрашиваю: «Почему я должна жить так, как мне не нравится? Почему я вообще должна жить, если мне не нравится? Почему я кому-то что-то должна, что мне даже не нравится? Почему я должна притворяться, что меня терзает этот мир, если меня не терзает даже то, что мне всё это не нравится?». Он молчит. Это ведь всё психологическое. Но ведь эти мысли теперь отражаются и телестно. Выпадающие волосы, сон, аппетит, кожа, мышцы, кишечник, ногти, ступни, осанка, мимика, походка, эти мои срывы... Ну, блять, тут всей жизни не хватит, чтобы разобраться со

всеми проблемами...

Паша постарался скрыть удивление и шок.

– Так и... Что предлагает доктор?

– Он говорит, что все симптомы вторичны, и надо разобраться с первопричиной.

– Он сказал тебе, что это? – на всякий случай спросил

Паша.

– Депрессия.

– Да.

– Но от того, что я понимаю, что со мной, легче не становится.

– Может, это только пока? Ты не первая, наверняка, и доктор что-нибудь придумает. Найдёт подход.

– Не первая, но, кажется, самая проблемная. Я сплошное разочарование для него.

– Депрессия – болезнь философов. Когда понимаешь, как всё работает, невозможно не впасть в душевное отчаяние. Это лишь говорит о том, что ты слишком много думаешь.

– Тут нет кнопки «вкл/выкл», – произнесла на выдохе девушка, роняя голову в открытые ладони. Даже странно, что она позволила ему увидеть себя такой. Даже если виной этому действие таблеток.

– Хорошая новость в том, что с этим, вроде, можно жить, только нужно приспособиться, – попытался он.

– Ты и сам не веришь в то, что говоришь.

– На самом деле, я сужу по себе. – Девушка удивленно

подняла на него взгляд опухших зелёных глаз. Он продолжил чуть тише: – Должен признаться, что чей угодно рассказ на групповом занятии – это словно записи из моего дневника. В какой-то момент эти мысли меня тоже посещали, и я верил в них. Так что я понимаю.

– Спасибо.

Холод от Луизы, который раньше чувствовался за два квартала, хотя бы был обоснованным. Но когда она небрежно опустилась на диван, подтянув ноги, и легла головой на его колени, стало страшно. Он видел её затылок и профиль лица. Безучастный неморгающий взгляд. Тело обмякло, давление ощущалось сильнее.

Всё это... Нелогично. От того Паша и задался вопросом, насколько же она сейчас обнажена перед ним. Это опасно. Раскрывать перед кем попало свои раны не стоило, если ты в сознательном состоянии. Но, видимо, Луиза была достаточно разбита и потеряна, чтобы не заниматься самоцензурой мыслей и своих действий.

– Ты и правда устала, – заключил Паша. Последнее, чего он хотел, чтобы Луиза начала сожалеть о том, что в трудный момент доверилась ему. Поэтому он осторожно положил руку ей на волосы и поглаживал кожу головы. Чётко по направлению волос от виска к затылку, к небольшой перетянутой резинкой шишке.

Луиза молчала. О чём-то задумалась. Взгляд всё так же не

моргал, смотря в сторону зала.

Общий шум помогал расслабиться им обоим. Как будто у обоих не остановилось сердце. Как будто мир не остановился. Как будто ничего и не разрушено.

Непрощенно в голову влезла София. Если суперспособностью Зои Кирилловны было долго разговаривать, а Матери-Природы долго рисовать, то Пашина способность была в том, чтобы долго гладить. Будь у него кошка или собака, они были бы самыми заласканными существами в мире. Когда гладишь кого-то, легче думается. Кажется, мир потерял неплохого массажиста.

И потому мысли о Софии моментально вернулись в его голову. Она мурлыкала в такие моменты и из чувства вины просила прекратить, когда он устанет. А он и не уставал. Кончики пальцев закололо от знакомых и родных касаний, но под руками была не его София, а совершенно другая девушка. Стало больно от воспоминаний. Не любил он возвращаться в тот год даже в мыслях, это всегда было тяжело, потому что потеря Софии тогда разделила его жизнь на «до» и «после». Такого Павла, который был с ней, больше не было.

Сейчас он, относительно стабильный человек, мысленно за какие-то десять минут оказался на кладбище собственных мыслей и было страшно подумать, что в такие моменты то-

гда происходило в чужой голове. Той самой, под ладонями. Что переживала Луиза? Может, если он не сможет больше помочь себе, то сможет помочь хотя бы этой девушке.

На что бы ни намекала Система, Паша принял её волю.

– Доктор тебе тоже рассказывал про маленького ребёнка? – спустя целую вечность спросила Луиза, открывая глаза. До этого Паше казалось, что девушка уснула, а он всё продолжал гладить её волосы.

– Не знаю. Про какого именно?

– Про тебя самого, в детстве. Представь, что тебя больше нет, а есть только это дитя. Которое проходит через то же, что и ты, которое боится всего того же, что и ты. И твоя миссия – защищать в первую очередь этого ребёнка. Не давать его в обиду, беречь его чувства, хвалить и веселить его.

Паша сразу припомнил:

– Да, рассказывал.

– Это было в самом начале терапии. Доктор искал причину, копался в моём детстве. А потом попросил спроецировать маленькую девочку... – она замолчала, словно разговаривала больше со своими воспоминаниями, чем с Пашей.

– Получилось?

– Да. Затем доктор спросил, что с этой девочкой. Ей грустно? Она плачет? Она зовёт кого-то? Видимо, мне стоило что-

то придумать, а не отвечать напрямую. Ему это не понравилось.

Паша на секунду замер рукой, отчего и Луиза замолчала, а затем он опомнился.

– Что ты сказала?

– Что она не плачет. Уже не плачет. Только смотрит осуждающе и молчит. А всё, что мне хочется сказать этой девочке: «Скажи спасибо, что я тебя не прикончила раньше».

«Твою ж мать», – подумал Паша, но вслух ничего не ответил.

– Ну, и доктора это злило. Сейчас я понимаю почему. Он имеет право мучить меня. Но моё мнение насчет этой девочки не сильно изменилось с тех пор.

Паша почувствовал отторжение. А Луиза всё продолжала говорить. Не видя лица собеседника, ей это давалось намного легче.

– И потому я устала от этого. Устала от этого всего. Я чувствую его безысходность. Если даже у доктора Крашника ничего не получается, что это говорит обо мне? М, Паш?

– Мне кажется, что такой сложной болезни сможет дать отпор только кто-то настолько же сильный, – пространно произнёс он.

– Например?

– На протяжении всего существования человечества «плохое» сражается с «хорошим», – неспешно начал Паша, не до конца понимая, как выразить правильно свою мысль. – На-

сколько усовершенствовались навыки и оружия «хороших», так же и прогрессировали поражающие силы «плохих». «Угроза» научилась скрываться от поверхностных скринингов. И в этом некоторые находят её эволюционное превосходство. Сражаться со злом должны те, кто имеет на это достаточно сил.

– Ты к чему это?

– К тому, что помочь тебе можешь только ты сама. Один на один.

Часть 21. Ретроградный Меркурий

Сначала возникло стойкое ощущение, что он уснул – в прямом смысле этого слова, потому что именно этот конкретный момент в разных вариациях снился ему чаще всего. Не удивительно, ведь Павел был на этом зациклен. Даже если не думал об этом напрямую, то на задворках сознания держал мысль, что ему есть, чего ждать.

И потому для вышедшего за утренним компотом Павла, сонного и разморенного, время остановилось.

Вот он, златокрылый Лазарь. Увидев парня, глаза Павла засияли предательским блеском. Это и правда он! Не чудится? Павел скучал по нему и, наконец увидев, даже забыл, как скрыть искреннюю улыбку. Единственный луч света в этом дурдоме – имеется в виду жизнь Павла. В общий зал ввели нового пациента, которого прежде держали на этаже для «тяжелых».

Молодой парень, неподходяще торжественно выбрит, осмотрел присутствующих надменным взглядом. Волосы убраны за уши почти доставали подбородок. Когда-то его прическа заставляла девчонок тянуть руки ввысь, то ли чтобы заплести косички, то ли узнать, не парик ли это. Хотя на самом деле в душе этот парень был отпетым музыкантом и готов был в любую минуту сорваться на концерт, чтобы потрясти шевелюрой и поймать все лифчики, летящие в сто-

рону сцены. Теперь волосы несколько усечены и придавали обладателю аристократическое изящество. Незаконно быть таким красивым для мужчины. Даже Павел это понимал. Но не восхищаться не мог.

Вошедший прошёлся взглядом по всем и задержался дольше необходимого на Паше. Нашёл. Узнал.

Рука нового пациента взлетела вверх и прошла сквозь отросшие патлы, взлохмачивая волосы, в надежде замаскировать ответную улыбку.

Паша коротко кивнул другу так, как кивают террористы своим напарникам, отправляя их в последний путь. Кивок, который успокаивал, говорил о том, что все идёт по плану и основа прежняя, несмотря на то, что стены развалены и всюду обломки.

Вот оно – его спасение.

В один момент он просто позволил Григорию всё узнать. Рассказал как на духу, как брату, родственной душе. Позволил забраться туда, где ещё никто не был – в голову. Как ни странно, на утро он не чувствовал себя неприятно, ему в душу не нагадили, не опорочили его идеи, а внимательно выслушали и оставили без оценки.

Глубоко в душе Паша восхищался Григорием и мог говорить о нём часами – был бы слушатель.

В Грише была отличительная черта, благодаря которой он мог завести беседу с кем угодно, даже с враждующими людьми, и при этом сохранять нейтралитет. *Он не осуждал.* Именно за это его и любили, и ценили. Ему можно доверить страшный секрет и быть уверенным, что даже под пытками тот его не выдаст – из упрямства и чувства возложенной ответственности.

Григорий мало рассказывал о своей прежней жизни, но как-то раз признался, что он того же мнения, что и Паша насчёт всего, что касалось детерминизма и произвольностей, квантовой механики и идиосинкразии, сингулярности и энтропии. Странно, но они оба имели схожую привычку – привычку разбираться и копать вглубь проблемы. Они подходили друг другу в интеллектуальном плане. Дополняли идеи. Заполняли пустые участки.

Через призму Григория Паша впервые почувствовал себя столь важным и интересным. Так что делом времени был момент, когда потеряв Гришу с радаров, Паша кинется вслед.

Кто бы знал, что ему придётся проделать весь этот безрассудный путь, чтобы в конце оказаться здесь – у отсутствующих дверей палаты Гриши ближе к ночи. В разгар рабочего дня сталкиваться было бы подозрительно, и Паша весь день презрительно сверлил часы взглядом за их медлительность.

Сердце стучало, как перед прыжком, хотя волнения не было. Павел, оглянувшись, прошёл в палату друга. К несчастью, на двух других кроватях тоже не было пусто, что накладыва-

ло некоторые ограничения.

Григорий поднял задумчивый взгляд:

– Привет? – слишком формально даже для них прозвучало от парня. Его голос резанул слух, но Паша отозвался:

– Привет. Как самочувствие?

– Я... – протянул парень, прищурившись. Он сидел в позе лотоса на больничной кровати как ни в чём не бывало. В обычной одежде. И весь мир не сотрясался при виде Павла. – Я тебя знаю?

Паша напрягся, но старался оценить ситуацию со стороны. Мозговые процессоры загружались медленно, глаза цеплялись за детали. Нужно было больше информации:

– Я думаю, ты похож на моего знакомого, – медленно проговорил Паша. – Ты меня не знаешь? – повторил он для формы, будто пытаясь подстроиться под ложь Гриши и сходу понять его игру.

– Боюсь, что нет.

Паша смотрел недоверчиво.

– Ладно.

На него смотрели недоверчиво в ответ.

– Эм, меня перевели сюда недавно, – поделился Григорий. – До этого я был в сосудистом отделении. Мне сказали, что я был в коме и могу не помнить какую-то часть времени. Поэтому если мы были знакомы, предупреди, – констатировал пациент. Время остановилось.

Не складывалось. Что-то не складывалось.

– Меня зовут Паша, – он подошёл ближе и протянул руку.

– Григорий.

– Как Распутин? – по привычке отозвался Паша, но друг и бровью не повёл. – Прости. Ты, наверное, устал слышать это. Редкое имя. Приятно познакомиться.

– И мне.

На него до сих пор смотрели озадаченным взглядом. Выжидающим.

Если Гриша попытался намекнуть на что-то, то Паша не понял. Он всё ещё не верил в то, что его могли забыть.

– Спрошу еще раз: мы знакомы? – повторил Григорий, но теперь в его голосе проскользнуло раздражение.

– Нет, – сразу отозвался Паша.

Окей. Зафиксировали. Они не знакомы. И что делать?

– Как ты тут оказался? – спросил Паша тогда в свою очередь. Тошнота подступила к горлу. Всё идет не по плану.

– Мне сказали, что когда на меня напали, мне прилетело по голове. Кровоизлияние, туда-сюда, впал в кому на пару месяцев. Очнулся. Ретроградная амнезия. Последние недели пытаюсь вспомнить хоть что-то, но пока ты первый, кто выглядит так, будто знает меня.

– Я просто зашёл поздороваться. Доктор говорил, что мне нужны друзья, – понесло Оетана-Пашу. – Подумал, что ты выглядишь нормальным. Это редкость.

Он не верил, но сердце предательски забилось чаще, рассматривая и такую вероятность. Тревога подступала. Этого

не могло произойти...

– И что, совсем ничего не помнишь? – задался ещё раз он вопросом, но на него всё так же взирали голубые непонимающие глаза.

Что это? Внушение? Гипноз? Потеря памяти так банальна. Она лежит на самой поверхности. Они раньше обсуждали это с Григорием – чтобы обнулить свою жизнь, не достаточно переехать, нужно конкретно так её забыть. Сходить на свидание с кем-то из людей в чёрном, чтобы они опробовали на тебе свою ослепляющую игрушку. Поэтому горсть сомнения закралась в голову Павла, путая все мысли. Не понятно, чему и кому верить. Да, Паша знал про нападение, но только сухие факты из протокола в полиции. А в медицинскую базу влезть не получилось.

Единственным объяснением конспирации Григория могла бы быть уверенность голубоглазого в том, что за ним наблюдали. Наверное, это было именно то, что собирался рассказать ему друг. Жаль, конечно, что они не оговорили раньше варианты кодовых слов для шифрования. Да и вообще, было бы славно придумать собственный язык. И тогда бы никто не страдал. Но об этом они не позаботились, поэтому оставалось полагаться на «уверенность» Гриши в том, что он делает. Даже если эту уверенность придётся вырвать из собственной груди и вселить в беспмятного Гришу – ничего, Паша готов.

Когда назревала полночь, гас свет, из всех щелей тянулись лапы непрошенных *мыслей*. Гости, которые приходили тогда, когда им захочется. Извратники душ. Надзиратели местных обитателей. Тени расплзались постепенно. Они не друзья, не враги, они просто были и пытались соседствовать.

Бубнёж с соседней кровати, к слову, мешал Паше полноценно встречать этих гостей в своем сознании:

– Лёш, замолчи, я пытаюсь думать. Ты отвлекаешь.

– О чём ты думаешь, друг мой, – спросил сосед, заметно подбираясь на постели, видя что его собеседник в кой-то веке настроен на философские размышление.

– Обо всём. Просто думаю. Ты же вот тоже думаешь о чём-то, когда молчишь? – задал риторический вопрос Паша. Сосед ответил:

– Конечно. У меня в голове целые баталии на разные темы! Я стараюсь молчать, когда ты спишь, но в это время я словно слушаю свои мысли по радио и не могу им ответить.

– Да... – протянул Паша. – Это удручает.

– Знаешь, о чём я думаю?

Хотелось поворчать хотя бы для вида, ведь Паша не мог просто признаться самому себе, что находил Алексея забавным.

– Расскажи, – сдался Паша. Он ещё пожалеет.

– Как ты думаешь, если ретроградный Меркурий переспит

с ретроградным Водолеем, как будет называться эта связка из ретроградных детей-богов.

– Над этим вопросом стоит порассуждать, ты прав, – произнёс Паша.

– Ох уж эти ретроградные дети... Водокурии... – воодушевился Алексей, и почему-то своим азартом в глазах он опять напомнил Павлу о Грише, отчего слушать остальной монолог не получалось.

Паша искренне боялся, что за время отсутствия друг мог сохранить память, но утратить веру. Веру в них. От этой мысли хотелось закрыться и не пускать на порог. А ничего другого в голову не лезло, как ни открывай свои чакры и не распахивай разум навстречу Вселенной.

– ...А вот ещё больше меня пугают мысли, что ещё год-два, и всё, – послышалось тихое от Алёши. – Не могу смириться с тем, что жизнь такая, какая есть. Я тогда разочаровался в жизни и понял, что не хочу за неё бороться, – Алёша усмехнулся, вспоминая: – И я ему так и сказал. Это были те самые слова, которые говоришь своему психиатру со слезами на глазах, потому что понимаешь, что в этом было дело. Я лично всегда знал первоисточник своего несчастья, но признать в этом кому-то, значит отрезать пути отхода. Больше не получится отшучиваться. Произнеся это, я должен был принять ответственность. Для религиозных людей это было бы как признание в измене Богу. А обливать Его образ кровью или просто напоминать людям, сколько пролито крови

из-за религии, само по себе преступление... – закончил между тем Алексей, устало потянувшись. – Вот будь ты Богом...

– Не-не, Лёш, давай спать.

Лучше в эту степь не поворачивать. Себе дороже. Паша показательно лег на койку и укрылся одеялом по самые уши. Разговор окончен.

Лицо Гриши исказилось. Паша его никогда не видел таким заведённым. Он что-то кричал, но Паше было сложно расслышать.

Они сидели в баре, который со временем стал их конспирологической штаб-квартирой. Долгие часы и литры остывшего кофе. Это место на окраине города рядом с автомойкой теперь ассоциировалось у Паши со вторым домом. Только сегодня музыка здесь странная. И слишком шумно для обычного понедельника. Если сегодня, конечно, понедельник. Да и Гриша кричал едва ли не впервые на памяти Павла.

– Да когда же ты отвалишь от меня?! – вопил голубоглазый.

– Гриш? – удивился Паша.

– Может, мне на необитаемый остров переселиться?! Сколько можно?! Дома не сидится?!

Ноздри друга раздувались при каждом слове, воздуха не хватало, злости не хватало. Смысл слов наконец дошёл до

Паши:

– Ты сознательно ушёл! Ты предал меня!

Голубые глаза смотрели обиженно:

– Я хотел всё закончить! Это был единственный вариант скрыться от Системы!

– Ты бросил меня... – повторил Паша.

– Ты должен был идти один! Я больше не могу. Я не справляюсь.

– Почему ты мне не сказал, что не справляешься? – это почти обижало Пашу так же сильно, как сам факт предательства.

– Это сложно... – голос стал тише. Точнее, вернулся на нормальную громкость. – Я был твоим другом. Но даже тебе я не мог признаться, что на самом деле не вижу ни в чём больше смысла. Первое время ты спасал меня, а потом мне открыли глаза. Я увидел такие процессы мироздания, о которых мы и подумать не могли... Ты понимаешь? Я выпал в осадок. Меня больше не волновало то, что происходит, потому что мы в таком сюре живём. Непостижимо!

– Я не понимаю... – проговорил Паша, и в следующую секунду он почувствовал землетрясение. Всё пропало. Голос звал его по имени, но очнуться не получалось.

– Паш, э, алё. Ты чего кричишь? – донесся смысл слов до парня. Он попытался ещё раз открыть глаза.

Под ослепительными лучами восходящего солнца в золотом сиянии перед ним стоял Алёша и тряс его за плечо.

– Приснилось чего? Не ссы. Всё прошло.

Утро. Такое утро, которое врагу не пожелаешь. Паша слонялся по холлу, прокручивая отрывки из сна. Он почти был один, только санитарка в коридоре домывала пол.

Перед глазами стояло лицо Гриши. Полное ненависти. Какая-то маска, которую надевать только на хеллоуин. Страшнее не придумать.

Он раньше об этом не задумывался, но сейчас оно не выходило из головы.

Как вообще человек понимал, что другой человек раздражен? Что наталкивало на мысль, что вот она, сидит, та самая скрытая агрессия, к которой только поднеси спичку. Глядя на Луизу, Паша сразу понимал, когда в ней кипела злость. Да и свои эмоции особо не скрывал, наиболее часто лишь подавляя желание ударить кого-то, но в целом злость он изображал самым что ни на есть ярким образом. А по Григорию даже сейчас не скажешь, таил ли он в себе обиду, таил ли злость, устал ли, голоден ли, что вообще у него в голове? Он как был доброжелательной добродушной машиной, так ею и остался. Потерял ли он память или только прикидывался, не важно – его нервные окончания не утратили свой потенциал. Правильнее даже будет выразиться, он являлся живым подтверждением закона об энтропии в замкнутой цепи. Нигде

на земле этот закон истинно не доказан, кроме как на примере Гриши.

Эх, кто бы узнал, как Паша скучал по своему другу, да и рассказать по итогу некому. Только всеведущая Система, наверняка, в курсе. В таком случае существовала призрачная надежда, что в Григорие сохранились хоть крупички памяти.

Возникла даже несуразная идея напомнить другу. Или рассказать заново, но на это точно уйдет уйма времени, которого у Паши нет.

Казалось бы, время... Здесь оно даже ощущалось иначе.

В общем и целом, Паша находился в перманентном шоке: в палате, в холле, на завтраке, на процедурах. Он рассеянно перебирал в голове версии о том, как же всё-таки быть. Паша не сможет в одиночку постичь план Системы. «Большая задумка великого разума в том, что его никто не сможет обыграть». Но они с Гришей не абы кто – тёртые калачи, – и готовы бросить вызов судьбе.

Да только так ли это будет до сих пор актуально для Гриши?

Часть 22. Дуализм души и тела

Дуализм (от лат. dualis – двойственный) – философское направление, признающее в основе мира одновременно два независимых начала (душа и тело; человек и бог; сознание и материя; свет и тьма; чувство и реакция), несводимые друг к другу или даже противоположные.

На этот раз новый молодой ординатор решил их удивить. Он собрал в общем холле всех, кто согласился, чтобы провести переключку и заодно познакомить с такой практикой, как аффирмация. Выглядел молодой врач до неуклюжего неуместно. Паше стало его несколько жаль, хотя и часть парня радовалась новой групповой терапии. Первый вопросы были риторическими, ординатор больше взаимодействовал с публикой, чем ждал серьёзные вдумчивые ответы. Оно и понятно, попробуй почитать лекцию на одну тему, когда тебя постоянно перебивают чужие высказывания. Вселенские вопросы о жизни, о времени и о себе. Доктор рассказывал о том, как важно хвалить себя, настраивать на позитивный лад, да и в целом: «Как мы научимся любить кого-то, если не полюбим хотя бы себя». Затем пытался доказать, как важна общность, идейность. Все важны для всех.

– Хорошо, давайте так: в моменты, когда кажется, что вы одни, постарайтесь представить, что кому-то жизненно

необходима сейчас ваша улыбка. Кому-то просто достаточно знать, что вы живы, чтобы быть счастливыми. Кто-то ждёт встречи с вами. Не анализируйте, а примите на веру, – проговорил ординатор, слова его были непробиваемы, но голос неуверенно дрожал. Странная у него подача материала. Ему не хватало спокойствия, которого у доктора Крашника хоть отнимай. Отсыпал бы психиатр и ему чуть-чуть, как будущему коллеге.

Против воли Паша поднял руку, желая чуть-чуть уничтожить эту блаженную гримасу. На одобрителный кивок ординатора он начал:

– На какую веру принять? Это глупо. Вы оскорбляете мои атеистические чувства. Так что окстись.

– Представьте для начала, давайте познакомимся.

– Павел. Затворник. Атеист.

– Спасибо за конкретику, но мы здесь просто общаемся.

Я прошу вас принять на веру... Перефразирую, *допустить мысль* того, что вы кому-то нужны. Тем более вы же не можете доказать на сто процентов, что это не так. Нет, не пытайтесь меня перебить. Доказать или опровергнуть вы этого наверняка не можете! Поэтому представьте. Все мы связаны, понимаете? Даже здесь и сейчас, я нужен вам, а вы нужны мне. Это в узком смысле. А глобально, неужели у вас никогда не возникало мысли, что есть что-то большее, чем мы с вами? Высший замысел? Некая цель, для которой мы пришли в этот мир?

– Бред сивой кобылы, – в сердцах выдохнул Паша. На него обратил внимание даже Гриша, до этого отвлечённо озирающийся вокруг: – Никакого высшего замысла, ни Бога, ничего. На самом деле мы ничем не отличаемся от животных. Вот чем мы лучше?

– Ну...

– Это риторический вопрос. Ничего, кроме выдуманных амбиций. Сами возомнили о себе черт пойми что. А на деле обычные животные, которые научились загоняться. Вот уж это он – верховная ветвь развития. Высшая нервная деятельность не преимущество при естественном отборе, а недостаток. Вот какое еще животное из собственных побуждений может на пустом месте выпилиться. Не от потери, не от боли, а просто потому что тоскливо?

Глаза Гриши удивленно округлились. Прежде такого не было, и от неожиданности Паша поперхнулся словами. Зачем он притворяется, что не придерживался такого же мнения?! Голова заболела.

– Самоуничтожение – это часть естественного отбора. Мало противостоять сильным хищникам, нужно еще уметь противостоять самому себе. Фрейд наверняка трижды в гробу перевернулся. Но эти телодвижения не побудят нас изменить ход мысли. Так вот, мы лишь безумные животные. Едим, спим, гоняемся за хвостом, загрязняем окружающую среду. И строим из себя хуй-пойми-что. Кого вы пытаетесь обмануть? Мы строим новое, чтобы разрушить старое. Все время

обновляемся, гоняемся за новинками, которым грош цена – просто вре́менная материя в этом временнóм цифровом мире. А мы лишь куски мяса, которые умеют говорить...

«Куда-то его не туда понесло», – подумал Паша, но уже слишком поздно.

В пылу своего душеизлияния он не заметил появившегося в поле зрения нового свидетеля его спектакля. Только благодаря ординатору, устремившему взгляд в конец коридора, Паша тоже вынужденно обернулся. Выражение лица доктора Крашника сложно было прочитать за ту долю секунды, что он появился, подал какой-то знак своего подопечному и вновь растворился в неосвещенном коридоре.

– Интересная мысль, – как-то поспешно подвёл молодой врач. – Именно к ней мы вернёмся после перерыва. Никому не расходиться.

Затем встал и уверенно скрылся за углом, вышагивая по коридору. Это остудило Пашин пыл и охладило рассудок.

Он словно очнулся. На лбу выступил пот.

Тяжелый взгляд Гриши взирал в упор. Хотелось спрятаться. Все остальные присутствующие тоже были несколько обескуражены, не считая тех, кому не было дело вообще не до чего.

Гриша так смотрел только тогда, когда кто-то был ему в высшей степени неприятен. На Пашу он так смотрел впервые. Паша был для него *чужим*. Это оскорбило Пашу больше, чем он ожидал. В ответ получилось только грубить:

– Хватит пялиться, – бросил он в сторону Гриши, не смотря ему в глаза.

– Что тебя так выбесило? – нахмурившись, спросила Луиза, ожидая, что к ней он будет более благосклонен, чем к остальным. Она сидела по правую руку их импровизированного круглого стола.

– Не важно, – отмахнулся он. Закрыться бы в комнате и не выходить ближайшие годы. Вот это он учудил...

Луиза положила руку ему на плечо, от неожиданности он дернулся.

– Успокойся, – заговорил Григорий. Смотрел он понимающе, но всё равно как-то холодно. – Попробуй успокоиться. Эй! Расслабь брови. Не будь таким нахмуренным. Знаешь, что отпугивает в высшей степени того, чем является – неуважение к другим людям, живущих с тобой рядом. Если ты с ними не контактируешь, ладно, но это не значит, что ты можешь саботировать общие процессы и быть козлом. А если на тебя будет равняться вся социальная группа.

Гриша таким образом хочет пристыдил его? Взывая к совести? Какой кошмар. Хорошо, что он не видел все предыдущие его закидоны. Хотя возможно, если бы Гриша приструнил его на самом первом, последующих не было бы.

– Это даже смешно, – произнёс Паша, больше концентрируясь на том, чтобы на самом деле успокоиться. И правда, он слишком вжился в роль умалишённого. – Прошу прощения у всех вас, – следом добавил он и посмотрел на Гришу

с видом «Доволен?»».

Гриша кивнул.

В голове от этих игр с другом было перекаати-поле, поэтому точно проанализировать ситуацию и сказать, что он чувствует, не получалось. Неловко.

Они всё так же сидели в кругу, смотря друг на друга с неммым вопросом в голове. А что делать-то? Долго сидеть? Кого ждать? Прошло минут пять, но в сформировавшейся атмосфере все двадцать пять.

Жутко. Над ними и раньше проводили психологические опыты другие студенты-практиканты. Понятно, что им нужно писать диплом, а для этого нужна экспериментальная группа, обычно доктор Крашник с распростертыми объятиями принимал на обучение новичков. Но никогда не происходили такие вещи, как сегодня.

Их как будто объединили в одну группу, не объясняя правила «игры». Напрашивалось сравнение с «голодными играми», однако вызывало смешок это только у Паши. Всем остальным, кажется, по барабану.

Его чуть отпустило, и Паша попытался поставить себя на место случайного наблюдателя. Он окинул взглядом этих собравшихся добровольцев (кто не успел сбежать в палату до прихода очередного залетного ординатора). Среди всех са-

мой пожилой и опытной была Зоя Кирилловна. Да и та выглядела помято и словно не в своей тарелке в компании преимущественно молодых пациентов.

– Колени устали сидеть, – проворчала она, как подобало главной непоседе в их царстве. Затем, опираясь на ходунки, поковыляла в сторону столовой. Наверное, опять за кофе.

Вспомнилось, Зоя Кирилловна рассказывала, что из-за своего состояния совсем не спала, пока не теряла сознание. Теперь Паше не казалось это преувеличением. Однако и это не умаляло её деловитости.

К его удаче, в их кружке был Гриша, в каком бы раздрае ни пребывал, – просто своим видом он грел сердце; была Луиза и Мать-природа, державшиеся рядом; были Макс и сосед-Алёша; была новенькая неулыбчивая девушка и старенькая Светлана, «пониженная в должности», – сидела хмурая, как туча. Но не та туча, что слёзы лить будет, если палкой ткнуть, а та, что стреляет молниями и орет громче грома. Интересы к происходящему она не проявляла.

– Представь, если сейчас бунт начать, – внезапно предложил Макс.

– Это твоя идея или твоего отца? – уточнил Паша себе под нос, однако ему тут же ответили:

– Просто мысли вслух... Они бы вряд ли смогли усмирить всех, да?

– Ребят, – встряла Луиза, – можно попридержать такие мысли? Кто-то может расценить это как призыв к дей-

ствию, – она кивнула в сторону буйного деда из двенадцатой, который за последние полчаса ни разу не моргнул.

В каком-то смысле мило. Они как будто встретились на лестничной клетке и обсуждали, кто выбросил мусор в чужой контейнер...

И это такова теперь его жизнь.

До смешного обидно, что всё пошло не по плану, а пустилось напрямик по пиз...

– Ну-с, может, тогда в города? – ворвалась в очередной раз в его мысли Луиза, появляясь на периферии. Паша оторвал невидящий взгляд от дальней стены и словно по новому взглянул на неё. Бывает момент просветления даже у депрессивных, и тогда, кажется, они горят ярче Сириуса. В глазах девушки в крупинках изумруда отражались солнечные лучики. – Или поиграем в «угадай, каким психическим расстройством я болею»?

Когда он успел так сильно запасть?..

– Да ты «заводила» на любой вечеринке, – не удержался от усмешки Паша, в упор смотря на Луизу.

– Не, мы и так тут плюс-минус одного поля ягода, – напомнил Макс, решив, что предложение поиграть касалось всех собравшихся. В целом, Паша только рад этой компании.

– Идея! Тогда давайте посмотрим, насколько мы дружная семья психов? – нашлась девушка. Почти все обратились в слух.

– Как? – прозвучало откуда-то слева.

– Поиграем в «Я никогда не»?

– А пить что? – вопрошала незнакомая женщина, кажется, соседка Луизы, как-то снисходительно наклоняя голову.

– Чай! – отозвалась Зоя Кирилловна из-за дальних столиков, где собиралась пожевать полдник, но её опять выгнала буфетчица. – Ту заварку с кухни тащите. Этот чифир, честное слово, закусывать нужно.

Против воли Паша тоже рассмеялся под общий одобрителный шумок.

Так и порешали. Поляну оказалось накрыть намного легче, когда они единодушно, как слаженные рабочие одной бригады, стаскали чистые гранёные стаканы и два чайника «чифира» на общий стол. Даже как-то... аутентично что ли. Паша любовался на этих людей в работе. Наверное, в реальной жизни увидь он это, у него ни на секунду бы не возникло мысли о том, что кто-то из них имеет психическое расстройство или переживает тяжелый период.

– Я никогда не... – начала куда более игриво Луиза, задумчиво стуча пальцем по подбородку, – не объедалась до тошноты.

– Все мы грешны, – решительно произнесла незнакомая женщина. Обычно она по большей части молчала на групповых занятиях, но, видимо, в компании с Луизой она чувствовала себя комфортнее.

– Ну так все и пьём! – подтвердила девушка.

Так как постоянно подливать чай никто не хотел, догово-

рились отпивать по глоточку каждый из своего стакана.

– Кто следующий?.. Давайте по часовой.

– Против!

– Ладно, давайте против часовой, – пожала плечами девушка. Гулька волос на голове смешно болталась, придавая и так юной девушке ещё более ребяческий вид.

Следующий Максим.

– Я никогда не воровал, – словно бросил вызов в толпу. Трое, включая Пашу, взялись за бокалы. Вкус чая против воли заставлял скривиться. Скулы сводило от терпкости. Сам Макс спохватился и тоже запоздало поддержал свой тост.

– Ты же знаешь, что не обязательно закапывать самого себя? Суть в том, чтобы напоить других игроков, – произнесла Луиза, и в роли разводицы она смотрелась ещё более привлекательно. Интересно, что так на неё повлияло?

– Да я знаю правила! – пробурчал Макс. – Я просто вспомнил, что забыл, что тоже делал это. Короче, отстань. Давайте дальше, следующий.

Следующим оказался Гриша. Он обвел задумчивым взглядом компанию и произнёс:

– Я никогда не сбегал из дома.

По комнате пронёсся протяжный выдох. Хотя казалось бы, ничего такого в этом нет, но к всеобщему удивлению, стаканы подняли лишь Зоя Кирилловна и Мать-Природа.

– Ну а что, у меня тоже был переходный возраст. Даже если это было семьдесят лет назад, – подмигнула Зоя Кирил-

ловна.

– Я в вас не сомневался, – поддержал Паша. Удивления от того, что поддержала и Мать-Природа, не было.

– Следующий Дима.

Неряшливый парень с лёгким косоглазием также повторил начало фразы:

– Я никогда не... – и задумался надолго.

– Ну?

– Не дави на него, – произнесла Мать-Природа.

– Кто давит?

– Я думал, мы никуда не спешим, – пожал плечами Дима.

Размышления его слишком затянулись даже по скромному мнению Зои Кирилловны, которая закатила глаза:

– Ну, парень, я никогда не... – подбадривала она.

– Целовался.

– Что «целовался»? – не поняла Луиза.

– Никогда не целовался.

Хотелось пошутить, очень хотелось, но Паша понимал, что если произнесёт хоть звук, прыснет от смеха. Не из-за того, что насмехается, а только лишь из-за абсурдности происходящего. Тишина стала истерически невыносимой, когда поднял бокал с чаем сам Дима и собирался сделать глоток.

– Если я тебя сейчас поцелую, тебе будет нечем гордиться, – бросила Луиза, и это было последней каплей. Дима аж подавился, а Паша стыдливо фырчал в кулак.

Девушка перегнулась через стол к парню, пародируя сцену

из «Пассажиров» с Дженнифер Лоуренс, и почти поймала его за ворот кофты. Парень взвизгнул и соскочил с места, словно она прокажённая.

Вот, что называется «девушка с изюминкой».

Смех поутих не скоро, и это дало им пару лишних минут, чтобы расслабиться.

– Как хочешь, – бросила с шальной улыбкой Луиза. – Кто следующий? Только давайте что-то нормальное.

Угрюмая Светлана сделала усилие над собой и подняла руку.

– Да, давай, – поддержал кто-то и призвал тем самым к спокойствию.

– Я никогда не лгала психотерапевту.

Все замолчали, переглядываясь. Немой разговор сближал их под общим началом. Все они – маленькие бунтари. Почти все по очереди сделали глоток, не произнося ни слова, лишь с легкой улыбкой на губах. Паша тоже, и только потом он вспомнил, что в дальнем углу висела камера. Надежда лишь на то, что она не писала звук.

– Тэк-с, дальше, Паша!

А что тут скажешь? Всё, что приходило в голову, «закапывало» его самого. Никогда не прятал таблетки за щеку, никогда не предавал, никогда не накуривался, никогда не просыпался с незнакомым человеком, никогда не терял любимого человека по собственной глупости... Но потом к нему пришло озарение:

– Я никогда не плавал нагишом, – он выжидающе посмотрел на собравшихся по очереди. В этот момент казалось гениальной идеей создать все условия, чтобы Гриша мог, не опасаясь, подать ему знак. Намекнуть, мол, помню-помню, не переживай, дружище. Паша подстелил ему соломку. И либо этот парень по собственной воле сделает шаг навстречу Паше, либо он бессовестная скотина, а не друг... А, ну да, или он действительно потерял память.

– Знаешь, задумка хорошая. Я бы записала её в список того, что надо успеть сделать до тридцати, – произнесла Луиза, когда в замершей тишине никто так и не поднял стакан.

– Зоя Кирилловна, ну хотя бы вы, уж не обижайте! – поддразнивал Паша эту светскую даму постбальзаковского возраста. Дважды бальзаковского? Хоть было и тошно от гришиного молчания, но показывать этого нельзя.

– Никогда не понимала, что в этом романтического, – Зоя Кирилловна поскребла короткостриженным ногтем бровь. – Вода мутная, в ней до этого, наверняка, гадил кто-то, в ней бактерии плавают, водоросли, а вы считаете романтическим, когда вся эта муть впитывалась в вашу драгоценную шевелюру, и в самые уязвимые места.

Она скривилась под всеобщие смешки. Паша одобрительно хмыкнул. Да, таких чистоплюев уже не делают. Восхитительно. Будь он лет на сорок старше, такую женщину бы не упустил. Хотя Софию же упустил, значит, он тот еще неудачник и упускать лучших – его кредо. Как-то даже смеяться не

хочется.

– Ладно, дальше... Наташа.

При упоминании своего имени Мать-Природа вздрогнула. До этого она как-то уж сильно задумчиво рассматривала свои руки. Тонкие запястья, короткие пальцы с маникюром. Прозрачная кожа, под которой просвечивались устьями венки. Притягательно. Паша никогда не был фетишистом по изящным рукам, но возможно сейчас он капельку фетишист.

– Я никогда не... Никогда... Никогда не писала предсмертную записку, – наконец произнесла она.

Вопреки пашиным ожиданиям, на неё не подняли возмущенные взгляды, никто не скривился. Повисла та самая колющая, могильная тишина, которую даже если хочешь, не разрушишь. Каменные лица. От осознания у Паши волосы встали дыбом. Он ведь и раньше всматривался в глаза этих людей, но не допускал даже такой мысли.

Луиза громко выдохнула через нос. Брови надломились в непонятно что умоляющем изгибе. Весьма траурно она подняла стакан выше лица, будто чокаясь с кем-то, и осушила до дна. За ней последовала Мать-природа, – конечно, – затем и Алёша-сосед, и две других женщины из соседнего отделения. Паша смотрел теперь на них под другим углом.

А затем поднял свой бокал и Гриша.

И стало не смешно совсем.

– Расходимся, – заявил он, авторитетно отодвигаясь на стуле и выходя из-за стола.

Перечить или вообще что-то ещё говорить больше не хотелось. Ничего нахрен больше не хотелось, кроме того, чтобы проснуться и понять, что это был просто очередной сон.

Часть 23. Просветление

Надеяться в дальнейшем на лучшее не представлялось возможным. Паша не смог спокойно выдохнуть даже после ухода Гриши и некоторых других. На него накатили новой волной мысли о том, что он, вероятно, упустил очень много времени зря, что он чужой, ненужный, неприкаянный, и ни здесь, ни тут, ни там ему нет места. Какого чёрта он тут делает?

Для него стало откровением, что с этой стороны Гришиной личности он столкнулся впервые. Знал ли он вообще своего друга настолько хорошо, как Гриша знал его? Какой тогда Паша друг, если что-то настолько значимое ушло от его внимания. Он буквально мог потерять Гришу навсегда, и даже не знал, кого нужно отблагодарить за то, что друг не довёл дело до конца.

Это напомнило ему о словах Зои Кирилловны: «Никогда не знаешь, кто перед тобой. Порой можно прожить сорок лет вместе, и только под старость узнать, что за чудовище спит с тобой в одной кровати». Так она говорила о своём муже, и вероятно это была одна из тех истин, к которым приходят только через слёзы и года.

Паша же мелочился, когда думал, что такая точка зрения присуща Зое Кирилловне только потому, что она старая и ворчливая. К повидавшим жизнь всё-таки стоило прислуши-

ваться, подумал он...

Как же болезненно терять смысл – в который раз повторял себе Паша, смотря на своё отражение в окне. За стеклом, за решётками уже пьяная обволакивающая ночь. И он всё тот же странный мальчик, который видит в случайностях послания, а в хлебных крошках – подсказки. Как же он влип. Вроде бы и не пройдена черта невозврата, но он уже не мог вернуться к привычной жизни и играть свою роль, натянуто улыбаясь на те вещи, которым в прошлом придавал почти божественное значение.

Вернуться к той рутине не больше непредставлялось возможным. Это место что-то изменило в нем. Теперь он не мог опустить руки и вернуться к своей прежней бессмысленной утопичной жизни, потому что в кончиках пальцев теплилась надежда на то, что за поворотом именно его всё же ожидал успех. Докрутить мысль, проявить усилие, показать свою настойчивость, и вот он из тех, кто прорвался через первичный барьер, отталкивающий менее строптивых и бойких.

Пожалуйста, не прокладывайте аналогию со сперматозоидами и яйцеклеткой, он это сделал за вас.

Короче говоря, это именно то, что он чувствовал. Как он это чувствовал и зачем он это чувствовал, Паша не знал, но факт оставался фактом: он такой как есть.

Он даже задумался, не пора ли уйти на покой. Его стигматой распущенца и циника, предполагающая, что он всегда бу-

дет действовать в обратном от ожиданий порядке, не первый раз приносила ему проблемы и доводила до крайностей, к которым не каждый будет готов. Например, внезапно узнать, что ты хреновый друг, а единственный человек, который был важен тебе, сбежал от тебя в психбольницу. Сейчас это казалось наиболее разумным предположением, чем все другие догадки. Как некстати всплыли подробности недавнего сна. Может, он зашёл слишком далеко? Игнорировал Систему, игнорировал, да доигнорировался. Теперь даже при желании он не сможет вернуться в норму, чтобы хоть немножко соответствовать здешним правилам и имиджу корпорации.

Когда накатывали такие моменты, доктор называл их «просветлением». Когда набираешь особенно большую высоту, появляется больше шансов упасть и разбиться. И в этот момент истинный страх обычно возвращал эту кроху рассудка.

Доктор рассказывал, что это естественный процесс. Предсмертная агония тоже приносила просветление рассудка. Лишь пару минут, когда у вас есть время «по-нормальному» попрощаться с тем, кто скоро освободится от своих мук. Момент раскаяния. Тот самый момент раскаяния, который так любит воспевать доктор Крашник.

«Чужую борьбу не видно, но это не значит, что её нет», — как-то сказал Гриша полупьяному Паше. Они отмечали какой-то международный день права на богохульство. Паша так и не понял, настоящий это праздник или плод Гришино-

го воображения. Иногда ему просто хотелось выпить, а без повода – это пьянство. Даже абсурдно то, насколько Паша принимал одни его слова на веру, а другие пропускал мимо ушей.

Ему бы забыться беспокойным сном, но он знал, что в очередном кошмаре ему привидится лицо Гриши после слов о предсмертном письме.

Только на следующее утро, когда он пришел на индивидуальный сеанс, психиатр удосужился сообщить, что в их недавнем времяпрепровождении был куда более глубокий смысл (да ладно?). Но только эксперимент заключался не в том, чтобы привить им гуманизм и любовь к себе. Да, ординатор выполнял роль своеобразной Матери Терезы. Странно, что такие темы закреплялись за будущими психиатрами. Но как Паша подумал, суть в том, чтобы продвигать любые идеи, даже далекие для тебя. Говорить «правильные» вещи, а не те, в которые искренне веришь. Если ты врач, у тебя не может быть иного мнения, кроме как клинически правильного. Конечно, отступления от схем допускались, клинические рекомендации – это не кандалы, а лишь ограничители. Как на дороге. Чтобы доктор не разгонялся слишком сильно, идущий на поводу у своего чутья и фантазии. Полегче на поворотах.

Так зачем это всё было? Доктор Крашник сказал, что сам не любил это задание в свои годы, поэтому решил разнообразить эту практику для подающего надежды врача. А именно:

– Подтемой к этому заданию являлось сплочение. Как бы то ни было, я не позволил бы ему как-то вам навредить. Вы для меня уже все родные.

– Разве вам разрешено привязываться?

– Мне и с пациентами спать нельзя, – подмигнул доктор, и Паша на секунду выпал в осадок. – Ой, да ты серьёзно? Паша, я предполагал, что разум прояснился, а ты ослабил свои критические навыки. Где ты витаешь? – нахмурился он.

– Нет, я... – а что тут скажешь. О Грише он точно рассказывать не собирался. Вся эта ситуация неоднозначна, и обсуждать её с кем-то, особенно с тем, кто тесно связан с Системой, было бы подобно признанию капитуляции. А белый флаг он прибережёт до момента, когда они рука об руку с Гришей выйдут отсюда и приступят к формированию плана по порабощению Системы. Один он с эти справляться точно не собирался, не говоря уже о том, чтобы оставить Гришу здесь.

– Да я, наверное, плохо спал, – выдохнул он привычную отговорку. Хотя какая это отговорка, если единственная надежда выпастись для Паши являлось накопить 3-4 седативные таблетки и затем выпить их за раз. Тогда только сознание максимально отключалось, и он не видел снов.

– Какие ещё *симптомы* появились? – поинтересовался уверенно доктор. Наверняка, его уверенность трактовалась тем, что он сам эти симптомы Паше и нафармацировал. Пашу забавляли побочки лекарств, потому что, кажется, он успел перепробовать всё здешнее меню. Но оказывается, одно лечишь – другое калечишь. И чтобы избавиться от сонных параличей, он подписался на повышение либидо и бессонницу.

– Какие должны быть?

– У всех по-разному, – пошёл на уступки док. – Чаще всего это навязчивые мысли, головная боль, расстройство аппетита. Один случай на сотню пациентов.

– Я не вхожу в эту сотню. В целом, не так уж сильно оно мне и мешает, – тихо проговорил он. Он боялся, что придёт момент, когда доктор Крашник решит испробовать какую-нибудь комбинацию из подавителей или транквилизаторов. Что угодно, Павел готов терпеть даже боль, только бы не чувствовать себя овощем. Со своим сознанием расставаться он не хочет. Это, как выяснилось, единственное безопасное место в этом мире, во все остальные те, кому надо, могут влезть, когда надо.

– Вот о чём ты сейчас думаешь? – нарушил его покой доктор.

– Простите, – посчитал он необходимым сказать. – Здесь, – он очертил воздух рукой, указывая на кабинет, – я чувствую себя спокойным. Уравновешенным. Стабильным.

Мне хочется здесь больше думать, чем говорить.

Это была правда.

– Тогда... – начал док. – Я могу воспользоваться этой возможностью, чтобы совершить с тобой прогулку?

– Что? – Проблески надежды послышались в голосе. Те, кому доктор не дал зелёный свет, не могли выходить в прогулочное время со всеми. Только под контролем врача или санитаря, и только если не косячили последнее время. А Паша умудрился за восемь недель дважды оказаться в одиночке и сорвать три групповые терапии. Свобода казалась призрачным куском мяса для голодающего, но молить о ней было ниже его достоинства.

– Необычную прогулку. Мы с тобой таким не занимались, потому что твоё сознание сложнее воспринимает образы и аллегории. Но может, я поспешил поставить на тебе крест.

Что-то Паше не нравилось в его тоне. Может, его задумчивость, может, проснулся врожденный страх перед любыми психологическими манипуляциями. Тут и правда было, чего бояться, зря Паша ослабил оборону.

– Не анализируй, – попросил Доктор, будто читая его мысли. Именно поэтому ты тяжелее воспринимаешь эти практики. Это будет задание на фантазию, на первичные реакции. Не надо рефлексировать и стремиться понять смысл каждого шага. Так мы не пройдем дальше крыльца.

Ему не хотелось в подобном участвовать, но какой-то нездоровый азарт столкнулся с его самолюбием, а это горю-

чая смесь.

– Ладно, и что мне делать?

– Проходи на кушетку, ложись, закрывай глаза, – улыбался по-своему доктор Крашник, и Паша захотел сравнить его с мухой, которая потирает лапы.

Ну, что ж, они могут и поиграть.

Время пролетело незаметно. Паша словно наблюдал за своей жизнью со стороны. Когда в самом начале док его подготавливал фразочками, вроде «почувствуй свое тело, оно тяжелеет, веки горячают, дыхание успокаивается», Паша пытался сдерживать смех, но уже на «входе» в своё подсознание он поймал себя на том, что и правда упал куда-то глубоко в себя и выйти самостоятельно у него не получается. Паника шла рука об руку с покорностью. Странный опыт. Вроде наркотического или алкогольного опьянения.

– Так, Паш, сейчас ты оказался у себя дома. Какие чувства ты испытываешь? – спросил он. Паша прислушался к себе.

– Мне холодно. Здесь нет света и воды, – почему-то именно так ему представлялось это место. Домом он считал свою последнюю квартиру, куда он вернётся после всего этого. Что-то подсказывало, что соседи обклеили его дверь нецензурными листовками и записками, а в почтовый ящик написали окурков. Хоть он и настроил автоплатёж по счетам на

три месяца вперёд, чутье ему подсказывало, что именно за время его отсутствия мог засориться унитаз или могла взорваться батарея. Никто от такого не застрахован, к сожалению, даже если он выключил все приборы и перекрыл трубы.

– Хорошо, проходи дальше, осмотри знакомую обстановку, стены, мебель.

Он так и поступил. Прошёлся по коридору, цепляясь пальцами за шершавые обои стен, желая ощутить себя дома, где всё родное вплоть до приевшейся отделки. Ничего не изменилось. Тоскливая пустота пронизывала стены нитями паутины. Вылизанная до дыр чистая квартира встретила его в своих объятиях. Не зря ползал на четвереньках по труднодоступным местам накануне госпитализации. Всё в порядке.

– Что видишь? – внезапно спросил доктор Крашник, и Паша отшатнулся от разглядывания.

– Ничего. Моя хата. Я. Посмотрел комнату и гостиную. Ничего не украдено.

– А ты хранишь дома что-то ценное? – спросил в свою очередь психиатр. Паша нахмурился:

– Не столько дорогостоящее, сколько значимое лично для меня.

– Кто-то ещё есть в этом доме? – спросил доктор, и у парня прошли мурашки по спине от неожиданности. Паша ещё раз пробежался взглядом вокруг, внутренне боясь кого-то увидеть.

– Н-нет, всё как обычно, – неуверенно повторил он. Пред-

чувствие заставило его замереть. Только бы воображение само не начало дорисовывать, внутренне молился он.

– Хорошо, тогда иди дальше.

– Я... Я не знаю. Не уверен, что могу, – он говорил именно так, как чувствовал, и это осознание не могло не пугать. – Как-то жутко здесь, можно выйти? – попросил Паша, не пытаясь «проснуться» самостоятельно. При всём желании сбежать, он верил, что может нанести себе вред, если попытается выйти или сделает это «неправильно».

– Нет, это же твой дом, Паша. Если тебе кажется, что здесь небезопасно, ты должен найти причину и устранить её, – авторитарно заявил он.

Страшно.

– Я попытаюсь, – голос надломился, показывая всю его обнажённую суть. Почему-то осознание того, что док где-то рядом, давало ему чувство мнимой поддержки. Док не даст ему сорваться с пропасти вниз, верно?

– Осмотри все комнаты. Тебе беспокойно во всех или в какой-то больше? – подталкивал он в спину, и Паша шёл. Шёл и шёл. Всё было как обычно, не считая момента, когда он проходил мимо ванной комнаты. Около неё он старался не задерживаться.

– Что сейчас происходит? – спросил он. – Где ты?

Доктор как будто поймал его за шкурку, как непутёвого кота, и вернул к ванной комнате.

– Я около двери в ванную, – просто пояснил он. От неё

веяло тем же настроением, что и три года назад в *ту ночь*.

– Нужно зайти, – прозвучало приказом от доктора. – Не бойся.

Ему не хотелось заходить. Он не станет. Нет. Ни за что.

– Иди, – голос звучал громче.

Паша повернул ручки двери и распахнул её. Изнутри на него взирал мрак. Веяло холодом, будто в ванной забыли закрыть форточку. Но форточки закрыты. По крайней мере, он так думал.

– Там кто-то есть? – поступил следующий вопрос. Паша не моргая взгляделся во мрак. Что-то упало с полки.

– Блять! – в сердцах прошептал он, дернувшись.

– Что?

– Ничего. Тут просто холодно. Темно. И больно.

– Не выходи, – поступил новый приказ. – Закрой за собой дверь.

Он чувствовал фантомные прикосновения бритвы. Призрачная рука с лезвием облизывала его кожу предплечий, живота, шеи. Вдоль позвоночника пролилась горячая струя страха. Казалось, хлынула кровь. Он здесь не один.

Он начал различать очертания своей ванны. Поймал своё размытое отражение в зеркале. Уловил колебание воздуха рядом с лицом.

– Выпустите меня, – попросил Паша. – Мне здесь не нравится.

– Включи фонарик на телефоне.

– У меня его нет.

– Есть. В заднем кармане, нащупай его.

Паша подчинился. Руки ооченели и с трудом двигались. Он не хотел, но уже включал нужную функцию на экране быстрого набора.

– Кто здесь? – произнёс то ли вслух, то ли только мысленно в пределах своей ванной комнаты.

– Ты в безопасности. Я рядом, – проговорил доктор, и стало понятно, что каким-то образом он управлял видением в голове Паши. Но чувство, что всё под контролем, всё равно не придавало сил.

Порыв холодного ветра мазнул повторно по шее, заставляя вскрикнуть и обернуться.

Перед ним кто-то стоял, закрывая ему рот рукой. Паша поймал чужой взгляд. Глаза, – он был готов поклясться, голубые, – узнали его. Это был тот самый Гриша. Его друг. Его напарник. Его компаньон в преступлении.

«Молчи», – попросил Гриша, поднеся палец к своим губам. Затем после кивка Паши медленно убрал ладонь с лица.

– Что там происходит? – спросил доктор Крашник после того, как не получил от Паши отклика. – Что ты видишь?

Гриша замотал головой, прося его о чём-то. Каким-то образом Паша понял.

– Здесь только я. Просто сквозняк.

Голубые глаза встревоженно осмотрели его.

«Где тут выход?», – прозвучал голос Гриши, хотя тот и рта

не открывал. Паша повернулся в сторону двери, указывая на неё.

«Пошли», – кивнул Гриша и, взяв его за руку, повёл наружу.

– Что ты там делаешь? – спросил доктор Крашник раздражённо.

– Ничего. Стою, – отозвался Паша, не понимая, в какой именно материи сейчас существовал и как себя вести. Гриша вывел его из ванной комнаты в коридор, затем и из квартиры через входную дверь.

Паша успел подумать только о том, что таких галлюцинаций он ещё никогда не ловил. Время потеряло вес. Он мог почти осязать движение секундных стрелок. Удары метронома?

Доктор спрашивал что-то ещё, говорил неразборчиво, и голос его отдалялся. Они пробирались с Гришей через тоннель какой-то подземки. Пахло грязными тряпками и какой-то химией.

– Вернись, твою мать, – злился голос. – Я не смогу тебя вытащить, – просил доктор, и к всеобщему флёру примешался запах крови. Насыщенное железо трёхвалентное. Паша как-то пропивал курс препаратов, когда показатели его крови были на нижней отметке, и потому отчетливо помнил этот запах.

К горлу подступила тошнота, но Гриша не отпускал его руку, и в итоге они приблизились к металлической двери.

«Проваливай! И чтобы я тебя больше здесь не видел!», – кричал в его голове голос Гриши. Голубоглазый буквально силой вытолкнул его прочь за эту дверь и захлопнул её за ним.

– Нет! Не бросай меня! – простонал Паша, но уже никто его не слышал. На руке ощущалось фантомное прикосновение. Он открыл глаза.

Свет кабинета был настолько ярким, что пришлось закрыть глаза ладонями, щурясь и осматриваясь вокруг сквозь пальцы.

Память медленно вернулась к нему, когда он увидел фигуру доктора, нависающую над ним. Лицо было обзлѐнное, и действуя на инстинктах Паша поднялся с кушетки и отодвинулся дальше.

– Кто это был? Отвечай, – сказал Доктор тоном, не принимающим возражений.

– Не понял, – хрипло выдохнул он, пытаясь взять себя в руки. Он почувствовал, как на самом деле уязвим перед доктором. На руке был след от иголки с капельками крови.

– Не прикидывайся!

– Что вы хотели со мной сделать? – в шоке спросил он. Лучшая защита – это нападение. – Ввели меня в медикаментозный транс? Это насилие над мозгом! Я не давал своего согласия! – хотелось быть более звучным, кричать, но получалось лишь негодуяще обвинять. – Я не подопытная крыса.

Взгляд доктора изменился. Справа от врача стоял метро-

ном, который до сих пор отбивал нужный ритм. Раздражал не столько Пашу, сколько самого специалиста.

– Хорошо, – сдался он, – можешь идти. Продолжим в следующий раз.

Пашу дважды просить не надо – он сорвался с места, и спустя секунды доктор остался наедине со своими размышлениями.

Часть 24. Синдром отмены

«Мы опечалены, потому что плачем; приведены в ярость, потому что бьём другого; боимся, потому что дрожим...»

© Уильям Джеймс

Хотелось уснуть. Так сильно хотелось уснуть. Он слишком устал. Всё навалилось, и он уже не выдерживал. Когда мелочи случались по очереди, с ними можно было справиться так же ловко, как волк, который ловит яйца. А когда всё наваливалось одновременно, единственное спасение – это сон. Очень длительный, очень глубокий. И обязательно без кучи головомоечных сновидений, которые прокручивали мозги через мясорубку, складывая увиденные ранее образы в разных комбинациях. Так мозг «думает». Думает, сука такая, даже ночью. И потому Паша хоть и хотел спать, но очень боялся уснуть. Таблеток нет, он их ещё вчера выпил, а новой лошадиной дозы пока не собрал. Как тут успокоиться? Может, походить по коридору, поспрашивать? Покидать палату после отбоя не рекомендуется, но если нерадивая ночная медсестра оставила пост, чтобы вздремнуть часок, у него получится. На таблетки на посту он даже не думал смотреть – они подотчётные, каждая подписана. Те, что в сейфе – «для особых случаев», – тоже не достать. Даже если он запомнил, где хранится ключ, открывался сейф с зубодробительным

скрежетом, который разбудил бы всё отделение. Это одни из тех сейфов, которые надо вырывать прямо с напольным покрытием, отвозить на заброшенную дачу и там пытаться вскрыть. И то, шанс, что эти телодвижения окупятся, невелик.

Поэтому в надежде выкрасть себе пару часов сна Паша подкрался к своему соседу. Парень привычно бухтел до самой ночи, пока не погасили свет, а затем магическим образом (или рефлексом Павлова) отошёл ко сну.

Паша присел на пятки около кровати и, набрав в лёгкие побольше воздуха, положил руку на матрац.

Сосед не шевелился.

Он повёл рукой под матрасом, опасаясь, что вместо таблеток может вляпаться во что-нибудь мерзкое. Но пока ему везло. В матрасах была одна хитрость, которую знали не все пациенты, и не дай бог, узнал бы кто-то из персонала. В швах матраца не было пуговиц, не было расшитого узором края вдоль всей поверхности, но было интересное место в районе бокового шва. Ткани здесь использовали крепкие, влагоотталкивающие, а наполнитель напоминал мягкую траву или солому. Но если попытаться разорвать шов, в карманчик можно будет складывать маленькие и среднего размера приколюхи, которые не прощупывались снаружи руками медсестёр и санитарок. Только вдоль грубого шва. Только со стороны пола. А вчера вечером ему ведь не показалось, что «кое-кто» беспокойно ковырял ногтями ткань спальника?

Паша, уповая на адаптивные способности своего глубоко-мысленного соседа, стал тереться вдоль всего матраца.

Но не долго его песёнка играла.

– Ты чего делаешь? – прохрипел Алексей, поворачиваясь. В полутьме он взирал на Пашу хмурым взглядом одного глаза, второй никак не желал открываться. Недовольный и угрюмый, словно его разбудили за минуту до будильника.

– Алёш. Есть колеса? – попытался шёпотом Паша. Было бы очень удобно, если бы ему не пришлось даже из палаты выходить, но если у его соседа ничего не припасено, то придётся шарить по чужим палатам, под угрозой быть замеченным постовой сестричкой или дежурным врачом.

Алёша засопел, так и не открывая второй глаз, устало повернулся на кровати и спустил ноги на пол. Так и читалось в его движениях: «Как вы мне все дороги, блин». Но тем не менее он встал и пошёл к раковине. Присел, на ощупь отвинтил какой-то шуруп на задней поверхности. Отогнул деревянную стенку из фанеры и извлёк небольшой самодельный конверт из клетчатой бумаги.

Его непоколебимость в этот момент поражала, и Паша бездумно пялился на соседа. Вот кто потратил все дополнительные очки персонажа и прокачал только свою выживаемость. С таким парнем и в лес пойти на ночевку, наверняка, не страшно.

Тем временем Алёша высыпал несколько плоских таблеток на ладонь, а остальные убрал. Прикрутил обратно шуруп.

– Что это? – спросил Паша, когда ему в руку упали пять сомнительного вида, но хотя бы одинаковых образцов какого-то препарата.

– А тебе оно важно? – вяло ответил сосед, быстро ретируясь к неостывшей постели. Паша продолжал гипнотизировать свою ладонь. – Спокойной ночи, – прошептали с соседней кровати. Парень отвернулся лицом к стене и засопел.

– Спасибо, – прошептал Паша и, накопив полный рот слюны, закинув всё, быстро глотая.

Может ли быть хуже?

Он слишком устал, чтобы волноваться ещё и об этом.

Утро автоматически становится прекрасным, если оно начинается в четыре часа дня. Нет, разумеется, по стойке смирно он поднялся на врачебный обход и «принял таблетки», чтобы потом так же успешно уснуть вновь. Сегодня выходной у лечащего врача; дежурному не особо важно, что с ними да как, поэтому Паша благополучно проспал завтрак и обед. И только ближе к полднику естественная нужда заставила его приподняться с кровати. Хоть и был высок соблазн воспользоваться мочеприёмником.

Он спал больше двенадцати часов, и всё равно чувствовал себя помидоркой, которую забыли на окне в июльскую жару. Сам день будто не предвещал никаких вспышек на солнце,

и Паша был счастлив от этого – сегодня активно сражаться с кем бы то ни было он не смог бы.

Классные у Алёши таблеточки, но разовую дозу надо снизить.

Жаль, что беззаботная разморенность не могла продлиться дольше.

Ближе к утру следующего дня он как будто пришёл в себя. Даже не верилось, как просто отключить сознание. Именно так бы ощущалось «автосохранение» после миссии, будь Паша персонажем игры.

Но в отличие от игр, от реальной Системы не отгородиться. От Системы не спрятаться. Даже за в хламину пьяным Система будет наблюдать.

Говорят, что Бог любит пьяниц и младенцев, и тем объясняется их везучесть. У Паши есть другое объяснение – пьяницы и младенцы веселят Бога намного больше, ведь ими можно двигать, как бессознательными тряпичными куклами, у которых чья-то рука в заднице.

Бог – одинокий дровичла. А Паше следовало ещё поспать, а не генерировать бредовые мысли.

Как же хотелось на улицу. Как обычному человеку на обычную улицу. Он смотрел неизменно через окно своей палаты, поглаживая шершавую оконную раму.

Мысли о ночном randеву казались всё более пленительными и не отпускали вплоть до вечера.

Сложно смотреть на губы, которые не можешь поцеловать, и на залитый солнцем дворик психбольницы, куда ему нет пропуска.

То ли это отходняк от алёшиных таблеток, то ли истинные метания, но именно сейчас очень хотелось закрыться ото всех. От любого взгляда и звука. Ни с кем не контактировать. Перекрыть себе кислород. Замедлить движение собственной крови в сосудах, чтобы не то чтобы уснуть – чтобы вообще исчезнуть. Паша был бы чемпионом по импульсивным исчезновениям, если бы не такой мастер спорта, как Гриша.

Сейчас бы выйти отсюда через подземный лабиринт и оказаться сразу за городом. Как бы это упростило им всем жизнь... Или ему настолько некомфортно, что уже начали проявляться симптомы социофобии? Стоило подумать на досуге.

В целом, ну да, ему действительно как-то не по себе, но пора выходить наружу. Он боялся выходить в мир людей. Хотя люди и не пугали его так уж сильно, как тот момент, когда он вновь может столкнуться с Системой. А тут, хоть и в больнице, с горем пополам он чувствовал себя безопаснее в окружении психов и надзирателей.

Его совсем уже повело в фиолетовые дали. Он скоро правда с ума сойдёт здесь.

Кроме желания скрыться ото всех, для того, чтобы сбежать, пока не было ни сил, ни возможности. Не хватало ещё на самом финише сдать назад.

Он метался по палате, как кошка в питомнике, не понимая, что первоочередно предпринять. Хотя бы с Гришей разъяснить ситуацию... Или не надо? Паша вообще не уверен, что Гриша его помнил. А если помнил, то он не нужен Грише. Его опять все бросили.

Да что с ним такое? Почему сердце так бьётся? Чёрт возьми. Только не паническая атака. Только не это.

Надо успокоиться. Надо переждать.

Может, выпить?

Нет, знаете что? Пора с этим заканчивать. Паша и так прошёл огромный путь, попал сюда, испортив себе медицинскую историю. Его и на учёт могут поставить, а там хрен ему с маслом, а не работа в госорганах или на вышестоящих должностях. Не то чтобы ему хотелось, но от того, что теперь уже точно нельзя, его ожидаемо корбило. Проблемы с трудоустройством это не конец жизни, Паша понимал, он не пропадёт, но отчаянно хотелось бы, чтобы эти жертвы окупились.

И потому Паша ещё раз на прощание бросил беглый взгляд на задний дворик и сел за стол. Схватив фломастер, он поспешно набросал план.

Кажется, подбросить Грише записку было легче лёгкого, но сложность оставалась в том, чтобы всецело довериться, что друг, каким бы он ни был, рассерженным или разочарованным, не сдаст назад. Паша на него очень рассчитывал.

Вечер играл не последнюю роль в задумке Паши. Вечером дневная смена врачей и медсестёр ушла, развлекательные мероприятия себя исчерпали, а вся больница потихоньку настраивалась на сон. Дежуранты внутренне каждый раз помолились, чтобы и эту ночь пациенты не буянили, чтобы в отделение не завозили пьяниц, торчков и бомжей, и чтобы ни одна сука не пожелала «спокойной смены». Паша не зря просидел пару часов у дверей ординаторской, опираясь головой на стену, чтобы подслушать местные распоряжки. Как этим воспользоваться, непонятно, но информация в любом виде лучше, чем неведение.

Парень надел толстовку, забрал из прачки постиранные вещи и сложил в дорожный мешок, мало ли, всего всё равно не утащить. Обидно за телефон и бумажник, но всё это можно восстановить с пашиной паранойей сохранять все пароли и явки в облаке.

Гриша был, как и планировалось, в своей палате. Ужин миновал два часа назад. Вечерние процедуры тоже завершены повсеместно. Через несколько минут погасят свет. Паше только бы краем глаза убедиться, что Гриша не пойдет на попятную. Не бросит. И они наконец смогут поговорить.

Паша довольно подробно изложил свой план в письме, и для понимания о статусе доставки сообщения ему даже не нужны были две галочки. Написанный фломастером план предполагал, что в полночь они встретятся в точке А.

Но нетерпеливость сыграла с ним очередную шутку, и вот он осторожно проник в чужую палату.

Все трое пациентов занимались каждый своими делами: один спал; второй рассматривал стереометрические картинки; третий, – но не по значимости, Гриша, – отжимался от пола. Нашёл время. На копошение у двери Гриша отреагировал сразу, подскочив на месте и озираясь на соседей. Его взгляд мазнул по Паше.

– Что тут делаешь? – с легкой одышкой спросил он шёпотом.

– Гуляю, – выдохнул Паша следом и замолчал.

Красноречиво сверлить Гришу взглядом не хотелось, но без хоть маленькой толики надежды он отсюда не уйдет.

«Ну же», – просил он взглядом.

Переглядки затягивались, и почему-то Паша верил, что друг хочет испытать его, доиграть и переиграть. Хочет пойти на контакт.

Наконец, Гриша сдался: он закатил глаза и нехотя кивнул, хотя больше было похоже на задумчивый поворот головы набок: «Сомневался?».

При всей его сучности, этого Паше хватило, чтобы наконец со спокойной душой попрощаться и ускакать в сторону

своей палаты.

Всё такое хрупкое, но он полон решимости разобраться с их недопониманием.

Часть 25. Внутренний стержень

Отличие полуночи от так называемой *полной луны* заключалось в том, что второму придают больше мистического смысла. Кто-то считал, что в полнолуние обязательно у душевнобольных и хроников должны случаться обострения. Паша не из религиозных, не агностик и не хиромант, чтобы верить в это, но когда все эти обстоятельства в сумме сходились к одной производной, скепсис не помогал.

А момент полуночи в день полнолуния вообще лучше переждать как можно дальше от людей, электрических приборов и от любых природных явлений, которые могут хоть как-то повлиять на ваши планы.

Паше больше не казалось это такой уж выдумкой.

Он уже собирался покинуть свою палату, тихонько как мышенька, сгрудив свои немногочисленные пожитки в мешок на плечах, и стал прислушиваться к голосам в коридоре. Вроде бы тихо, вроде бы темно. Но беспокойство всё равно обострилось, и Паша боялся каким-то своим неосторожным движением совершить ошибку. Статус «Леталис» ему обеспечен в таком случае. Может, он слишком поспешил расставить все точки над «і» с Гришей? Может, у его более смышлёного друга был другой план, запасной? Может, существовала иная угроза, которая прошла мимо внимания Паши?

Нет. Он опять сам себя накручивал, а сомнения сейчас ой,

как не к месту!

«Just do it!», – гласил слоган на его выцветшей футболке, и это отчасти подстегивало к риску.

Пока тихо – надо двигаться. Они условились встретиться у кабинета физиотерапии, где в такое время суток перекасти-поле разве что не летает. Кабинет физиопроцедур и в дневное время не особо пользовался популярностью, поэтому выбор был очевиден. И ещё он был на их этаже, в дополнительном переходе, куда самые смелые могли бегать курить, а несмелые – прятаться от врачей в приступе внеочередной человекофобии.

Классное место.

Паша без труда добрался до нужной двери и неуверенно переминал с ноги на ногу. Когда он проходил мимо поста, часы показывали ровно полночь. Прошло минут пять с натяжкой. Гриша не всегда приходил вовремя, тем более у них всех сейчас с определением времени натяжка, так что Паша мог ещё подождать.

Парень мерял коридор шагами, растирая отчего-то замёрзшие руки под толстовкой и вздрагивал на каждый звук.

Он прочитал все таблички на кабинетах. Оказывается, здесь была сауна и бассейн. Может, ещё и «комната для грязей», Паша бы не удивился. Подергав ручки, он запоздало подумал о сигнализации. Но вроде бы ничего. Ничего.

Ни охранников, ни тепла, ни Гриши. Ещё и ужин пропустил от нервов, и теперь живот заходился звуками умираю-

щего суслика.

«Что-то не так!», – кричало подсознание, и Паша в кой-то веке решил его послушаться.

Палата Гриши в другом крыле. Минуя опять пост медсестры и кабинеты врачей, Паша пробрался в нужную часть здания. К темноте привыкать нет времени. Он чуть не упал, врезавшись во что-то. Мозг очень услужливо подрисовал очертания брошенной инвалидной коляски. Приходилось потом оборачиваться, чтобы убедиться, что она не начала его преследовать, лязгая скрипучими колесами. Хотя точно не скажешь.

«Проспал мужик, с кем не бывает», – подсказал голос в голове, а Паше в это с трудом верилось.

Только он собрался зайти, как за руку его схватили.

– Твою мать! – уже вслух прошипел он и громко врезался в стену, уходя от прикосновения.

Эхо пронеслось по коридору. Гребанные психи. Он замер и, видя рядом только черные очертания, стал прислушиваться. Сердце колотилось где-то в горле, готовое бежать сквозь любое препятствие, словно навстречу платформе «9 $\frac{3}{4}$ ».

– Пронесло, – прошипел знакомый голос позади. На этот раз Паша не ругался, напиваясь негодованием и гневом:

– Что ты тут делаешь? – задал он вопрос, выискивая руками источник звука. Нашёл. Под пальцами ощущалась теплая ткань и нездорово хрупкие руки.

– Я не знаю, что вы задумали, но мне нужна помощь, –

проговорил голос чуть громче. У Паши дежавю.

– Иди к себе и не лезь. Тебя тут быть не должно, – возмутился он из последних сил. Нужная палата фантомно маячила перед глазами, зазывая, а разбираться с внеочередным свидетелем не хотелось. – Уходи, серьёзно, сейчас вообще не до тебя.

– Ты планируешь побег! – обвинила она. – Я догадалась.

– И ты хочешь меня остановить? – удивился он. Хотя бы в этом, он думал, что они понимают друг друга. – Не поднимай шум, – промолвил он. Он почти уверен, что такая, как Луиза, не стала бы его сдавать – из чувства бунтарства или чего бы то ни было ещё. Если он ошибался насчет неё, это дерьмово.

– Паш, – остановила она его. – Забери меня отсюда, – без расшаркиваний заявила она, и стало в очередной раз не по себе.

«Балласт».

– Нет. Уходи. Серьёзно. Проваливай. Кыш отсюда. Ты всё испортишь.

Свободной рукой он отпихнул растерянную девушку и, не дожидаясь, проник в палату друга. Проходя по стеночке, он обошёл раковину, но уронил табурет, стоящий за ней. Не успел он испугаться, как понял...

Лунного света хватило, чтобы понять: кровать Гриши пуста.

Разбуженный шумом нерадивых пациентов ординатор, едва надев тапки, уже выходил из укромного места. Вот что им не лежит спокойно? Потирая устало глаза, молодой ординатор не чувствовал даже раздражения – привык, смирился. Никто не обещал ему спокойные ночи, когда он шёл в эту профессию, так что и предъявлять ему нечего.

Только бы не дед с двенашки. Так не хочется опять его успокаивать, а до наркологического поста вечно не дозовёшься. Спят как убитые. Едва ли это шутка.

Холод облизал его босые ноги, но будущий доктор всё равно устремился в предполагаемую сторону источника звука.

«Может, сквозняк», – внутренне понадеялся он, тут же себя осекая: он, конечно, не в фильме ужасов, но в психиатрических стационарах тоже не бывало «простых сквозняков». И случайностей, как таковых, не случилось. Стены больницы, что скрывали в себе горящие в агонии души людей, держали их здесь надёжно, но внутри пламя всё равно полыхало «будь здоров».

Спасибо.

Молодой врач ещё раз прошёлся вдоль коридора, вглядываясь в дверные проемы. Затихли сами? Или услышали его приближение? Ей богу, это место его с ума сведёт.

Когда они проходили на лекциях Историю, его первоначально шокировали методы дней минувших. И исправительная шоковая терапия, и принудительная кастрация, и ледя-

ной душ для «очищения», лечение кровопусканием, опиум, слабительными и «лёгкими» ядами, и кандалы у каждой кровати в качестве неотъемлемой части конструкции. Что уж говорить о священниках, которые сновали туда-сюда по выходным. Это не могло не шокировать современного человека, пропитанного идеями гуманизма. Но иногда, глядя на бессознательные пустые глаза пациентов, ординатор мог понять, что двигало такой молодой наукой, как Психиатрия, каких-то восемьдесят лет назад.

И если бы не некий Джон Конолли, провозгласивший новый принцип: «no restraint» – «никаких стеснений», – глядишь, и не настало бы так новой эпохи в Психиатрии.

Смирительные кровати убрали, никаких прижиганий железом и жгучих втираний перца в помине больше нет. Теперь в качестве лечения групповые занятия, трудовая терапия, медитации, культурная терапия. И разве что смирительная рубашка осталась, да двери лишились замков.

Но, наверное, это и хорошо. Иногда даже самого спокойного профессионала могли выбешивать безмозглые люди, а теперь даже никаких путей для профилактического наказания нет – тут же штраф и прощай лицензия врача.

Ещё раз бросив взгляд на тихий коридор, подсвеченный полной луной, доктор напомнил себе, что это не целиком его мысли. Это преподавал им его куратор, не стесняясь в выражениях и, возможно, отчасти поэтому он теперь мог только преподавать, а не практиковать.

Вообще неоднозначность мира поражала.

До того, как он выбрал себе такую профессию, он даже не задумывался о том, какой мир необъятный и как хотелось бы его постичь.

Интересно, его нынешние наставники, Доктор Крашник, Доктор Барагуля, Доктор Рогаль тоже переживали такие смятения души? Или они за прожитые в этой среде годы уже атрофировали в себе стремление к познанию и тоже погрязли в рутине?

– Вроде бы ушёл, – шепнул Паша, выглянув в коридор. Шаги ординатора стихли. Рядом, немного дрожа, стояла Луиза, прижимаясь к стене. Он, как-то не подумав, завидев врачебную фигуру в коридоре, затащил девушку за собой в палату Гриши и затаил дыхание. Глупая ситуация. Тупейшая. Еще и руки подрагивали, сдавая его с потрохами.

Когда в проём двери заглянула любопытная сонная голова, Паша чуть не закричал. Но каким-то образом врач не увидел два прижатых к стене тела, слишком увлеченный рассматриванием кроватей в непроглядной тьме.

– Жуть, – согласилась Луиза с его мыслями. – Что... Что нам делать? – следом спросила она. Паша приподнял брови:

– «Нам»? Во-первых, ты идешь в свою палату и больше не преследуешь меня, ладно? – попросил он. Затем доба-

вил: – Ладно, пошли провожу. Кажется, мне тоже нужен новый план.

На всякий случай он пытался вспомнить: а не совершил ли он сам ошибку? Написал вместо точки А, точку Б; указал время на час или на день позже; подбросил Грише вместо письма салфетку, а сам после туалета вытер руки письмом; может, Гришу и не переводили в их отделение, а Паша всё это себе придумал от безнадёги...

Да нет, не должен был. Хотя если бы он подменял в своей памяти воспоминания, он бы тоже не знал об этом.

Он лежал в палате, а из окна на него насмешливо смотрела всё та же луна. Тоскливо всё это. Неведение как боль. Или даже хуже. Чёрт, да что же опять пошло не так?

Ещё эта сучья луна. Ординатор ещё пару раз выходил из своего кабинета. Видимо, и его эмоциональное состояние пошатнулось, и заснуть больше не получалось.

Паша даже поймал себя на абсурдной мысли, что доктор, должно быть, уже заметил отсутствие одного из пациентов и теперь пытался без паники найти его. Или он точно знал, где Гриша, потому что сам его похитил...

Бред.

Куда этот придурок мог пойти без него? Не верилось, что он опять оставил Пашу не у дел. Непостоянство в нём и рань-

ше прослеживалось: Гриша признавался, что порой не мог себя заставить выйти из дома, даже когда «ну очень надо было», потому что был истощён и не хотел никого видеть. Включая Пашу. И Паша его в этом не винил. Это бывало раньше. Но что могло измениться за последние пару часов?

«Не накручивай, не накручивай, не накручивай...».

Вероятнее всего, что что-то случилось. Что-то плохое, к чему ни один из них не был готов. Вероятно, Гриша в беде, а Паша, как самый убудский друг, лежит в палате и в потолок плюёт.

«Блять-блять-блять...».

Он уже сорвался с места и бежал в ординаторскую.

Двери, ожидаемо, были закрыты изнутри, и парень начал долбиться в них. Казалось, она такая хлипкая, приложи чуть больше сил, и Паша сломал бы ручку, или выломал замок, или петли не выдержали бы и дали слабину.

Поэтому Паша на последнем издыхании продолжал попытки.

Доктор точно не спал. Доктор что-то знал. Доктор позвонил в полицию, потому что сбежал пациент, и теперь Грише придётся удирать ещё и от полицейских.

Кулаки уже болели от тщетных попыток достучаться, и руки безвольными сосисками дергали дверную ручку больше от обиды и презрения к себе, чем принося пользу.

– Да откройте! Это срочно! – прикрикнул он в замочную скважину. Он определённо перебудил весь этаж, а до грёбан-

ного ординатора докричаться не мог.

– Что случилось? – наконец, отозвались ему усталым голосом, правда не из ординаторской, а где-то за спиной.

Паша не подал вида, но волосы на затылке болезненно зашевелились. Он развернулся:

– В пятнадцатой палате лежит парень. Где он? – без объяснений начал он. Доктор хмуро моргнул, только что вернувшись из туалета и точно не ожидая эмоциональных сцен. Однако, кто его спрашивал. Он собрался и вкрадчиво заговорил:

– В своей палате. Где и вам нужно быть. Имею в виду, не в его палате, а в своей. В-общем, давайте я вас отведу.

– Где он?! – Паша выдернул локоть из чужой хватки и начал кричать: – Куда вы его дели?!

Доктор попытался заломать его, усмирить, зажать в объятиях, прижав его руки к туловищу. В руках противника мелькнула какая-то тряпка, затем их обоих свалили с ног.

Рядом, задыхаясь, стояла ещё более напуганная Луиза. Не понятно, готовая ли отталкивать доктора от Паши, или отбиваться от них двоих сама. Парень воспользовался мгновением, чтобы объяснить:

– Если вы тут, то кто в кабинете?!

Доктор кажется, тоже только что пришёл к этой мысли. Он бросил взгляд на двери, нахмурил брови ещё сильнее и, в одно движение встал на ноги. Задёргал ручкой.

– Ключи внутри, – растерянно произнёс он. Затем, как по

команде, он начал выбивать двери ногами. Доктор был куда лучше натренированным, и замок вылетел с третьего удара, открывая обзор на кабинет врачей.

Холодом обдало, но не от страха. Балкон был распахнут настежь.

Не веря своим глазам, они инстинктивно побежали к балконной двери. На улице светлее, и не заметить в общем-то было сложно: прямо под окнами кабинета лежало тело человека. В окружении цветов, которые смягчили падение. Да и благо второй этаж.

Паше не нужно было подтверждений, и пока доктор на ходу вызванивал других врачей и бежал к лестнице, Паша уже перелез через балконную перегородку и спрыгнул вниз, рядом с телом. В полете где-то слышался вскрик Луизы:

– Паш!..

Но он приземлился на четыре лапки и уже пополз к другу.

– Гриш-Гриш, очнись! Открой глаза. Пора бежать, сейчас пиздец начнётся! – проговорил заговорщически Паша. – Эй! Никто не видит уже, чего разлётся? – Гриша до сих пор не открывал глаз. – Эй, ты ушибся? – почти возмутился Паша, сильнее тряхнув друга за грудки.

Тот наконец открыл глаза. В лунном свете они блестели слезами. Сверху до них пыталась докричаться Луиза. Но бы-

ло не до неё.

– Игра окончена, друг, – с хрипом выдохнул Григорий, распластанный по клумбе с белоснежными хризантемами, которые если не приглядываться, очень похожи на ромашки. – Уходи.

– Что ты несёшь? Ты бредишь, – не понял шутку Паша и похлопал друга по груди. Тот закашлялся. – Э, ты можешь встать? – тревожился Паша. Прощупав рубашку парня, он вляпался во что-то тёплое и чёрное. Не веря, он поднял ладони к лицу.

– Боюсь, что дальше ты идешь один, – попытался громче сказать, но от того сильнее закашлялся Гриша, привлекая к себе внимание. Сердце пропустило удар, и дышать в один момент стало нечем:

– Гриш, я подниму тебя. Ты только скажи, где болит. Ты... Ты... Ты чего улыбаешься, придурок?

– Всё кончено, Паш. Уходи скорее, но прежде я скажу кое-что. Я должен тебе кое-что сказать! Послушай, – улыбка обратилась в виноватую и даже грустную. Нет, этого не может быть! – Я должен... Должен сказать, – повторил он.

– Что? Что? Говори, я слушаю, – заикался парень. Слезы обожгли лицо, заставляя моргать чаще.

– Как называют человека... который не договаривает шутки? – серьёзным тоном спросил Гриша. В его голубых глазах отражался весь звёздный небосвод.

Паша по инерции схватился за такую ценную фразу друга:

– Что? Как его называют?!

Он затряс друга за плечо. Из уголка алых губ выкатился ручеек крови, голубые глаза, замерев, устремились в небо...

– Как их называют, сукин ты сын?! – взмолил Паша, вытирая лицо кровавым рукавом. – Гришаня! Не смей! Гриш! – голос сорвался на рыдания. Цветы под тяжёлым телом впитывали кровавую лужу в землю, надеясь высосать из неё все полезные соки. Паша только сейчас увидел, как из живота Гриши торчал деревянный колышек – один из тех, к которым привязывают слабые деревья, чтобы те росли вверх и не были угнетены более сильной флорой.

Рядом мешком картошки свалилась с балкона и Луиза. Она утробно вскрикнула, но пошла к Паше.

Луиза оказалась совсем рядом и не могла вымолвить ни слова. На кофте Паши, рукавах, лице отпечаталась промокашкой чёрная в свете луны кровь. И только от этого вида осознание ударило её по голове. Тошнота подступила к горлу.

– Паш, Паш, Паш, нам надо идти. Паша! – она насильно оторвала его не сопротивляющееся тело от мёртвого парня. – Помощь скоро придёт. Они скоро прибегут.

– Да, да, надо бежать, – не отрывая взгляда от пустых глаз друга, повторил Паша. Спустя пару секунд до него дошёл смысл сказанных слов. Луиза сказала, что надо бежать. Да.

Он, запнувшись, встал и бросился наутёк. Впереди лужай-

ка и ворота больницы без охраны. Всё-таки хорошо, что это не тюрьма.

Луиза ещё больше опешила. Собралась помчаться следом, но ещё раз вскрикнула. Болью прострелило правую лодыжку. Очень больно. Выхода не было, она понеслась со слезами на глазах, боясь потерять Пашу из виду.

Краски перед глазами расплывались бурым, малиновым, мерцали серпантинном и туманили разум. Как же больно. Ещё немного, и она упадёт в обморок.

– Паша! – закричала она из последних сил, падая коленями на лужайку. Парень завернул за дерево и уже лез через ограду. – Паша! Не бросай меня здесь!

Дышать тяжело, в носу засел настойчивый запах крови, от которого её вот-вот вывернет.

– Паша... он передал тебе послание...

Мир погас перед глазами, а затем холод принял её в свои объятия, и она поддалась, покорно закрывая глаза. Падать уже было не больно.

Часть 26. На развалинах

Он сидел который час на берегу. Как бы банально это ни звучало, первая мысль, куда он мог прийти после всего произошедшего, – река.

Это его укромное место. Сюда он приводил только важных в своей жизни людей, ибо другие могли своими неосторожными комментариями осквернить его тайное убежище. Хотя не такое уж и тайное: до трассы километр, но сложность в том, как пробраться через пересечённую местность именно к этому выступу у берега.

Ветер играл с водной гладью, нагоняя крохотные волны и запуская круги по воде. Ночь близилась к своему логическому завершению. Лучи солнца где-то под уровнем воды уже нетерпеливо показывали себя, как утренний стояк проявлялся сквозь одеяло.

От этого вода окрашивалась почти что в карамельный цвет. Не от стояка, а от начинающегося рассвета.

Произошедшее ночью казалось чьей-то шуткой. Только никто не выскакивал из-за ширмы, запуская шарики в небо и задорно хохоча. Да и даже в таком случае наличие чувства юмора вызывало бы вопросы.

Кажется, Гриша умер. У него на руках. Его друг, с которым Паша мог и в огонь и в воду, и медные трубы пойти спливать, чтобы затем продавать как цветмет.

Гриша умер.

Гриши больше нет.

Так почему же вместо боли Паша чувствовал «ничего». Никакого желания кричать толком не было. Он не хотел плакать, он истощен. Он ничего не чувствовал. Его корабль сняли с якоря, чтобы плыть, не имея капитана.

Что ему делать.

Зачем ему что-то делать.

Почему он ничего не чувствует?

Паша смотрел в очередной раз на пленительную воду, и не чувствовал ничего в груди. Он мог бы войти в воду, ведомый Сиреной, и опуститься на дно с головой. И ничего не изменилось бы. Он ничего не чувствовал.

Гриша... Паша всё ещё не смыл до конца кровь из-под ногтей. Одежду постирать можно позже. Или сжечь. Без разницы.

Одежда ничего не стоила.

Жизнь ничего не стоила.

Он потрогал ещё раз воду на всякий случай. Опустил руку по запястье в бьющие волны. Ледяная. Он чувствовал. Но отдергивать руку, прошитую морозными шипами, не собирался.

Он пустой.

Он жалкий.

Гриша погиб, упав со второго этажа на какую-то палку.

Погиб насмерть.

В это невозможно поверить.

Паша потерял друга, и даже заплакать больше не получалось. Некому плакать.

Паши нет. Пустая оболочка.

Что там было в книге доктора Крашника про блокировку неприятного события? Мол, человек обесточен.

Паша обесточен?

Паша человек?

Он ничего не чувствовал.

Его мозг всё ещё был на месте, но что с ним делать и для чего он нужен – непонятно.

Они не рассматривали вариант, при котором кто-то из них может погибнуть. Когда они обсуждали что-то с Гришей, беседы всегда были больше воодушевленными, полными веры в то, что они когда-нибудь победят Систему. Сами. И никаких «ничьих». Чистая и беспощадная победа.

А сейчас Система могла по щелчку пальцев убрать Пашу с карты. А могла не убирать. Оставить всё так. И ничего не изменилось бы.

Раньше Паша уже думал о Системе: что будет, если её разозлить? Если вечно идти против течения, в обратном от ожидания направлении, и на каждом шагу пытаться нагнуть Систему? Ничего! Казалось бы, что плохого в этом слове – «ничего»? Видимо, тоскливое отсутствие чего-либо хорошего – это тоже «ничего». Пустота.

Когда Система сделала это в первый раз... Когда... Когда,

наигравшись, забрала у него Софию, Паша долго сходил с ума. Был слишком раздавлен, словно кто-то выстрелил ему контрольным в голову, но пуля не вылетела. А мозги – да.

И если спрашивать, а могла бы Система повторить на бис что-то подобное, схожее по масштабам?

Оказывается, могла.

Паша смотрел вокруг, но ничего не видел. И не очень-то и хотел на самом деле. Не особо его это волновало.

Лучше бы он никогда не встречал Гришу. Может, так друг бы остался в живых.

Всё, что дорого Паше, в скором времени его покидало, когда срок действия демо-версии заканчивался. Достаточно времени, чтобы впустить в свою душу человека, и не достаточно, чтобы придумать, как его удержать.

София была девушкой, в которую сначала не хочешь влюбляться, а потом до ужаса боишься потерять. Система не просто отвалила от него девушку, в которой Паша увидел родственную душу, на ком хотел жениться. Возможно, если бы София просто бросила его ради карьеры, он бы смог смириться. Но как только Система наигралась с Пашей, решив, что хватит с него счастья, она забрала Софию насовсем.

Автокатастрофа. Девушка даже не успела доехать до аэропорта. Её просто вычеркнули из сценария, как ненужную игрушку, которую Паша должен был «перерасти». Именно поэтому Паша так боялся и так ненавидел всё это лицемерие. «Подарки судьбы», игра в поддавки, манипуляции. Он ни-

чейный, так почему же контроль над собственной жизнью не принадлежал ему единолично...

Гриша был тем другом, который в любой момент мог оказаться рядом, чью дружбу по глупости принимаешь за данность, и кого не можешь приравнять к списку «друзей», потому что все те друзья, что у тебя были раньше, блекнут и больше не дотягивают до этой планки.

Серьёзно, он не думал, что такое может быть.

А теперь на эту планку никому не под силам будет залезть. Эх, кто бы знал, уже плакал бы, а Паша лишь провожал взглядом очередную волну-путешественницу, нахлестом нападающую на следующую.

За спиной на песке лежала его новая жертва. Дышала размеренно и даже не догадывалась, что с ней сделает Система. Живая. Нервно во сне подергивала конечностями и куталась в свой свитер.

Паша вообще не понимал, что сделал, когда в последний момент развернулся и забрал её с собой. И никто не мог подсказать.

«Ну и где ты, *блядская Система*, тогда, когда он готов – покорный и расхристанный на дыбе перед тобой. Направляй, куда хочешь. Делай с его жизнью, что вздумается. Или опять будешь молчать?».

Паша устал от всего этого. Устал чувствовать чувства, устал не чувствовать чувства. Ничего не имело значения. Теперь он готов сдаться.

Ветерок продувал его грудь насквозь, с игривым шелестом задевал ребра, словно наигрывая мелодию на скрипке, а Паша молча позволял водить по себе смычком.

Часть 27. Травма

Следующим шагом в лечении депрессии после осознания своего недуга и изучения причинно-следственных связей, являлась принудительная попытка вернуть в свою жизнь радость:

- заставить себя пойти на контакт с хорошими людьми;
- оборвать связи с плохими;
- сделать так, как лучше своему организму, своим мыслям, чувствам;
- вернуться к прежним увлечениям;
- больше проводить время на свежем воздухе, в горах, на море, в лесу;
- питаться хорошей едой, после которой не будешь ненавидеть себя;
- заставлять себя встать с кровати и куда-то двигаться;
- убрать мусор и разгрести грязную одежду.

Элементарная забота. Чтобы банально разогнать кровь по организму, почувствовать забытую боль в теле. Помастурбировать, наконец. Произвести над собой усилие. Пройти реабилитацию для тела после не лучших моментов, что были пережиты.

Об этом Луиза подумала первым делом, когда проснулась от беснующихся рассветных лучей. Шум прибоя, как в кино. Ласточки. Парной бриз, развивающиеся по лицу волосы. То,

что она здесь оказалась, было больше приятным, чем шокирующим, и она позволила себе пару минут позалипать на горизонт.

Чистый солёный воздух. Влажные волосы и липкое лицо. Напомнило о том, как она однажды уснула пьяная на пляже. Без похмелья это ощущалось сейчас в разы лучше.

Что-то подсказывало, что если она встанет, иллюзия спадёт так же быстро, как появилась, и Луиза окажется в своей палате, привязанная и мокрая от пота, задушенная духотой приевшейся лечебницы. Вода красивая. До неё ещё ползти и ползти по песку и редким деревьяшкам и камешкам. Если хищные койоты оттащили её тело за ноги к своему логову, чтобы позже подкрепиться всей стаей, Луиза и не против. Объясняло бы, почему нога так ныла.

Рассвет сиял. Мурашки проносились по окоченевшим конечностям – недостаточно тепло, чтобы засыпать на песке. Она попыталась приподняться, но правая лодыжка отозвалась сильной болью, отчего воспоминания нахлынули с новым приливом. Суматошная ночь. Станный разговор. Паша. Мёртвый парень. Страх смерти.

Да уж. Терпимо, конечно, но особо мотивации подняться и вернуться в эту реальность не появилось.

Луиза глубоко вздохнула и прикрыла глаза, вырывая для себя ещё пару заветных минут. Сказалась тяжёлая усталость, бороться с которой нет сил.

Да и к тому же, если ничего хорошего её в этой реально-

сти прямо сейчас не ждёт, тогда она сама подождёт. Она не Магомед. Да и гор тут нет.

В целом, она поняла, что не сама тут оказалась. Поэтому когда Паша присел рядом на песок, она уже не паниковала. Паша не появился неожиданно с кипой дров из зарослей. Не подкрадывался с сумасшедшим взглядом из-за спины. Не лежал озлобленной кучей рядом. Не вышел модельно из воды, сияя ярче алмазов, в свете солнца. Всего лишь присел рядом. От него исходило спокойствие и смирение. Эта атмосфера, должно быть, положительно влияла и на его чувства тоже. Пережитое потрясение казалось ненастоящим, когда они сидели тут в тиши, в глубинке на отшибе, когда рассвет занимал в их мыслях больше пространства, чем прошлая ночь.

– Доброе утро, – прохрипел Павел. На неё он не смотрел. В ответ она кивнула. Заметил или нет – его проблемы.

Дышать полной грудью было приятно. Хотелось даже распахнуть всю душу навстречу этому потоку, но голова и без того немного кружилась.

– Болит нога? – спросил позже парень, повернувшись.

– Переживу, – выдохнула она, ласково обведя пальцами припухшее место. Отёчность, краснота, боль. И ежу понятно, что это дерьмо пройдёт не скоро. Придётся ползать за неимением костылей. Или остаться здесь.

– У меня есть знакомый, который может посмотреть, когда вернёмся в город, – предложил Паша не спеша. Хорошо, что они ещё не обсуждали дальнейшую дорогу, но парень уже за неё решил, что идут они вместе. Не такой уж он тугодум и эгоист.

– Когда?

– Когда будешь готова идти, – предупредил Паша без привычной улыбки, и стало стыдно. В целом, за свою слабость сейчас и за то, что не могла ничем помочь человеку, переживающему утрату друга. Здесь в игру вступало только время.

– Хочешь, я наловлю рыбу и мы позавтракаем? – произнесла тогда она. Глупость, да и только.

– Я бы посмотрел на это, – согласился Паша. – Но во-первых, мы не в «Голубой лагуне». Во-вторых, полусырая глистатая рыба не предел моих мечтаний. В-третьих... Там киоск недалеко есть.

Луиза грустно улыбнулась. Приятно видеть его попытки разговаривать, даже если глаза при этом тоскливые и усталые.

– Мне бы отойти на пару минут и можно в путь, – со вздохом произнесла девушка. Она уже встала на одну ногу и отряхивала руки от песка. Парень не то чтобы долго сверлил её глазами, но доходило до него медленно. – Мне в кустики. Только нужна опора хоть какая-то.

– Я... ладно, поищу.

Идти с этой опорой было не то, чтобы удобно, но не Луизе было жаловаться. Бревно (иначе не назовёшь) было до середины живота, и шагала Луиза не столько неуверенно, сколько кряхтя и матерясь под нос. Пашухватило на пять минут. Он заставил её снять обувь, затем присел на корточки перед девушкой и упросил залезть ему на спину. Чтобы не прогнать утомленную благосклонность со стороны Паши, она не спорила. И раздражать его лишний раз не хотелось.

Нога неприятно поднывала на кочках, набирая болезненную для себя амплитуду. Редкая трава щекотала босую стопу. А парень бережно держал её под коленями, чтоб не соскальзывала.

– Как мы дошли до жизни такой? – прошептала она.

– Что?

– Спасибо, говорю, – выдохнула она, крепче обнимая за плечи и стараясь не висеть мешком картошки за спиной, – за то, что не бросил, и за это тоже.

Он неопределенно угукнул. Ну да. Ему от её благодарности ни горячо, ни холодно. Но Луиза должна думать в первую очередь о себе, а потом о других, если она намерена справиться со своей жизнью *сама*. Если понадобится, она насильно будет вбивать в себя радость. Она заставит себя стать счастливой! Она сможет. И никто ей для этого не нужен. Её самой будет более чем достаточно! Если ей и под силу сде-

лать хоть одного человека в этой жизни счастливым, она потратит эту возможность на себя.

Вспомнился мотив одной жизнеутверждающей песни, которая играла каждый раз в машине, когда её везли в школу. Иностранные слова особо не несли смысла, ей больше нравилась мелодия. Как будто автор прорывал себе путь из-под земли, из самой могилы, и наперекор судьбе видел свет солнца. Она осторожно намурлыкивала этот мотив. Мурашки шли по спине, пускали судорогу по шее и заставляли крепче вцепиться в сильные плечи спутника.

Музыка всегда будет неотделимо наполнять этот мир смыслом.

Ближайшая остановка не заставила себя долго ждать. Пройдя через рощу, они смело шли по трассе в сторону города. По пути встретилась заправка, где они смогли отдохнуть. Каким-то, скорее всего, криминальным образом Паше удалось им купить поесть батончиков и получить немного налички. Затем Паша выторговал у продавца футболку потому что его толстовка была замызгана кровью и землёй, что в конец потрясло девушку. Паша вообще успел её до жути удивить своей непоколебимостью в кризисной для них ситуации. Сложилось впечатление, что этот маршрут был построен задолго до их знакомства, но вслух Луиза ничего не

стала уточнять. Мало ли. Выяснить отношения было бы перебором. Да и таким... властным и уверенным Паша нравился ей даже больше.

До этого жажда витала вокруг назойливой мухой, а как только они от неё избавились и напились, прилив энергии не заставил себя ждать. Да и шоколадными батончиками они значительно насытились, что не могло не радовать.

– Скучала по шоколаду, – произнесла она. В ответ опять же ничего не получила, кроме задумчивого кивка.

– Ветеринарка?! – возмутилась Луиза, как только смогла разглядеть погасшее табло с названием «Друг» и моськой собаки.

– Нет, извини, а куда мы ещё можем пойти? – всё так же спокойно отвечал он. Однако уголки губ дрогнули, видимо, эта идея хоть немного веселила и его. – Ни документов, ни черта. А он – толковый парень, мы вместе учились в универе, пока его не отчислили.

– Поражаюсь тебе, – в сердцах выдохнула она, но тем не менее они зашли в дверь частной клиники, после чего Паша опустил её на землю. На ресепшене их встретила приятная хостес и предложила присесть на диванчик. Паша загадочно отошёл с ней в сторону и, вероятно, попросил передать что-то врачу. Неохотно девушка оставила их одних в приемной.

– Хоть одна шутка, и я тебя тоже покалечу, – Луиза пихнула его кулаком в ногу, на что парень покорно улыбнулся:

– Не представляю, о чём ты.

Всё бы было хорошо, но едва завидев Пашу, явившийся молодой доктор смешливо воскликнул:

– Здравствуй, Пашот! Давно не виделись. Опять привёз бездомную хромую псину?

Злиться долго на него не получалось. Этот придурок воистину старался больше не издеваться и уклончиво отвечал на вопросы ветеринара об обстоятельствах случившегося. Эта ситуация заметно позабавила присутствующих. А доктор и правда оказался умным парнем, хоть и с дегроидным чувством юмора. Рекомендации он взял из заготовленных памяток на столе, где Луизе назначили на время воздержаться от активных игр на свежем воздухе, бинтовать конечность эластичным бинтом и по возможности передвигаться на руках хозяина или в переноске.

Луиза едва ли не начала шипеть.

Однако повязка, которую наложил доктор, выглядела презентабельно. Будь она псиной, она бы этого не оценила. Руки у этого парня растут из правильного места. Они ещё некоторое время переговаривались с Пашей, как-то холодно обсудили тех, с кем учились и как долго кого не видели, отчего

Луиза поняла, что разговор утёк в какое-то формальное русло из-за неловкости.

– Паш, мы опаздываем, – протянула она и выразительно посмотрела на парней. Хладнокровная маска на лице Паши даже не дрогнула. Если всё так пойдёт и дальше, у Луизы вскроются фобии, о которых она не подозревала. Разумная часть подсказывала, что если человек *немного загадочный*, это не значит, что он сумасшедший или маньяк, однако та же самая часть очень вовремя напоминала, из какого именно заведения они недавно сбежали.

– Да, я помню, – подыграл он, легко улыбаясь и обращаясь уже к своему знакомому: – Спасибо за помощь, рад был увидеться.

– И я, – последовало рукопожатие, и ветеринар ещё раз бросил оценивающий взгляд на Луизу: – заходите ещё. Я же обязан контролировать состояние своей пациентки до полного выздоровления.

– Конечно, док, – по инерции ответила Луиза.

Они вышли: Паша без обузы за спиной, Луиза на своих троих, с предоставленными ветеринаром костылями. Натягивать улыбки больше не нужно, и они наконец могли расслабиться.

Какое-то время они прогулялись по улицам, посидели на детской площадке. Кафешки преимущественно открывались через час, как и магазины. Довольствовались они только остатками заправочной провизии.

– Нам нужно сдвинуться с этой точки и хоть что-то определить, – нашлась Луиза к концу дня, когда они в очередной раз сидели в кафе для коворкинга, попивая чай, окруженные головёшками с ноутбуками, но, как говорится, не сломленные. – Куда дальше?

Паша отлип от созерцания танцующих чайнок в чашке. Сложно до Паши докричаться, когда он «такой». С другой стороны, Луиза и доли тех переживаний не ощущала, что, должно быть, переполняли парня.

При всем уважении к чужому личному пространству, её эта неизвестность не устраивала. Она только-только начинает жить, а Паша – точно громоотвод, – притягивал грозовые тучи.

– Поговорим? – попыталась она снова, в руках перебирая кусочки кекса и выковыривая из него изюм. – Слушай, Паш, я... У меня нет слов поддержки, я не была на твоём месте, и я не теряла друзей, но давай обсудим... – как же сложно выразить то, что она должна ему сказать. Когда она встретила Григория в коридоре среди ночи, тот был напуган, не находил себе места и озирался по сторонам, высматривая углы под потолком, словно над ним пролетали кровожадные коршуны. Она пыталась его успокоить тогда, но, кажется сделала только хуже. Он начал говорить ей странные вещи. Она даже сейчас не понимала, что толком произошло и почему Григорий увидел в Луизе запасной план. Может, не встретить он её той ночью, парень бы выжил. Прогулялся, да вернулся

в палату, чтобы дальше думать свои тяжёлые думы. Хотя с трудом в это верилось.

Сделанного не вернёшь. Григорий возложил на неё ответственность, и Луиза теперь должна была подкопаться к Паше, сквозь ров с крокодилами, который тот установил вокруг своего сердца.

– Да скажи же ты хоть что-нибудь! Ведь какой-то план у вас был в конце концов, – не выдержала она. – На что вы надеялись, когда сбежите?

Паша поднял взгляд. Усталые глаза медленно моргали, и тут сколько кофе ни лей, все пойдёт мимо.

– Был план, – поддался он севшим голосом, чем больше пугал Луизу, чем радовал. – Но нас должно было быть двое. Теперь я... Не знаю, зачем продолжать.

– Как «зачем»? – чересчур экспрессивно всплеснула руками девушка. – Да хотя бы в память о нём, чёрт возьми. Представь, если бы он на твоём месте оказался. Он бы тоже опустил руки?

– Если бы меня тоже *обезвредили*, как его? Сбросили со второго этажа и сразу насмерть. Он бы, наверное, сделал всё правильно. А теперь... имеет ли значение план крыши, когда фундамент разрушен?

– Я не понимаю, о чём ты говоришь... – от натуги девушка моляще подняла лицо вверх, смотря в брусчатую отделку кофейни. Что ж они все такие невыносимые? Луиза соску-чилась по простым предсказуемым людям.

– Нам показали наше место. Это не было случайностью...
– глубокомысленно завершил Паша и опустил взгляд на чашку, где плавали уродливые чайники. Им ещё и чайник с чаем без ситечка принесли, что стало последней каплей для Луизы.

– Пошёл-ка ты к черту, Паш. Я ж как с человеком с тобой пытаюсь. Ты же умеешь быть участливым, но со мной даже не пытаешься! Я как будто тяну на себе поклажу, а у меня, между прочим, растяжение! Мне нельзя.

Попытка не пытка. Слабая надежда на то, что можно манипулировать Пашиным чувством вины. Но тот всё равно молчал, и девушка закипела:

– Нахрена ты вообще забрал меня, если ты решил сдать-ся? – было обидно до слёз, и она уже не сдерживалась: – Твой друг надеялся на тебя!

– Не смей.

– Он надеялся, что ты не совершишь его ошибки! – Паша опять посмотрел на неё, но теперь взгляд стал болезненным. – Когда ты узнаешь то, что он узнал... Он надеялся, что ты поступишь правильно. А ты свернулся в панцирь и топишь себя! Разве этого он для вас хотел?!

– Нет. Он не хотел для нас этого.

– Ну так подними зад и действуй, согласно вашему плану.

– Откуда ты это знаешь? – со сложным лицом спросил Паша. Намёка на прежнюю тоску не было, только недоверие.

– Он попросил позаботиться о тебе, ясно? – выложила ко-

зырь девушка. Не хотелось говорить этого, но хоть так она могла достучаться. Пусть чувствует вину хотя бы перед погибшим другом. Пусть хоть что-то его двигает. – Просто, пожалуйста. Мы вдвоём на подводной лодке. Помоги мне, и я помогу тебе.

– Что тебе с этого? *Луиза*.

Она незаметно осеклась, хлопая глазами.

Прозвучало так чужеродно. Он впервые назвал её по имени. Он впервые за долгое время смотрел прямо в глаза. В кой-то веке заинтересованный в разговоре. Серьёзный и пугающий. Такой, каким он зацепил её пару месяцев назад. Такой Паша, который сказал, что помочь себе сможет только она сама, потому что только у неё хватит на это сил. Признание вырвалось само собой:

– Я хочу, чтобы мне стало лучше! Ясно? Я хочу попытаться, и у меня не получится, если ты рядом будешь лежать безвольной лужей.

Она могла подобрать ещё много оскорблений, за ними далеко ходить не надо – все на языке вертелись, но Паша её перебил:

– Что ты ещё знаешь? – повеяло угрозой. Какой-то обидой. Непонятной ревностью.

– Знаю, что вы двое с ума сошли! Больше ничего. Так что ты ведёшь нас! Ты штурман. Управляешь кораблём, а не сидишь и тухнешь над кофе, как Зоя Кирилловна, утопая в прошлых ошибках. А я твой боцман. Слежу за тем, чтобы ты

не слетел на особо резком повороте в канаву. Уяснил?

Паша развеселился, но не то чтобы искренне:

– И впрямь. Но ты скорее Капитан. Одноногий и наводящий ужас своим опытом.

Она вздёрнула в ответ бровь, показывая, что не оценила шутку и как осуждает его.

– Раз так, то, по-капитаньи, авторитетно заявляю: Мы дойдем до конца, даже если ты будешь драить палубу своим воючим...

– Что-нибудь ещё хотите заказать? – поинтересовалась девушка в фирменном фартуке, держа блокнот наготове. Откуда она подкралась?

– Нет! Счет, пожалуйста! – прикрикнула Луиза, не отрывая взгляда от Паши. Тот в смятении добавил:

– Вместе посчитайте. И извините. У нас всё в порядке, – он одарил девушку виноватой улыбкой.

Луиза глубоко вдохнула через нос, пытаясь успокоиться и не выдать новую волну обвинений. Даже перед официанткой он надевал свою лизоблюдскую маску, а на неё волком смотрел.

– Тише, Луиза. Спокойно-спокойно, – говорила она в потолок сама себе, чтобы Павел тоже видел, чего ей стоило держать себя в руках.

– Остынь, – уже спокойнее попросил Паша, наблюдая за работниками в баре. Официантка тоже, видимо, подходила не из вежливости, а потому что их парочка злостно переру-

гивалась в общественном заведении, мешая другим. Это напомнило ему, где они находились.

– Не знаю, как ты, а я не железная. Сделай одолжение, посвети меня в ваш план, – уже шипела она. Сказывалось моральное истощение. Видя её такой, он предпочёл смириться.

– План в том, чтобы скрыться ненадолго с радаров. Гриша собирался рассказать о том, что где-то рядом опасность, поэтому я просто предложил двигаться на север, – слишком легко выдал он. – А дальше уже бы решили, в крайнем случае сымпровизировали бы что-то.

В Луизе столько эмоций, что хватило бы на них двоих. Это поражало Пашу. Всегда поражало. Где такие люди черпали силы? Он не мог ничего и не хотел уже ничего, а Луиза ведь была в куда более упадническом настроении. Она... Не переставала его удивлять.

– Мы должны были передвигаться на машине, – продолжал он, – на машине Гриши. И я в душе не знаю, где она сейчас. Предполагалось, что мы и спать в ней можем, потому что, вероятнее всего, ни один мотель нас не поселит.

– Серьёзно? – выдохнула девушка. Да он издевался. Сраные диванные гангстеры. – Это весь план? Вот на машине в закат оба бы и свалили, и никогда не появлялись в моей жизни, – не стесняясь, проговорила она, потирая гудящие виски. На голове уже сомнительный лохматый ком из-за того, сколько раз она вцепилась пальцами в волосы. – Ладно. Плевать. Знаешь? Я капитан. И компас у меня. Пошли.

Спешно расплатившись, Паша погнался за девушкой, которая, вытерев рот салфеткой, сбросила мусор на столик и, не дожидаясь, двинулась от него прочь.

Они пробирались сквозь настоящий рынок. Всюду снова ли продавцы и зевающие покупатели. Единый галдёж, в котором не разобрать чужих разговоров. Откуда-то пахло курочкой и свежей выпечкой, и это создавало странный контраст с тем, что он ощущал сейчас. словно ему пытались что-то напомнить, но всё безуспешно. Паша цеплялся за виды, продукцию, людей, как за снимки фотографий. Успеть бы захватить всё. Но он и так едва поспевал за набирающей обороты, трехногой лошадыю-Луизой. Та неслась по заученным дорожкам, не объясняя ничего своему спутнику.

– Зачем мы тут? – вопрос, который остался без ответа. Как и следующий: – Долго ещё?

Она перебирала костылями, на манер солдатского шага – враскачку, с одной ей известной строевой песней.

В каком-то смысле Паша разгадал старую загадку: «Кто утром идёт на четырех ногах, вечером – на трёх, а ночью на двух». Утром они шли вдвоем, девушка опиралась на его плечо. Вечером она идёт на двух костылях, отталкиваясь оставшейся ногой. А ночью – что? Паша будет её на руках носить? Это веселило, хоть и улыбаться откровенно не хо-

телось, но что-то приятное отозвалось в груди тёплым трепетом. Он уже успел отметить то, какая она забавная, даже когда злилась. Словно ещё раз напомнив себе об этом, Паша продолжил маячить за девушкой.

Рынок уже несколько минут позади, а они не сбавляли темп.

– Понял. Ты оборотень, и если мы не успеем до полуночи, ты покроешься шерстью? – ненавязчиво начал Паша, чтобы хоть как-то обратить на себя внимание. Он хотел бы не привязываться, но слишком поздно. Он обрёл её на своё проклятие, и теперь остается только следить за тем, чтобы никто из них не наломал дров. Вообще бы пора расставить все точки над «i» и не мучить никого: – Да ну прости. Ладно? Я хочу извиниться.

Луиза не услышала или сделала вид, что не услышала.

– Спасибо, что ты здесь и не бросаешь меня, даже если я веду себя как баран. Ты не заслужила такого отношения с моей стороны... Просто когда ты рядом, я словно могу расслабиться. Мне не нужно притворяться, потому что ты и так знаешь, какой я. Извини. Ты права.

В его голове это оправдание имело смысл, но как только он его озвучил, он осознал, какую чушь он себе надумал. Тем, кто ближе к психически больному, всегда приходится тяжелее. Им приходится видеть то, какие на самом деле психи в своей естественной среде. Без масок. Без нужды

притворяться. Возможно, Луиза за это короткое время стала для него кем-то вроде семьи. Единственным островком родственных отношений, которые Паша смог построить в пределах дурдома.

– Я буду стараться, – наконец пообещал он, занимая место около неё – благо тропинка стала шире. Они вышли на какую-то проселочную дорогу.

Солнце заходило за горизонт, и с недавнего времени это стало приводить Пашу в чувство. Мол, время не остановилось. Дни как прежде сменяли друг друга. Что-то происходило вокруг, даже если он не до конца понимал, что именно чувствовал.

Ну, то есть, да, он жив. Жизнь не поставлена на паузу, как это было, когда он оказался в больнице, оторванный от своих повседневных забот и рутины. И он обязан хоть что-то делать хотя бы в память о Грише. Хотя бы в память о Софии, которая тоже не хотела бы, чтобы он раскисал. Хотя бы ради Луизы, которая пока что была под его ответственностью, и бросить её он уже не мог.

Судьбоносная тропинка, по которой они пробирались, куда-нибудь их да приведёт. Черпать силы больше неоткуда. Луиза завела их через какие-то бараки к дворам. Освещение оставляло желать лучшего.

– Тебе тут не страшно? – задал неожиданный вопрос Паша, и Луиза неосознанно обернулась на него с вопросом в глазах. Она не понимала, что не так, – Лу, ну прости ты меня? Я ведь понял, что нельзя тебя игнорировать. Я больше не буду. Поговори со мной, – вернул он ей её же просьбу, и от неловкости хотелось рассмеяться. Кошки-мышки.

Она остановилась, опираясь на правый костыль, и левой рукой стерла пот со лба.

– Давай завтра поговорим. Просто... я устала и хочу помыться и спать. Нога болит. От меня воняет. Ещё и ты бешишь. Просто отложим до утра?

Он готов был согласиться с любым её доводом, только бы она шла на контакт. Они оба слишком упёртые бараны, и такие стычки в будущем могут сыграть с ними злую шутку. Спать так спать.

– Конечно. Мы пришли? – они стояли у забора какой-то дачи. Неужели они и правда полезут в чужой дом?

– Да, пришли, – произнесла она тише, поглядывая из-под ресниц на тёмные зловещие окна. Это напрягало.

– И? Что дальше? – нетерпеливо спросил Паша, подходя ближе.

– А дальше, – она выдержала паузу и нажала на уличный звонок, который был накрыт вырезкой из-под бутылки. – Добро пожаловать ко мне домой.

Часть 28. Нормальная жизнь

В доме внезапно зажегся свет, зря Паша нарёк эту обитель заброшенной. Из-за ворот поползли тихие ругательства. Настроение Луизы заметно ухудшалось по мере приближения шагов.

Дверь с лязгом замка отворилась на полдюжины дюймов, и человек спросил:

– Кто? – проморгавшись, будто стирая последние капли сна, хозяин шире открыл глаза: – Машенька?

– Привет, – подтвердила девушка.

От радости этот Некто прямо на глазах Паши стал не ворчливым хозяином, а застигнутым в-приятный-расплох мужчиной старшего возраста. На нём была по-летнему свободная майка и домашние штаны. Замки задвигались в их пользу, и дверь полностью открылась.

– А как ты здесь? Ты же... лечишься.

– Выписали, – безэмоционально отозвалась девушка, и её тут же потянулись обнимать. Затем хозяин обратил и на Пашу внимание. Хорошо, что ранее утром они разжились футболкой на заправке, а та одежда, что со следами крови, осталась на мусорке. – Это Паша. Паша, это мой папа, Дмитрий Аркадьевич. Мы зайдём?

Они обменялись рукопожатиями, а Паша мысленно завис, повторяя про себя «Луиза Дмитриевна». Девушка также

была задумчива и двигалась больше по инерции, проходя на территорию участка. По левую сторону расположились клумбы, по правую – самодельный пруд из булыжников и лебеди, вырезанные из автомобильных шин. Паше пришлось прибавить шагу, потому что за ним следовал не до конца пришедший в себя отец семейства.

– Это правда ты, – послышалось из-за спины.

Без ответа они прошли в дом, сняли обувь и попали в тёмную прихожую. На пороге встретила такая же обомлевшая женщина, и Паша верно догадался, когда Луиза поприветствовала её:

– Привет, мам.

Женщина расчувствовалась и притянула девушку для объятий, как безвольную куклу. Луиза лишь кивнул в знак поддержки.

– Ты насовсем вернулась, правда? Господи, наверное, голодные? Ну, проходите-проходите, не стойте в дверях, – зачастила женщина, сопровождая их вглубь дальней комнаты. – Людмила Олеговна.

Паша не сразу отреагировал, а как до него дошло, обернулся и ответил:

– Павел.

Как же неловко.

– Приятно познакомиться. Располагайтесь. Ночь на дворе уже, всё в порядке? Что с ногой? Что ж ты заранее не позволила, мы бы хоть встретили. Вы пешком?

– На автобусе, – ответила на последний вопрос Луиза и без слов, освободив проход Паше, впустила его в свою комнату. – Ложитесь спать. Всё в порядке, просто устали. Я ему на полу постелю, – в завершение сказала она и закрыла за ними дверь.

Видимо, вступать в покои дочери никому не было дозволено, что крайне шокировало Пашу, и из-за двери послышалось:

– Спокойной ночи.

Вид Луизы и правда не подталкивал к душеизлияниям и плаксивым разговорам. Изменилось её состояние буквально за пару минут. Паша хотел бы что-то спросить, но по тому, как девушка закрыла глаза, глубоко дыша, он понял, что и правда не сейчас. Она отставила один костыль и, добравшись до дивана, тяжело села, выпрямляя ноги. Паша не знал, куда деть себя, и по заученному сценарию стал озираться вокруг, осматривая интерьер. Он оглядывался по сторонам, жадно впитывая обои с оранжереями, самодельный декор, отражающий здесь наличие латентного художника. Книжный шкаф, где взгляд задержался дольше. По собственной инициативе он потянулся рукой к полке и провёл пальцем. Чистая.

– Давно тебя тут не было? – спросил он, особо не надеясь на диалог.

– Три месяца.

Девушка растеклась по сложенному дивану, в момент ста-

новьясь спокойнее, расслабленнее и готовясь вот-вот отключиться.

– Давай помогу постелить, – кивнул Паша.

– Угу. В шкафу постельное белье, – она указала Паше за спину, он обернулся, тут же открывая дверцу. – Вон то сверху. А в ящике есть длинная футболка и шорты.

Паша потянулся и туда. Не успел он внутренне подготовиться к тому, что ему придется спать в женских вещах, как нашёл огромную унисекс-футболку и спортивные баскетбольные шорты. Луиза превентивно ответила:

– Они свободные. В них удобно. И дай мне тоже, пойду в ванной переоденусь.

Паше оставалось только следовать её командам.

Девушка покинула свою обитель, держа в одной руке костыль, в другой вещи, и оставила Пашу одного заниматься всем, что ему наказано. С первого раза раздвинуть диван не получалось, но рассмотрев заевший механизм, Паша справился. Брезгливости он не чувствовал, как это бывало, когда оказываешься в чужом доме. Как и чего-то непристойного. Это хорошо, заключил он, хозяйничая по комнате, как по номеру отеля. Лучше бы не анализировать раньше времени и дожждаться прихода девушки, подумал он, однако мыслительный процесс шёл семимильными шагами впереди него.

Кажется, семья Луизы опровергала многие теории доктора Крашника и всего психологического сообщества о том,

что главные травмы наносят нам наши родители. Паша мог судить по своим предкам, там он видел прямую взаимосвязь. А мельком познакомившись с родителями Луизы (Машеньки), парень засомневался вообще во всём.

Они такие... нормальные. Не холодные. Искренне были счастливы видеть своего ребёнка спустя три тяжелых месяца в разлуке. Классические родители, как из хороших сказок. Что тогда могло пойти не так в жизни их ребёнка, что в возрасте двадцати трёх лет она уже находилась на лечении в психиатрическом стационаре круглосуточного пребывания с букетом диагнозов и расстройств.

Какой-то даже профессиональный интерес не отпускал его до того момента, как он закончил с делами. Луизы до сих пор не было, он сидел на полу, на найденном на антресолях матрасе, застеленном простыней. Стоило начать переживать, или он опять накрутил себе с три короба?

Долго об этом думать и правда не было сил, и он взял себя в руки. Покидая опасно комнату, Паша ничего не увидел, так как свет не горел. Только из-за угла кухни прослеживался свет лампы на полу. Оттуда же доносились и тихие разговоры. Не было видно, кто сидит за столом, но по звукам можно догадаться.

Туда он точно не пойдет. Нужно тогда хоть до туалета дойти, а то он нервничал, потому что, вероятно, позже этой возможности может не представиться.

Типовое расположение комнат подсказало Паше, что две

смежные двери и выключатель между ними, скрывали за собой отдельные ванную комнату и туалет.

На кухне всё ещё велись разговоры, когда он закончил со своими делами и возвращался в комнату девушки. Свет всё так же горел. Кипел чайник.

Как же неловко. Скорее бы день закончился, наконец, но при этом хотелось, чтобы и следующий пока не наступал. Им всем нужна передышка.

Луиза вернулась в комнату через четверть часа. Паша уже лежал на жестком матрасе, повернувшись набок. Несмотря на половое предлежание, его спина буквально ликовала от правильного ортопедического положения, и Паша чувствовал, как его мышцы постепенно расслаблялись.

– Почему ты... – начала Луиза, но потом осеклась. Закрыла за собой дверь и проковыляла до расстеленной кровати. – Спасибо.

– Всё нормально? – произнёс он.

– Пока да. Ночник включить? – задала она важный, по её мнению, вопрос.

– Нет.

Они обменялись странными взглядами. Как будто и сами только сейчас осознали, что с ними и где они. Паше необходимо было разрядить обстановку:

– Если буду храпеть или лунатить во сне, ты это... Подушку мне на лицо и... Ну, ты знаешь.

– Обязательно, – понимающе кивнула она. – Ладно, спокойной ночи?

– Спокойной.

Спал он беспокойно – без таблеток было не то, – и пару раз просыпался от того, что начинал дергаться во сне. Кошмаров как таковых не было, но что-то неоформленное всё же отнимало сил во сне больше, чем давало. Гришино лицо. Инвалидная коляска. Луиза. Шашлык с рынка. Паша плохо понимал механизмы снов и отчасти жалел, что с доктор Крашником они не подняли этот вопрос раньше.

Утро прошло впопыхах. Он отсиживался у Луизы в комнате, куда она принесла ему завтрак, подолгу пропадая в дебрях дома. Паше не понятна была атмосфера, царившая в стенах этой семьи, а как потактичнее выведать это, он не знал.

На помощь пришла Луиза, которая после полудня и долгих рассеянных расшаркиваний, предложила посидеть на заднем дворе.

– Где твои родители? – следом интересовался Паша, зная, что не сможет сидеть с ними друг напротив друга и отвечать на формальные вопросы о том, кто он и откуда. А тем более

рассказывать, что они славно познакомились в психушке, откуда не менее успешно сбежали, тем более. Может, Луиза и успела об этом сама поведать, но расспросов он бы сейчас от незнакомцев не вынес.

– Они поехали в магазин и по делам. Не парься, сейчас дом пустой.

И они пошли на задний двор. Там раскинулась удобная зона отдыха с четырьмя шезлонгами под козырьком крыши. Можно было бы поставить рядом стол или разжечь мангал. Или просто костёр. Было, где разгуляться фантазии, но такая минималистичность тоже была ему по вкусу. Паша вытянул из-под навеса два шезлонга.

Он уже прилёг, а девушка, игриво задумавшись, вернулась внутрь и притащила бутылку шампанского. Точнее, «игристого белого вина». Инициативу он поддержал, и они даже немного поговорили о винных напитках и причинах, почему запатентованным названием «Шампанское» можно называть только те напитки, которые делались в провинции Шампань во Франции, а всё остальное – малодушное игристое вино.

Задавать вопросы по поводу того, уверена ли она, или с опаской заглядывать ей в глаза, когда она делала глоток, он не станет. Если она по какой-то причине захотела выпить и расслабиться, он не будет виться над ней вороном и говорить, что она пожалеет. Они здесь не за этим.

Разговоры от незначительных сменялись глобальными, и тут Паша чувствовал себя как рыба в воде. Охлажденный ал-

коголь не влиял, но приветливо успокаивал в своих объятиях их обоих.

– А что если дураками в итоге окажутся атеисты? – начала Луиза, рассматривая пузырьки сквозь запотевшее стекло. – Миллионы лет эволюции – очередная ошибка в записях. Мир существует с того момента, как был задуман. И нет, это начинается не с истории Адама и Евы, а что-то более языческое. Паранормальные связи во вселенной, загробная жизнь. Существование высшего разума во многих из его оболочек.

Паша мог понять её, а мог начать переубеждать, но слишком ярко реагировать не хотел, чтобы не спугнуть момент.

– Я об этом тоже думал, – признался он. Луиза сделала ещё глоток игристого и передала ему бутылку.

– Такие мысли приходят, когда в очередной раз натыкаюсь на «чудо» или «случайность»... Иногда хочется верить хоть во что-то.

– Какое чудо? – спросил Паша, заинтересованный в более спокойном разговоре. Ему нравилась атмосфера, безветрие и тёплое солнышко.

– Сам вспомни. Ведь, наверняка, кто-то рассказывал, что да, был у меня один знакомый, который верил во всё это, развивал свою интуицию, да и вообще с помощью занятий йогой и медитациями научился видеть прошлые жизни... Ну или что-то подобное.

– Это было бы слишком, – признался Павел. – Ты в это

веришь?

– В это – нет. Но что-то всё равно терзает. Например, почему рука зачесалась именно незадолго до того, как пришли деньги на счёт? Как можно чувствовать погоду больными коленями? Как среди многих вариантов карт, в руки при гадании выпадали именно «те самые».

– То есть магия есть? – уточнила он, а она поспешил объяснить:

– Магия не та, где огонь руками зажигают. А мистические потоки энергии... проклятия... сглазы... карма... Иногда мне прям очень хочется в это верить. Потому что если жизнь – это скопление клеток и биоматериала, которые бессмысленно взаимодействует друг с другом, то это бы напоминало самый худший вариант утопии из возможных. Тот вариант, где нет надежды на что-то.

– А в этом мире лучше верить и надеяться только на себя, – не согласился парень.

– Поживём – увидим, – выдохнул она и сама себе ухмыльнулась. – Перекусим?

Вот минуту назад всё было нормально, а сейчас шампанское ударило в голову, и он опять загонялся. Луиза как раз принесла бутерброды и перехватила бутылку у него из рук:

– В чём дело? – спросила она.

Она не давила, хотя стоило бы. Тогда Паша мог бы ей рассказать. Хотелось верить, что она искренне хотела узнать ответ. Что ей не всё равно. Паша хотел бы, чтобы Луизе было не всё равно. Потому что, искренне говоря, он подзадолбался биться в кирпичную стену. До других людей ведь не получится докричаться против их воли. А до Луизы докричаться хотелось, но она сама не делала первый шаг. А если бы она потребовала – именно потребовала – рассказать ей, Паша выложил бы всё как на духу.

В воздухе повисла хмельная обида, и непонятно, кому она принадлежала. Луиза разлеглась в максимально удобную позу на шезлонге и грызла бутерброд, совсем не стесняясь быть неидеальной. Это одна из тех вещей, почему она понравилась Паше. Но об этом лучше не думать, особенно на пьяную голову.

– Ну? – спустя паузу повернулась девушка. – Говори уже. Я не молодею.

Паша испуганно глянул, как будто она могла перехватить его мысли, но затем покорно произнёс:

– Ты в праве можешь посчитать меня сумасшедшим, – опасно начал он, – поэтому не стесняйся в выражениях, я пойму.

Такая подготовка почвы была, по его мнению, исчерпывающей, и Паша заговорил куда менее официально:

– Это началось не год назад, не десять лет. Это как будто всегда со мной было. Такое чувство, будто помимо меня есть

некто ещё, кто управляет моей жизнью.

– Как будто «Симс»?

– Да. Только без кодов.

Луиза понятиливо кивнула.

– И казалось бы, что плохого? Ну, есть кто-то или нет, я всё равно остаюсь тут главным. Это как верить в Бога.

– Ты не веришь в Бога? – уточнила девушка.

– Нет, тут что-то сложнее. Какая-то система непоследовательных связей, которая пронизывает все процессы. Ты сравнила это с игрой в «Симс», мне нравится. Очень облегчает объяснение.

– Ну, так и в чём проблема? Ты чувствуешь что-то ещё?

– Кто-то вмешивается в мою жизнь, – признался он. – Мною управляют. Манипулируют. Я не чувствую...

– Свободы воли?

– Да... – удивленно выдохнул Паша, всматриваясь в задумчивое лицо девушки. – Тебе тоже есть, что сказать?

– Паш, это... немного другое. Не важно. Доктор говорил, что я ищу, на кого переложить ответственность за дерьмо, с которым я не могу справиться.

– Доктор может быть не прав. Он всего лишь такой же человек, как и ты.

– Но он как будто имел дело с такими как я, как мы... Для него это просто моя паранойя. Мания величия. Неорелигиозное учение, которое губит.

– Ты лжепророк? – улыбнулся парень.

– Да. А для таких, как известно, отдельный котёл, – ответила девушка без промедления. Захотелось уточнить:

– Но если на секундочку ты позволишь себе поверить, что всё это правда, что бы ты сделала?

– Если бы я поняла, что я всего лишь персонаж, которым управляет внешняя система? Какой-то шут. Игрушка.

– Ага.

– Я бы вышла из игры.

Спустя долгое время, когда они допили вторую бутылку игристого, Паше стало легче. Луиза смотрела покрасневшими глазами перед собой, провалившись в колодец своих дум, а Паша смотрел на её профиль. Вспомнилось забытое чувство. Томление, от которого он откупился когда-то, запретив себе привязываться. Оно опять расплзлось в груди. Это не к добру, думал он.

А вообще видеть её такой спокойной было привычно. Это не тот неуравновешенный огонь, который срывался с места и нападал, ведомый норадреналином. Хотя бы тут она была в безопасности, блуждая по потёмкам своего сознания. Все дороги ею изучены, и теперь когда девушка уходила в себя, она будто возвращалась к месту силы. Упорядоченный хаос.

– Надо будет запатентовать такую игру.

– Что? – отвлёкся Паша. Луиза усмехнулась одними губа-

ми:

– Представь игру, где твой персонаж всеми способами пытается причинить себе вред, сделать хуже, разрушить свою жизнь, а тебе надо следить за ним и оберегать.

– Вырывать нож из рук и прятать фен?

– Нет. Как-нибудь более хитровыдуманное. Например, твой персонаж грустит сидя на подоконнике, смотрит на дождь и думает о том, чтобы прыгнуть, – она сделала паузу, – а ты направляешь к его двери торговца с горой ненужного хлама, который тот впаривает. И заставляешь своего героя открыть дверь. Торговец его обрабатывает настолько умело, что спустя полчаса твой персонаж думает не о смерти, а о том, какой он лох, раз отдал все деньги первому встречному.

– Причиняя вред поменьше, спасаешь его от большей беды. Неправильный какой-то ангел-хранитель, – подытожил Паша, хотя мысль его заинтересовала. С этой стороны он не рассматривал действия Системы.

– Нет, название слишком в лоб. Может, «Останови меня, если сможешь»?

Паша рассмеялся. Луиза улыбалась теплее. Они накинули ещё пару названий, а затем устали. Паша отставил на травку пустые бутылки. Радио из дома играло шансон и не вписывалось по настроению, но хотя бы не так тоскливо.

– Надо же... – проговорил Паша. – Это и правда именно то, что я думаю. С этой мыслью я живу сколько... Сколько себя помню.

– Можем, называть это нашей штукой. В момент разговора с посторонними можно вклинить фразу: «Оп, ребята, тут моя остановочка! Хозяин зовёт», – воодушевленно предложила Луиза. – Или кодовое слово, чтобы дать понять, что твой хозяин вынуждает делать какую-то чухню.

– Хорошо. Но мне больше нравится такая: «Система разбушевалась».

– Да, мне тоже.

– Луиза?

– М?

– Ты серьёзно об это говорила? Если бы ты узнала, что так эта матрица и устроена, ты бы...?

– Да.

– Ясно.

На том и порешили.

Часть 29. Моя остановочка!

Паша прошёл по всему дому. Как заведено, все стены, все полки шкафов, все комоды были обставлены фотографиями – элементами истории этой династии. Волнительная картина. Он как будто мог сам очутиться в моменте снимка многими годами ранее. Он чувствовал пыль времени и внимательный взгляд людей.

Глаза людей смотрели с фотокарточки прямо на него, как будто Паша сам держал в руках фотоаппарат, наводя его на очередных клиентов.

Так просто это представить, вообразить себя героем этой истории:

Клиенты волнуются больше, чем он. Они замерли, затаились, как пойманные в свете фар животные. Но разница очевидна: вместо страха, присущего всякой божьей твари, на лицах застыла маска. Позы изломаны в идеальные статуи; одна подле другой. Вся жизнь ради этого момента. Вся история их семьи будет зафиксирована только за счет этой фотографии. Поэтому даже краешек губ, обрамлённый в улыбку и подчеркнутый гримом, не дрогнет в неправильном направлении. На ошибки у них была вся жизнь, а теперь, извольте подчинить себе свои эмоции. Отец семейства долго и принудительно вбивал в их светлые головы, как важ-

на та секунда, которую поймает фотограф. Знание пришло к нему с опытом. От людей, которые рано или поздно стираются из памяти, даже от самых близких останутся лишь фотографии. Как напоминание о том, что вы были знакомы, происходили друг из друга и были неподдельными, чего не поймешь от сотни встреч, которые не поглотил объектив. Топография жизни по ключевым моментам в одном альбоме.

Фотограф играет свою непосредственную роль, в танце кобры извиваясь, борясь за удачнейший ракурс. Он поглощен работой, и в мыслях нет места для переживаний этой семьи. Он видит, как приятно оттеняется шея женщины и лицо разглаживается. Молодеет. Как отец накидывает незримую шаль главенства над ними. Он их защитник. Их монарх. Их панцирь. Двое детей ещё не совсем взрослые, впрочем и они не собираются его переубедить, даже если сами уверены, что уже в состоянии взвалить на плечи заботу о семье. Они обожают обоих родителей и в перерывах, дабы перевести дух, с уважением смотрят на них.

Эти клиенты нравятся фотографу больше прежних. У них есть цель в глазах. Такой же взгляд он мог застать на выцветших желтовато-чёрных фотографиях прошлого века, снятых на плёночный фотоаппарат, которые иногда приносят в его студию на реставрацию. Четкое осознание. Взгляд в глаза ангелу Смерти. Ведь когда пелена сомкнёт их веки, только через этот фотоснимок они смогут подгля-

дывать в мир живых, улыбаясь надменно и величественно. Запечатанные навсегда в деревянную рамку на полке. Тени, пережившие своих хозяев.

Паша так увлекся, рассматривая снимки, а ответа на вопрос так и не нашёл. Как же так случилось, что в такой нормальной любящей семье с неплохими условиями жизни мог вырасти несчастный ребёнок? Что-то на антинаучном. Исключение из правил, которое всеми силами хочется опровергнуть или доказать. Это на самом деле его волновало.

Родители Луизы появились внезапно. Без топота. Без вступительных словечек, переговариваясь на пороге, дабы объявить молодым девушке и парню, что они пришли. На всякий случай. Перестраховка ради причилия. Этикет взрослой жизни. Нет, они молча зашли и принялись осматривать свой дом. Пашу, всё ещё облизывающего взглядом фотографии на стене, вроде бы даже не заметили, ибо он замер, а массивный шкаф скрыл половину его фигуры. По одному их виду складывалось впечатление, что происходило что-то неправильное. Луиза снаружи, возможно, уснула на шезлонге или танцует под негромкий напев собственного сочинения. Они совсем недавно обсуждали Мать-Природу и её забавную манеру привносить атмосферу самобытности даже в каменные джунгли мегаполиса. А потом не заметили, как и

сами начали подпевать под ещё играющее радио. Меж тем родители Луизы знали, куда идти. Проследовали в сторону комнаты дочери, зайдя внутрь, переглянулись между собой. Это Паше не нравилось тоже. Затем мать девушки взяла телефон и написала что-то, судя по летавшим по дисплею пальцам.

Супруги обошли остальные две комнаты в доме и заглянули в туалет. Паша воспользовался их метаниями, чтобы спрятаться за штору и понаблюдать. Хотелось как-то предупредить Луизу, чтобы та не попадалась им на глаза, а ещё хотелось додержать сцену, чтобы вывести на чистую воду родителей девушки. Чтобы узнать, наконец, какое зло в них таилось.

– Она опять пила? – спросил мужчина, подняв пустую бутылку с пола, которую Паша с Луизой осушили, глазом не моргнув. – Это уже ни в какие ворота! Привела психа домой, делают с ним черти-что, и эта пьянь опять взялась за старое.

– Успокойся. Я пытаюсь дозвониться, – попросила женщин и зашагала по коридору, остановившись у окна. Как раз отсюда можно было бы легко засечь Луизу и увидеть место преступления – задний двор с организованным там пространством для посиделок.

Мать девушки задержалась взглядом на чём-то, подозревая мужа к себе, и Паша воспользовался моментом. Нельзя медлить.

Он выполз из-за шторы и скрылся за углом, готовясь ха-

отично спастись. Но к счастью, тут же столкнулся лицом к лицу с Луизой.

– Чт...?

Она закрыла рукой его рот и, озираясь за спину, покачала головой.

«Нет времени».

«Пойдём».

«Не шуми».

И Паша повиновался, следуя за этой хромоножкой. Чтобы не создавать грохота при передвижении, она от большого ума решила наступать на ногу, проживая боль на каждом шагу, а Паше оставалось двигаться за ней. На них чистая домашняя одежда, уличная обувь и только заготовленная со вчера сумка, ожидала их у порога.

– Здравствуйте, это опять мы, тут всё так, как вы и говорили, – слышалось в коридоре, и Паша понял, что надо ковать железо, пока горячо, и бежать, пока не сгорела хата. Недолго думая, он набросил сумку Луизе на плечи, саму девушку привычно посадил на спину, и они устремились на выход, уже не обращая внимания на скрипучие половицы.

«Они заметили. Они уже дышат в спину. Они рядом», – кричало Пашино сознание, а за спиной сидела Луиза, что никак не могла успокоиться, потому что нога по-скотски ныла.

Они покинули дом, склоняясь под окнами в три погибели, и подошли к забору.

– Опять эти ваши железные замки... – вслух выдохнул он.

Оглянувшись, как перед прыжком, Паша увидел, что родители Луизы заметили их через окно дома. Глаза в глаза.

Он открыл дверь с адским скулежом замка и бросился наутёк.

Луиза подсказывала, где свернуть между домами, чтобы пропасть из виду. Они пробирались через чужие огороды, тревожа собак и куриц из соседских домов и оставляя за собой шлейф из лая. Голова ещё немного кружилась из-за выпитого, но хотя бы алкоголь помогал действовать быстро и на эмоциях.

Не нужно быть детективом, чтобы по тропе из лая восторженных собак не вычислить их маршрут, но он всё равно надеялся на что-то. Паша бежал, подгоняемый Луизиными комментариями, из последних сил. Лёгкие жгло, ноги готовились отвалиться, вместе со спиной, но перед своими частями тела Паша извинится как-нибудь в другой раз.

Они скрылись в пролеске.

– Дальше? – запыхавшись, прошелестел Паша. Пот тёк по бровям в глаза.

– Я не знаю... Нам некуда бежать, – начала она.

– Чёрт, а ты... ты слышала? Они сдали нас доктору Крашнику, – медленно переваривая информацию, произнёс он. Она поспешно продолжила:

– Если вперёд, то дальше выход к озеру; если направо – выйдем к соседскому полю; налево – обрыв, ведущий к магазинчику в начале улицы.

Для Луизы это будто было последнее, чему можно удивиться, или она таким образом намекала, что не время для гнева.

В ушах и так кипела кровь, и мысли путались. Паша приложил усилие над собой:

– Давай к магазину.

– Не, продавцы – их знакомые, – тут же отрезала девушка.

– А за магазином что? – спросил следом Паша.

– Должна быть остановка, но...

– И ты молчала? – Паша от возмущения закатил глаза.

Уже с новыми силами они понеслись в сторону обрыва, чтобы в дальнейшем Паша, как раскоряка, свалиться с него вниз. – Я думал, будет выше, – отряхивался он, упав с высоты своего роста. – Прыгай, – он поднял руки к оставшейся наверху Луизе.

– Ненавижу высоту. – С этими словами девушка села на край и съехала задом по склону вниз, где тут же была подхвачена другом.

Она зависла, смотря ему в лицо.

У нее есть друг?

Друг.

– Садись, нельзя останавливаться, – отмахнулся Паша и принял позу готовности.

«Забирайся на спину».

«Прокати меня, большая черепаха».

В голове хаос от стресса.

Каким-то образом они добрались до остановки, минуя магазинчик, пустующий в это время суток. Не понятно, оторвались они от её родителей или нет, шла за ними погоня или нет, спустили с цепи по их душу собак или нет, потому всё ещё напуганные и запыхавшиеся они залетели в первый попавшийся автобус.

– Повезло, – только произнесла Луиза полусшепотом, когда они разместились.

– Рано радоваться. Мы в заднице, – произнёс он убито.

Автобус был наполовину полон, или наполовину пуст, и им досталось место в конце прохода, но не на возвышенных местах, а прямо под ними, словно в оркестровой яме. Паша посчитал, что они и так привлекают много внимания, и на пьедестал к кондуктору им забираться рановато. Дышать было нечем, и грудь жгло, но адреналин удачно переливался по венам, блокируя боль и любые мысли.

Говорить больше не получалось, потому Луиза, успокаиваясь, гладила его по плечу, одновременно прося прощение и благодаря за то, что не бросил её одну. Опять.

Они пересели на междугородний автобус, и у них было время отдохнуть. К этому времени Паша и Луиза уже более-менее пришли в норму.

По дороге у водителя играло только новостное радио, что,

стоит заметить, раздражало всех присутствующих.

Затем кто-то всё же упросил командира транспорта переключить на музыкальную станцию. Пустой болтовни пассажиров, сливающейся в один монотонный шум, им, видимо, не хватало.

Луиза грустно наклонилась на Пашу, приобнимая его плечо одной рукой, а второй прижимая к себе рюкзак с вещами. Было зябко, но вздрагивала она не от холода. Хотелось чаю и элементарной тишины, чтобы вокруг исчезли все люди, кроме них и водителя.

Этот гомон давил на виски, не давая сосредоточиться.

«Нечего же больше обсудить, кроме рассады, готовки и детей, да?», – безучастно думала она. Больничная тишина не ценилась, пока её насильно не отняли. А здесь, в этом мире, за пределами решёток повсюду у всех есть телефоны, плееры, сабвуферы и магнитолы, которые будто были изобретены противниками тишины. Если бы звук был материальным, как жидкость, Луиза бы подогрела его до состояния кипения и в отместку залила каждому в глотку.

Она настолько увлеклась, разгоняя эту сцену в голове, что пропустила мимо ушей разговор двух дам. Но по тому, как Паша толкнул её плечом, она догадалась, что что-то не так:

– Слышала? В нашем городе у подозрительных жителей документы проверяют и обыскивают их. Ходит слух, что на «Владимирской» из больнички несколько пациентов сбежали. Предупреждают, что те могут быть невменяемыми и

агрессивными. А как тут разберёшь, когда у нас полгорода таких? Соседи те же. Я так сыну и сказала, придут – выгоняй! Взащей выгоняй! Не имеют права!

– Кого? Психов этих? – уточнила её собеседница. Различались они разве что по цвету волос. Говорящие затылки. светло-фиолетовый и рыжий.

– Нет, полицейских. В телешоу говорили, что без разрешения суда им не войти. Но не все об этом знают и потому выпускают, – словно невзначай припомнила собеседница.

– А психи?

– Да подь ты лесом, Матрёна. Зачем мы им сдались? А вот ментам – другое дело.

– Эх... Правду говоришь. Страшно жить в наше время... На работе денег лишают, кризис у них, выплаты по инвалидности задерживают, и нам жить не на что. А проблему видят в сбежавших овощах.

– Грубая ты, – в свою очередь припечатала женщина с фиолетовыми волосами.

– Больно ты мягкая.

– Да будь я по-настоящему грубая, может, было б легче. А так и на улицу не выйдешь. Убьют, ей богу, за банку сайры с рынка убьют. И все они безнаказанные. Никак не заработаешь же больше. Дурная молодежь...

Автобус обыденно притормозил на остановке, и его покинула пара друзей, опираясь друг на друга.

– Спасибо, что подбросили, – произнесли они на проща-

ние. – И оставили нас без налички, – совсем тихо добавили себе под нос, когда автобус уже проследовал до следующего пункта.

Заселиться пришлось в куда менее презентабельный мотель, чем хотелось бы. Заселяясь «день в день», они были вынуждены согласиться и на последний оставшийся номер, и на плату за срочность, и на издержки, потому что заселяются строго до десяти вечера, а в одиннадцать уже другой тариф. Им достался один из тех двухместных номеров, где большая кровать означала лишь две сдвинутые одноместные кровати, наспех закрепленные штырями. Но в этом случае, это сыграло им на руку. На внешнюю чистоту номера тоже оставалось только надеяться. Поэтому если что-то ещё можно сделать для их удобства, он должен будет сделать это сам.

Пусть Луиза его и не просила, но, открутив болты комнатными ножницами, Паша смог разделить их хилые советские лежанки.

Пока Лу от бессилия легла спать, он повадился к «стойке регистрации», которой являлась барная стойка на входе. За ней сидела грузная женщина на пластмассовом стуле и попивала что-то из чашки. Она и так расщедрилась ипустила их без документов в непристойный для этого час и разрешила оплатить номер (по трехкратному ценнику) безналичным

переводом. И сейчас Паша вернулся к ней с ещё более бес-
пардонным вопросом:

– Перекусить хотим...

– В оплату не входит.

– ... мы заплатим. И второе одеяло, пожалуйста, – без осо-
бой дружелюбной интонации сухо закончил он.

На лице консьержки была лишь невозмутимость, когда она поднялась и сопровождала Павла до буфета рядом с кух-
ней. Очень тяжело обстояли дела с оплатой, потому что Па-
ше был опять необходим её телефон, чтобы зайти на свой
электронный счёт и перевести на карту женщине эти ссанные
триста рублей. Прав жаловаться у него не было. По дороге
обратно, она пыталась завязать формальный разговор о том,
зачем они сюда приехали, и Паша не особо вникал, что на-
плёл ей, сжимая в руках пару-тройку бич-пакетов на завтрак,
шоколадки, воду и кофе.

Склейка. И вот он уже сам спал, не найдя в себе сил ре-
флексировать очередной суматошный день, по соседству с
мирно посапывающей девушкой.

Проснувшись среди ночи, чтобы не будить Пашу своими
метаниями, Луиза вышла на балкон.

Распахнутое настежь звёздное небо встретило её прохла-
дой. Хотелось вернуться двумя днями ранее, туда, где они

проснулись. Чтобы ветер в волосах и полное незнание того, что их ждёт.

Хотелось сесть на край того берега и опустить ноги в чистую воду по колено. Мычать песню под нос, наслаждаясь видом мрачного глубоководного простора.

Паша бы сказал, что волны накатывают друг на друга, передавая друг другу потенциальную энергию, чтобы движение не прекращалось. Его холодная мысль убила бы всю романтику. Но будь на его месте Мать-Природа она бы хорошо вписалась. С некоторых пор Мать-Природа стала именем нарицательным для всего понятного и простого – как полная противоположность им двоим. Она бы равнодушно выслушала Луизу, а затем переведя взгляд на воду, сказала бы, что волны соревнуются друг с другом. Прямо как глупые люди, что в рутине пытаются подпрыгнуть выше головы, но всегда там уже кто-то есть.

А когда волны бы дважды ударились об берег, Мать-Природа расценила бы это как одобрение своих слов.

Луиза не думала, что станет скучать по психушке, но она скучала.

Утро началось само собой. Без приглашения оно проникло с солнечными лучами сквозь занавески, вынуждая проснуться. Но Паша с Луизой были из тех упёртых пар-

нокопытных, которые договорились заслуженно отоспаться, сколько бы времени на это не потребовалось.

А проснувшись ближе к вечеру, за поздним завтраком им всё же пришлось поговорить.

Так вот. Сложность их положения в чём? В том, чтобы точно понимать, кому они могут доверять, а кому – нет. С этим у них обоих явные проблемы. Пока что у них есть только они. Других вариантов особо и не было. Дальние родственники Луизы не пойдут на контакт, даже если очень постараться донести до них серьёзность положения; они сразу сдадут их её родителям. А те опять будут гнуть свою линию и убеждать вернуться в больницу. По лицу Луизы Паша понял, что вариант с родней не стоило поднимать вовсе.

Податься в общину для бездомных – они не настолько отчаялись и имели всё-таки деньги, пусть и электронные.

Вполне очевидным было бы поехать к Паше, – шесть часов, и они на месте, – но и там могла поджидать засада. Они до сих пор не знали, что такого узнал Гриша. Пусть они и не находились в розыске, но их ориентировка есть у полицейских, а если врачи сочли бы их опасными, особенно после смерти Гриши, они наверняка захотят принудительно вернуть их в клинику. Нужно двигаться куда-то, но прямо сейчас не получалось даже при всём желании. Они истощены. Они потеряны. Они жалкие.

Было решено засесть в мотеле и придумать хоть какой-то план.

Часть 30. Мы здесь. Мы живые

Небо. Бескрайнее. Загадочное. Пленительное. Луиза думала о том, что, вероятно, никогда не видела два одинаковых неба. Даже безоблачной ночью оно всегда какое-то особенное. Как снежинка. Уникальное. Такое красивое, что невозможно оторваться.

Луиза выбралась с Пашей на улицу. В номере душно и не было сил сидеть и сходить с ума, как пристегнутая кандалами к трубе пленница. Растяжение на ноге не давало отлучиться самостоятельно ни в магазин, ни принять нормально ванну с солью и скрабами. Ходила она, опираясь на отельную швабру или пашино плечо. Не конец света, но, как капля в чаше её терпения, ощущалась довольно болезненно.

Инициатива выйти больше принадлежала Паше, но отчего-то она была уверена, что у неё на лбу отпечатался крик души.

А оказавшись на улице, она втянула насыщенный воздух, который остудил её сознание. Они далеко не пошли, расположившись на пледе на сухой траве. Рядом ни машин, ни людей, только небо и звёзды. Она чувствовала на себе его спокойный взгляд, но пока не могла ответить тем же.

Чувство стыда всё ещё преследовало её как тень – даже если солнце светило в лицо, за спиной тень держалась неизменно. А стоило наступить сумеркам, стыд показывал себя

во всей красе. Она так и не рассказала важную часть Гришиного послания. Почему-то сейчас, когда у них что-то начинало налаживаться, это делать было страшно.

Боже. Луизу это смешило. В свете звёзд она ощущала лишь свою никчёмность и полную покорность, перед судьбой, перед великим космосом. Она была никем и всем сразу. Но боялась признаться другу в том, что знает. Ну хоть космос мог её понять: он скрывал в себе тайн намного больше, чем в голове Луизы.

– О чём думаешь? – появился Паша в её мыслях, как будто до этого не был там. Мысль пронеслась мимо, утаскивая с собой приближающуюся панику. Когда-нибудь она выведет его на чистую вода, потому что невозможно так хорошо понимать, что у других происходит в голове. Отвечать не хотелось, и Луиза переспросила у него:

– А ты?

– Вспомнил фразу, что на небесах все только и могут, что говорить о море, – неспешно произнёс он, как будто закинул удочку с пустой наживкой.

– Откуда это?

– Не помню. Тебе не кажется это абсурдным?

– Имеешь в виду, видя такое классное небо, думать о воде?

– Нет. Я о том, что верующие – психи.

– Не тебе об этом говорить.

– Нет, я серьёзно. В мире галактик, звёзд и вселенных,

они спокойно себя чувствуют, думая, что за ними каждую секунду кто-то наблюдает. Это же такая жуть. Всегда быть под наблюдение.

Луиза даже повернулась:

– И это *ты* говоришь? Паш, – она даже тихо рассмеялась.

– Если ты про Систему, то он её хотя бы можно скрыть-ся. А как скрыться от всевидящего Бога. Имею в виду в той интерпретации, которую преподносят его последователи.

– А ты подумай об этом иначе... – начала Луиза, мечтательно разглядывая мрак созвездий. – Ты это не человек. Ты – это один единственный окуляр – щёлка в пространстве, через которую человеческая душа смотрит в этот мир.

– От таких сравнений хочется только неприлично шутить.

– Что?.. – улыбнулась она, ещё даже не услышав шутки.

– Ну, что мы все вышли из такой щели, но обратно зайти вряд ли сможем.

– Это как-то... уничтожает всё таинство живорождения.

Паша хмыкнул под нос. Эти их разговоры всё равно ни к чему не приводят, и спорить особо нет смысла. Только если подтрунивать друг над другом, хорошо, что хоть в этом они сошлись как кусочки мозаики.

Луиза тоже об этом подумала. Разговор ради разговора никогда не был её сильной стороной, она тоже предпочитала болтовне спокойную тишину, но именно сейчас говорить об чём-либо было легче, чем молча думать о том, какая она трусиха.

Она так и не нашла в себе сил признаться Паше. Даже у неё дома было столько возможностей элементарно начать тот самый разговор, но что-то мешало.

А потом родители... не опять, а снова, со своей верой в то, что в больнице ей станет лучше. И последующие перебежки с места на место. Всё это больно ударило по хрупкому миру в её голове, и там вновь обосновался хаос. Думать ещё и о борьбе Паши получалось с переменным успехом.

– Почему *Луиза*? – вновь завёл свою шарманку Павел, через силу отворачиваясь от небосвода. Не то, чтобы это его сильно интересовало, больше волновало то, почему девушка скрывала это. Что могло таиться в имени. Девушка не отвечала, и он доверительно взял её за руку: – Эй, это что-то тяжёлое? Если да, то так и скажи, мне просто любопытно и ничего более. Если это больная тема, я отстану.

Она почувствовала, как ему неловко. Он дёрнулся, чтобы выпустить её руку, и ей пришлось самой удержала её в своей ладони.

– Это... – начала она. Волнение подступало к горлу. В носу засвербило. – Это не так важно. Мне просто так легче.

Он сжал её кисть, и от этого стоило бы улыбнуться, поблагодарить, но она не могла.

– Я расскажу, если ты расскажешь про Софию? – попросила она вместо этого.

Не ожидавший нападения, Паша даже вздрогнул. Когда он

успел назвать ей имя девушки?

– Ты точно знаешь больше, чем должна, – заключил он, недовольно возвращая взор к звёздам.

– Даже если и так, я всё равно бы хотела услышать это от тебя, – проговорила она и решила пойти на маленький уступок перед своей совестью: – Когда Григорий попросил присмотреть за тобой, он упомянул твою бывшую девушку и то, как тебе было тяжело одному...

Паша цокнул на эту непрошенную заботу его друга. Вечно он понимал больше и знал всё наперёд. Так что ж он тогда не предусмотрел свою смерть и позволил Паше вмешаться...

Ответ он уже вряд ли узнает.

Луиза успокаивающе погладила пальцем его кисть. Паша повернулся к девушке и посмотрел в приглушённые зелёные глаза. Что его останавливало? Вряд ли Луиза могла бы причинить вред ему или его памяти, а узнать тайну имени девушки хотелось намного больше. Чем-то он должен был пожертвовать.

– Ладно. Договорились, – выдохнул он и обратился к своим воспоминаниям. – Я могу начать с самого начала.

– Хорошо.

– Тут особо не разгуляешь. Мы встречались относительно недолго. Около четырёх лет назад. Быстро съехались. Жили вместе. Были влюблены. Вероятно, я слишком сильно привязался.

Луиза тихо слушала его, и Паша подумал, что сухие факты

её мало интересовали. Не открыл он ей тайны фокусов, но он и не фокусник.

– Она была не такой, как все, – затем произнёс он. На смешок со стороны собеседницы он не отреагировал. – Видела бы ты её моими глазами, ты бы так же говорила...

Фразы отрывочные. Образы липкие. Никакой конкретики он не давал, так с чего бы Луизе верить, подумал парень.

– Она... заботилась о чужом мнении не больше, чем это нужно. И спускала другим с рук грехи, потому что всех всегда жалела. Она вообще многое понимала.

– Ты рассказывал ей? – произнесла Луиза, и Паша осёкся тут же. Он не хотел, чтобы Луиза истолковала его посыл неправильно.

– Я не рассказывал ей о том, что сидит у меня в голове. Это было такое время, когда даже я об этом больше не думал. Меня поглотили чувства. Буквально волной нежности смывало от нахождения с ней рядом. И когда её не стало... Только тогда я понял, как это всё устроено на самом деле. Как устроена Система. Всё будто встало на свои места.

– То есть... – начала она.

– Нет. Чёрт. Она не стала причиной. Я сорвался не из-за неё и не благодаря ей. Просто так сложилось.

– Случайная неслучайность, – хмыкнула она. Он замолчал, поднимая взгляд вверх.

– Знаешь, как мы с нею познакомились? Она встретила меня вечером в парке. Она была немного пьяна и рассуждала

о Ван Гоге.

– Что она говорила?

– Тебе правда интересно?

– А ты помнишь?

– Помню, – кивнул он осмысленно. – Она зачарованно говорила о том, что Ван Гог был смелым в своих работах. Он шокировал своих современников. Ты знала, что во времена Ван Гога никто до него даже не смел рисовать ночное небо?

– Почему?

– Время язычников, время веры в идолов и божью кару. Ночное небо – это сокровение. Запечатлеть его на холсте, значит публично выступить против всего устройства общества... Он был творцом. Он умел рисовать не хуже Да Винчи, но его видение сделало его особенным.

– Ещё он, кажется, ел жёлтую краску?

– Да, токсичную. Поэтому этот цвет преобладал на картинах. Но кто ж знал, – пожал он плечами.

– Твоя очередь, – после небольшой паузы добавил он. Вроде бы она спокойна. Давить на неё хотелось в последнюю очередь. Это из него клешнями тянуть надо, а к другим он менее требователен.

– Меня зовут Мария.

Паша кивнул. Зафиксировано.

– Имя Мария, как победительница. Парное к имени Марьяна.

– К чему это ты? – непонимающе спросил он.

– Мария и Марьяна были неразлучны, – более тихим голосом произнесла она. – Они были словно две частицы одного целого. Они могли понимать друг друга без слов. – Луиза скосила взгляд в его сторону. – Знаешь, какого это, потерять часть себя? Марию, как червя, разрубили пополам, – несмотря на кривую ухмылку Луизы, улыбаться он не мог. – Это была *случайность*, как ты любишь говорить. Они играли на озере ранней зимой. Всего-то надо было, поскользнуться и упасть, и в мгновение ока Мария осталась одна. Она даже не успела ничего понять. Родители были шокированы. Но затем как будто отошли. Изо всех вид делали вид, что ничего трагического не произошло. Никого не винили, но и не давали забыть. Постоянно напоминали. В годовщину рождения поздравляли Марию и всегда поднимали тост за Марьяну. Говорили, как жаль, что Машенька осталась одна. А Мария чувствовала, будто умерла вместе с сестрой. Остался огрызок человека, который ничего не может. Мария и Марьяна как инь и янь. Как две ноги от одного туловища. А на одной ноге ходить невозможно.

Она засмеялась, но так неискренне. Подняв одну ногу к небу, Луиза погладила рукой больной сустав.

– Сраная ирония, да?

Паша взял её за руку. Всё, что нужно, он услышал, но если

Луиза готова продолжать, он выслушает всё.

Небо содрогалось от её тихих рыданий, когда девушка положила голову ему на плечо.

– Я огрызок человека.

– Не нужно. Лу. Ты молодец. Ты справляешься прекрасно. Лучше, чем кто-либо смог бы. Ты такая молодец.

С ним непривычно. В один момент он слишком близкий, понимающий, в следующий момент отталкивал. А затем опять давал приблизиться и почувствовать безопасность. Кажется, они – два искореженных человечешки, которые не научились вести себя нормально. Нахрена они вообще здесь? Какой в этом смысл. Почему он позволил ей просто взять и расплакаться на своём плече. Откуда столько заботы. На некоторое время, общаясь с ним, она поверила, что сможет быть *нормальной*. Как все. Просто, чёрт возьми, чувствовать себя нормальной, живой, сильной, а не фриком, выделяющимся в толпе старшеклассниц.

Луизу сторонились всю жизнь. Окружающие словно видели насквозь через зелёные глаза все её неудачные попытки исправиться и стать лучше. Но по прошествии лет Луиза поняла, что они «всё знали». Соседи, учителя, сверстники. И она не могла отгородиться от этих мыслей. Пришлось просто принять то, что она бракованная. Лишняя в этом мире.

– Не бойся. Хуже, чем было, уже не будет, – пообещал он, проводя пальцами сквозь спутанные чёрные волосы.

– К твоему обещанию даже не придрататься, – она шмыгнула носом. Паша вздохнул полной грудью.

– Я понятия не имею, что нас ждёт и будет ли всё хорошо в итоге, но что-то всё равно будет. Ты ведь уже такой путь прошла, ты стараешься. Твоя сестра... Она всё ещё жива. Где-то в твоём сердце. Я даже не срастил, когда увидел ваши семейные фотографии.

– Там, где были две девочки?

– Да. И они как две копии. Были и одиночные портреты, но там я не понял, что вас две.

Тепло с ним. Даже стыдно, что он с ней возился, как с хрустальной. Не хотелось быть настолько слабой. Не хотелось больше ничего скрывать от него.

– Я должна тебе кое-что сказать, – набрав полную грудь воздуха, произнесла она. Пришлось даже сесть, чтобы смотреть на парня было удобнее. Лучше выпалить это сейчас, пока она не растеряла всю уверенность: – Гриша передал мне информацию для тебя.

Паша нахмурил брови, но комментировать не спешил, и она продолжила:

– Одна женщина открыла ему глаза на то, что представляет из себя Система, но было слишком поздно, и Гриша не смог тебя предупредить, потому что на него напали и лишили памяти, – опасно пересказывала она. – А когда он вспомнил... Он боялся, что не успеет тебе рассказать. Поэтому он хотел, чтобы ты тоже узнал всё от этой женщины.

Он передал её имя.

Паша почувствовал укол предательства:

– Почему он не мог со мной поговорить?

– Я не знаю, Паш! Он выглядел таким напуганным. Мне кажется, он увидел что-то пугающее в ту ночь.

Она не хотела рассказывать, что первой мыслью приняла его за сумасшедшего (иронично), когда Григорий поймал её у палаты, и отвёл в тёмный угол коридора, чтобы прошептать прямо на ухо. Эти замашки маньяков никого не смогли бы расположить к себе, но почему-то она поверила Грише. И поверила тому, что он рассказал про Пашу. А затем он бросился бежать, косясь на камеры, висевшие под потолком.

– Ты поймёшь, когда познакомишься с той женщиной, – она попыталась положить руку на плечо, привлечь убегающий от неё взгляд, а парень только молча сверлил горизонт перед собой, как будто само пространство вокруг вслед предавало его своей мирной атмосферой. – Прости, Паш... Я боялась твоей реакции.

– А сейчас что изменилось?

Луиза опять ощутила холод. Он сорвётся и уйдёт. Он точно бросит её одну.

– Ты заслуживаешь знать правду. Чтобы не мучиться в догадках. Ты не должен терять веру в Гришу. И мне кажется, он был не в себе...

– Да когда же вы успели так познакомиться?! – не сдержался он. Луиза почувствовала тиски на горле. Нога опять

заныла, несмотря на обезбол.

– Её псевдоним Варвара Преображенская, – просто закончила она, зная, что через эту пропасть вряд ли получится перекинуть мост.

Паша глубоко вдохнул. Возмущение перекатывалось во рту, готовое вырваться на ни в чём не повинную девушку. Увидев её болезненный закрытый взгляд, он передумал, мигом поднялся с места и пошёл в номер. Луиза проводила его глазами, мысленно благодаря его за терпение.

Когда она уже замёрзла сидеть одна, пришлось тоже вернуться в номер. Опираясь на дурацкую советскую швабру, она доковыляла обратно, во второй руке держа свёрнутый плед. Тишина расползлась по всей комнате, а кривоватая фигура, стоящая на балконе, намекала, что подходить к ней не стоит. С улицы несло запахом сигарет и отчаяния. Она легла в кровать. Попытки сдержать слёзы были напрасными.

Она скучала по временам, которых не помнит, и по своим миссиям в мире, которые не исполнила. Когда-то в детстве мать говорила им, что в день рождения ребёнку давался шанс увидеть всю свою будущую жизнь. А «дежавю» – это то, что он смог запомнить. Луиза так сожалела, что не запомнила ничего. Вообще ни капельки. Зачем вообще тогда позволять человеку видеть жизнь, если память об этом сотрётся. Хотела бы и Луиза знать, чем закончится её век. Кто придёт к власти. Найдут ли лекарство от СПИДа. И как будет выглядеть её дочь.

Ей ни к чему быть пророком, она бы просто хотела быть уверена, что в её будущем будет место свету. Хотя бы самую малость – чтобы знать, ради чего сражаешься и поступаешь ли правильно...

Часть 31. Закон жанра

Дорожные знаки пролетали мимо с заметной регулярностью. Сна не было ни в одном глазу, однако Паша с запозданием понял, что если только что был 55 километр, а сейчас 50, значит где-то он не прав. Пока он клевал носом и медленно моргал, пролетали мили.

Путь в никуда. Они неслись по шоссе на бешеном энтузиазме Луизы, под разговоры дружелюбного дальнобойщика, что согласился их подобрать.

Из открытых окон тянуло солёным маревом августа.

– Злишься? – повторяла задумчиво девушка каждые минут двадцать. На что парень даже не отрывался от созерцания горизонта в лобовом стекле и просил: «не сейчас». Из магнитолы играла приемлемая музыка. Они сидели в кабине с грузом, рядом с расстеленной лежанкой, на которой спал второй водитель-сменщик. Ребятам оставалось слоняться в замкнутом пространстве, голодными глазами поглядывая на любые одеяла, на которых можно уснуть.

– Не злюсь, – сдался он. – Но было бы лучше, если бы ты рассказала это раньше. Мы бы сразу могли не терять времени. А сейчас нам тревожно. Приходится торопиться и соглашаться на опрометчивые варианты, – Паша кивнул на спальное место, где похрапывал водитель.

– Ты же сам их остановил! Не думала, что ты такой брезг-

ливый, – возмущалась она щёпотом. Пусть он хоть ругался с ней, главное, чтобы разговаривал.

– Думать – не твоя сильная черта, Лу.

Тепло разлилось в груди от этого сокращения, и девушка не могла найти этому причину. Вдали пролегал лесок, который вполне мог бы послужить их временным укрытием и манил своей безопасностью, но Паша, наверняка, откажет ей во временной передышке. Да и не факт, что следующий водитель будет лучше. Этот всего лишь дымил в окно, пьяно моргая, рассказывал о жене и прибавлял громкость на магнитоле. Луиза хотела думать, что моменты, когда машину чуть клонило вправо, – ей почудились.

– Как ты думаешь, что это за женщина? – спросила наконец она. Ведь как-то же они выбрали направление из всех возможных вариантов.

– Гриша упоминал кое-кого. Ещё до того, как он попал в больницу. Сказал, что наткнулся на некую женщину *совершенно случайно*, – он выделил последние слова скептической интонацией. – Но как потом обстояли их дела, я не знаю. Последнее сообщение его было о том, что он *узнал правду*. И перестал отвечать на сообщения. Не появлялся в сети. Я поехал к нему, и до меня дошла новость, что он в местной клинике, в реанимации психиатрической больницы.

– А как ты... решился на это? – Луиза кажется уже и так всё понимала, но разговор хотелось продолжить.

– А как ещё я должен был поступить. Я потерял с ним

связь и не знал, что делать. Я волновался. Да и, честно признаться, это не такое уж и чуждое мне место...

– Что ты имеешь в виду?

– Мне тут самое место, я думаю. Я не рассказывал доктору Крашнику про Систему. Но возможно, чуть дольше находишь я в клинике, он бы узнал и смог убедить меня в бредовости этой мысли. Я ведь и сам порой теряюсь. Теряю веру в то, что то, что я вижу и замечаю, реально, а не является плодом моего воображения.

– И что тебе помогает?

– Само проводит. Какая-то тревога. Но такие моменты случаются крайне редко. Как волнами накатывает.

– Я понимаю, – только успела проговорить она, как второй водитель зашевелился:

– Да завалите вы, дайте поспать.

Угрюмый тон не сулил ничего хорошего, и смеяться не хотелось. Паша пообещал, что они больше не будут, и затем откинулся всё же на стенку кабины, встречаясь лопатками с металлической опорой. Рядом сидела Луиза, подтянув к себе травмированную ногу. Утром они по видеоуроку с хозяйского ноутбука попытались качественно надеть бандажную лонгетку, но судя по всему, слишком передавили или недостаточно затянули – нога ныла на кочках. А справа стояла дорожная сумка. Её они тоже выкупили у хозяйки мотеля. Набрали достаточно еды и своих вещей, обезболивающих и дорогуший бандаж на голеностоп, сменного белья и полотенец.

ца. Сильно не разгуляешься. Он придвинул одной рукой к себе эту сумку, а второй рукой притянул девушку, чтобы она могла улечься ему на грудь – стена кабины слишком холодная.

– Отдохни. Успеем ещё наругаться, – неторопливо произнёс он в затихший чёрный затылок.

Путь был недолгий. Им нужно было вернуться в город, откуда они поспешно бежали двое суток назад. Гриша встретился с Варварой Преображенской где-то недалеко от дома. Значит она жила неподалеку. Главное, чтобы теперь они не попадались на глаза работникам больницы или полицейским, или родителям Луизы. Ведь и больница, и дом девушки тоже были в черте города, угрожая затянуть их обратно, как дом Пеннивайза.

Дальнобойщики высадили их у трассы, продолжая свой нехитрый путь. Паша не помнит, везут ли они бананы в Амстердам или мебель в столицу самоваров. Водитель вообще столько говорил, что Паша не уверен, что тот сам понимал, что нёс. В какой-то момент анекдоты сменились тихой музыкой, и они вообще уснули.

А теперь им предстоит тормозить новую машину или идти пешком. Но Луиза с этой гребанной шваброй далеко не ускачет. Может, и ускачет, но Паша не хотел проверять её

способности. Та, скорее всего, в процессе упадёт, порежется, подавится или расшибет себе нос, как минимум. Хотя она и заверяла, что она не из таких людей. Но Паша понял уже по их совместной удаче, что тут один лучше другого, и обоим ждёт конец, если они не будут смотреть в оба.

– Давай на вокзале пересидим? На теплотрассу не пойду, сразу говорю, – предложила девушка. У Паши вариантов даже таких не было. Кроме одного:

– Мы могли бы пойти к Грише домой, – попытался он. – Я не раз был у него, хоть и общались мы больше по сети.

– Ну... Если... Если ты готов, если для тебя это будет нормально, то давай, – осторожно произнесла Луиза, опираясь на швабру посреди вокзала. – Не думай обо мне, мне везде будет *нормально*.

Паша и сам хотел бы, но был ли он готов... А если там кто-то будет? Всё-таки два дня прошло, возможно, кто-то из его родственников приехал. Возможно, похороны в самом разгаре.

– Давай поедем, – сдался он. Они же могут быть осторожными, если постараются. Больше идти некуда и, собственно, не особо хотелось.

Они дождались любезного деда, везущего с дачи помидоры. По дороге трясло и пахло плесенью, но всё лучше, чем

ничего. Паше есть, с чем сравнивать это «ничего», так что он даже рад. Такси без телефонов они вызвать не могли, а перебираясь зайцами, натыкались только на *это*. От них воняло. Надо будет постирать вещи. Поспать. Поесть. Паша строил план дел, пока они добирались просёлочной дороге к нужному дому. Коттедж Гриши тоже был в жопе мира на окраине города. Никаких машин рядом припарковано не было. Машина самого Гриши, должно быть, в гараже.

Парень ввёл код на воротах, и дверь без проблем открылась, впуская их на участок. Было странно быть здесь без самого друга. Чувства неправильности и вины закололи под ребрами, но Паша постарался их не слушать. Луиза с интересом осматривала фасад двухэтажного домика, обнесённого высоким забором, и не комментировала ничего. Ей казалось, что у каждого такого дома должна быть собака. Но если Паше ещё не откусили задницу, значит всё было в порядке. Они подошли ближе. Паша заглянул внутрь через окно, но ничего интересного не увидел. Дом как будто задышался от пустоты и пыли.

Солнце уже садилось, и иного пути Паша не видел:

– Нужно вскрывать дверь.

Девушка удивленно подняла брови:

– Что ты там увидел?

– Огромную кучу *ничего*. И ни следа от того, чтобы кто-то приезжал. Может, его родственникам ещё никто не сообщил? – с надеждой произнёс он.

«Или у него никого нет», – закончила за него мысль Луиза.

Они поднялись на крыльцо, Паша помог Луизе забраться на высокие ступеньки, и девушка с интересом приготовилась ждать, какие же ухищрения придумает парень, чтобы взломать дверь. Не будет же он её выбивать. У Паши с этим плохо, судя по тому, как он не смог взломать дверь ординаторской.

– Помочь? – попыталась она.

Но Паша с видом мудреца присел на корточки, заглядывая в замочную скважину. Широкая спина закрывала весь обзор, и Девушке приходилось заглядывать, чуть ли не падая на него.

– Да стой ты спокойно, – попросил он шёпотом. Затем замок повернулся раз, затем ещё раз и ещё, и дверь открылась. Паша поднялся с колен и с непоколебимым видом отряхнул спортивные штаны. – Что? – не понял он.

– Эффектно, – отметила Луиза и заглянула внутрь. – Как ты это?..

– Он ключ запасной хранит под досками у самой двери, – пожал он плечами и вошёл внутрь.

Далее они обследовали дом на предмет хоть какой-то живности. Все, кто мог бы быть, либо стали каннибалами по своей животной натуре, либо сдохли от голода, как те крысы, валяющиеся на кухне. Приятного мало. Паша включил те-

левизор, чтобы увидеть время. Сразу попал на какой-то новостной канал. Выключил. Пошёл на кухню.

– Я так устала, что с ног валюсь, – предупредила Луиза, осматривая интерьер квартиры. Судя по всему здесь жил одинокий затейник. Особого захламления не было только за счёт того, что личных вещей не накопилось. – Он вёл аскетичный образ жизни? – внезапно спросила она. Паша обернулся от шкафчиков на кухне, пока искал что-то удобоваримое для них.

– Он это всеми силами отрицал, – с улыбкой подтвердил парень. – На самом деле, мне кажется, что вещи его привязывали к месту. А мысль о том, что можно в любой момент скинуть в сумку всё необходимое, успокаивала.

Девушка кивнула.

– Да, к его мировоззрению, конечно, есть вопросы, но в целом, он прав, – легко произнесла она. Хотелось поддержать разговор. Хотелось, чтобы Паша знал, что может с ней поговорить о Грише точно так же, как мог о Софии и обо всём том, что его терзает. Паша подошёл к ней ближе, задумчиво комментируя :

– Нравится, что он никого не учил жить. Меня привлекают такие персонажи. Даже если с виду мрачные мерзавцы, на деле они – лучшие люди.

– Гриша – персонаж? – уточнила она. Паша просматривал пустую полку, где валялись старые наушники, провода и пыль. Тут же лежал старый кнопочный телефон. Надо будет

его проверить.

– Иногда мне казалось, что он нереальный. Ведь в жизни чаще бывает наоборот: все улыбаются, все милые, как с обложки, а творят мрак. Порождают собой лицемерие.

– Ты о ком-то конкретном? – задумалась она, – ты что, на меня намекаешь?

– Что... вообще-то, нет. Правда. Всё в порядке, – он потрепал дружелюбно её между лопаток. – Сначала ты меня выносила, но потом стало понятно, что так на тебя реагирую не из-за ненависти.

– А из-за чего?

Из-за молчания Паши стало не по себе. Этот разговор не должен был скатываться в неловкость. Он же не мог в самом деле так просто, ни с того ни с сего заговорить о симпатии?..

– Из-за всего сразу. Я чувствовал себя растерянно и не думал о чужих чувствах. Хотелось грубить и дерзить. Я боялся привязываться там к кому-то. Да и сейчас боюсь. Но тебе не о чем переживать, – аккуратно объяснял он, затем поднял взгляд прямо на неё: – Прости, что начал это.

Она совсем ничего не понимала. Это самый странный разговор за всю ее жизнь. Без преувеличений. И должно было, это отразилось на её лице.

– Не парься об этом, Лу, я вижу, как натужно ты перевариваешь информацию, – он улыбался. Сомнительный и непонятный. – Не о чем беспокоиться. Ты не камень на дне моря, к которому я привязался. Я просто так всегда на новых

людей реагирую. Двойко.

– Ты ведь прямо разговаривать не умеешь, да? – от отчаяния выдохнула она. То, как он пытался её успокоить, делая еще хуже, удивительно.

– Ну да. Зато не скучно, – он вернулся к своему прежнему занятию, разбирая их вещи из сумки. – Теперь ходи и оглядывайся.

– Тебе же прям *нравится* бесить, да? – восхитилась она, присоединяясь к нему. Она нашла две тарелки и две кружки, сполоснула от пыли и выложила им ужин. Купленные блинчики из одноразовой упаковки и чай с чабрецом. В процессе они немного потолкались плечами и уронили пару ложек, но справились.

Чем дольше они обходили тему смерти Гриши, тем спокойнее было. Однако вечно от этого бегать нельзя.

– Если сюда никто и не приедет? – начала Луиза, когда они сидели на диване у выключенного телевизора и пили чай. После очередной долгой паузы, Паша сподобился ответить куда спокойнее, чем она ожидала:

– Я не знаю. Я вообще ни о чём уже не могу думать. У меня до сих пор ощущение, что на хвосте кто-то сидит, и если мы расслабимся, нас тут же схватят.

– Ладно, – она могла принять такой ответ. Это хотя бы не шло вразрез с её мироощущением и вселенской усталостью.

– Я нашёл его дневник, – пояснил Паша следом. – Надеюсь, он оставил подсказки.

Луизу взбудоражила эта новость. И он молчал?

– Только не сейчас. Я утром посмотрю. Уже ночь скоро, голова совсем не варит. А с его навыками в головоломки, у меня, скорее всего, мозг взорвётся. Я правда не хочу...

Она улыбнулась ему уголками губ и кивнула. Так и порешали. В конце концов от одного дня никто не умрёт больше. Они и так тратили время впустую, пора бы перестать чувствовать за это вину.

– Тогда я первая в душ.

По всем канонам, спать им предполагалось вместе. И не столько от холода, не столько от отсутствия иного спального места, сколько от общей тревоги, окутывающей дом мёртвого человека, в который они забрались. Луиза категорически отказалась спать одна, а Паша особо и не сражался.

Не дети же. И родители за стеной не спят. А одиночество порой заставляло падать в объятия ближнему с распротёртыми руками. Почему-то Луиза не переживала, как это обычно бывало. Последний раз она делила с кем-то спальню много лет назад, и было это с Марьяной. С тех пор беспокойные сны были неотъемлемой частью её жизни, к которой легко привыкнуть.

Сначала они лежали на спинах, каждый под своим одеялом, пока Луиза сама не сдалась, придвигаясь ближе.

– Я ж это... Могу тебе доверять? – спросила она, прежде чем улечься ему на плечо. – Всё ж по-братски?

– Если ты сомневаешься, тогда почему лежишь здесь? – с усмешкой спросил Паша. На часах давно за полночь.

– Я не сомневаюсь, но знаешь, хотелось бы словесного подтверждения. Как сделку заключить.

– Поцелуем?

– Ты ж не дьявол.

– Я больше менеджер по продажам, – он приобнял её и уже спокойнее подвернул одеяло, укрывая девушку. Только нога лежала раскрытая, почти свисая с кровати, не опасаясь, что монстр схватит и утащит. – Тебе не о чем волноваться, – тихо объяснил он. – Даже при всём желании, Лу. После тех таблеток, которыми нас пичкали, я вообще не скоро оправлюсь, если ты понимаешь, о чём я.

Он замолчал, и Луиза понимающе не стала комментировать это никоим образом. Вроде бы это понятные для таких, как они, побочки, но всё же тридцатилетнему парню это может приносить дискомфорт не столько физический, сколько моральный.

За такую искренность хотелось расплыться патокой. К щекам прилил жар, и сердце забило чаще. Всё-таки немножко он ей и нравится, и его странности больше привлекали, чем отталкивали.

Однако поспать без сновидений всё равно не вышло.

За несколько часов, пока Паша то дремал, то бодрствовал, Луиза вздрагивала во сне и просыпалась, каждый раз хватаясь то за его руку, то за одеяло. Паше оставалось только успокаивающе держать её и не давать сильно лягать его больной ногой – от этого она тоже пару раз просыпалась.

Выспаться он так и не смог, но чувствовал себя отдохнувшим.

Часть 32. Предостережение

Спина болела, и это первое, чему удивился Паша по пробуждении. Зато голова не болела. Тяжёлый чугунок, который невозможно оторвать от подушки, не мог болеть.

Мыслей не было. Связных мыслей не было. Ничего оформленного не было. Калейдоскоп образов мелькал перед закрытыми глазами. За прошедшую ночь снились разные сны – и все они так или иначе пытались ответить Паше на насущные вопросы:

«Что делать дальше?»;

«Как поступить с Луизой?»;

«С какой целью вообще дальше жить?».

От них не отмахнуться, но и разбирать их он был сейчас не в состоянии. Паша аккуратно переложил руку Луизы на кровать, чтобы наконец встать и выйти из спальни. «Лежать в болоте из мыслей бывает смертельно опасным занятием в тревожной ситуации», – так говорил доктор Крашник. Ещё он перечислял методы, как успокоиться и отвлечься, но те советы Паша, как самый главный молодец на районе, не запомнил.

Хотелось уже хоть как-то оправдать своё существование, но он всего лишь человек, который запутался в том, во что верил, что хотел и чего ждал. От бездействия, оказывается, тоже могла ехать крыша. Он не Гриша. В нём нет столько

мудрости и уверенности. У него только был доступ к дому Гриши, к двери Гриши, к его дневнику и его воспоминаниям, но он никогда не смог бы стать им. Не удивительно, что Гриша познал этот мир первым. Паша не выбирал себе в кумиры абы кого.

Парень устроился в гостиной и держал злосчастный дневник в руках. Как и обещал, он заставит себя открыть его, но непроснувшийся мозг вяло сопротивлялся. Если бы не Луиза, он бы ещё долго фокусировал взгляд на форзаце, словно это дневник Тома Реддла. Она проснулась немногим позже, выглядела менее свежей и справлялась с утренней рутинной с явным недовольством. Паша кротко наблюдал за ней и удивлялся. В один момент она способна загрузить его мыслями и перевернуть сознание с ног на голову, а в следующий она недовольно ворчит о том, что кофе имеет привкус жареного ботинка, и не может включить индукционную плиту. В ней не было этой приятной девичьей красоты, но внимание она неизменно притягивала своими угловатыми конечностями или неловкой походкой вприпрыжку на швабре. Девушка, завидев то, над чем он корпит всё утро, подошла ближе и выхватила дневник у него из рук. Он даже возмутиться не успел. А она раскрыла сразу на самом неопределённом моменте – на середине. И положила в руки Паши.

– Ну вот, самое сложное позади. Дерзай, – она хлопнула его по плечу. – Чего ты боишься-то? Думаешь, он бы осудил тебя? Вряд ли, – и закончив на этом, она спешно ушла,

словно поняла, что натыкала не те кнопки на плите и, скорее всего, оставила её включённой.

Им точно нужен будет перерыв после этого. Какой-нибудь санаторий или профилакторий. Исккупаться в настоящей грязи, а не метафорической, и не думать о том насилии, которому они подвергали свои мозги.

Он отлистал дневник на первую страницу.

По классике, читателя встречал эпитаф:

*«Не мёртво то, что в вечности живёт,
Со смертью времени и смерть умрёт».*⁵

Паша даже засомневался в истинном авторстве и оттого поспешно перешёл к начинке.

Но читать было не то чтобы сложно... Просто он понимал одну единственную вещь – автор написанного был готов к тому, что дневник может стать объектом всеобщего достоинства.

– Это не почерк, а метод шифрования какой-то! – проворчал Паша. Почерк настолько *хорош*, что даже автор не знал бы, что написал, если бы хоть приблизительно не помнил, о чём речь.

Паша пробежался по записям глазами раз. Другой. Третий. Однако смысл строки не обретали, предпочитая дожидаться другого Индиану Джонса.

⁵ «Зов Ктулху», – Г. Лавкрафт.

Только выборочные строки получалось угадать, над которыми хоть как-то старались:

«Восставший может погрузиться в бездну, а погрузившийся в бездну может вновь восстать».

«Одно дело преследовать нечто безымянное, но совсем другое – найти его».

«Человек никогда не был единственным обладателем сознания на Земле, ибо из тьмы рождаются образы, которые посещают немногих верных и верующих».

Может, он прочёл неправильно, но даже так это звучало жутко. Паша был готов сдаться, если бы Луиза не подседела рядом, приковыляв со своей шваброй в одной руке и с самодельным сэндвичем в другой.

– Ну, что там? Масоны? – спросила она, прожевав часть слов.

– Нет. Но из него бы вышел неплохой криптограф для Системы. Каким именно кодом он решил пользоваться, знает только он, – с сожалением выдохнул Паша. Луиза заинтересовалась:

– Ты... имеешь в виду, что он мог зашифровать его от тебя?

– От кого угодно, – Паша произнёс это с лёгкой тоской. Он потерял друга. Оказался в тупике. Теперь запутался в ловушке из знаков и не мог расшифровать одно единственное послание, что оставил друг.

– Давай я посмотрю? Человек со стороны тоже должен

взглянуть. Хотя я не понимаю, что он может скрывать от тебя, – задумчиво протянула девушка. Паша с усмешкой передал ей дневник, который она тут же стала листать.

– Говоря «шифр», ты имел в виду, что он как курица лапой пишет?

Паша кивнул.

– Ладно, какие-то слова угадываются, хотя бы очевидно, на каком языке он писал, – как нечто важное заметила она, – но если смотреть в целом...

Никакой маркировки. Ни дат, ни символов. Скорее всего одна мысль была ограничена одной страницей. Ни красных строк, ни белых абзацев. Не было в этом ни грамма текста, только чистое послание. Шифр и страх.

– Может, он пьяный писал? – спросила она, наконец, вынеся этим свой вердикт.

– Надеюсь, нет.

– И что... Вы никогда не обменивались посланиями? Не придумали свой собственный язык? – повторяла она мысли Паши. Он покачал головой. – Зря. Но ты всё равно вспомни. Может, он любил какой-то фильм или книгу, откуда взяты эти строки? – она указала на эпиграф. – Или вы обсуждали что-то такое? Вы вообще почему подружились? – непонимающе закончила она, вероятно, от неловкости, ведь Паша всё это время задумчиво за ней наблюдал..

– Может, дневник и не нужен? – внезапно подумал Паша. – Мало ли, что он хотел запечатлеть на бумаге.

– Тогда что нам остаётся?

– Ну не знаю. А эта... Варвара Преображенская, может, обычный человек. Может, поискать её в соцсетях? – пожал он плечами.

– Слабо верится, но от того и меньше хочется узнать на самом деле. Вдруг эта хитровыдуманная лажа и яйца выеденного не стоит, – произнесла Луиза, дожевав наконец бутерброд из двух кусков хлеба и неведомой абрикосовой начинки. – А ты-то всё ещё хочешь этого?

На вопрос не ответили, и она тяжело выдохнула через ноздри.

Скоро она совсем потеряет желание сопереживать. Не верить, что она позволила себе быть втянутой в это. Какой-то маразм. Она ведь собиралась начать новую жизнь. Собиралась стать счастливой вопреки, а не благодаря судьбе. А теперь она сидела и слушала бред парня, который за очень короткое время сумел стать для неё кем-то близким. Она даже не могла подобрать этому название. Он просто рядом, он защищает её от неё самой. Он кажется достаточно сильным, чтобы на него можно было первое время опираться. Не как человек-костыль, нет. Как наставник, что ли. Как кто-то, кто может дать совет и остаться, чтобы проследить, последует ли Луиза данному совету или нет.

Очень странное равнодушие, с которым девушка прежде не встречалась.

– Может, ты и права, – проговорил он, а Луиза и не пом-

нила, в чём она права. – Надо мыслить шире и уже одновременно. Он такой был, – улыбался своим мыслям Паша. – С причудами.

– У меня слов нет, – покачала она головой. Желания ругаться или поносить на ветру чужое безрассудство не хотелось. Хотелось отключить мозг. Хотелось уделить время себе. Закрыться в свою нишу и позаботиться о *своём* благополучии.

– Ты серьёзно? – возмутился Паша, найдя девушку у холодильника, допивающей третий бокал виски с колой. Она проводила его нечитаемым взглядом, и стало понятно, что он на этой вечеринке лишний.

Ну и ладно. Последний пару часов он безрезультатно прожигал взглядом каждую страницу дневника, с перерывом на чтение новостей, и от собственной неудачи чувствовал куда большее неудовлетворение. Ещё и Лиуза...

Спина ныла от сидящего положения. Голова до сих пор была тяжёлой и будто взяла выходной. А с злосчастливым переводом гришиных мемуаров – голяк.

Поэтому он отчаялся и бросил дневник на столик, уходя в другую комнату. Затем он услышал, как Луиза тут же заняла диван и включила телевизор. Ладно. Он мог бы вздремнуть. Будильник разбудит его в следующий раз, когда всё будет менее раздражающим. С самого утра же всё через одно место

пошло.

Будильник около кровати выглядел относительно аутентично, жаль, что часы замерли. Красивые такие. Паша закинул ноги на кровать, а сам повернулся к прикроватной тумбочке, из неосознанного интереса желая найти батарейки или отвертку, чтобы наладить заевший механизм. Вместо этого он разгребал бумажки, старые чеки и инструкции от лекарств, перебирая их в руках.

Закончилось это тем, что в тумбочке, помимо батареек, он нашел листочек.

*«Варвара Преображенская
+7-914-657-34-34»*

Он не мог поверить глазам.

Оказавшись перед домом ведьмы, что ты ему скажешь захотелось против воли перекреститься. Голос по телефону у неё был приятный, но с таким именем клювом не щёлкают. Паша не знал, почему до сих пор был раздражен: может, из-за тряски в такси, может, из-за Луизы, от которой несло перегаром, может, из-за себя самого.

По словам Луизы, раньше если медицина не помогала, обращались к таким вот бабкам-колдуньям. Луиза вообще непрерывно щебетала о том и обо всём, пытаясь замаскировать накотившее хмельное веселье. И добавила, что в ны-

нешнем веке все ведьмы и ведьмаки скрывались под личинами гомеопатов. Отсюда и недоказанность эффективности лекарств, и сомнительный состав действующего вещества.

Таксист оставил их на произвол судьбы, остановившись у шлагбаума. И не поспорить же. Дальше они пошли своим ходом. Пока Луиза с грацией хромой кошки, опираясь на костыль, старалась не наступать в лужи и мелкие дорожные ямки, Паша высматривал в малознакомом квартале нужный номер дома.

Вероятно, он ожидал увидеть дачу с личной теплицей, где Варвара выращивала необычные мухоморы, чтобы высушивать и делать из них ожерелье. Ампула ведьмы же что-то такое под собой и предполагало? А если и чёрной кошки нет? Скептик внутри Паши уже устал вертеться в гробу.

Женщина встретила их у названного дома, открыла инновационный домофон. Паша до сих пор чувствовал странное волнение от происходящего, ведь о таких встречах предупреждают заранее: чтобы и хозяев не заставить врасплох, и самим морально подготовиться. А так как ещё полчаса назад Паше пришлось отрывать присосавшуюся к стакану Луизу и собираться к приезду такси, то перевести дух не получалось даже сейчас.

Целительница сопровождала их внутрь, кратко знакомясь и перечисляя свои услуги и прайс-лист к ним.

Женщина как женщина. Средних лет. В спортивных штанах и байховой толстовке, не сочетающихся оттенков. Пере-

числила много своих регалий: и целительница, и ясновидящая, и рейкавница, и астролог, и нумеролог, и таролог, – так, что полное её имя вполне могло бы посоревноваться с именами Дейнерис Таргариен. В общем, совсем не походила на образ, который придумал Паша. Но как и говорится, пашины ожидания – это только его проблема.

Они без всяких заминок прошли к нужной квартире в самую обычную гостиную.

– По вашему рассказу я не совсем поняла, кто вам обо мне рассказал, – между делом произнесла она, переключаясь на гостей. Луиза немного позорила его, плетясь следом, но Паша напомнил себе, что они сами зашли в дом к ведьме, и стало менее стыдно. Наверное, к ней и не такие приходят.

Он вкратце попытался напомнить:

– Мой друг, Григорий, примерно месяца четыре назад обращался к вам. Возможно, вы его не помните. Коренастый высокий парень с отросшими волосами, – Паша окинул пальцами голову, рисуя лохматую шевелюру. – Мог говорить что-то про Систему. Про то, что ищет ответы...

– Не продолжайте, я поняла, – кивнула она. – Так ведь, если не ошибаюсь, ваш друг получил все ответы. И даже больше. Редко ко мне такие приходят... Видно, запятнал он где-то свою карму, раз везение его покинуло. Он привлёк к себе особое внимание. – Она качала головой, участливо вздыхая.

– Что вы ему сказали? – нетерпеливо вырвалось у парня. Луиза сидела в стороне, буравя взглядом комнату и изредка

бросая взгляды на хозяйку.

– То, в чём он нуждался. То, чего он жаждал услышать, – звучали ровные слова, но тем самым и зажигали что-то неприятное внутри Павла. – А чего вы жаждите? – обратилась ведьма к парню, заправляя длинные ухоженные волосы за ухо.

– Что вы ему сказали? – вкрадчиво повторил он. – Я хочу знать, что вы такого сказали моему другу, что его много раз пытались вычеркнуть из Системы?

На лице женщины отразилось понимание и вместе с тем гаденькая улыбка, которую та тут же постаралась замаскировать.

– За информацию ведь платят, – между тем сказала она.

– За причинение вреда и шаманские махинации тоже много кто платит. Причем не деньгами, – вступилась Луиза. Хозяйка дома, которая, кажется жила тут одна, перевела взгляд, взглядываясь в хмурые глаза девушки. Зелёные, как благородный изумруд, в такие же зелёно-карие, тронутые хмелем.

– Он погиб, – кратко добавил Паша, посчитав, что это надо закрепить. – И я хочу знать, почему. Разве эти секреты стояли его жизни? – требовал он, но голос так и не повышал.

– Он заплатил за эти знания рассудком. Все остальное едва ли причастно, – таинственно проговорила она. Обе девушки переглядывались, общаясь только им понятными взглядами, и Пашу это нервировало.

– Что вы хотите? – произнёс Паша и осознал в каком невы-

годном он положении. Свидетельствовать на эту женщину нечем, доказательств её мошеннической деятельности нет. Ничего нет. Угрозами они только сотрясали воздух. – Вы же наверняка понимаете, что его терзало. Что нас обоих терзало. Если это всё-таки по «вашей части». Вы последняя, кто общались с ним до происшествия. И я нуждаюсь в вас. Хочу знать, что вы... что с ним произошло? И стоит ли продолжать? – он говорил шёпотом, опустив глаза вниз. Так как он не понимал, что за человек перед ним – он с такими не сталкивался, – просчитать хоть какой-то подход к этой женщине не получалось. Представить себя на её месте не получалось. Понять её не получалось.

– Боюсь, вас огорчить. Деньги вперёд, – заявила она с непроницаемым лицом.

– Ну и сколько? – отозвалась Луиза. Ей контролировать неприязнь на лице было в разы сложнее.

– Тридцать тысяч. И отвечу на все вопросы, какие вы только сможете придумать, ребята. Так и быть, сделала скидку.

– Луиза, нет, – попросил Паша, махая рукой на открывшую было рот девушку. Чёрт с ними, с деньгами. – По рукам? Что ещё нужно? Деньги есть.

Самопровозглашенная колдунья – загадочная с одной стороны, но упёртая, как банкомат, с другой. Пока не переведёшь деньги, услугу не получишь.

Это уже можно расценить как мошенническую схему?

Он всё же попросил её компьютер, бегло объяснив, что

для перевода ему нужен доступ к счёту. Что телефон у него самого кнопочный и интернета не имел.

Женщина молча покинула их.

– Не жирно ли ей будет? – задалась Луиза вопросом. Поведение Паши её тоже начинало выводить из себя. Они команда или что? Будет он ей ещё рот закрывать.

Когда женщина появилась с небольшим ноутбуком, они затихли. Шестерёнки в голове вертелись. Экран показывал начальную поисковую страницу. Когда клавиатура оказалась под пальцами парня, он успешно вошёл в электронный кошелёк, где хранил записку на чёрный день, и продемонстрировал состояние своего счёта женщине.

– Дайте хоть что-то. Чтобы я понимал, за что перевожу деньги, – произнёс он и занёс пальцы над цифрами, готовясь вводить данные карты предполагаемой ведьмы... Кому расскажи – засмеют.

Тем не менее, Варвара вновь убрала за ухо невидимую прядь, больше по привычке, и всмотрелась в Пашу. Взгляд женщины был прищурен, словно читая мелкий шрифт с чужого лба.

– Вам предстояло пройти с ним всю эту дорогу... Но в этом не было вашей воли... Марионетки...

Паша вздохнул глубже, где-то себе на периферии напоминая, что если она считывала сейчас что-то по его мимике, то надо постараться её расслабить до нейтральной и не реагировать.

– Это вам и сам Гриша сказать мог. Это не делает вас про-рицательницей.

– Кто я, по-твоему? – внезапно перешла на «ты» женщина и наклонила голову набок. – Думаешь, фокусы буду показывать и в огненное кольцо прыгать?

– За тридцать штук, да! – психанул Паша, но тут же вернул лицу прежнее выражение. Женщина лишь подняла на это бровь. – Как же с вами тяжело... – в который раз напомнил себе Паша. В психушке и то понятнее было.

– Тяжело, так тяжело, – пожала сильными плечами она. – Выход знаете где.

– Ладно. Ладно. Давайте по-вашему. Вы знаете, что именно мне нужно. Я понял, что нужно вам. Диктуйте, – покорно и как можно доброжелательнее говорил он. Успокаивало, что он прожигал деньги и на более бесполезные и комичные вещи. Это не был его апогей.

После двукратного ввода данных, сверки и подтверждения, женщина вроде бы наконец удовлетворилась результатом.

– Так бы раньше. У меня своё ИП, между прочим.

Она встала и так же виртуозно убрала компьютер, выкладывая на стол из-под скатерти деревянную шкатулку. Со скрипом открылась крышечка, а Паша заметил цветную рубашку карт. Расклад показался непоследовательным, но знакомым.

Что ж, в покер он тоже когда-то проигрывался. Неудиви-

тельно, что этот косяк с картами теперь будет преследовать его всю жизнь, пока он не отыграется перед своей кармой.

Хотелось закатить глаза, да закатывать уже некуда.

– Давайте сразу в Блэк-джек. Но учтите, у меня утром че-салась левая ладонь, так что я вас до нитки раздену, – невпопад проговорил он. Луиза наблюдала. Варвара лишь делала вид, что её магический флёр не сбивался болтовней мальчишки.

– Так вы целительница или гадалка? Или хиромант? Или что это вообще? – голос подружки отдавал не меньшим сарказмом.

– Всего понемногу, – всё же ответила Варвара, продолжая медленно разворачивать карты. – Я на «ты» с тем миром, о существовании которого вы даже не знаете, – расплывчато намекнула она.

Карты были не игральные. Карты были с красивыми картинками.

– Ну-с. Долгая дорога вас ждёт...

Луиза шумно выдохнула через нос. Паша неосознанно болтал ногой.

– С вами та же беда, что и с Гришей. На вас ведётся охота. Сильная нестигаемая энергия. Чрезвычайно удачливая. На-двигается на вас уже давно... – сказала она, смотря в карты, а затем на всякий случай кивнула на девушку: – И на вас.

«Тридцать тысяч... Твою мать», – уже ругался мысленно Паша.

– И что? Имя есть у этой энергии? Когда она уже надвинется наконец? И как её согнуть? – проговорил Паша.

– Григорий был более учтив. Тем не менее эта сила добралась до него, – зловеще проговорила женщина. – Но вам, может, повезёт. Ведь у вас есть то, чего не было у вашего друга.

«Дыши, дыши, вдох-выдох».

– Я думаю, вы и сами знаете. Могли почувствовать.

Женщина выжидающе замолчала, и Паше, еле держащему себя в руках, пришлось натянуть дружелюбную улыбку и проговорить вслух:

– Нет, не почувствовал.

– Почувствовали, – повторила она. – За вами ходит сущность, – говоря это, женщина улыбалась, находя это не столько забавным, сколько чарующим какие-то её струны души. – Интересно...

– Это всё? Или есть что-то еще?!

– Не кричите. Сущность очень чувствительна, если вы не поняли, – чем больше она говорила, тем больше Паша поражался. В плохом смысле. – Разница между миром живых и миром мёртвых лишь в том, что живые не могут видеть мёртвых. Хотя и в этом правиле есть исключения. Вы должны принять, что души покойных следуют за нами и хотят добра, даже если видят его в своём извращённом виде. Прямо воздействовать на ситуацию они не могут, но могут запускать «эффект бабочки». Это не доказать, это можно почувствовать.

– Ну разумеется, – не сдержался он.

«Вдох-...».

– Это лишь надо принять, как данность. Мир неоднозначен. Знаете про многогранность измерений? Видимых только три: длина, ширина, высота. С помощью специальных приборов – от силы семь. С теми, что достоверно известны, но не доказаны, измерений становится уже до двадцати.

– Вы или за теологию, или за науку, вы определитесь... – произнёс Паша куда спокойнее, чем ощущал, ведь был в шоке.

– У меня своё виденье. Если задержитесь, я позволю вам узнать. Вы ведь... Ну не знаю, собственными глазами не видели, что земля круглая? Собственными глазами вы не видели, как зарождались цивилизации? Так почему же вы верите им, а в мои слова поверить не можете?

«-ВЫДОХ».

Не говоря ни слова, он поднялся на ноги с удобного кресла и быстро глянул на подругу. Луиза была отрешённой и красноречиво бросала взгляды.

– Павел, это только начало, если вы не поняли, – проговорила ведьма ему в спину, отрываясь от своих карт. – Можете не слушать, не верить, но я могу вам доказать. Свои деньги я всегда отрабатываю, – медленно произнесла она. И тут Паша взорвался:

– Вы *ёбнутая*. Такая же, как мы все. Не верится, что мы здесь... Может, зря мы вышли? – проговорил Паша уже

больше Луизе. – Давай вернёмся, а? Система, камеры, чужой расчёт, Большой Брат в конце концов – в это я мог верить. Но мистика и сущности? Не хочу в этом участвовать.

– Погоди ты, – просила Луиза, вставая с кресла и опираясь на костыль.

Он махнул рукой нетрезвой девушке. Он не сможет сейчас ещё и с ней спорить. Дурдом.

– Меня подожди, ну!

– Вызову тебе такси, – решил он. – Мне нужно прогуляться.

– Павел! Вернитесь! – кричала ведьма уже вдогонку.

Дыхание заходило в груди, мешая сердцу размеренно биться. Выйдя на улицу, он похлопал себя по карманам и нашёл сигареты. Ясный день не сулил ничего хорошего, и он спешно поджёг сигарету, тут же вдыхая дым, и зашелся кашлем. Луизу, хромую и босую, он всё же сбросил на плечи водителя, который приедет через шесть минут. Отвык он вызывать такси прямым звонком в контору. Технологии его разбаловали.

За окном часто мельком проносились машины, кидая по стенам свет фар. Каждый раз Луиза приглядывалась, внутренне бесясь от того, что всё равно ждёт Павла и волнуется. Миновал час, второй, чай в чашке больше не согревал. Опья-

нение выветрилось, выпуская на первый план слабую натуру.

Когда к воротам Гришиного дома бродягой прибилась фигура человека, было уже полночь. Луизе удалось рассмотреть это, потому что такой вороватой походкой мог идти только Паша. Она успела известить себя всю, понося на каждом слове эту псевдо-целительницу, бросившего её Пашу, Гришу, который уговорил её вписаться в это, саму себя, всю эту жизнь. Злилась за свою доверчивость и неудачливость. Злилась за всё сразу. Но когда она увидела друга, пробирающегося в сумерках к входной двери, всё накатило с новой силой.

Зайдя в прихожую, Паша понял, что бежать поздно.

– Нагулялся? – обманчиво спокойно произнесла она, сверкая зелёными глазами. И шутка про то, что они как среднестатистическая семья, застряла в горле.

– Лу, прости, что бросил. Как добралась?

– Паш, ты дурак? Ты дурак! – Она схватила рядом стоящий костыль и встала прямо. – Да что ж ты кретин такой. Зачем ты появился в моей жизни? И я такая же! О чем думала, когда шла за тобой.

Пока она перевела дух, парень успел только снять обувь.

– Знаешь, я всегда боялась найти себе того самого – классного и хорошего парня, – начала опять Луиза, бросая костыль в сторону Паши. Парень замер столбом от неожиданности. – Влюбиться в него! Чтобы потом спустя годы понять, что всё это маски, а под ними обычный ничтожный человек,

которого я бы не разглядела, если бы не показательные костюмы и голословные речи. Я боялась, что встречу хорошего человека, доверюсь, а он окажется – пустышка. И надо же! Вот он ты! Пустослов сраный.

Она вновь перевела дыхание.

– Я не понимаю, за что вы два придурка цеплялись. Было же всё нормально. Вы могли общаться, строить свои конспирологические теории, но какой чёрт вас дёрнул пытаться порамсить с Судьбой. Кем вы себя возомнили? Винтик и Шпунтик, которые залезли в чужой телевизор, – зло плевалась она словами, без намёка на улыбку.

– Ты ещё выпила? – объяснял скорее сам себе Паша, чем участвуя как-то это в разговоре. Но даже пашиного мозга хватало, чтобы понять, что причина эмоций не в алкоголе.

– Не смей упрекать меня!

– Я ничего и не...

– Ох, ты ещё как говорил! Ты своим сучьим взглядом тут на целую статью наклепал. Статью, по которой я прибью тебя рано или поздно. Ты чёртов обмудок.

– Луиза... Ты же не думаешь так на самом деле. Это виски... Доктор Крашник...

– Да ничерта вы оба не понимаете. Не лезь туда, где ты не был! – В его сторону полетела диванная подушка.

– Я тоже пил алкоголь, вообще-то.

– Ты пил, но не «упивался». Это разное. Это квантовая физика в седьмом классе. Ты такое просто не поймёшь!

– Так объясни мне, – просил он уже менее уверенно.

– Ты эгоист! Не делай вид, что тебе и это знакомо! – слёзы обиды потекли по щекам, и откровения было уже не остановить: – Как ещё отгородиться от всех этих мыслей? Ты ведь не был на моем месте! Ты просто не понимаешь, каково это – хотеть побыть в тишине тогда, когда весь мозг кричит от боли. Каково хотеть не просто уснуть, а исчезнуть. Выдернуть шнур из розетки. Именно за это я готова, черт возьми, боготворить алкоголь. Потому что он спасает так, как никто не спасает, – заканчивала она, неустойчиво облачаясь на спинку дивана. – И нога не болит, – тихо повторяла она, даже больше удивляясь самой себе, чем пытаясь удивить Пашу. – Точнее, болит. У кого-то. Где-то. Где-то там, где «не со мной». И не смей судить меня.

Луиза продолжала колоть его своими истинами, обнажая всё больше спицы, а Паше оставалось смиренно ждать.

Нужно было дать ей выговориться, думал он. Хуже от её слов уже не будет, он и сам себе говорил то же самое совсем недавно, пробираясь по незнакомым улочкам этого города. Гриша проебался. И Паша проебался. Они все проебались, делая ставки не на тех. Обидно, но отчасти, Паша всегда был готов к тому, что вероятность такого исхода возможна. Он не слепо верил в свои идеи: порой сильнее, порой нет, качаясь на качелях из подозрений и страха собственного отражения. И вот докачался, что сам потерял координацию. Наверное, только видя Луизу такой, ему впервые пришло в голову,

как много всего он проспал в жизни, гонясь за теньями своих мыслей. Но то, в каком болоте из недопонимания они оказались сейчас, его точно не устраивало. Хоть что-то ещё он должен был спасти.

Девушка, недовольно рыча, стаскивала с себя лонгету, с хрустом расстегивая застёжки и дергая ремешки. Он приблизился и сел на корточки перед ней, ловя неуправляемые кисти в свои руки.

– Эй, ну тише. Больно же себе делаешь.

– А какого хрена это тебя *ебёт*?

– Такого, – более спокойно продолжал он. Затем принялся сам осторожно стягивать неподдающийся бандаж. Каким-то чёртом Луизе хотелось его снять, и он даже уточнять не рискнул. – Давай на сегодня всё? Мы точно дошли до точки, и я не хочу завтра падать ещё ниже. Мы поговорим и придумаем что-нибудь еще. Ладно? Мы разберемся. Не с этой шаманской чухнёй, а с тем, что делать дальше. Не хочу терять ещё и такого друга, как ты, – всё тише и тише говорил он. За шумным дыханием Луизы казалось, что он разговаривал сам с собой. – Принести тебе кофе? Там есть капсула капучино с корицей, могу сделать.

– Не нужен мне сраный капучино, мне нужны твои тёплые руки, – устало выдохнула всю жизненную ёмкость лёгких подруга, и его немного повело от потока перегара. Он отпустил многострадальную лодыжку и обнял Луизу, позволяя обхватить себя в такие же ответные правильные объятия.

Часть 33. Возраст Христа

Выходить на улицу было необычайно тоскливо. Сумбур, что творился в головах, не получалось облечь ни в какие слова сожаления. Такое бывало, когда разочаровываешься в плохой концовке, отмечая всё хорошее, что было в фильме «до».

Совсем не хотелось думать.

Анализировать.

Он и так был в минувшие недели тем ещё анализатором... – от слова «анал», потому что последнее время всё идет через одно место. И если для кого-то это место – выход, то у Паши этим и не пахнем. Выходом, в смысле, не пахнет. Не тем, который «пахнет», а другим выходом. И «выходом не пахнет» не в смысле запаха, а в смысле, «выход не близко». Единственный выход, который ему близок, – его собственный. Хорошо, что он ещё его использует только как выход, а не как вход. Впрочем, ещё не вечер...

Почему он вообще думал об этом? Мог бы вести глубокомысленный задушевный разговор с девушкой, идущей рядом, а он молчал и каламбурил в своей голове.

...Бурил калом, мы поняли.

Свежий августовский воздух охлаждал грудь под лёгкой толстовкой. Он засунул руки в карманы и закутался сильнее. Его куртка всё равно была на плечах Луизы. С утра ещё бы-

ли какие-то попытки в разговор, но сейчас уже и на него не было сил.

Они прошлись по рынку, который накануне проходили. Сделали несколько спонтанных покупок, чтобы не было так тоскливо, но и то было впустую. Вообще, с каких это пор «уныние» – это про них? Не Луиза ли была крайне воодушевлена заново начать с чистого листа, заражая своим рвением и Пашу? Тот её сияющий непоколебимый взгляд ещё не скоро забудется. А теперь казалось, она его презирала. Хоть и сказала, что простила, но Паша видел то, что хотел. Вокруг слонялись люди, занятые своими делами и планами, а они, как отшельники, бродили без цели, лишь бы не в доме покойника, сверля взглядом друг друга и не находя слов.

– Зайдем перекусить? – Паша указал на Чайхану, откуда слышался не то запах шашлыка, не то овощного рагу. Под ложечкой закономерно засосало. Он придержал дверь, дожидаясь, пока она проковыляла внутрь.

Внутри было теплее, но не жарко.

Встретили их по-домашнему, и за скупой беседой ни о чем они провели следующие пару часов.

В конце концов, они наелись и молча отдыхали. По экрану настенного телевизора транслировали рекламу и музыкальные клипы. Приятная раритетная музыка удивила пар-

ня. Разве это законно – включать музыкальные произведения в заведениях, где владелец получал прибыль? Если он собственноручно не приобрёл авторские права на каждый трек, его оштрафуют, – отвлеченно думал Паша. Луиза сидела рядом, потягивая чёрный чай из чайника и казалась отстраненной.

– Я тут подумал, – начал он неуверенно. – Давай начнём с чего-нибудь. Самое банальное. Чтобы заземлиться и заняться чем-то... нормальным.

– Опять доктор Крашник?

– Нет, сам дошёл до этого, представь, – беззлобно подтвердил он. – Не можем же мы вечно бояться будущего и потому не планировать ничего.

– Да, нам самое время. Возьмём ипотеку? Или документы в универ подадим? В мире же столько возможностей, чтобы набросить на себя обязательства. А может, ребёнка заведём?

– Давайте без «давайте», Лу. С тобой невозможно разговаривать, – он потёр лоб, подыскивая слова: – Я же про то, как начать жить, а не как скатиться в долговую яму, чтоб до конца жизни расхлебывать. Ну вот вспомни, может, ты мечтала о чём-то в детстве, в школе? Что-то же тебя увлекало. Подумай. Как ты проводила время в *хорошие дни*?

– Когда я осталась одна, я просто начала игнорировать ту часть, по которой тосковала, – неожиданно даже для самой себя проговорила она. Внутренне хотелось Пашу ещё задеть, ещё раз напомнить про чувство вины, переложить хоть на

кого-то ответственность за то разочарование в себе, что она испытывала. Но вслух она сказала другое: – Знаешь, что в карьере почти каждого классного актёра есть роль, где он играет себя и своего близнеца?

– Ну, да, – согласился он. И правда у всех такой есть.

– Избитый сюжет, но его пихают в фильмографию всех любимых актёров. И ни в одном из этих фильмов я не видела того, что чувствую. Обыграть комедию, где двух людей путают их окружающие, – это всегда пожалуйста. Сделать одного ботаником, другого сорвиголовой – без вопросов. А передать связь близнецов, которая не знакома ни одному постороннему человеку, – сложно, нет, не будем.

– Расскажи, что ты имеешь в виду, – попросил он вполне искренне. Луиза хмыкнула:

– Это не о родственных душах. Это не о второй половинке. Я просто знаю, что меня в этом мире *двое*. Я вижу этот мир через два организма. И чувствую связь на расстоянии. *Чувствовала*. Когда пытаюсь это объяснить кому-то, ощущаю себя пришельцем. Мне не хватает её. Мне не хватало её, даже когда она была жива. Когда мы были вместе, мы могли бы склеиться и раствориться, став целым и сознательным организмом. Она понимала меня, потому что чувствовала то же самое. Где-то на периферии, если отбросить этот мир Взрослых Сознательных и Адекватных людей, если существовать только разумом и чувствами... то я воспринимала сестру как продолжение себя. Но как, чёрт возьми, можно слиться с

другим человеком, если мы уже оказались вне матери? Мы уже врозь, и общество твердит, что быть врозь – нормально? У тебя сейчас тоже очень сложное лицо, Паш. Можешь не пытаться, тут чёрт ногу сломит. Я словно какие-то тонкие материи пытаюсь объяснить, которые лично ни разу не видела, но в которые по иррациональным причинам верю.

– Это... Да. Разом всё это охватить не смогу, – признался он с сожалением. – Это бы перенести на бумагу и перечитывать день за днём. Может, тогда это воспринималось бы целиком.

– А сейчас как в стену горох кидаю? – спокойно приняла она.

– Нет, скорее, как интересная лекция в университете, а я забыл тетрадь для конспектов.

– Ладно, – её выдох больше походил на смирение.

– И кстати, насчет университета, – не очень ловко перевёл он тему. – Можно! Даже если не поступать, но хотя бы на какие-нибудь курсы подписаться. Есть навыки, которые ты могла бы развить в себе? – нетерпеливо спросил юноша. Луиза всплеснула руками:

– Хождение на корабле по собственным нервам. Жонглирование комплексами. Профессиональное подавление жажды жить? На любой вкус и цвет.

– Видишь. Сколько потенциала. А искусное катание на эмоциональных качелях, – поддакнул он. – Да мы оба – дети маминой подруги. Нас с руками и ногами заберут.

– И запрут в очередной одиночке...

– Пессимистка, – закатил он глаза.

– Да нет, это больше самоирония, – наконец, спокойно пожала она плечами. – Если честно, мне капельку лучше, и я не чувствую той тяжести, с которой была в больнице. Вот там я правда... чувствовала себя нехорошо.

Словно это было много месяцев назад, – усмехнулся Паша своим мыслям. А ведь и недели не прошло, как они «откинулись». Точнее, нарушили больничный режим и самовыписались.

– Приятно это слышать. Со своей стороны тоже должен заметить, что ты меняешься. Не то, чтобы ты мне раньше казалась «больной». Наверное, дело именно во внутренней свободе, к которой ты теперь стремишься.

– Спасибо, – она протянула руку и в ничего не значащем жесте сжала его кисть. – И ты ну... Извини за то, что я тебе наговорила...

– Тебе уж точно не за что извиняться, брось. Всем иногда нужен человек, который раскидает всё по полочкам и даст пинка. Я благодарен тебе.

Паша не помнил, когда последний раз из него лилось столько слов благодарности и искренности, которую никак не выразить иначе, чем словами. Но это определённо к лучшему.

– Закажем ещё что-то? – спросил он.

– Не думаю. Слишком много мяса. Меня уже рубит. Мой

организм в истерике и не понимает, что за праздник живота, поэтому пытается меня усыпить, чтобы спокойно поработать... В больничке от классной еды отвыкаешь.

Паша спорить не стал.

– Но на завтрак с собой навывнос давай ещё возьмём что-нибудь, – с улыбкой повернулась она.

Ближе к обеду следующего дня, когда вещи были собраны, а пара готова к выходу, Паша задержался, мысленно прощаясь не то с домом, не то с его хозяином. Остаться здесь они не могли, по крайней мере, как говорила его мать: «У тебя что, своего дома нет?». Дом есть, но едва ли хочется вернуться в ту тупую рутину нормальности. И Луизе хотелось каких-никаких впечатлений. Она призналась, что последний раз на море она была только во времена школы. А также музеи – бывшие градообразующим культурной жизни её города, – она не посещала от слова никогда. Хоть по барам она его не тащила.

Оказывается, в городе было, где развернуться для молодёжи. Кинотеатры, театры, концертные ДК, кафе, рестораны, боулинги и ТЦ. Даже кино и сериалы на дому! Луиза не осознавала, как много «классики» пропустила, запершись в своих четырёх стенах. Не говоря уже про клубы и творческие пространства для разношерстных талантов и просто

ценителей атмосферы. Столько всего придумано обычными людьми для других людей, чтобы просто позаботиться обо всех – даже о таких одиночках, как Паша и Луиза.

Это удивительно. Луиза сейчас была за любой движ, лишь бы не оставаться наедине с собой. Даже какой-никакой вишлист составила из мест, которые точно надо посетить. Опирались они, как ни странно, на пашин бюджет. Вскоре ему придётся признаться, что это не бездонная сумка Гермiony, но пока он позволял Луизе делать то, что она считала правильным для них.

Если честно, он чрезвычайно был благодарен ей и ради того, чтобы она улыбалась, готов был действовать безрассудно.

Путь тем не менее пролегал от точки, где они находятся, до дома Паши в соседней области, а по пути было решено останавливаться в гостиницах, заходить в музеи и на выставки, и фотографироваться у каждого памятника, будь то даже крыса со спицами или церковная арка размером с дверь. Последняя вызывала больше смех своими габаритами, как машинка на детской площадке. И оттого, встав под неё, они оба чувствовали себя детсадовцами.

Море тоже было в списке, но до него надо было всё же сделать крюк. Из-за транспорта они даже успели поссориться. Мнение Луизы вовсе нельзя было спрашивать. Эта взбалмошная брюнетка, любящая гулять пешком, вдыхать ароматы природных и искусственных паров, даже несмотря на своё растяжение, не отказалась бы от неразумно долгой прогулки

вдоль трассы.

– Да даже не болит уже! – возмущалась она. – Отёк давно прошёл! Чё ты это самое?!

Несмотря на блестящие аргументы, Павел был против рисков. С момента травмы он итак не отдалялся от девушки, зная ее неусидчивость и гениальные идеи:

– Ну хочешь, ролик на одну ногу надену, и ты меня вести будешь под ручку. Вторая нога даже земли касаться не будет!

– Нет. Такси или БлаБлаКар.

Иногда, возможно, он доходил до маразма, сам осознавая это, поэтому в дальнейшем старался опекать её не так очевидно. Расставание с Луизой для его и так беспокойного рас-судка грозило бы очередным обострением апатии.

Постепенно она получила и право на то, чтобы Павел безукоризненно доверял её решениям, мог оставлять одну, до-верять походы на костылях до торговой лавки, ведь он не в состоянии укротить строптивую. Свобода теперь важна для неё, как сам воздух, как открытое небо. Она хотела быть сво-бодной, как ветер, и, кажись, была бы, если бы не цепи, вре-менно приковавшие её к земле. И Паша ничего не мог с этим поделаться.

«Музей погребальной культуры» они совместными дово-дами отмели сразу. И «Музей военной техники» пропусти-

ли, будь он неладен. Такие штуки никогда Луизу не привлекали, а Паше лишний раз напоминали об отсрочке, которой он добивался месяцами после универа. В те времена была только твёрдая уверенность в том, что ему в жизни надо, а на что он тратить время не собирался. Зато на раритетную технику в «Галерее времени» они посмотрели бы оба.

Заведение было лишь ответвлением от основной экспозиции предыдущей исторической эпохи. Они неловко поднялись на второй этаж, прихватив по дороге по стаканчику кофе. Заплатив за билет, они тут же оказались внутри.

Сложно было сконцентрироваться на инсталляциях – десятках радио, видеокассетах, колонках, звукозаписывающих устройствах, печатных машинках, проигрывателях и микрофонах, – глаза разбегались от количества «классных металлических прибулд», и Луиза неосознанно цеплялась за предплечье друга, утаскивая к разным экспонатам.

– Двадцать лет назад этим пользовались. Я уже тогда родилась! – говорила она украдкой, хихикая от восторга, указав на раритетный радиоприёмник.

– У меня был такой в детстве, – небрежно бросил он. – Правда, прослужил недолго.

– Ископаемое, – пшикнула себе под нос Луиза, но парень смог расслышать. – И на электронно-вычислительных машинах, небось, помнишь, как работать?

– Не то чтобы на них много что наработать можно, – поддакнул он её смешку. – Мы, советские люди, народ про-

стой...

– А на деле Лев Толстой?

Он удивленно посмотрел на неё, прокручивая винтики коммунизма в голове:

– У тебя понятия об исторических эпохах вообще размытые, да? Может, за экскурсию заплатим? – со снисхождением посмотрел он. Иногда было сложно различить, где та грань между шуткой и искренним заблуждением.

Это, к счастью, не оскорбило Луизу, либо она вида не подавала:

– Давай экскурсию.

Такие моменты сомнений возникали не часто, но всякий раз резали глаз. Например, когда они спорили с Луизой о том, что как же называется её поколение, она гнула свою линию о том, что она из Миллениалов, Поколение Y, при том, что Паша, воспитанный книгами Пелевина, утверждал, что она из Зуммеров, Поколения Z. И это уже больше походило на словесные баталии. Либо она научилась правилу «всегда опровергать», чтобы любую тему разговора выводить на жаркую дискуссию.

Не понятно, почему, но Паше нравилась такая Луиза. Яркая, громкая и скандальная. С ней приятно даже спорить. Ну и что, осудите его, если сможете. Иногда бывало полезным

побыть глупцом, когда вы искренне заинтересованы в человеке.

Луиза щебетала без умолку.

Они обошли рынок. Заглянули в пивную штольню, выслушав в конце концов экскурсовода, который безвозмездно развлекал их целый час. Купили Паше спортивный костюм, чтобы не ходил в джинсе. Тем не менее, очевидно, время, проведенное с Луизой, было лучшим, что Паша вообще мог себе припомнить.

Под вечер первого дня, вновь проголодавшись, они бросили свои кости в кафе у гостиницы.

Почему-то, Луизе хотелось суши, а Паше – том ям с креветками. Такой острый, чтобы дышать огнём ещё пару дней. Увидев это, Луиза присвистнула:

– А я думала, я в нашем тандеме самая неуравновешенная.

Даже дружелюбный тон сказанного не скрасил неловкость, просочившуюся между ними. Паша прочистил горло:

– Думаю, если бы вкусовые предпочтения определяли людей, мир был бы неинтересен.

Луиза не оставила его смену темы без внимания:

– Ну, эй, шучу же. Ты недостаточно странный, чтобы я считала тебя неуравновешенным.

Паша задумчиво отпил лимонад через трубочку. Скоро принесут их заказ. Может, они могли бы поговорить по-серьёзному. Если сглаживать все острые углы шутками, можно

будет вполне конкретно прояснить пару вещей.

– Как ты вообще, ну, себя чувствуешь? – спросил он, неосознанно поймав себя на этом «нуканьи». Луиза незамедлительно включилась:

– Славно. Достопримечательности неплохо отвлекают. Хотя тоже, бывает, накатывает...

Он понятиливо кивнул, удовлетворившись.

– Я тоже более-менее. Хочется верить, что всё рано или поздно придёт в норму.

– Смотря, в какую норму. Сейчас я в наивысшей точке нормы за все свои годы, – призналась она.

– Хорошо, – слова Паши не поддерживали, но хотя бы производили эффект участия.

– А тебя не беспокоит то, что, ну... наговорила Варвара? – как-то опасливо спросила она, потягивая свой безалкогольный коктейль. Бокал запотел, отливая синим матовым стеклом. Капельки стекали по кайме, где минутой назад были губы Луизы.

– Я не нашёл причины ей верить, – заключил он.

Девушка недолго молчала, но осмелившись, продолжила:

– А если допустить хоть вероятность? Не говорю, что всё правда. Но ведь чего-то Гриша опасался. Что-то его «настигло», как она выразилась.

Зелёные глаза выжидали, и в этом не должно было быть столько напряжения, поэтому Паша перевёл дух, прежде чем сказать:

– Я допускаю лишь то, что Гриша мог поверить в существование «тайного общества». Знаешь, такая организация, которая имеет доступ ко всем видеокамерам, имеет своих агентов среди мирных жителей, раздает людям задания, чтобы те служили механизмом для Системы... Той самой Системы... И слишком догадливых эта Система пожирала бы. Это хотя бы логично. Всемирный заговор. Тайное общество. Я был бы даже рад, если бы всё оказалось таким будничным... Существует много свидетельств существования тайных заговоров и сообществ – все они для чего-то создавались.

– Я понимаю, – подтвердила девушка, – но зачем такому сообществу обращать внимание на вас. Тем более пытаться вывести кого-то из вас из игры?

– Как-то уже плевать... – он протянул. – В кой-то веке плевать. Если встретим кого-то из группировок на пешеходном переходе или в очереди в супермаркет, спросим. А так... – он взмахнул рукой, мол, пофиг.

– Существование некого баланса Добра и Зла во вселенной ты не принимаешь? – поинтересовалась на всякий случай она. Хотя и так было понятно:

– Нет. И Гриша до сих пор не принимал тоже.

– Понятно.

Спустя минут пять принесли их блюда, и голодные до новых приключений ребята принялись набивать животы. Что-то изменилось, встало с ног на голову, ведь от чего-то столь универсального, как суши, Паша воротил нос ещё пару лет

назад, а теперь с удовольствием пробовал всё то, чем стремилась угостить его Луиза.

– И всё же... – произнесла она, когда парень заглывал её порцию пищи китайскими палочками, – как можно быть уверенным, что ты прав?

Он тщательно жевал, чтобы ненароком не подавиться ужином. Затем спросил напрямик:

– Скажи, почему ты спрашиваешь?

Луиза с набитыми щеками была похожа на лошадь. Не спрашивайте, почему.

– Нет, ну... Представь... Вот говорила же она, мы не всё можем увидеть глазами: существует множество измерений, а глазам доступно только три из них. Как можно быть стопроцентно уверенным хоть в чём-то? Мы ведь... как песчинки из Сахары. Как какая-то песчинка может хоть что-то знать об устройстве своей пустыни?

– Ты веришь в призраков? – спокойно заключил Паша, потому что к Луизе он относился более благосклонно, чем к каким-то гадалкам с Авито.

– Я лишь допускаю возможность того, что чего-то могу не знать.

Паша улыбнулся, а Луиза больше ничего не сказала. Как она могла объяснить ему, если сама смутно могла обозначить в слова то, что чувствует. Когда-то ей попалась *неоонтологическая* статья с интересным мнением об устройстве мира, и она старалась придерживаться его. Смысл заключался в том,

что всегда есть более высокая форма жизни, и она несёт ответственность за менее развитые живые организмы. И при этом в глазах низшей формы жизни высшая могла представлять почти в сакральном священном смысле, в том числе наделяться способностями, которые не объяснялись устоявшимися правилами. Жаль, не носила с собой вырезку из той статьи.

«Объекты живой материальной природы, обладающие достаточно высоким уровнем организации, обуславливающих существование разума, способные в одностороннем порядке влиять на объекты живой материальной природы более низкого уровня организации, обязаны брать на себя ответственность по сохранности и развитию менее высокоорганизованных живых систем с целью обеспечения протекания эволюционного процесса.»

В определенной степени данная концепция гипотетически предполагает потенциальное наличие не только более развитых цивилизаций, обеспечивающих опекой человеческую цивилизацию, но и допускает существование живого объекта (а в этом представлении более высокоорганизованную разумную часть материи), которая имеет наиболее высокую организацию над всеми остальными видами разумных живых систем. Таким образом, наиболее высокоорганизованная живая система будет представляться синонимом понятия “Бога”. При этом “Бог” в подобной системе умоза-

ключений может иметь лишь те свойства, которые происходят из известного материального мира, построенного на принципах, объясняемых научными законами. В этом понимании наличие сверхъестественных сил подобным существом объясняется неспособностью менее высокоорганизованными существами понимать всю природу существующих физических законов и ограниченностью вычислительных способностей».

Хорошо, что они делали много фотографий. Пока что не всё восприятие реальности вернулось в норму: его до сих пор одолевали кошмары и редкие приступы паники и ступора, а Луиза замыкалась, когда с ними пытался заговорить прохожий или слишком доброжелательная в силу возраста бабуля в магазине. От алкоголя она старалась держаться подальше, и Паша поддерживал, хоть и видел, что она не готова обсуждать это.

Потом через года они по-новому будут смотреть на эти фотографии, когда жизнь вернется в свою колею и краски упущенных моментов возродятся в памяти.

Фотографии – дело хорошее.

Вспомнив кое-что, Паша посмотрел в окно, залитое уже затихающим летним солнцем, и про себя отметил, как красива девушка. Луиза стояла статуей у окна трамвая. Её фи-

гуру освещало вечернее солнце, а порывистый ветер то и дело закрывал её лицо копной угольных волос. Она устремила задумчивый взгляд на высотки шумного города, точь-в-точь словно заметив, что её кто-то сейчас рисовал. Паша отвернулся с щемящей сердце нежностью.

Отсутствующий, мечтательный взгляд девушки намекнул, что она не здесь. Не в трамвае, который вёз их к курортной зоне на окраине города. Иногда для неё по-настоящему стиралась суровая реальность, где она сбежала из психбольницы, сбежала от родителей, была беспомощна и опиралась только на сомнительного, но успевшего стать близким другом парня. Перед её глазами в такие моменты расцветал мир, полный благовоний и натуры. Прекрасное время, чтобы начать петь без музыки и бегать под дождём, как герои диснеевских мультфильмов. Кажется, она вот сейчас сорвалась бы с места, если бы не удерживающий её руку парень. Паша не знал, почему рядом с ней и себя чувствовал бездомным королём-отшельником, сумевшим сохранить при себе самое большое богатство. Но если он что-то и знал, так это то, что в прежней жизни, до Луизы, он не нашёл бы в себе и десятой доли этой романтики.

Что поделать? Он менялся. Мир менялся. Остатки его чёрствой души теперь можно было бы найти разве что в музейном прошлом.

Говорить о каких-то чувствах или отношениях не хотелось. Возможно, сказывался его непроработанный страх по-

сле Софии – стоило ему полюбить кого-то и открыться этому чувству всем сердцем, он тут же всё терял.

«Он может иметь всё, что угодно, если только это “всё” не значит для него слишком много», – мы помним.

Стоило Луизе увидеть чистый пляж, песок, которого она была лишена уже очень долго, её было не остановить. Мочить лонгету не страшно. Страшно жить жизнь, где нет возможности разделить с близким хоть немного похожий момент. Насладиться этим вандализмом с тем, кто поймет.

По мнению Луизы, Паша должен был понять.

Если честно, всё складывалось даже слишком хорошо, и оттого на Пашу накатывала тревога, что всё это подозрительно неправдоподобно. Он запрещал себе думать о Системе, но это как не думать о белой обезьяне. И полностью отдался моменту морских забав не мог. Зато держал купленный фотоаппарат наготове.

Тем не менее, они-таки закрыли очередную цель в списке Луизы. Смеясь, лежали на пирсе. Напросились ненадолго на водную прогулку на катере с другими туристами. Затем проводили утопающее под морской гладью солнце, сидя на холодном песке и поедая пиццу. Воочию видели, как словно в калейдоскопе, день сменяется ночью, а на протёртом до розовых облаков горизонте чернело небо. На той стороне город

зажѐг фонари. С моря веял холодный запах тины и водорослей. Запах лета.

Мысли уносились далеко от этого пляжа. Он долго молчал, закрыв глаза, и тайно боялся, что этот самый момент может быть последним хорошим воспоминанием о Луизе. И даже её понимающие речи и планы, не могли выбить опасения о скоротечности жизни и об их сомнительном положении.

В номер они вернулись под утро. Комнаты казались уставшим, стены неестественно бледными, мебель потёртой, и всё напоминало какую-то... деревенскую простоту, где каждый уголок дышал наладом. Но Паше было всё равно, где ночевать, – возле дверей никто не грел уши, кровати не выглядели так, словно от одного сквозняка ножки подломятся, так что парень не имел ничего против.

Хоть новые день и принѐс с собой повышение температуры, они больше не выползать на пляж под палящее солнце. Белокожей Луизе была дорога её шкурка, в то время, как Пашу отталкивало обилие отдыхающих. Начало августа. Что тут поделать.

А вид из окна на пирс всё-таки был чертовски хорош.
– Волнующе, правда? – Луиза присоединилась к созерцанию синего горизонта. – Мы ведь могли бы позволить себе

это? Остаться хоть на весь сезон. Ужинать, обедать, завтракать на пляже. Провести весь отпуск здесь.

Он удивился, но попытался улыбнуться, видя искреннюю задумчивость Луизы:

– Мне кажется, ты на стену начнёшь лезть от скуки рано или поздно.

– Ну... да, – тоскливо проговорила она. – Мотельная жизнь не мой предел мечтаний. Кроме отдыха здесь заняться нечем.

– И зачем тебе тогда это? – не понял он.

– Ну, ради разнообразия я бы попробовала. Притвориться нормальной и просто почиллить на солнышке.

И молчание в ответ. Он обнял её, боясь опять услышать те мысли, что ранее распространяли неловкость между ними и напоминали о том, кто они. Луиза расслабилась и выдохнула:

– Да ну не грузись ты, ну. Ты прав, нигде мне этот пирс не упёрся. Но нам и правда бы отдохнуть. Отдышаться после всех гонок и привести мысли в порядок. Нам обоим. Не думать о прежних проблемам, словно ничего не сломано. Мы справимся. Ничего невозможного, пока нас тут двое.

Паша без лишних слов кивнул куда-то в небо, больше не видя, а чувствуя улыбку Луизы. Было сложно заявлять о своей слабости, и он был рад, что в такие моменты она могла понять, что ему нужно, без слов.

Объятия, лишённые сексуальной подоплеки, казались самой естественной вещью, и он несмело достал телефон, что-

бы сделать селфи с их дурацкими лицами.

Часть 34. У холмов есть глаза

Очередной рабочий день можно считать завершённым, однако раньше шести слянуть не получится. Пока есть силы и возможность, он должен взяться за докторскую диссертацию, как и каждый день до этого за последние месяцы. Голова идёт кругом от всего количества информации и предстоящих правок. И что самое печальное – в русскоязычном медицинском сообществе подобную тему не поднимали, публикаций – ноль. Никаких устоявшихся достоверных источников, ни одного социального эксперимента не проведено. А немногочисленные опытные материалы – все в англоязычном формате. Да и что тут возмущаться, даже в Международной классификации болезней нет этого диагноза, а он тут требует чего-то.

И несмотря на сложность написания диссертации, буквально основываясь на своих знаниях и паре криво переведённых статей, прелесть выбранной темы заключалась именно в её исключительности. Название болезни не получится запатентовать его именем, но значимый вклад в психиатрическое сообщество своим трудом он вложит. Честно выстраданным трудом. Оригинальным. Не то, что у его коллег – сборная солянка из синдромов, которые редко встречаются в одном человеке.

С одной стороны, на старости лет нужно уже задуматься

о том, что оставишь после себя. С другой, пятьдесят – это не приговор.

Он вполне реализовался в профессии и был бы и рад работать дальше, спокойно и рутинно, филигранно переставляя пазлы в головах пациентов. Как в игре. Мозг условно-здорового человека в его понимании – это захламленный шкаф с книгами, проводами, хрупким сервизом и старыми альбомами. Всё покрыто пылью и кое-где плесенью – и это нормально. Расставлять всё по полочкам и наводить порядок в голове обычного человека не составляет труда. На этом уровне достаточно знать, как оно должно быть расставлено, а если чего-то не хватает – чем-то это компенсировать.

А вот мозг больного человека – сказка. Таинственный лес, гуляя по которому дух захватывает. Первые годы доктор даже летал вприпрыжку на работу, испытывая почти детский восторг от новых пациентов, какими бы тяжелыми они ни были. А со временем это притупляется, оставляя только привычку и чувство правильности происходящего. Здесь он на своём месте.

И уже не кажется таким абсурдным, что бывшая жена ревновала его к больнице. Что ему ещё оставалось, если домашний уют по важности для него не шёл ни в какое сравнение с любимыми пограничниками, сезонными обостряльщиками, запутавшимися в собственных сетях зависимыми и подневольными от своих аддикций пленниками.

У всех есть свои психологические «приколы», как выра-

зился один его пациент, и именно *удовольствие* от работы с больными – «прикол» врача по фамилии Крашник.

Он не скрывает это ни от себя, ни от других – к нему с охотой идут на обучение ординаторы, потому что наслышаны о его профессионализме и нетривиальном, специфическом подходе.

И о его методах тоже имеют привычку слагать легенды и анекдоты. Он и не против, если летопись его жизни, помимо автобиографии, будет полна рассказами очевидцем и фольклором.

«Комплекс Бога, да, – мысленно повторяет себе он. – А у кого его нет?». Когда вмешиваешься в человеческую судьбу и меняешь что-то настолько фундаментальное, как психика и установки, невозможно не преисполниться в самомнении.

Он достаточно отрефлексировал свою жизнь, чтобы видеть все свои преимущества и недостатки и демонстрировать их под правильным углом. Даже книгу написал на этой почве, но это вышло больше случайно – помогало лучше думать.

Кажется, он никогда не перестанет петь оды любви своим подопечным. Их даже душевнобольными не поворачивается язык назвать. Все остальные радости жизни во многом уступают времени, проведённому с пациентами его отделения. Он мог бы даже назвать это своей слабостью – как с щеночками играть или с детьми нянчиться, но даже в собственных глазах это уже звучит неэтично.

Впрочем, то, что происходит в его голове, – остается в его

голове. *Это непреклонная истина*, что бы там ни говорили его любимые параноики.

Кстати о них. За время работы он обзавёлся лайфхаками. Руководствуясь клиническими рекомендациями, специалист не должен подвергать сомнению реальность убеждений или галлюцинаций пациента – не может он сказать: «нет, это не реально, ты не прав», – а Крашник идёт дальше: если пациент имеет страх перед своей иллюзией и мучается догадками, доктор собственноручно сопровождает его по самым тёмным уголкам сознания, чтобы пациент мог увидеть «своего демона» воочию, а затем доктор резко выбрасывает их в реальность. Как правило, в большинстве случаев сознание ненадолго успокаивается, прояснив для себя нематериальность угрозы. И его наставнику по докторской диссертации об этом лучше не знать. Тот и так постоянно ворчит из-за выбранной темы, и пару раз предлагал отказаться или от неё, или от него в качестве куратора. Крашник уговорил его остаться. Впрочем, помощь от него всё равно больше формальная – главное, что его куратор беспристрастный и может удержать при сильной творческой музе. Хотя это означает лишь то, что на рабочем столе Крашника две версии диссертации: «официально-публицистическая» и та, которая «не очень законная».

В углу собственного кабинета удобно оборудовано радио, и психиатр находит умиротворение в том, чтобы делать бумажную работу исключительно под прямой эфир на разго-

ворной радиостанции. И то, как наигранно вежливо взаимодействуют радиоведущие, совсем не отвлекает. Наоборот, наблюдать за обычными людьми и их попытками жить – та еще потеха. А неожиданно находить в толпе среди условно-нормальных людей «своих» пациентов приятно для души.

Но хватит с бездельем. Ему предстоит писать уже вторую часть, а его главные подопытные сбежали, не позволяя завершить эксперимент. Додумывать отсебятину нельзя – он всё же почти первооткрыватель, и если через года обнаружатся в его трудах самовольные дополнения и дезинформация, будет не очень красиво для его репутации.

Поэтому практическая часть эксперимента на неопределенное время заморожена.

Пока что он займется формированием списка сокращений, описанием психотипа своих пациентов или в крайнем случае редактурой уже написанного.

Немного обидно, что по независящим (безусловно) от него причинам, он не может наблюдать за прогрессом своих пациентов, но он всё равно остаётся ждать, когда они в очередной раз встретятся.

Все оказалось до абсурдного просто. Ему даже не пришлось наводить справки, штудировать новости или давать

запрос в органы на сбежавших пациентов. Эти отпетые мошенники додумались вернуться домой. К родителям девушки. К тем самым родителям, которые горячо настаивали на круглосуточном пребывании в стационаре без возможности свиданий. Которые позвонили на следующее утро в больницу, чтобы убедиться: правда ли их дочь выписали. Как это было неуместно. Потом объясняться ещё с ними о том, почему он, как заведующий, не поставил их в известность. Вот уж дудки!

Потом было немного неловко следовать за ними, скрываясь под маской прохожих, как принято в аналоговых фильмах. Попахивало старческим маразмом, когда он заселялся в соседний от них номер, или мог из своего окна застать их ночные посиделки на улице. Какой абсурд.

Хотя и они хороши... Рациональностью их маршрут не отличался. Скрываться они не посчитали нужным (что логично для условно-здоровых людей, ведь их ни в чем не подозревают, но как для пациентов с их диагнозами – странно).

Доктору Крашнику нужно будет даже снести этот феномен в работу и объяснить, опираясь на похожие случаи в научной литературе. В общем-то, он вынужден был даже признать, что это к лучшему. Поведение пациентов в обществе людей и их навыки приспособляемости сложно оценивать в «лабораторных условиях» больницы. А для диссертации эта информация будет как новый виток развития темы. Нужно только эффектно описать, что он сам пришёл к этой идее и

вообще всё шло, согласно плану, под контролем специалиста, и никто не подвергался опасности.

На работе пришлось взять отпуск за свой счёт. Тем более из-за недавнего эксцесса со смертельным исходом в отделении решались вопросы о том, по чьей вине это произошло. Ну как «решались» – скорее, отдел безопасности перекидывал ответственность, как горячую картошку, на персонал больницы, докторов и сестричек, обвиняя в нарушении внутреннего распорядка; а те – на пожарную безопасность, строителей и проектировщиков. Если Крашник, вернувшись, не найдёт в ординаторской ручек на окнах балкона – это будет меньшее из зол. Малая жертва, но с ней будет легко смириться. Тем более раздувать шум из-за «несчастливого случая» в психиатрическом отделении никому не выгодно. Просто таков протокол – это муторно, а Крашник совместит приятное с полезным, если во время всей этой свистопляски будет дописывать многострадальную диссертацию где-то вне медицинской организации. А там и совсем не за горами будет звание доктора наук, и вообще будет не до того паренька, чьё лицо доктор иногда видел в кошмарах.

На второй неделе путешествия доктор уже худо-бедно представлял, к чему вело их паломничество, и порой был недоволен тем, как внешне спокойно выглядят его подопечные. Скрывая под фальшивыми масками нормальности свои переживания, они только глубже закапывали их. Для Павла потом нужно будет внести в план лечения краш-терапию, по-

тому что подавлять мысли о смерти близкого – не то, чему он учил паренька. А для девушки разработать новую технику принятия, чтобы она без алкоголя начала понимать, почему сначала ей хочется радоваться, затем плакать, а потом всё бросить и сбежать. Вроде бы не раз работали с ней над эмоциональным интеллектом, а всё впустую, как выяснилось.

Эта девчонка умеет разочаровывать. А впрочем, зачем откладывать лечение?

Часть 35.1. Дух свободы

Дальнейшее паломничество по изведанным далям привело их к дому в селе, где проживала бабушка Паши. Не было причины посещать дом, где давно никто не жил, но прогуляться по местам память хотелось нестерпимо. Луиза находила это пашино улыбающееся лицо почти милым, если не добавлять «по-глупому» милым. Погода играла им на руку. Погода, как местная сумасшедшая, которая подкрадывалась со спины и шептала: «Скинь обувь и пробегись по мёрзлой росе». Погода, которая сменялась в соответствии с их настроением.

Карикатурные равнины и сельский вид тоже радовали глаз. В воздухе витали запахи парного молока, сена и грозы. Солнце упоительно проглядывалось над вершинами невысоких коттеджей, бросая ярко красные лучи на стекла оконных рам. Что-то тихое ликовало внутри Луизы. Стало понятно, что поездка окупится, уже на моменте, когда они вылезли из междугороднего автобуса. Село как село, но в сердце засело.

Благодаря утренней прохладе, мошकारа не липла, а ветер обнимал своими зябкими покрывалами, которые мама словно не до конца досушила и занесла домой с улицы. Дыхание перехватывало от свежести.

– Помню, как так же свежо было. Ночевал я у бабушки в детстве и вышел утром, когда все спали, – сказал тогда Паша,

когда они мирно прогуливались по проселочной неасфальтированной дороге. – А там мой дед, обливается отстоявшейся водой из ванны в огороде. И стоит в чём мать родила.

– В рубашке, судя по всему, – хмыкнула Луиза.

– Что? – Паша повернулся к девушке. Тени на её лице, бросаемые рассветом, придавали её угловатому острому лицу эльфийские нотки. Паша сам не уверен, почему возникли такие ассоциации, но не удивиться этому фэнтезийному шарму подруги не мог.

Девушка заметила этот поплывший взгляд. Улыбка против воли тронула её губы.

Путь предстоял недолгий. Это последняя из «достопримечательностей», а за ней следует, наконец, дом Паши. Договор был в том, что она может пожить в его квартире, пока не найдёт жилье или пока этот вопрос не решится как-то иначе. Как бы Луизу внутренне не корбило положение нахлебницы, лучшего придумать она сейчас не могла. А Паша, как всегда, оказался то ли не против, то ли сам предложил, то ли даже настаивал. Станный человек. Сама девушка вряд ли бы пустила в свою жизнь малознакомого, который не пойми кем приходится: то ли другом, то ли парнем, то ли близким. Она даже мысленно уже некоторое время называла его просто сообщником в преступлении. Ведь единственное, что связывало их в одну историю, – это произошедшее в психушке. Они ничего друг другу не обещали. Существовала только некая взаимная ответственность за жизнь друг

друга – прямо как у сообщников в преступлении! – хотя бы до того момента, пока не станет понятно, что «лечебное дело» в прошлом.

В общем, тандем у них не идеальный, всё индивидуально, но в целом гениально, хоть и без гениталий.

Паша ещё вчера уговорил её прокатиться на электричке досюда и сходить, к примеру, за грибами. Она вспомнила, как тяжело просыпалась и успела пожалеть о том, что согласилась, но к счастью, смогла преодолеть себя. К тому же, если она собиралась стать путешественницей и обогнуть весь мир, нелюбовь к ранним подъёмам будет мешать.

А теперь уже, поглядите-ка, грибная охота позади, а в рюкзаке на их плечах по три-четыре белых поганки. Почти брала гордость. Даже жаль, что пришло время так скоро прощаться с природой.

– Ну что? Дальше? – довольная и уставшая, Луиза смотрела на парня с соседнего сидения автобуса.

– За шаурмой и до дома, – подтвердил Паша, надеясь добавить в голос больше бодрости. Улыбался он тоже почти искренне.

По прибытии сил особо ни на что не было, поэтому они поели и завалились спать. Ночь темна. Ночь без сновидений. Пинающаяся Луиза, которой жарко. Жадный до одеяла Па-

ша с мёрзнувшими лодыжками. До нормальности было далеко, но они работали над этим. Возмущаться пока рано.

А на утро в дверь квартиры, начиная с восьми утра, уже безбожно стучали. Сонный морок слепил зелёные глаза. Лицо заплыло, как после знатной пьянки, и это странно, ведь она взяла аскезу и в этом плавании отказывала себе уже пару недель. День точно из мести за всё хорошее в прошлом решил начаться по-дурацки.

Стук повторился. Незваные гости отказывались самовыгоняться, и Луизе пришлось не без труда подняться с двуспальной кровати.

Перед сном Паша упоминал о каких-то делах и о паре мест, куда надо сходить-отметиться. Луиза вдогонку бросила ему что-то про маракуйю и бананы. Вроде бы «не возвращайся без маракуйи» или «умри, но принеси мне бананы», она не помнила уже. Она просто подумала, что успела бы как раз поделаться «свои дела». Паша же тихо улизнул утром, даже не разбудив её, так почему он так рано вернулся?

Стук повторился.

Ну не мог же он так быстро смотаться туда-обратно. Луиза искренне хотела побыть одна в этой до смешного похожей на Пашу квартире. И он поклялся, – на минуточку! – не появляться до обеда.

Значит, точно не он.

Нетвердой походкой, опираясь на встречающиеся предметы холостяцкой безвкусицы, Луиза доковыляла до своей тро-

сти, когда раздался куда более настойчивый стук. Закутавшись в халат от шеи до пяток, она пошла открывать. Кем бы ни были эти гости, она не станет сейчас ради них прихорашиваться.

«Посмотрите на часы, убудки, скажите спасибо, что я не выливаю с крыши на вас кипящее масло», – мысленно ворчала она.

Вместо раздражённых соседей, коммивояжёров, полицейских, пожарных, – да кого угодно, – на неё смотрели знакомые глаза, обрамлённые сетью морщин. Она быстро избавилась от сонного наваждения, но взять себя в руки не успела.

Мужчина выставил руку вперёд, не дав закрыть дверь перед его носом.

– Блять! – Дверь распахнулась и с грохотом ударилась о стену...

Часть 35.2. Искатели плохих новостей

Паша, честно признаться, изводил себя мыслями о будущем и настоящим уже несколько часов. Рядом с Луизой чувствовалась неловкость, – или Паша её сам себе придумал, – но этой мысли было достаточно для того, чтобы накрутить себя на веретено и сшить тревожную шубку.

«Это временно, – успокаивал он себя, – это нормальное чувство, нет ничего противоестественного в том, чтобы чувствовать неловкость». Но страх, наверное, перекрывал все остальные связные мысли. Он не мог договориться даже сам с собой – как он собирался разрешать этот вопрос с Луизой? Такими темпами он проехал свою остановку, затем ещё одну и ещё, и, доехав до конечки, пересел на левый маршрут. С квестом Луизы он справился сразу – удивительно, что иностранец из овощной лавки около дома узнал своего старого постояльца и порекомендовал, где найти ту маракуйю, что *посвежее и по-настоящему порежет обоняние своей экзотикой*.

Когда Паша приехал домой, измаявшись на августовской жаре, в квартире было непривычно тихо. Не потому, что он в целом отвык от тишины из-за девушки, нет, тут другое.

Вообще-то, он это отметил ещё вчера, по приезде, но как-то отбросил эту мысль, желая скорее отключиться. А сегодня в его распоряжении и время, и энергия, и мысли. И сам он прямо-таки эталон задумчивости – статуя Мыслителя, версия 2.0.

Дело в том, что вернувшись в собственный дом, Паша почувствовал себя мошенником. Родной двор, родные бабки у подъезда, родная высотка с сотней пустых окон смотрели на него, как на чужака. Всё было так же, но ощущение, что с последнего визита сюда прошли десятилетия. Даже разноцветные граффити поблекли на двери подъезда, хотя Паша их сразу различил и мог бы, наверное, нарисовать по памяти.

Нужно было признать, что нечто изменилось в самом Паше за время пребывания в психушке. Только в лучшую или худшую сторону – не понятно.

Луиза изменилась куда больше. Он знал её от силы пару месяцев, но каждый день какая-то устоявшаяся парадигма трескалась, а шаблон разрывался в её руках.

Луизе тоже на воле нравилось. Её интересовала сама жизнь: многообразие чувств, что она не помнила или вообще не испытывала, даже Пашино нескладное обиталище привлекло её внимание. Совпадали ли её ожидания с реальностью? Разочаровалась ли она или ей было всё равно? Чувствовала ли она себя тревожно на новом месте, или любое место, кроме дома родителей, было для нее приемлемо. Ско-

рее, второе, подумал Паша, видя, как она по-свойски, почти машинально хозяйничала на его кухне, разбирая пакеты с едой. Жажда до всего нового – это своего рода сигнал о том, что она шла на поправку, и депрессия отступала. Вот бы и Паша узнал, каково это.

– Как думаешь, можно ли убить человека с его письменного согласия, заверенного нотариусом? – сидя за столом и поедая маракуйю, буднично спросила Луиза.

– Не уверен. Хотя смотря как будет звучать согласие...

– «Не предъявляю никаких претензий, если Гражданин N сделает со мной что-то грязное, выходящие за рамки закона, и даю своё полное согласие на это»?

– Я бы не докопался. Наверное, в целом так можно, но сделавшему это человеку все равно придётся понести наказание, только по более гуманной статье, – рассуждал он, параллельно просматривая почту на ноутбуке. Сколько всего он пропустил...

– А как должна называться эта статья? Подстрекательство? Есть статья о подстрекательстве к причинению вреда обманным путем? Или как называется, когда под давлением мошенников происходит причинение вреда этим самым мошенникам? – она всерьёз задумалась.

– Почему ты спрашиваешь?

– Ну... для общего развития интересуюсь.

– А с тобой не соскучишься, – простодушно выдохнул он, не приняв слова близко к сердцу. Хотя Луиза могла бы и под соусом шутки подать серьёзную тему. Но он надеялся, что они уже прошли период, когда такое кокетство было уместно. Тем не менее на всякий случай он сказал: – Ну ты держи в курсе, ладно? Если что, я рядом. Убить не обещаю, но замести следы преступления – к вашим услугам.

– Угу.

Молчала она недолго:

– Па-а-а-аш, – протяжный вздох разнёсся по комнате, тревожа стаю мурашек, пробегающих по его спинному мозгу. – Па-ша-а-а-а...

– Что такое?

– Есть две новости: нехорошая и плохая. С какой начать?

Он посмотрел на нее умоляюще, отодвигая ноутбук от лица:

– Давай с той, после которой не придётся пить валерианку или биться головой об стену.

– Тогда я помолчу.

– Лу.

Она положила измученный недоеденный фрукт на столешницу и угрюмо повернулась лицом к его лицу.

– Пока тебя не было, заходил доктор Крашник...

– Э? – он подавился воздухом.

– Да. Мои родители сдали нас, а дальше он сам догадался,

что рано или поздно мы приедем к тебе.

– Что...

«что он хотел? зачем он приходил? где он сейчас? нам бежать? нам сидеть? нам лежать? почему ты спокойная? а спокойная ли ты? ты в порядке? что он с тобой сделал? что происходит?».

Вместо вулкана из эмоций эти вопросы породили в нём ступор. Он хлопал распахнутыми глазами, ожидая продолжения.

– Он... Пришёл выразить соболезнования по поводу смерти Гриши. Его тело никто не забрал. Связывались с родными, но его бабушка и дедушка – пожилые и живут далеко. Телом распорядились в соответствии с ситуацией.

Паша вздохнул, не веря своим ушам. Нет. Не-не-не. Его другу не место на общем кладбище среди безымянных могил. Ему в целом не место на кладбище...

– Это не всё, – вклинилась она, видя панику в его глазах.

– Можно... Что-то сделать? – в голове шумела кровь, его затошнило от мыслей.

– Только по заявлению попросить сообщить о месте захоронения. Там в целом не сложно, я гуглила. Ты это, ну... *Блять*, Паш, я понимаю, что пиздец, иди сюда, – она раскинула руки в стороны и сама обняла его, – дыши.

Он автоматически захватил её в замок объятий.

– Я с тобой. Я тебя в этом не брошу. Сделаем всё, что необходимо. Разберёмся, ладно? Ничего не сломано.

– Да пиздец, – тихо выдохнул он ей в плечо. Холодный пот запускал рябью волны боли и недовольства у него под кожей. От отвращения к самому себе и ситуации хотелось вывернуться наизнанку. Но он знал, что даже так сбежать от этих чувств не получится.

– Я пьянствовал и радовался жизни на воле, пока мой друг прокисал в морге, как брошенная собака.

– Не прокисал он. Ему уже всё равно было, – резче, чем хотела, сказала Луиза, затем, как шарик, её воинственность сдулась: – То, что было, теперь только в твоей голове... Да и тебе бы всё равно не отдали его тело. Даже если ты и мог что-то сделать, то только для себя. Для твоего успокоения. Грише уже не до этого.

– Сраная жизнь, – судя по всему выразил своё неодобрение Паша, украв луизино словечно. Девушка не обратила внимание и продолжала:

– Он же не был религиозен. Ни он, ни ты. Чё ты это самое? – несмотря на свои слова, она стискивала его крепче, не давая вырваться ни ему, ни его хаосу. – Ничего не изменилось. Твоя обида не поможет никому.

– И что, мне перестать чувствовать?! – всхлипнул он. Ничего не формировалось в голове. Эмоции перекрикивали друг друга, но кричать здесь хотелось только Паше, и то матом.

– Если надо, я буду твоей жилеткой, так что отставить, рядовой! Мы всё это с тобой прочувствуем и каждую эмоцию

выразим! Я пытаюсь сказать, что ты ни в чём не виноват.

– Ой всё. Мне этого от доктора Крашника хватило на сессиях... Кстати, где он? – Паша даже отшатнулся, вглядываясь опухшими глазами в подругу.

– А это мы плавно переходим ко второй новости...

– Что...

Прежде чем ответить, она дала ему секунду на «перестроиться». Хотя тут фиг перестроишься, когда ты как на адской вагонетке летишь в пропасть.

– Док предложил... предложил поговорить. Предложил свою помощь и услуги себя, как частного психотерапевта. Ну, типо, с огромной скидкой, – зачем-то добавила она.

– Я не понимаю... – Он хмурился, запутавшись в облегчении и смятении. – Я вообще перестал что-либо понимать, Лу.

Луиза, что-то решив, наконец отпустила его, отворачиваясь к чайнику, чтобы налить им чего-то согревающего. Только потом продолжила:

– Я... Он сам толком ничего не объяснил. Сначала он точно так же успокаивал меня, потому что я тут от испуга чуть в окно не выпрыгнула.

– Благо, первый этаж.

– Да, благо, первый этаж, – повторила она со смешком. – А затем он просто предложил. Оставил номер телефона. Сказал, что понимает. Что привязался. Что хочет помочь и поучаствовать, потому что мы в этом нуждаемся.

– А мы в этом нуждаемся? – уточнил Паша. Кружка чая со значком Супермена на миг перехватила его внимание, оказавшись на столе.

– Не знаю. Я его что в больнице не переносила, что здесь. Меня, ну, пугает он.

Паша помнил. Этого нельзя не помнить. То, как Луиза в красках рассказывала о сеансах с доктором Крашником, словно с доктором Менгеле. Повтора для неё Паша не хотел. Он сделает всё возможное, чтобы девушка не подвергалась моральному насилию, и если это значит, что придется защищать ее от доктора Крашника, так и быть.

Кстати, о защищать...

– Это не ловушка? Почему он пришёл, когда меня не было?

Хотелось засыпать ее вопросами, но под их тяжестью девушка заметно становилась меньше, а чашка чая в руках, напротив, увеличивалась, отдавая девушке всё своё тепло и безопасность.

– Сказал что-то про раннюю электричку и дела. Я не помню, что именно, – все-таки ответила она. – Кстати, мы не одни сбежали.

– Ч-е-г-о?

– Ага. Самовыписались Мать-Природа, и Макс. И Денис с Олегом вроде, но их насильно вернули, потому что постановление суда есть...

Вкусный чай, кошмар. Чай вкусный. Интересно, сколько ему его сейчас надо, чтобы захлебнуться.

Павел вернулся к статье, которую читал. «*Права и обязанности пациента психиатрического отделения*». На всякий случай лучше перестраховаться и знать, что их может ждать. Помимо очевидных обязательств соблюдать внутренний распорядок и выполнять назначения врача, не было ничего категоричного, что запрещало бы им самовольно прекратить лечение (они не были опасны для общества или для себя и не находились под стражей до оглашения приговора). Поэтому знатно начитавшись, часом позже он внезапно спросил в тишине комнаты:

– Слушай, мне бы хотя бы вернуть телефон и вещи.

Она подняла на него взгляд, смешно отсюрпывая горячий какао из чашки одними губами, чтобы не обжечь язык. Он неохотно продолжил:

– Тебе если тоже нужно что-то забрать, придётся пойти со мной. Твои вещи мне не отдадут.

Она отставила напиток подальше.

– Ты не пойдёшь, – голос девушки дрогнул, – никаких возвращений. Я тебя как потом вызволять буду?

– Не нужно будет тебе меня вызволять. Всё будет нормально, – волнение проскочило в голосе, но он замаскировал его

под кашель. – Я туда-обратно.

– Ну ладно. Сходи только сейчас хлебом, – она смотрела всё так же настороженно и угрюмо. – А то мне тебе сухари сушить не из чего.

Чёрт, а чего он ожидал впрочем?

– Мы не будем ссориться из-за этого.

– Не будем, конечно, ведь ты никуда не пойдёшь, – утвердила она. – Я серьёзно, Паш. Ты крышей поехал. Купишь себе новый телефон, ты можешь. Или по той своей жеванной футболке соскучился? Так её не возвращать, а сжечь надо бы. Цвет премерзкий.

– Ну, Лу.

– Не лукай мне...

– «Лукалка не выросла»?

Она закатила глаза, но сердилась вроде бы больше от раздражения, а не от страха.

Он, наверное, тоже не поверил бы себе. Да, звонить доктору Крашнику намеренно не хотелось, но вот если бы он как бы невзначай сходил за вещами и между делом зашёл поздороваться, ничего бы страшного не было бы, да?..

Кого он пытается обмануть.

Часть 36. Не проморгать момент

Метроном стучал, касаясь своих граней и лишь на долю секунды задерживаясь на середине. Постоянно в движении. Постоянно приковывал внимание. Угадывал твои мысли, потому что сам тебе их транслировал. Сердце билось точно в таком же ритме.

Паша распахнул глаза, распознав мотив. На часах 12:32. Он, кажется, должен был распределять подчинённых по уровням сложности, но уснул, прислонившись к картотеке. Распределение – первостепенное дело, чтобы на следующем этапе лечения было легче их усмирять. Как среди стада овец не должно быть волка, так и в его отделении среди инфантильных параноиков не должно быть блещущих идеями фаталистов. Он это выучил на собственном примере. Когда в прежней жизни его отправляли на групповые занятия, он оказывался в ловушке, окружённый с одной стороны энергетическими кровопийцами, а с другой – апатичными дегенератами. Нет уж, надо всех уравнивать хотя бы в их психопатической категории.

Помимо метронома, ни звука, и Паше приходилось сорванным голосом подвывать неизвестный мотив из звуков, чтобы не было так тихо. Он взял с полки карту первого попавшегося пациента. Фамилия смутно знакомая. Под пальцами чувствовался шорох съеденного бумажными клещами

личного дела. Касаться неприятно. Каждым касанием он, наверняка, соскребал очередное насекомое с насиженного места и даже не замечал этого. Бумага бежевая, мятая, вся в шероховатостях, как будто вторсырье. Пылесборник. Паша подцепил страницу ногтем, и та отрезонировала своим шёпотом по его нервным окончаниям. Один из тех звуков, вроде скрежета вилкой по керамике, после которых мурашки на руках и судороги в сосках, как бы абсурдно это ни звучало.

Он обтёр ладонь о белые штаны. По спине то и дело пробегали колючки мыслей.

С глухим «бух» с картотеки за его спиной что-то свалилось. Он сгруппировался, втянув шею в плечи. Заторможенно обернулся. Выдохнул.

Кажется, показалось.

Пора за работу. Он же должен был отделить психиатрические зерна от психоделических плевел.

Шею обласкал ветерок, и Паша поёжился.

Коридоры уже не пустые, но ещё не полные. Коридоры, как и общий холл, куда он направлялся, тщательно вымытые. Стерильность всегда навевала ему определённые ассоциации.

Словно пациенты – лабораторные мыши, и ничего не должно мешать следить за их состоянием.

Стерильность подразумевала боль. В стерильности даже шуметь невозможно.

Поэтому здешние завсегдатае уже бросили попытки. В

стерильной тишине твой голос как разбитый стакан в храме. Ещё и священник осуждающе посмотрит.

Стерильность шла в ногу со спиртом. Щекотала обоняние, нервы и душу.

Всё, что могли пациенты в этой атмосфере дружелюбия – это сливаться с интерьером. Одни безмолвно лежали в цветочной клумбе, засыпанные землей, маскируясь под часть инсталляции. Рядом с ними в холле за столом сидела знакомая женщина. Паша не мог сказать, с чем она пожаловала к ним, но изогнутый окровавленный нож в её руках уже вносил кое-какую ясность.

Хотелось успеть навестить Зою Кирилловну, пока есть время перед новым наплывом. «Наплывом» он называл плановую дезинфекцию в палатах, отчего пациентов гуськом выгоняли в общий холл, чтобы те не надышались химией. Производила это всё команда из двух человек, а значит одновременно охватить всю территорию им не под силам. Поэтому и происходили эти «волны».

Паша как раз шёл между двух возрастных мужичков. Те переглянулись и в этот момент попытались сдать его своими телами, но он быстро проскочил и по неосторожности чуть не наступил на чёрного котёнка.

Луиза с дальнего конца коридора увидела это и в холодных глазах появилось отвращение. Она пошла по своим делам, а Гриша следовал по пятам. И Паше нужно по своим.

Огромный чёрный мешок в руке мешался, ударяясь о го-

лени, и Паша перехватил его удобнее, затем зашёл в палату Зои Кирилловны. В одноместной комнате им с мужем никто не мешал ворковать, и Паша лишь кивнул ей, как бы говоря: «Не буду отвлекать. Зайду позже». На часах 12:32. Он ещё успевал.

Распределение должно быть ярко обозначено, чтобы из-за круговорота лиц не пропустить «зайцев». Бирки на ногах помогали в этом. Белые бирки тусовались в белом секторе у входа. Соответственно, красные – в красном, у окон. Синие могли передвигаться вдоль стен. А жёлтые – в центре. Желтые должны были быть на виду. Паша бегло окинул помещение. Все цвета на своих местах. Пока людей не так много, не нужно было подходить к каждому и проверять. Тем не менее десяток человек тоже не мало. Это почти футбольная команда. Только взаимодействовать им нельзя. А то мячи тут же полетели бы в свои ворота, а нападающий стал не силой команды, а главным её препятствием.

Вот, например, этот красавчик в центре, светящий золотым браслетом на ноге, напоминал контуженного ветерана боевых действий. Под его белой пижамой свободного кроя обросшая рубцами кожа. Его могли бы «окрестить проказным» и отвезти в инфекционное отделение, но проказы его были другого профиля. О чём свидетельствовал шрам от вилки на запястье. Рядом с минималистической татуировкой вилки. Что появилось раньше, остается загадкой.

Справа кто-то кряхтел, и Паша отвлекся. Может, подавил-

ся человек.

На него взирал типичный синий браслет.

– Горло болит? – спросит он пациента.

Тот покачал головой и поманил его пальцем к себе. Паша подошёл.

– Вас что-то беспокоит? – попытался Паша. – Я могу что-то сделать?

Пациент ухватился за мысль и кивнул.

– Исчезни, – попросил он шёпотом Павла. – Тяжело. Я не моргаю только ради тебя. Чтобы тебе можно было моргать. Я устал.

И закончил свою мысль с всё тем же взглядом в упор.

Губы Паши неопределенно дрогнули. Уже можно было и закончить на этом разговор с пациентом:

– Хорошо... Исчезаю.

Он ещё раз бросил взгляд на часы. 12:32. Тихо. Спокойно. Обычно в такое время и происходил наплыв. Пока что он мог неторопливо прогуливаться мимо молчащих пациентов и думать о своей роли здесь. Он не замечал раньше, но буквально каждый пациент смотрел в упор на него точно таким же взглядом, как тот синий браслет. Странные. Если кто-то просыпет перец, этим людям придётся несладко: чихать с открытыми глазами проблематично.

Но он не живодёр, он всего лишь их распределитель. Только лицо не ощущалось должным образом. И кожа болела.

Он отбросил чёрный пакет, чтобы идти было легче, и

мельком заметил что-то яркое внизу. Посмотрел ещё раз.

Красная бирка.

Что? У него чьи-то чужие ноги и пришпиленная красная бирка браслетом огибала лодыжку.

Подождите-ка. Тут какая-то ошибка.

Зал начал наполняться людьми. Очень невовремя вспомнив о своём долге, Паша бросился к выходу, чтобы как на конвейере распихивать разноцветные бирки к своим кучкам. Кто-то отталкивал его, не поддаваясь, и Паша в раздражении, перемешанном с недавней паникой, стал действовать более хаотично, швыряя людей направо и налево.

А пациенты все прибывали. Он не замечал, как хватаясь, царапал чужие плечи, как толкал человека в человека, как люди падали с ног, не удержав повышающееся давление. Людей слишком много. На один квадратный метр приходилось полтора человека. Точно час пик в метро. А заходить больше некуда.

Но люди все равно проталкивались внутрь, и вот уже кто-то сдавливал его руки, его ребра, жался к заднице и пихал локтями.

Дышать невозможно, он не справлялся. Нужно было попытаться выстоять эту волну. Она сильнее всех вместе взятых. Только бы не упасть. Его тут же, не глядя, затопчут. Он не различал лиц, только множество конечностей мелькает перед глазами. Лишь вдалеке, минуя сотни голов, за стеклом окна Павел заметил фигуру доктора Крашника. И не ок-

но это вовсе, а стеклянная дверь с перегородкой.

Люди лезли друг через друга, забираясь на плечи, сбивая головами лампочки, свисающие с потолка, а Паша задыхался.

Он задыхался.

Задыхался.

Задыхался.

На часах 12:32.

Нет, это не могло больше продолжаться.

Ещё один такой сон, и он свихнётся.

Было время, когда он записывал сны. Искал в них смысл. Трактовал и так, и эдак. А по его стенограммам вообще можно отдельный наркоманский сонник собрать, да был бы толк.

Как странно, что находясь внутри сна, он не был разборчив в событиях, не реагировал на них должным образом, не критиковал свои мотивы. Не понимал, что что-то идёт не так. Весь сон вспомнить не удалось, а спустя полчаса хождения по кухне, чтобы не будить Луизу, от сна остались только наиболее яркие кадры. И вот что прикажете ему делать? Как понять кричащий о проблемах рассудок? Да, он скорбел по Грише, помня его расхристанного по клумбе. Да, он переживал об отношениях с Луизой. Да, ему приходила мысль, что Зоя Кирилловна в том возрасте, когда могла встретиться с

мужем. Причём тут распределение? Причём здесь эти часы. О чём его предупреждало его подсознание? Что сейчас не самое удачное время, чтобы моргать? Или метафора о том, что надо ценить каждый миг? Упаси Боже.

Его кошмары как этот старый воняющий бомж на лавочке. Ты видишь его каждый вечер после тяжелого рабочего дня и ничего не можешь сделать. Хоть прогони, хоть участкового вызови. Может, именно этот бомж когда-нибудь всё-таки и уйдет, но на его пригретое место притянет другого.

А найти в себе силы, чтобы сжечь эту скамейку, Паша не мог. Думал, стерпится, слюбится, но год за годом шёл, а насыщенные негативными образами сны перешли в хронику. Привыкнуть не мог, но кое-как адаптировался. Сейчас например, он пил крепкий сладкий чай с лимоном и смотрел на начинающийся рассвет. Времени на рефлексии предостаточно.

В комнате спала беззаботная Луиза. Когда он в своей нервной манере подскочил с подушки, озираясь в темноте, она и ухом не повела.

Видя такую беззаботность, он не осмелился её тревожить. У девчонки и своих тараканов хватало.

Поэтому легче уйти. Всегда легче уйти и закрыться от других. Это его личное кредо.

Но может, в этот раз он мог бы довериться другому человеку? Который хорошо понимал его прежде, и сейчас, наверняка, понял бы. Который искренне не равнодушен к чело-

веческим судьбам. Который сам уже настолько больной, насколько необходимо, чтобы понимать «их мир», но не окунаться в него самому.

Может, его подруга по несчастью права: Паша дурак, но он отдавал себе отчёт о своих дурацких решениях и согласен нести свою дурацкую ответственность.

Иначе, никак. Иначе его лечение не сдвинется с мертвой точки. Паше нужна была помощь уже давно. И сейчас он был готов полностью открыться и пойти навстречу специалисту.

Часть 37. Мир, который мы не видим

«Прости, мне надо с ним встретиться. Завтрак закажи, к приложению доставки привязана моя карта»

Луиза крутила в руках злосчастный стикер, снятый с холодильника. Мозг не до конца проснулся и сил на то, чтобы разозлиться, взять было неоткуда. Поэтому она лишь закатила глаза и поставила чайник. Что у этого придурка в голове? Опять сам всё решил, сделает, как захотел, а когда ничего не получится, придёт к ней со своей грустной моськой. Ну, в самом деле, зачем ему этот откат назад? Что он мог получить от доктора, чего не могла дать ему Луиза? Искренне помочь пережить потерю. Она старалась. Говорить и обсуждать их состояние. Она старалась. Дать какую-то уверенность в будущем. Она старалась.

Если задуматься, она никогда не просила от него ничего сверхъестественного. Была к нему добра, почти всегда, и принимала его «приколы». Он даже не замечал, насколько она к нему терпелива, и чего ей это стоило.

Ну и хрен с ним. Пусть идёт и набивает шишки. В самом деле, кто она такая, чтобы как ребёнку указывать, что для него было хорошо, а что плохо.

Она лучше пельмешки поест. Интересно, срок годности не прошёл за эти два месяца? Или в заморозке пашинного морозильника пельмешки могут и год пролежать? Это как с Капитаном Америкой – с годами только лучше? Вообще она была не уверена, что эти пельмешки, купленные на развес, без всяких этикеток, можно варить, но лучше она будет беспокоиться о своём отравлении, чем о том, где Паша и в порядке ли этот сукин сын.

Кстати, он ни словом не обмолвился о своих родителях. Не съел же он их в самом деле. Луиза бы хотела познакомиться лицом к лицу с теми, кто впустил в мир такого дурачину. И в приватной беседе тихонько поблагодарить, конечно. Луиза же не бессердечная. Совесть у не есть. И чувство благодарности не атрофировано.

Даже если этот козёл опять выбрал не её.

Всё, тише, тише. Она не злилась. Её это вообще не касалось теперь. Может, только косвенно, ведь когда он придёт, разочарованный и сломанный, то психовать будет ещё и на свою подругу, и их опять отбросит на пару месяцев назад, когда общаться было некомильфо.

Руки чесались от желания выплеснуть эмоции, нога поднывала, но это терпимо. Она отмеряла квартиру шагами, пока кипел чайник. Пустым взглядом осматривала стену и интерьер комнат в поисках того, за что можно зацепиться. Пельмени варились излишне долго, и она их ругала, но не от всего сердца.

Даже если доктор Крашник уговорит Пашу вернуться в клинику.

Какая ей разница?

Ну, потеряет Луиза всё, к чему они пришли. Ну и что. Подумаешь. Она уйдет ночевать под мостом, если Паша не оставит ей возможность жить здесь в его отсутствие. А согласилась бы она?

Чёрт, почему она вообще думала об этом. Если Паша вернётся в больницу, она не сможет оставаться здесь. Не продолжит же она общаться с этим придурком, не станет приносить ему передачи. Она больше не переступит порог той больницы ни за что. Этого не случится, пока она в своем уме – а она впервые может утверждать, что в своём и ни в чьем-либо уме. Картина событий виделась как никогда ясно. Без чувства вины. Без душашего одиночества. Без пьяной призмы алкоголя.

И ещё пару часов назад, только проснувшись, она была уверена, что и Паша более-менее бодрячком.

Так. Она опять нагнетала. Не обязательно всё будет так. Вдруг Паша отправился прояснить несколько моментов о Грише, расспросить о погребении, может, забрать какие-то вещи друга, а Луиза уже накрутила. Наверняка, Паша будет в порядке. И она будет в порядке.

Он же не писал ничего, типа «не ищи меня», «не вернусь», «прощай». Он всего лишь пожелал ей приятно позавтракать, а к обеду уже вернётся, верно?

Сранные пельмешки, в горло не лезут. И на вкус, как сморщенные черепашки без панциря.

Луиза пыталась отвлечься. Честно, пыталась. Но от попыток перестать думать, только начинала болеть голова, и метафорическая собственноручно возведённая стена падала, как карточный домик. Слезы обиды сами накатывали, и им Луиза уже не сопротивлялась.

Непонятное прежде чувство застряло в горле. Сердце отплясывало чунга-чангу. Под пальцами собственный пульс ощущался подозрительно хаотичным.

Что-то точно случится. Она уверена. В носу свербило, и дыхание перехватывало через раз с судорожным всхлипом.

Она не могла ничего поделать.

Она опять беспомощна.

Она опять останется одна в бескрайности мира, в котором ей некуда податься.

Да что с ней такое? Сердце больно билось.

– Твою мать, – она села на диван и закрыла голову руками, прячась, как при обстрелах. Тяжело дышать. Дышать как. Как дышать-то.

Она сдавила голову сильнее, обнимая себя и защищая от точечных мыслей.

Она даже не знала, как найти Пашу и остановить его от чего бы то ни было. Паша хотел её оставить. И мог сделать это в любой момент. Луиза не тот человек, на которого оглядывались, когда теряли из виду. Он уйдет. Они все уходят.

Она потянулась за диванной декоративной подушкой, сжимая в объятиях, словно это живое существо, которому она может сделать больно, только бы больно не было ей.

Она уткнулась лицом в эту подушку и вместо того чтобы дышать чаще, стала дышать глубже. Медленнее. Воздуха становилось меньше, и перед закрытыми веками взрывались звездочки. Дыхание замедлялось. Руки заболели от напряжения, вцепившиеся в импровизированную подушку безопасности.

Никого нет. И никто не придет ей на помощь. Никто никогда не был рядом с ней в такие моменты, и она всегда справлялась с ними сама. Всегда.

И какого чёрта она не привыкла, вопрос оставался открытым.

Можно было вообще привыкнуть к паническим атакам?

Видимо, нет, потому что за сотни подобных раз у Луизы ничего не выходило.

Несмотря на это, она до сих пор считала, что она в порядке. В том порядке, в который она никого больше впускать не собиралась. В её жизни, безусловно, было место хаосу, но и у того были границы. Как злая собака, сидящая на цепи её сознания. Усмирить не получалось, полюбить не удавалось, но держать на цепи она была ещё способна.

Кажется, начало отпускать. Она на пробу разжала ледяные пальцы. Во рту засел неприятный железный привкус. Слушая своё дыхание, она возвращала себя на землю. Потoki

холодного воздуха из окна возвращали её в гостиную пашиной квартиры. Холодно до мурашек.

Она открыла глаза и посмотрела обречённым взглядом на стенку-шкаф со встроенным телевизором. Проехала взглядом по полкам с книгами, по полке с аптечкой, увидела полку с дезодорантом и электрической бритвой. Чуть приоткрытую дверцу с нательным бельём и носкам, откуда торчал кончик ткани. Увидела непонятную полку с дисками, которыми никто не пользовался, скотчем, отвертками и инструментальными прибрлудами. Лампа на столе. Ноутбук. Закрадывалась мысль, что это всё декорация. Попытка заполнить пространство чем-то. Проживал ли здесь Паша по-настоящему, сознательно, или делал вид, что жил?

Наверное, со всеми его «приколами» – ей нравится этот пашин термин, – Паша даже не осознавал времени. Просто был. Присутствовал. Следовал правилам, живя больше в собственном мире, который создал в голове. Пока не появился Гриша, с которым Паша смог поделиться этим. Как, должно быть, больно жить и быть уверенным в том, что у тебя нет свободы воли. Что все твои действия контролировались кем-то извне. Что настоящий хозяин твоей жизни управлял тобой посредством других людей и событий, вынуждая соглашаться с суррогатными выводами и указателями. Паша ведь был убежден в том, что он марионетка. Луиза за немногие двадцать с гаком лет наблюдения за миром могла нечто такое себе тоже представить, помимо всех остальных теорий заго-

вора, которые интересно почитать перед сном. Могла поверить даже в сверхъестественное и потустороннее, ведь доказательства обратного не видела. Да даже теорию о плоской земле могла бы покрутить в свой голове, удивляясь, как интересно сходились факты, складываясь в единую картину, и как легко было бы... нет, не поверить – *понять* человека, который в это верил.

А теперь сознание поразила догадка о том, что Паша мог бы сойти с ума. От вечного ожидания нового подвоха от Системы. От подвешенного состояния и неведения. От убеждения в том, что он должен продолжать играть. Играть естественно. Не снимая маску даже дома. Он держал это в своей голове и питался своими страхами *годами*.

Кажется, Луиза вообще не уверена, кто был перед ней на самом деле.

Это не то чтобы огорчало её. Просто мысли. Здравые. Ясные. Долгожданное облегчение после пережитой панической атаки.

Боль, которая с течением времени отпускала.

Она попыталась вернуться к тому, как она оказалась на этом диване и что её так шарахнуло.

Пельмени на кухне давно остыли. Шкаф был набит хламом, который Паша с легкостью сбросил бы со своего воздушного шара, как балласт. И как Луизу, да.

Паша. Паша-Паша-Паша.

Что же было в нём такого, что она не могла отпустить его

точно так же. Почему она продолжала беспочвенно переживать за его судьбу? Слишком много эмоций для чувства благодарности или даже для мнимой кратковременной влюбленности, которую она всё же до конца будет отрицать. Почему она так к нему привязалась?

Почему?

Этот вопрос она не оставит без ответа. Она же не трус. Она сила. Она мощь. Она сама управляла своей жизнью. И имела право покопаться в своих чувствах, как в грудe одежды на барахолке, чтобы найти то, что нужно было ей, чтобы объяснить и удовлетворить её понимание.

А для того, чтобы качественно так зарываться в этот ком, ей нужен был Паша. Может...

Может, они...

Может, они могли бы быть...

...вместе.

Может, он тот, кто ей был нужен?

Ведь должна была быть причина, чтобы судьба решила: «Да. Они. Вот эти двое. Их надо свести», – и столкнула их, как два товарных поезда, друг с другом.

Может, Паша и редкостный дурак, но он ей был нужен. А доктор Крашник, зная его врачевательную натуру и умение идти вразрез с желаниями Луизы, скорее всего, попытается разделить их. Он такой. То на индивидуальных сессиях навязывал ей дружбу с Пашей, всячески заставляя идти с парнем на контакт, то передумывал и вырубал Луизу препара-

тами, чтобы она не мешала Паше идти на поправку.

Поэтому Луизе надо было что-то придумать. Только вот никаких наводок у неё не было. Если только обратиться к своей интуиции и сделать так, как она повелит.

Но это бред какой-то.

Прямые ответы не приходили из космоса. Ответы не вкладывал в голову никакой высший замысел. Хотя здорово было бы искать подсказки судьбы и разгадывать её загадки.

Но кажется, нужно было всего лишь подумать. Залезть в мозг доктора Крашника и Паши. Куда они могли пойти. О чём могли говорить. К чему могли прийти. Как их перехватить, чтобы переубедить Пашу и не отдавать его в лапы Психиатрии, которая только и могла, что запирает таких, как они, в клетке.

За мгновение мысленно доктор Крашник в её голове обрёл демонические способности и излучал негативную ауру злодея, и это так хорошо ложилось на дальнейшие рассуждения, что Луиза удивилась сама себе.

У доктора Крашника коварный план вернуть их обоих в больницу. Заманить в ловушку, где поджидали санитары и смирительная рубашка. Как пример.

Из-за этих мыслей она не заметила, как пролился из кружки чай. Она слишком быстро мешала его ложечкой. Пятно расплылось по столешнице, пока она невидящим взглядом смотрела вглубь себя на развернувшийся спектакль.

Вряд ли всё будет именно так кинематографично. И Па-

ша, конечно, не полезет кусаться. А у доктора Крашника не будет в руках пистолета. Но что-то такое доктор вполне мог спланировать.

Для этого нельзя было встречаться в кафе или в парке. Звать Пашу в свой номер гостиницы странно. Доктор Крашник тоже актёр, и сделал бы всё это красиво.

Да чёрт возьми, куда можно повести парня, чтобы при-
тупить его инстинкт самосохранения и втереться в доверие,
вдали от людей?!

Нужно не забывать, что она не какая-то писательница де-
тективов, что она имела дело с живым человеком, со своим
другом, которому, наверняка, грозила опасность, и потому
она должна была сбавить обороты и мыслить приземлённее.
Подруга года, блин.

Послышался звонок, и Луиза от неожиданности дерну-
лась. Страх сковал на долгие секунды, пока она соображала,
откуда донёсся звук. Потом поняла.

Это в домофон позвонили. Непривычно громко. По-осо-
бенному жутко. До неопределенной степени пугающе. Она
побежала открывать, забыв про ногу, забыв про то, что де-
лала минутой назад, и споткнулась от неудачного шага.

– Ыгх,⁶ – вырвалось сквозь зубы, когда она чуть не упала,
но чудом удержалась на ногах, вцепившись в край стола.

На пол полетели лежащие там вещи.

⁶ Строчка для тех, кто в будущем займётся озвучкой данной книги. – Прим. автора.

– Паша?! – радостно вскрикнула она в трубку домофона. Боль в стопе тянулась к колену.

– Простите, я ваша соседка. Вышла выносить мусор без ключей, а дверь закрылась. Я подпорку поставила, но какой-то чмошник её убрал, и дверь захлопнулась. Пустите, по-соседски, – тараторил женский голос, а внутри Луизы всё замерло.

– Да, заходите, ради Бога.

Девушка нажала на кнопку, и в трубке эхом послышался визг открывающихся дверей.

Это было тупо. Вторая Луиза отражалась в зеркале коридора и выглядела всклокоченной. Девушка презрительно осмотрела себя. Ну что за дура. Размечталась. Было бы всё так просто. Чтобы главный герой пошёл на встречу со злодеем, но потом передумал и потому не попал в ловушку. Таких фантастических сюжетов не бывает. О чём она только думала.

Мысли перевернулись вверх-ногами, и она не сразу вспомнила, о чём размышляла до этого.

Бросив взгляд на кухню, она увидела лишь разлитый чай, сбитую со стола сумку. Сумку словно стошнило на пол вывалившимися из неё вещами, и Луиза хмыкнула с этой мысли. Затем поплелась, чтобы поднять то, на что она с большой вероятностью в ближайшем будущем могла наступить и ещё раз упасть. Это её личный закон Мерфи: если есть, обо что споткнуться, она споткнётся.

Как она вообще собралась спасти Пашу, если себя спасти не в состоянии. Фильм про супергероя с ней в главной роли был бы уморительным, думала она, пока поднимала с пола хлам из своей сумки.

О чём она там думала. О том, что можно залезть в голову доктору Крашнику и просчитать, где он назначил встречу Паше, чтобы, как полагалось в блокбастерах, спуститься с вертолётa, схватить Пашу и воспарить вверх, оставив психиатра в дураках.

А ведь Луиза даже города не знает.

Вот почему никто не доверил бы ей писать сценарий к фильму.

Она ещё раз прокрутила в памяти предыдущую сцену. У той девушки по соседству был милый торопливый голос, несмотря на то, что она ругалась. Хорошо, что хоть кому-то Луиза могла помочь, даже если сыграла роль столь незначительную и проходную. Как сыграть труп в фильме. Всё же какое-никакое, а участие.

Ударом сумки об пол она чуть не разбила духи, которые взяла из дома. Было бы грустно потерять ещё и их.

Сраная беспомощность не отпускала.

Может, Паше правда нужен был доктор. И ей самой кто-то нужен. Не Крашник, но кто-то получше. Первый блин комом бывает у всех, и поиск психиатра не должен останавливаться на первом попавшемся. Она не должна была мириться с изъятиями доктора Крашника, если она хоть чуть-чуть себя ува-

жала. Она заслуживала найти того, кто ей придётся по душе.

Наверное.

Чёрт, какое суматошное утро она устроила себе на пустом месте.

Надо была успокоиться и дать себе время подумать.

Ведь время у неё ещё есть, верно?

Убрать мусор, собраться с мыслями, спокойно поесть и принять душ. Звучало как план.

Среди мелкого мусора, разлетевшегося по полу, резинок, расчески и наушников, завернутой в бумажку жвачки и украденных с ресепшена гостиницы конфет, Луиза увидела картонную карточку.

Визитка Варвары Преображенской.

– Хм.

Если Паша могт действовать по своему усмотрению, связываться с доктором, решать свою судьбу, и их судьбу вместе, отталкиваясь от своих собственных убеждений, то почему Луиза не могла действовать, согласно своей интуиции? Верно?

Долго она себя не уговаривала и уже через пять минут сидела на диване, набирая номер той шарлатанки.

Гудков пять подождёт. Если нет, то сбросит. Луизу за интерес никто не смог бы осудить (кроме Паши, но осуждалка

не выросла, и вообще он сам виноват).

– Алло, – отозвались на том конце. – Офис Варвары Преображенской, слушаю вас, – голос был машинальный, как у секретаря, но Луиза признала в нём голос женщины, с которой они встречались.

– Доброе утро, – посчитала она нужным сказать в начале. Вопрос, придуманный ранее, звучал бы слишком резко, к нему надо было мягко подвести.

– Доброе утро. С кем имею честь разговаривать?

Голос уверенный и холодный, отчего Луиза позорно начала заикаться:

– Я. Эм, м-мне... Вы, наверное, не помните. Мы, ну, приходили к вам две недели назад. Для консультации. Вы оставили визитку.

Собеседница выразительно промолчала, и Луиза, переведя дыхание, продолжила более размеренно:

– Павел и Луиза. Приходили к Вам насчет нашего друга, Гриши.

Какая-то басня. Что она несёт?

– Помню, – припечатала ясновидящая. Понять, отчего Луиза её отвлекла своим звонком, было невозможно. Она могла с таким же невозмутимым видом жевать бутерброд или лежать в ванне.

– Извините за то, как закончилась встреча. Мой друг перенервничал и мог наговорить Вам чего-то, не подумав.

– И вы извиняетесь от его имени? – уточнила ведьма. Кем

она только им тогда не представилась. – Не важно. Что вы хотели? Прайс за услуги тот же.

Луиза задумалась. Нужно ли ей это.

А что у неё есть, помимо этого?

– Мы всё по тому же вопросу. Я, точнее. Тут только я. Вы женщина занятая, я понимаю, – девушка ходила из угла в угол, не понимая, как себя вести. – Извините, что так повели себя.

– Ваш друг повел себя, – уточнила женщина тактично. – Вы лично своим поведением ничего мне не сделали. Мне показалось, что... ваш друг решил за двоих. И раз деньги уплачены, я могу просто повторить вам то, что собиралась сказать.

Луиза аж отпрянула от телефона, удивленно смотря на экран с номером. Странно.

Это, чёрт возьми, обалдеть как подозрительно. Чутьё подсказывало Луизе, что что-то не так. Такой расклад был бы слишком прост.

– Почему вы идете мне навстречу? – тише спросила она, как будто боялась, что их разговор услышат. Женщина на том конце промолчала. – Нет, правда, в чём подвох?

– Нет подвоха, – призналась астрологиня всё тем же деловым тоном. – Подвоха нет. Лишь моя работа, которую я делаю. Не люблю неудовлетворенных моими услугами клиентов. Я способна отработать каждый рубль, если на то пошло.

– Вы удивительно самоотверженны.

– Можете подъехать, дорогу знаете. Могу и по телефону, – предложила ясновидящая, проигнорировав комплимент, и замолчала, выжидая. Луиза словно в колл-центр Хогвартса позвонила.

– Л-ладно. Говорите так, – неуверенно попросила Луиза, нахмурившись.

Затем она слушала. Слушала от начала всё то же самое, что в прошлый раз они с Пашей самодовольно прохихикали на задней парте. Сейчас думалось – зря. Неужели она в прошлый раз была настолько пьяна, что не зацепилась за сказанное?

Варвара рассказала и про потоки энергии, которые не видны человеческому глазу. И про мир живых и мёртвых. И про преследующие их души людей. И про вполне человеческих из плоти и крови врагов.

– Я говорила в прошлый раз, но повторяюсь. Вы живые, вы не можете видеть того, что я. И не можете влиять на потоки энергии так, как они влияют на вас. Но хочу заметить, что и у вас есть туз в рукаве. С вами та же беда, что и с Гришей. На вас ведётся охота. Некто... Человек-хищник. Сильный, нестигаемый. Чрезвычайно удачливый.

– Я не очень понимаю.

– Тут нечего понимать. Гришу преследовал тот же самый человек, что и Пашу сейчас. Он имеет виды на него и хочет подчинить. Он управляет его судьбой и строит козни.

– Подождите, – Луизе аж плохо стало. – Вы хотите ска-

зять, что они были правы насчет Системы? За ними следила Система?!

В телефоне послышался шум. Словно что-то происходило прямо около динамика, а затем звук изменился. Луиза смогла услышать эхо своего голоса.

– Вы не ответили.

Луиза догадалась, что телефон поставили на подставку и включили громкую связь, чтобы освободить руки. Женщина звучала теперь отдалённо:

– То понятие Системы, о котором мне рассказывал Григорий... Не знаю даже. По-моему они намудрили. Я бы описала иначе.

Опять шорохи, которые напугали Луизу. Только бы связь магическим образом не оборвалась, у неё же сердечко не выдержит. Но ведьма покорно продолжала:

– Григорию запудрили мозги. Я увидела это, попыталась как-то помочь ему, но не смогла, не успела. И боюсь, что вашему другу угрожает то же самое.

– Паша пошёл на встречу с нашим общим психиатром. Доктор сам нас нашёл. Мне кажется, что человек, о котором вы говорите, это он.

– Советник и Дьявол, – произнесла Варвара, шебурша чем-то на столе. Судя по всему, картами таро. – Вероятно, это он и есть.

– Что мне делать? – с подступающей волной паники спросила девушка.

– Расскажите ему. Мне он не поверит. Я не смогу ему помочь, как не смогла помочь Грише. Но у вас должно получиться.

До Луизы дошло, что женщина сожалела и чувствовала свою вину.

И следом астрологиня сделала то, чего Луиза точно не ожидала. Она пошебуршала колодой карт, подтасовала их, переложила, а затем путанно описала место, где искать Пашу с доктором.

Часть 38. Игра ниже пояса

Местом, где замыкались четыре дороги, оказался круговой перекрёсток. Местом получения силы для людей, где не было ни воды, ни берега, но всё пространство было пронизано водной энергетикой, являлся ресторан с названием «Амфитрита». Пришлось гуглить, конечно, потому что откуда она знала бы, как звали богиню моря в Древней Греции, но даже так было приятно, что она смогла разгадать головоломку. При всем уважении к тарологам, они лучшие в том, чтобы создавать загадки. Им бы заняться квестовым бизнесом. Как-никак, а лишняя копейка в магическую семью.

Луиза уже ехала на такси до ресторана, где засели эти двое, по словам астрологини.

Парень в такси помог ей. Сначала открыл дверь, затем подал руку, подержал костыль, ожидая, пока она заберётся в салон. Затем отнёс его в багажник и сам сел за руль. Ничего такого, скажете вы, но ей даже не пришлось наступать на злосчастную ногу. Таких мелочей не замечаешь, пока неприятность не приходит лично в твой дом.

Дорога в черте города не заняла много времени. Луиза слишком засуетилась, увидев вывеску уличного ресторана, что, кажется, второпях даже не сказала водителю спасибо. Хотя она и так отмалчивалась всю дорогу. Что с неё, такой грубиянки, взять.

На выходе парень повторил процедуру, как некий реверанс перед ней. Или по ней настолько хорошо видно, что она немощная и больная? Наверное, видно.

Мысленно она сделала пометку больше обращать внимания на хороших людей. Если заикливаться на хорошем, её «стакан» когда-нибудь «наполнится».

Развернувшаяся картина побила все ожидания. Даже в самых несуразных раскладах вселенной Луиза не могла бы представить, что Паша, отправившись на встречу со своим жутким психиатром, будет в итоге сидеть с ним на полузакрытой террасе ресторана, попивая пузатую бутылку крепкого алкоголя с ним на пару, и закусывая сырной тарелкой.

Девушка даже протёрла глаза, но образ не рассеивался. Со своего места они не могли её увидеть, к счастью.

Из ниоткуда перед ней возник официант и предложил присесть за стол, однако она сразу оповестила его, что присоединиться к своим друзьям, и заказывать она ничего не собиралась.

Работник в фирменном фартуке машинально кивнул ей и оставил наедине.

Даже странно, как быстро к ней потеряли интерес.

Она присела и стала наблюдать, оперев костыль о стену позади себя. Они и правда вдвоём пили какой-то коньяк или виски, не разбавляя, из четырёхгранных стаканов. Паша держался рукой за край стола, вторую подставив под подборо-

док; а доктор Крашник вещал о чём-то своём докторском. И никаких тебе дьявольских рожек. И никакого затмения. Луиза растерялась.

Ждать ей пришлось недолго, прежде чем действие сменилось.

Доктор Крашник поднялся шаткой фигурой из-за стола и по жестам было понятно, что он «на пару минут».

Так быстро она не бегала даже от своих родителей. Пулей она преодолела расстояние и, оказавшись перед Пашей, в одну фразу выпалила:

– Галочка, ты щас умрёшь!

Паша дёрнулся, но слава богам, не закричал. Хотя благословение Богов тут не при чём – просто рядом с этой девушкой его нервы прокачивались, и скоро можно будет увидеть метафорический пресс.

– Ты во-о-обще не во время, – тише сказал он ей, смотря в сторону, где исчез его предыдущий собеседник. – Давай дома поговорим, пожалуйста, – умолял он, в надежде, что ещё можно спасти ситуацию, опалая Луизу алкогольным амбре прямо в лицо.

Это её чуть успокоило.

– Важно, Паш, пиздец сплетню узнала. Отвал жёпы гарантирую. – «С каких пор она общалась как невменяемая?»

– Думаешь, не подождёт до дома? И почему ты так разговариваешь? – тоже заметил он.

– Нервничаю.

– Почему? – спросил он настороженно. Кажется, он был готов дать ей шанс. На пробу она выпалила:

– Я позвонила гадалке. Она мне *такое* рассказала!

Паша хлопнул её по руке, прерывая:

– Тем более, не сейчас! Желательно, никогда. Уходи, подожди меня где-нибудь, где не «здесь». Я найду тебя и позже все-все сплетни мне расскажешь, ок?

Он смотрел в сторону туалетов.

– Паш! Послушай! Я быстро! Это лишь надо принять, как данность. Мир неоднозначен. Многогранность измерений. Помнишь? Варвара мне объяснила!

– Это тупо, Лу, – хмельно выдохнул он, и обоняние Луизы вновь обожгло знакомым ароматом. Стало капельку обидно:

– Он тебя просто спаивает.

– Не правда. Ему не надо меня спаивать, Лу.

Девушка еще упорнее возразила:

– Да ты скоро в дрова уже будешь. Это его план.

– Какой план?

– Я всё расскажу, но сейчас нам надо убираться отсюда. – Луиза тревожно оглядывалась в заполненный зал на снующих официантов, ожидая, что с секунды на секунду вернётся доктор Крашник.

– Ты что-то путаешь. Уходи. Он нормальный тип, мы про-

сто разговариваем, понимаешь?

– Он был личным врачом Гриши, – заявила она, – ещё до того, как Гриша попал в больницу. Доктор Крашник что-то такое сделал, не знаю, чтобы заполучить Гришу себе.

– Что ты несёшь? Зачем ему Гриша?

– Да откуда я нахрен знаю, может он садо-мазо-вибро-ультра-бета- гамма-мета-маньяк. Или извращенец. Преображенская сказала, что он запудрил Грише мозги!

Паша моргнул несколько раз и тоже оглянулся, хмуро выцепляя вдалеке фигуру доктора.

В этот момент Луиза поняла, что Паша только притворился настолько пьяным. Создавал кажимость, а не видимость... Или видимость, а не истинность... Или созданность, а не образность... Плевать, что он там создавал...

– Что вообще происходит... – произнесла она, не меняя тон.

– Блин, Лу. Вообще не время для интриг, – Паша причесал себя пальцами, пытаясь думать. – Я и так на двух стульях сижу. Пытаюсь выведать хоть что-то про Гришу.

– Ты... что? Пытаешься сам спойть его?

– Импровизирую, – он пожал плечами. – Слишком долго его нет. Либо сказались сырные тарталетки, либо он что-то произошло.

– И он не уговаривал тебя вернуться? – уточнила зеленоглазая.

– Нет, но... послушай, эта твоя ведьма... Это просто сов-

падение. Не мог же он всё это время быть в курсе всего.

– Возможно, он замешан в Системе, – попыталась ещё раз девушка.

– Я тоже от этом думал, но вряд ли... Он какой-то другой. Разумеется, он не последний человек в больнице. Да и доктором наук готовится стать. Но мне почему-то кажется, что ему как будто не до этого.

– Это ещё не значит, что он за хороших парней, – напомнила девушка.

«В этом океане не бывает безобидных рыб».

– Да, но... Чтобы Гришу?..

– А вы спросите напрямую, – раздалось из-за спин, и они синхронно вздрогнули. В суматохе ресторана доктор сумел раствориться в толпе и подкрасться незаметно. Он вальяжно шлепнулся на сидение рядом, всматриваясь в лица друзей. – Ну, чего молчим?

В нём сразу почувствовалось какое-то нахальство. И жуткий перегар. Это точно их доктор?

– Не знала, что вы пьёте, – Луиза разинула рот.

– А я не человек? А разве все мы не люди? – Он окинул рукой всё внутреннее помещение террасы. – Я, по-вашему, 24 на 7 психиатр? Ну да, мне же нечего делать, кроме как денно и ночью ждать вашего звонка и прилетать по первой необходимости. Чёрт возьми, даже в отпуске я умудряюсь работать. Верчусь тут с вами, как в задницу ужаленный, как будто это всё только мне надо. Разве я не имею права на от-

дых? – задался он вопросом. Луиза вопросительно посмотрела на друга. Паша не выглядел поражённым этим поведением.

– Я когда пришёл, он уже открывал бутылку, – ответил парень на незаданный вопрос. Луиза тогда закономерно спросила:

– А зачем вы искали нас и предлагали свою помощь, если так устали?

– Не могу иначе, – цокнул он на самого себя.

– Из-за моих родителей?

– Причём тут... Нет, не из-за них. Просто у моего трудоголизма тоже есть обратная сторона, – признался он так, что Паше показалось, будто в этом человеке одновременно уживались и профессионал своего дела, и беспробудный нигилист, и захмелевший философ.

– Ладно, – намного смелее добавила девушка, больше не впечатлившись – куда уж больше. – Что произошло с Гришей?

Доктор красноречиво вздохнул и закатил глаза.

– «Люблю» допросы. Вам с какого момента рассказать? Я думал, всем здесь всё понятно, разве это надо разбирать?

– Ну, значит надо, если мы спрашиваем! – Луиза прикрикнула, как будто бы компенсируя пашину пассивность в разговоре. – С самого-самого начала давайте. С вашей частной с ним практики. Потому что это не нормально, когда человек ни с того ни с сего перестает доверять близкому другу,

решает оборвать все контакты, скрывается...

– Оставляет шифры, – встрял Паша.

– ...Оставляет шифры... эй, не перебивай, – она аж фыркнула на полупьяную моську своего подельника. – Так что произошло?

– О-о-о-о, мои вы хорошие. Паш, ты тоже не понимаешь, да? – доктор потёр переносицу. – Да-с, я был лучшего мнения о твоих способностях.

– Да просто скажите, мы же здесь ради этого, – пропищала Луиза от безнадёги услышать что-то вразумительное.

– Тот парень, которого ты, Паш, знал, – начал доктор, взяв так и недопитую бутылку скотча и обновляя оба бокала, – едва ли существовал. Сколько ты с ним знаком. Полгода, год? Сколько вы переписывались в сети, обмениваясь тупыми картинками. Я знал его многим дольше, потому что он мой пациент. И всегда им был. Гриша давно состоял на учёте, регулярно отмечался и не сказать, что был прилежным подопечным. Из-за этого его не взяли в армию. Он с трудом закончил технологический техникум. Перебивался с работы на работу, потому что искренне не мог найти себя.

– Почему тогда вы так пренебрежительны к нему? – задалась вопросом Луиза. Ей же это не почудилось?

– Я не могу заставить человека любить или не любить, жить или не жить, хотеть или не хотеть. А ведь я пытался. Некоторые люди просто хронически несчастливы, но не поддают виду и даже сами не отдают себе в этом отчёт. Как бы

так потактичнее объяснить... Гриши не было. Была оболочка. Огромный наполненный водой пузырь, который сам себя пытался лопнуть.

– А? – не понял Паша.

– А-а-а-а-а... – на выдохе произнесла Луиза.

– Да. Я сбился со счёта и не смогу точно сказать без своих бумаг, сколько раз он пытался отравиться. Сколько раз лез в кусты, чтобы его цепанул энцефалитный клещ. Сколько раз он был в травмпункте, потому что падал с высоты и отделялся вывихами. Он утащил пузырёк морфина у меня. Он пытался резаться. Специально буянил, чтобы его привязывали и он смог асфиксировать себя. Однажды почти получилось, кстати, но он потерял сознание и не закончил начатое. Бросился под машину как-то. Да я электрическую бритву собственными руками вырывал из его лап, пока он лежал в кипятке. И это только вершина. Не счесть, сколько происходили эти его маленькие шалости, вроде гуляния в грозу или купания в воде в шторм...

– То есть, когда он в панике просил меня попрощаться с Пашей за него, он готовился к...

– Ты не говорила, что он прощался со мной, – возмутился парень, повернувшись к ней.

– Это читалось между строк, Паш!

– Нет, не читалось, либо у меня уже дислексия!

– Это называется дибилизм, не путай. А Гриша *прямо* прощался. Просил присмотреть за тобой. На меня такую ответ-

ственность скинул в час ночи, как водяную бомбочку с верхнего этажа дома.

– Ой, ну извините, что достался вам такой, – пробубнил он.

– Я тебя сейчас самого выброшу в окно! – бросила она.

– Благо, первый этаж.

– Благо, первый этаж, – повторили они друг за другом в голос. Доктор Крашник не вмешивался, но от последнего выпада рассмеялся.

Луиза перевела на него удивленный взгляд. Злости она не чувствовала в том, как они цеплялись с Пашей на пустом месте, такое часто было, а вот смеющимся доктора Крашника она видела впервые.

– Короче, понятно. Продолжайте уже.

– Да ради Бога, – доктор пожал плечами, – о чём мы только...

– Гриша пытался себе вредить.

– Да, точно. Не прям вредить. Он создавал условия, чтобы снять с себя ответственность, всякий раз что-то пытался самому себе доказать... Если бы я знал, как это прекратить, я бы прекратил. – Он откинулся на спинку сидения, сползая поясницей чуть ниже, и смотрел куда-то в центр зала. Там сновали милovidные официантки, забирая блюда со стола выдачи заказов. – Был момент, когда мне показалось, что я мог бы помочь ему. Прям по-серьёзному помочь, не иллюзорно. Не временно, а прям долгосрочно.

– Как? – воспрял Паша. Он тоже нервничал и как-то покраснел. Наверное из-за жары.

– Когда он очнулся после комы. Он был таким *первобытным*. Он забыл всё напрочь. Чистый лист. Все его идеи были написаны на лице маркером. И никакого двоемыслия.

– А потом?

– А потом явился ты, и Гриша вспомнил. С первого взгляда на тебя вспомнил, – осуждающе проговорил врач. – Позже Гриша признался мне, что недели, пока он не помнил себя прежнего, были его лучшими за всю жизнь. Не важно, что он не помнил ни умерших родственников. Ни собаку, которую отравил сосед. Ни школьное время, когда он впервые заметил в себе странность и безразличие. Если бы я продолжил терапию, он смог бы выкарабкаться...

Паша виновато опустил взгляд, словно всерьёз задумавшись о словах этого манипулятора. Луизе пришлось вступить за пашину честь:

– А если бы Гриша вспомнил позже всё сам? Признайтесь, что вам просто удобно, что есть, кого винить.

– Во-первых, чтобы восполнить утраченную память вот так одномоментно, травмирующе, внезапно, как это было у Гриши, нужен *триггер*. Не мне вам объяснять, что это такое. Во-вторых, я бы мог его подготовить к этой встрече со своим подсознанием. В-третьих, не поймите неправильно, но пациенты должны находиться в покое и под наблюдением. А то, что произошло в ту ночь... Ну что я могу сказать? Об-

стоятельства сложились так, что пострадали люди. Григорий, главным образом. Хотя если судить с другой стороны, у него, наконец, *получилось*. Он добился своего, – доктор безучастно хмыкнул и жестом подозвал официантку, маячащую вдалеке у бара.

– Получается, вы всё равно приложили к этому руку, – куда менее смело проговорила Луиза. – Вы, может, и не втыкали ему кол в спину и не сбрасывали с балкона, но вы знали, кто он, на что он способен, и вы позволили этому случиться.

– Что я могу сказать? – в который раз опирался на эту присказку врач, давая себе тем самым время. – Представьте себя на моём месте. Как я должен реагировать? Здесь нет единственно-правильного варианта развития событий. В любом случае Григорий был в опасности. Но я хотя бы мог сделать так, чтобы быть всегда рядом, когда ему потребуется помощь.

– Вы про что?

– Как сами думаете? Мой пациент попадает в реанимацию с травмой головы. Ему предстояли долгие курсы реабилитации в новом месте, а он ещё и память потерял. Мог я остаться в стороне? Конечно, тут сразу всплыли данные о его анамнезе, и он попал в моё отделение. Врачебная комиссия охотно прислушалась к моему мнению.

– Это законно? – удивилась Луиза.

– Ты не поверишь, если узнаешь о том, как на самом деле всё устроено... – протянул он и бросил взгляд на Пашу.

Парень не реагировал никак, всё ещё переваривая информацию. Только брови сильнее нахмурились. Самой смелой сегодня был Луиза, поэтому она спросила прямо:

– Вы работаете на Систему?

Доктор громко хмыкнул и рассмеялся, по-старчески закашлявшись.

– Что? Хотите сказать, не так? – упорствовала она.

– Да как же не так? Так. И не так одновременно. Гриша рассказал мне про «Систему», – мужчина даже фигурально показал пальцами кавычки. – Но всё это было настолько пронизано сомнениями, что я не стал заострять внимание. Видимо, зря. Он ведь и единомышленника нашёл. В переписке состоял. Общался. Спрашивал, как вести себя с ним, – победно произнёс он. Ухмылка не сползала с его лица.

– Вы знали обо мне с самого начала, но делали вид, что верите?!

Доктор Крашник не отступился от вопроса:

– Успокойся. Ты помнишь главное правило: не обвинять пациентов во лжи. Ты говорил то, что считал нужным. Временами строил свой мир, да. Но в большинстве случаев, когда мы обсуждали твоё мировоззрение или я спрашивал твоего мнения, ты говорил то, как считаешь на самом деле. Ну, я надеюсь.

Видя обречённые глаза Паши, Луиза представила себя на его месте. Поглощающая безнадёга. Сожаление. Обвели вокруг пальца. Зря доверился. Использовали. Сожаление...

Сожаление... Сожаление...

Мерзость.

И ведь доктора Крашника ничего не смущало сейчас. Он привык. Он даже не думал извиниться.

– Вы скотина, – наконец, озвучил свой вердикт Павел и встал из-за стола. Судя по опыту прошлых событий, он собирался уйти, чтобы сдержать свою первичную реакцию. Хотел избежать дальнейших своих намерений. Интересно, смог бы Паша его ударить?

– Моё предложение до сих пор в силе. Сейчас я пока не работаю в отделении, сделаю упор на частной практике. Так что, жду.

– Забётесь ждать, – в сердцах бросил Паша и вышел из-под козырька ресторана под палящие лучи солнца. Затем, как-то рассеянно поднял взгляд вверх. Луиза приготовилась встать следом, полностью разочарованная в разговоре и в человеке перед собой. Затем увидела оглушённого и стремительно опадающего на землю Пашу. Она не успела среагировать, как тот упал навзничь на занесённую песком парадную ресторана. А затем почувствовала хруст в черепе. Белая вспышка в глазах, и больше ничего. Всё случилось слишком быстро.

Часть 39. Правила игры

Что могло бы спасти двух людей, привязанных к стульям в номере гостиницы в половине пятого утра? Если под рукой нет всего этого гангстерского хлама, вроде ножа в носке ботинка или зажигалки в кармане джинс. Что могло бы помочь им спастись, когда ноги и руки крепко стянуты жгутами, какими даже в психлечебнице связывать неэтично. Что дало бы спасение тогда, когда осталась только надежда?

Луиза очнулась первая, сонно разлепляя глаза. Белый шум фоном сотрясался в мозгах. Затылок ломило. Сначала она не поняла, что произошло. Последнее, что она помнила, они сидели в ресторане, ругались с доктором. Потом *смута*, до которой девушка не могла добраться. Затем пробел, и теперь – свет, бьющий из окон, и Паша, сидящий на стуле напротив. Она не хотела забегать вперёд, но рабочая версия абы как уже сформировалась.

– Па-а-а-ш, – хрипло звала она, догадавшись, что ему прилетело пожестьче. – Па-ша, – позвала она вновь.

Надежда тоже оказалась в заложниках, и от неё помощи никакой. Поэтому уповать приходилось только на самих себя. Руки были словно обесточены, лишённые притока крови из-за стяжек. Луиза заметила это, только опустив взгляд вниз. Помимо них на предплечье, на внутренней стороне, торчала медицинская приблуда, с помощью которой в любой

момент можно ввести что-то угодно прямо в вену. Луиза видела такие в больнице у тяжёлых больных. У Паши на руке красовалась такая же, только другого цвета.

Удостоверившись в тишине номера отеля – а это определено было отелем, потому что слишком дорогой и чистый для квартиры обывателя, – она повысила голос:

– Паша, твою мать, очнись.

Парень сидел всё так же. Голова в противовес наклонена на грудь, а под подбородком примостилась подушка для авиаперелётов. Смотрелась она диковинно на парне.

– Паш.

Она осмотрела ещё раз номер на предмет чего-то подходящего, что помогло бы выбраться. Интерьер не был богат на мелочи и детали. Кровать, длинные шторы, комод, журнальный столик, шкаф-купе. Телевизор доисторический. В дверной щели виднелись коридор и дверь в ванную или туалет. Свет погашен. Ни звука. Однако девушка допускала, что они здесь не одни.

Луиза пошевелила кистями – связаны крепко, побагровевшие, со вздутыми венами, пальцы ощущались чужими. Локтями – привязаны к креслу, верёвка соединяла их за спинкой стула. Плечами – шевелились, но толку от этого не было. Так же и с ногами. С грацией лягушки, она попыталась подвигаться по своей оси, чтобы оказаться ближе к Паше и, если понадобится, рухнуть на него всем весом, только чтобы он проснулся. Дурак, скотина. Никогда не слушал её.

Вот выберутся они, и тогда она будет *так* капать ему на мозг, что он больше и не подумает игнорировать её.

Движения ни разу не грациозные, нисколько не лёгкие. Голени загорели, потому что не разгибая коленей и таза, перемещаться она могла только за счёт них и ступней.

Она наконец приблизилась к другу достаточно близко, Смогла вывернуть кисть и дотянуться до его предплечья.

– Паша, ну ёк-макарёк, – она с усилием вцепилась ногтями и постаралась сделать невыносимо больно, чтобы он очнулся.

Её усилия не оказались напрасными. Парень задёргался:

– Ай-ай-ай-шшш, – он разлепил глаза и уставился на свои руки, которыми не мог пошевелить, а затем с обидой посмотрел на девушку, как будто она самолично связала их.

– Наконец-то.

Спустя миг его взгляд сфокусировался, и он начал загружаться.

– Привет, – прозвучало от него даже с облегчением.

– Привет. Давно не виделись.

– Мы...? Ничего не помню, – произнёс парень.

– Я тоже смутно. Что было последнее? – спросила она.

Он пожал плечами. Усилия приносили Паше обозримую головную боль. Он даже откинулся головой на спинку своего кресла и с удивлением обнаружил на себе подушку:

– Боже, а это-то чё?

– Не знаю. Не важно. Помнишь, как мы втроем сидели за

столиком?

– Где мы сидели? – удивился он. А затем постепенно туман начал рассеиваться. – А-а-а, сидели. Да, я же утром позвонил доктору по тому номеру, и он сразу назвал адрес, куда приехать. А потом пришла и ты... Это он нас так?..

– Видимо, да, – пожала она плечами, как будто этот вопрос сам по себе был решенным. – Больше никому.

– Да, – произнёс Паша и закрыл глаза, новая волна боли заставила его стиснуть челюсти. Он тяжело задышал. Луиза напряглась. – Чёрт, чёрт, чёрт, чёрт, фу, – прошептал Паша, производя над собой усилие, – головная боль адская. Меня сейчас стошнит.

– Дыши, – всё, что могла сказать Луиза. Правил об оказании первой помощи она не знала и отталкивалась больше от опыта, когда с похмелья хотелось блевать: либо блюём, либо доблестно держим, дыша обязательно спокойно и размеренно.

Паша откинулся головой на спинку ещё раз и задышал носом. Луиза видела, как раздувались его ноздри, как подрагивал кадык и дрожала нижняя челюсть.

– Молодец, продолжай, Паш.

Затем она решила рискнуть:

– Эй, ты! Его сейчас вырвет! Появись и развяжи хотя бы его! Мистер Дракула, или как тебе там хочется! Ну же! Эй! Эу!

– Не кричи, а, – из коридора появился доктор с чемодан-

чиком в руках, который тут же поставил на журнальный столик. Выглядел мужчина тоже помято. – Тошнота отпустит. Могу воды дать.

Луиза решила действовать на опережение, пока этот горе-маньяк не выдвинул никакие условия и требования:

– Отпусти нас, а то он как заблюёт тут всё.

– Да-да, я заблую, – поддакнул Паша, так и не открывая глаз, а воспринимая всё на слух. Вдох-выдох.

Иррационально страшно отчего-то не было. Закралась мысль, что доктору захотелось провести одну из своих сомнительных практик, в игровой манере, заставить их испугаться. Не на тех он напал, подумала девушка.

Доктор Крашник однако покопался в своём чемоданчике, который больше выглядел как переносная аптечка скорой помощи. Достал тёмную ампулу. Привычным движением достал шприц в одноразовой упаковке. Луиза подавилась воздухом. Набрал прозрачную жидкость, выпустил воздух из иглы и двинулся к Паше, который успел поседеть от ужаса.

– Док, не подходи ко мне с этой штукой, давай поговорим, а? Не чужие друг другу люди, – парень начал дергать головой, не давая приблизиться к своей шее этой огромной игре. Луиза тоже что-то кричала, двигаясь на скрипучем стуле вперёд, словно телом решила лечь на амбразуру, только бы не подпустить врага к Паше.

Доктор Крашник был быстрее. Он поймал лицо Паши и с силой сжал его челюсть. Затем последовал неприятный укол.

В руку, а не шею. Менее болезненный, чем парень ожидал, но всё же обидный.

– Что это? – дёрнулся Паша, когда пальцы мужчины исчезли. – Док, что за фигня?! Что вы мне вкололи?

– Это противорвотное. Не кричите, – попросил пожилой мужчина ещё раз, поморщившись.

Паша с Луизой, не стовариваясь, после глубокого вдоха в полную грудь заорали писклявыми надрывными воплями, пародируя сирен.

– Хватит! – Доктор оказался лицом к лицу сию секунду и треснул Луизе по лбу каким-то журналом, схваченным с комода.

От возмущения и удивления они оба замолчали, но ненадолго.

Луиза заверещала, что было мочи. Паша чуть тише, так как ему тяжелее.

Новый голосовой залп только сильнее разозлил доктора.

Мужчина невротично достал что-то из заднего кармана и оказался перед своим пациентом, закрывая своей спиной весь обзор для Луизы.

– Да ну хватит, уйди от него, ты, червь!

Когда доктор отстранился, Луиза увидела во рту Паши кляп, сделанный собственноручно из бинта... с бинтом. Бу-терброд с хлебом. Масло с жиром. Пирожок с тестом. В их случае с говном.

Паша хлопал покрасневшими глазами и мычал, очевидно,

ругательства.

Затем доктор двинулся с тем же намерением к девушке.

– Да всё, простите, простите. Мы спокойными будем, честно, – пролепетала она, уже опасаясь, что игры доктора могли зайти слишком далеко.

Мало чем ей это помогло. Во рту тут же оказался плотный шар из марли и характерный привкус ниток. Две подвязки фиксировали кляп на шее сзади узлом. Гребанный шибари-мастер.

– Вы сами меня вынудили, – обвинил доктор и только тогда отошёл обратно к чемоданчику, собирая мусор от укола. – Успокойтесь, позовёте.

В ответ он услышал возмущенные мычания, которые на трезвую голову не разобрать, и вышел из комнаты.

Луиза поймала такой же напуганный взгляд Паши, но в очередной раз ничем не могла помочь.

Первые несколько десятков минут они ещё пытались дозваться доктора: мычали, били стопами о пол, ладонями отбивали ритм о подлокотники стула, затем хрипели. Луизе подумалось раскачаться и упасть на пол, но во-первых, останавливало, что она могла сломать себе что-то, а во-вторых, её вряд ли поднимут. И тогда она по-идиотски бессмысленно будет валяться.

Двигаться по комнате на стуле у них тоже не особо получалось. Ножки противно скрипели и само кресло было громоздким. Да и куда они убегут.

Ждали. Сидели. Молчали.

Стрёмно.

Чушь какая-то. Док настоящий псих.

А они это даже обсудить не могли. Только оглядывали друг друга, обмениваясь короткими звуками.

– «Тебе лучше?».

– «Угу». «А тебе?».

– «Что?».

– «А тебе?».

– «Тоже».

Как идиоты. Лучше бы в свободное время азбуку Морзе учили, а не по музеям ходили. Сейчас их максимум – это сыграть в «Угадай мелодию», но настроение по понятным причинам не то.

Они сидели и молчали. Прислушивались к звукам. Каждый думал о своём.

Паша переживал за Луизу. Не хотел, чтобы по его вине пострадала ещё и она. Думал обо всём, что они сделали не так. А что доктор предпримет, если они захотят в туалет?

Луиза тоже переживала об их судьбе. Гадала, что могло прийти доктору в голову и как себя с ним вести. И волновалась о том, как бы месячные не начались раньше срока из-за стресса.

Мысль о том, что их готовят к убийству, не приходила в голову ни одному.

Часть 40. Нечего праздновать

Очень сложно было выводить преступника на раскаяние, когда твой рот занят кляпом, а сам преступник не то чтобы разговорчивый. Паша уже и так заигрывал, намекал. И глазками стрелял, и бровки домиком заламывал, однако непрошибаемость доктора Крашника сильнее пашиных навыков коммуникации. Доктор всё в той же своей гражданской одежде, при первом взгляде на которую не приходило в голову, что в своей основной деятельности этот человек носил медицинский халат и всегда имел почти военную выправку. Рубашка в серо-белую клетку. На руках дорогие часы и обручальное кольцо на пальце. Чёрные джинсы и ремень с массивной бляхой. Ходил себе, что-то делал. Бубнил под нос. Они с Луизой давно бросили попытки докричаться, вместо этого теперь разглядывали доктора, как рыбки сквозь стекло аквариума. А того это и не беспокоило. Видно, привык работать под внимательными взорами пациентов, и излишнее внимание его не напрягало.

Только через десятки минут доктор подошёл к ним. В руках была сантиметровая лента, с помощью которой он замерил своим заложникам обхват головы.

– «Что это?», – спросил Паша в своей неопознанной манере, встречаясь взглядом с небесно-голубыми глазами доктора. Вопросительная интонация узнавалась, и доктор Краш-

ник ответил:

– Знали, что по соотношению длины лба к черепу можно определить в целом соответствие размеров мозга и умственного развития.

Паша, как ему показалось, хмыкнул на это.

– Чисто физиологически, разумеется. Да и применяется это больше в отношении новорожденных и детей, чтобы диагностировать какие-то недостатки развития. Ещё так можно выявить некоторые неочевидные особенности нации и расы, – добавил он, переходя к Луизе и замеряя тем же образом её параметры. – Известный факт, что этот метод помогал Третьему Рейху в их идеологии.

Луиза обидчиво сбросила руки доктора с головы. Её этот разговор не цеплял.

– Мозг в своей субстанции намного сложнее и не зависит от размеров, что мне всегда нравилось. Никогда нельзя наверняка рассчитать, как поведёт себя нервная система при инвазивных методах лечения или даже при обычном гипнозе.

Паша проговорил нечто неопределённое, но доктор не стал акцентировать и продолжил свои манипуляции, приговаривая:

– Знаете сколько проб и ошибок было в истории психиатрии при поиске хоть каких-то мало-мальски пригодных медикаментов. От обычной передозировки препаратами Кальция можно вызвать не нарочно некроз участка мозга, кото-

рый, как известно, необратим. Поэтому при просчитывании дозировки важно учитывать все возможные переменные.

Паша заговорил опять, и реплика в этот раз была длиннее и спокойнее, как будто бы и не было уничтожающего всякую дикцию кляпа.

– Что ты там бубнишь, – закатил глаза доктор. – Ты мешаешь мне рассказывать.

Паша вновь повторил прежнюю фразу, но в этот раз медленнее, словно объяснял что-то ребёнку. В ответ только непонимание и заинтересованность на лице доктора.

– Если это того не стоит, я засуну его тебе так глубоко, что не помычишь больше, – предупредил доктор, возвращаясь обратно к Паше и развязывая верёвки на затылке. Распутав узлы, он извлёк обслюнявленный бинт изо рта парня. – Ну?

Паша прочистил горло и размял затекшую челюсть.

– Ну и что ты молчишь теперь? – не понял док, держа кляп в руке, как что-то антисанитарное. Вроде бы и обратно в тот же самый рот можно засунуть, а вроде бы и новый можно достать. Этот весь пожеванный и впитавший в себя запах дыхания.

– Псиба, – только произнёс Паша хриплым голосом. Внутри он капельку ликовал, что на его блеф повелись. – А то я уж думал придётся обмочиться, чтобы привлечь ваше внимание.

Доктор одобрительно хмыкнул. Тот факт, что его пациент не истерил, как часом ранее, его удовлетворял:

– Думаешь, я бы тебя переделал? – поднял брови психиатр. – Так бы и оставил тебя сидеть в моче, чтобы подумал о своём поведении.

– Да, было бы обидно, – выдохнул парень.

Рядом сидящая Луиза нахмурилась, но об аналогичной услуге не просила. Вот ещё, будет она умолять этого психа о чём-то. Нет, пусть Паша имеет с ним дело, они вон как снюхались.

– Тошнота отпустила? – уточнил доктор следом.

– Да.

– Голова?

– Раскалывается, – покладисто отвечал Паша. Раз уж он выбрал эту тактику, он будет её придерживаться.

– Сам виноват. Это уже из-за виски, а не из-за транквилизатора.

– У вас, получается, тоже болит? – спокойнее, чем ожидал, спросил парень. Главное, не молчать, забалтывать его, чтобы по построенному мостику доверия пройти дальше. Паша ещё никогда так аккуратно не разговаривал. Он словно переговоры с террористами вёл, не зная даже, чего они хотят.

– Уже меньше. Не стоило так пить, – признался он.

– То есть, в случае чего, я бы вас перепил, – заметил Паша.

– Если бы нам кое-кто не помешал, возможно.

Луиза бросила возмущенный взгляд на них.

– Как думаешь, – с лёгкой улыбкой спросил доктор, – можно уже развязывать?

Паша скосил на девушку взгляд и, несколько раз мысленно извинившись, ответил:

– На вашем месте я бы этого пока не делал.

Доктор Крашник искренне рассмеялся.

Луиза что-то кратко изрекла на языке ругательств, и парень был с ней согласен. Но сейчас нельзя иначе.

– Ну так как там мой череп? Соответствует развитию?

– К счастью, да. И для тебя подойдут стандартные дозировки. А вот с Луизой придётся пересчитывать.

– Почему?

– У женщин и так мозг больше мужского, а тут даже в своей половой группе черепная коробка превалирует по размеру.

– То есть нужно будет больше «лекарства», – тем же заинтересованным тоном продолжал Паша.

– Нет, это лишь говорит о бóльшем проценте риска для выживаемости и сохранения функции.

В горле застрял ком от страха, и Паша прикладывал все усилия, чтобы не подавать вида.

В этот момент доктор, наконец, вернулся к брошенным на журнальном столике листам. Записал выявленные цифры расчётов и на пару минут задумался, что-то переписывая.

Паша перебирал в голове все просмотренные версии психованных докторов из фильмов и, к своему ужасу, находил схожие черты.

Атрофированная мораль. Сохранённое сознание и рассу-

док. Контроль эмоции. Доктор ведь всё ещё отдавал отчёт о своих действиях и способен был участвовать в разговоре. Он почти полностью вменяем. Только вот Паша с Луизой для него не более чем лабораторные мыши.

Девушка пыталась не поддаваться панике и, благо, гнев пока держал её на плаву.

Паша задался вопросом, сколько времени они тут провели и который сейчас час. За окном светло. Но утро, день или близился вечер, не понятно.

– А что-то на обед будет? – спросил тогда он.

Док оторвался от записей. На его лицо не падала тень из сумрачных огней комнаты. В целом, было достаточно освещено, и их надзиратель выглядел даже увлечённо-спокойным, но это совсем не помогало перестать видеть в нём маляка.

– Сейчас незачем. Как закончим, я вас покормлю, – вселил он надежду, однако ясности не добавил.

– А пописать? – всё же рискнул Паша.

С этим пламенем надо быть осторожнее – лишний раз подуешь, а оно по-скотски разгорится.

– Вы не пили уже десять часов. Думаю, справитесь в том же темпе и дальше. Да и катетер поставить легче будет.

Отвязывать их не собираются, ясно. К счастью или нет, но по нужде и правда не хотелось. Паша поймал взгляд Луизы, дабы удостовериться, насколько она близка к срыву.

Девушка с кляпом во рту только коротко кивнула, мол,

тоже пока держалась. Может, ему кажется, но выглядела она собранно.

Кошмар, да что делать-то? Паша одновременно и ждал большей ясности, и боялся узнать, что док для них так скрупулёзно готовил.

Когда уже придёт тот момент для геройства.

– Долго ещё? – всё же решил он участливо поинтересоваться, привлекая доктора вновь к себе. Тот и правда отвлёкся, но уже изменился в лице.

– Я ценю, что ты пытаешься быть хорошим пациентом. Но я знаю, что это не ты. Можешь расслабиться. Не люблю, когда ты выглядишь так жалко, – на одном дыхании произнёс доктор.

На коже выступил холодный пот.

Он всё ещё доктор. Он всё ещё та пугающая психиатрическая машина, которая видела его насквозь.

Они уже обречены. Они уже в его лапах.

Что ему оставалось?

– Громко думаешь, – припечатал напоследок доктор Крашник и вернулся к работе.

– Как хочу, так и думаю, – сдался Паша. – Решил, что с вами надо нежничать, но как я мог забыть, кто вы.

– Ты прав. Забывать не стоит, – кивнул он, не поворачиваясь.

– Развяжите Луизе кляп.

– С чего это? – доктор всё же был заинтересован в обще-

нии, то ли чтобы отслеживать состояние, то ли чтобы самому сильно не загоняться и не чувствовать себя преступником.

– С того, что он ей не нужен. Развяжите, – повторил Паша без намёка на просьбу.

Тем не менее доктор встал и выполнил требование.

Повязку Луизы он бросил рядом с пашиной на тумбочку, подальше от глаз, и лаконично спросил у девушки:

– Ну что, ругаемся?

– Закатай губу, – она отвернулась от них обоих. Её эго на секунду, безотносительно ситуации, показалось Паше очень привлекательным.

Однако продолжения не последовало, доктор только прищурился и хмыкнул на девушку, после чего ненадолго оставил их.

Комната опять погрузилась в тишину.

Дыхание ровное, спокойное. Ситуация абсурдная, непонятная. Доктор псих, псих.

Они теряли время.

Доктор закончил с расчетами, действуя одним своим видом на нервы, и Паша уже не мог точно сказать, как долго он сам продержится в этой психоделической атмосфере. Еще и Луиза не реагирует, как-то обреченно смотря перед собой. Он помнил, что по направлению взгляда можно определить,

о чём думал человек – к какой области памяти был обращён его внутренний взор. К старейшим воспоминаниям из долгосрочной памяти, к звуковой или зрительной памяти, переживал чувства или производил холодный расчёт. Точно Паша сказать не мог, но одно было понятно – она где-то глубоко в себе, там где поспокойнее, там где нет боли и вины. Она молодец, подумал он, хорошая стратегия.

А вот насчёт собственной стратегии он так и не определился. Очевидно то, что дальше молчать он не хочет.

– По закону жанра, вы обязаны рассказать свой зловещий план, пока мы связаны в вашем логове.

– Не обязан, – припечатал доктор. То, что в поле зрения появились медицинские перчатки, чуть подкосило пашину решимость.

– Не обязан, а расскажите. Я хочу знать, в чём участвую.

– Если узнаешь, начнёшь психовать.

– А сейчас я прям образец самоконтроля? – огрызнулся

Паша, на что доктор ничего не ответил.

Складывалось впечатление, что мужчина готовил себе своеобразный операционный столик на столешнице комода в двух метрах от них. Расстелил одноразовое полотно синего цвета, которое достал из всё того же чемоданчика. Если они выживут, Паша самолично насыт в него.

Над комодом висело зеркало, но тот ни разу в него не взглянул. Это навело Пашу на определенные мысли:

– Вы нас... Лечить собрались?

Доктор на секунду замер, затем продолжил выставлять на рабочее место все необходимое. В поле зрения опять мелькнули шприцы, какие-то ампулы и флаконы. Паша продолжил:

– Какая-то экспериментальная техника, как всегда, да? Поэтому весь процесс записываете? Ставите эксперимент?

Доктор молчал. Неожиданно включилась Луиза:

– Это то, о чём вы вчера говорили? То, как вы бы вылечили Гришу?

Паша не помнил о чём она, и оттого повернулся к ней, ожидая разъяснений.

– Он говорил, что был один момент, когда он думал, что Грише лучше. Когда тот потерял память, – пояснила она, и словно по щелчку нужное воспоминание настигло и Пашу.

– Серьёзно?! Электрошоковую лоботомию нам устройте?!

Док цокнул и повернулся с претензией:

– Я не повар. Мозги поджаривать не собираюсь. Этот метод вообще почти ушёл в прошлое. Только как электросудорожная терапия. И применяют его только в крайне тяжёлых случаях, когда встаёт вопрос выживаемость человека. В эру фармакологического прогресса появились куда более гуманные способы.

– И это поможет с чем, по-вашему? – мгновенно потеряв маску, спросил Паша. Его лицо выражало чистую брезгливость. – Может, вы просто плохой доктор, если на нашу депрессию и мнительность решили сбросить такую атомную

бомбу.

– Много ты понимаешь, – уязвился психиатр.

– Так расскажите.

– Да, сделайте одолжение, чёрт возьми, – поддержала Луиза. – Мы всё равно никуда не денемся.

Паша не заметил, но от этого «мы», «нам», «нашу» ему становилось менее тревожно. Грубо прозвучит, но он рад, что он не один в этом дерьме.

Доктор повернулся, переводя взгляд с одного на другого, как на наивных щенят, и разрывался между тем, пойти на поводу или продолжить своё дело в гнетущей атмосфере.

Он снял в два легких движения перчатки и положил на столик. Огляделся, нашёл глазами кровать, куда через мгновение уже покорно присел.

– Ну-с. Вероятно, вы имеете право узнать. Даже если потом всё равно забудите это... – Он внутренне переступил через себя и продолжил: – Паш. Если ты стараешься послушать, ты поймёшь. Мне кажется, ты мог бы понять. Луиза... Тебе бы потребовалось время, чтобы принять, но этого я обещать не могу. Могу только гарантировать, что не брошу вас, как слепых котят.

Паша отбросил первую часть, и сосредоточился на другом:

– Вы уверены, что забыть всю прошлую жизнь для нас будет лучше?

– Это шанс. Шанс начать жизнь с чистого листа. Понима-

ешь? Луиза, – он обратился всем своим существом к девушке, – твоя депрессия началась не вчера. Это глубокое, хроническое поражение нервной системы, от которого нет стойкого лекарства. Возможны только временные просветления, но тебя всегда будет тянуть на дно твоё прошлое. Тоска по сестре, вина, стыд, нежелание жить эту жизнь в одиночку. Всё это уже не просто симптомы, это неотрывная часть твоей личности, которую ты усугубляешь еще и аддиктивными привычками. То, что есть сейчас, – подобие жизни, и ты не сможешь жить полноценно. А я могу дать тебе шанс прожить жизнь счастливо.

– Я же не флешка. Вы сотрете не только память, вы сотрете всю меня, – надорвавшимся голосом проговорила девушка. Глупо думать, что доктор целиком неправ и что его слова не цепанули её по живому.

Она сглотнула, прочистив горло. В зелёных глазах блестела влага.

– Ну, а с ним что? – Луиза скомкано перевела тему, кивнув в сторону Паши. – Он не настолько обречён.

Паша жадно смотрел на неё и не мог отвести взгляд. Смешанные чувства горели в нём.

– Паша вообще отбитый, – полушуткой сказал психиатр, всё ещё держа внимание на девушке.

– Не правда, – заметила она. – Что в нём есть такого, что подлежит уничтожению? М?

Она посмотрела в упор на доктора. Тот сражаться в свою

очередь не стал:

– Этому пока нет названия. В нашей стране.

– Что? – нахмурился Паша, обращаясь в слух. Чутьё подсказывало, что сейчас последует обалдеть какая информация, но доктор как нарочно медлил.

– Чёрт, – выдохнул психиатр. – Это прозвучит совсем не в мою пользу.

– Куда уж хуже? – тихо произнесла девушка, опасаясь, что голос опять её подведет. Она и так на грани.

– Мне придётся рассказать очень сильно заранее.

– Мы вас во времени не ограничиваем, – напомнил Паша, однако внутри всё сковало холодом. – История может возыметь наибольшую силу, только если рассказать её вовремя.

– Пойду запишу эту цитату в дневничок, – покачал головой доктор, но всё же продолжил: – В общем, я упоминал, что пишу сейчас докторскую диссертацию, но началось всё намного раньше. Я вообще увлёкся научными журналами ещё в институтские годы, но их было так мало, а переводить приходилось так муторно долго, что усидчивости развить эту тему раньше мне просто не хватило. А несколько лет назад я опять наткнулся на эту тему.

– Что за тема-то? – устало уточнил Паша. Сколько вокруг да около ходить.

– Психиатрия развивается медленно, но за последние десятилетия произошёл невероятный скачок. Скачок во всём цивилизованном мире. До нашей страны всё доходит с опоз-

данием, но вот всё-таки дошло. Я наткнулся на исследования одного поразительного синдрома... Паш, как говорится, загибай пальцы...

Парень скептически поднял брови.

– Симптомы разнятся, и сам синдром описан недостаточно чётко, несмотря на невероятное количество больных. В-общем. Описано много случаев из практики зарубежных психиатров, когда все молодые люди как один считали, что попали в шоу.

– Что?

– Слушай. Что интересно, многие из пострадавших ссылались на фильм «Шоу Трумана» 1998 года с участием Джима Керри. По сюжету главный герой находится в реалити-шоу, но сам не знает об этом.

– Я видел этот фильм, можете не пересказывать, – нетерпеливо попросил Паша.

– Хорошо. Вспомни идею: все люди вокруг главного героя играют роли или являются статистами. Жизнь Трумана снимается круглосуточно. Город главного героя спрятан под куполом, который контролируют телепродюсеры. Этот фильм наиболее точно описывает то, что чувствую пациенты с этим синдромом.

– Пока не понимаю, причём тут я, – произнёс Паша. Луиза красноречиво кашлянула.

– Этих пациентов долго не объединяли, ибо до сих пор этот синдром не считался отдельным психиатрическим рас-

стройством. Это всегда был или один из видов параноидального заблуждения, или бред величия. *Синдром Трумана* ещё близок к бреду инсценировки, когда человек считает, что всё подстроено. По этой причине синдром официально не признан и не включен в психиатрические справочники не то что здесь, даже за границей... Понимаешь? И я ведь выбрал эту тему для диссертации. Знаешь, как сложно в мире технологий делать открытия? Я настаиваю, что я почти первооткрыватель, ведь полноценно описанных трудов просто ещё не написано. А то, что после моей работы, в России, возможно займутся хотя бы его дифференцировкой, я гарантирую.

– И при чём тут я? – ещё раз надавил Паша. Несмотря на своё невыгодное положение, будучи связанным, обездвиженным, доктор Крашник оправдывался перед ним, и это вносило свою лепту.

– Пациенты считают мир подделкой, которая душит тебя и пытается обмануть. Это наверняка очень огорчает, – настаивал доктор. – Зачастую пациенты с синдромом Трумана уклоняются от ответов. Им не хватает доверия по отношению к лечащим врачам. Я верю, что это не глупость и не форма нарциссизма – это серьёзное психологическое заболевание. Люди под влиянием этого синдрома похищали детей, представляли себя участниками реалити-шоу, убивали родных и попадали в закрытый стационар. Один из случаев вообще меня поразил: пациент считал, что все рассказы на телевидении, в газетах и в интернете были созданы СМИ

для его личного развлечения. Он считал, что все вокруг были оплачиваемыми актёрами, а окружающий мир – фальшивкой. Когда его госпитализировали, он сбежал из больницы, чтобы подтвердить информационную фиктивность газет, мол, все статьи не имеют никакой связи с тем, что реально происходит на улице, и стал разъезжать по местам информационных трагедий... Другой пациент повторял твои слова про «Систему», Паш, – доктор выразительно подчеркнул: – даже когда он угодил в психушку, он утверждал, что знает «схемы», как в «Шоу Трумана», которые касаются всех. Был убежден, что он знает хозяина «Системы» и заставит её работать на себя. Персонал больницы, в его представлении, являлся целиком состоящим из актёров. Он мнил себя частью чьего-то плана. Ему диагностировали расстройство шизоидного типа.

– Это ничего не доказывает вообще. С чего вы решили, что это про меня? Я отдаю себе отчёт в том, где я и с кем я.

– Паш, вот давай сейчас честно. Положа руку на сердце, скажи, веришь ли ты в то, что всё происходит своим чередом и что мы простые люди. Или ты убедил себя в том, что должен верить в это. Искренне скажи, считаешь ли ты, что твоей жизнью управляют?

– Руки связаны, на сердце никак не положить, – туманно произнёс парень. Луиза снисходительно глянула на него.

– Паш, – попросил доктор. Паша не стал ничего говорить, и доктор оценил его степени принятия как торг, затем про-

должил спокойнее: – Ладно. Просто скажу, что диагностика этого расстройства напрямую связана с фильмом и убеждением, что всё, что окружает человека, ненастоящее. В целом же человека, который страдает от синдрома Трумана, ни с кем не спутаешь. Особенно если он сам об этом говорит. В противном случае достаточно наблюдать за поведением человека: его поступки наверняка будут иррациональными. Как лечат такое за границей, спросите вы? Этот феномен, скорее, побочное влияние фильма на больной разум. Любая навязчивая мысль крайне быстро уживается в голове человека со слабой психикой. Задача психологов и психиатров – развенчать заблуждения и вернуть пациента в адекватное состояние. Иногда симптомы смягчаются или полностью уходят в результате применения специальных препаратов.

– Вот и несостыковка. Фильм я увидел почти недавно, он где-то фоном по телеку шёл. Я даже концовку не помню. А то, что со мной... Со мной уже давно, – признание давалось тяжело. Смириться с этим пониманием было бы легче, будь он один и будь у него на этого время. А когда это вываливают вот так... Тяжело.

– Это не проклятие из фильма. Это болезнь, и её могло спровоцировать любое зерно сомнения. Вспомни, было ли это зерно...

– Не было, – твёрдо ответил он. – Я просто начал замечать вещи и в моей голове я складывал два и два. Складывалось идеально, вообще-то, – несмотря на свои же слова, па-

мять подлю подбросила ему воспоминание, которое он давно не открывал, так как не считал хоть сколько-то важным: он вспомнил книгу, которую подсунули ему на сдачу в книжном магазине. «Земле 20 лет», кажется. О том, что всё вокруг – декорация, и центр этой земли – он сам.

«Есть ли у меня свобода? Или я просто сгусток прыгающих молекул?».

Он тоже задавался вопросами, что и герой книги. Он тоже искал закономерности, вглядывался в лица прохожих на предмет узнавания и собирал всё это в одну большую папку, как маленький ребенок. Однако, годы прошли, он вырос, а папку до сих пор носил с собой.

– Я понимаю, что ты чувствуешь, – возник голос психиатра где-то на периферии. – Усомниться в происходящем – штука неприятная. Люди совершают жуткие вещи, когда оторваны от реальности. И я хочу помочь тебе. Никакая психотерапия, никакие таблетки, гипнозы не освободят тебя от этой навязчивой идеи. Ты можешь обманывать себя и так и не собрать своё сознание воедино. Мне не нравится это говорить, но всякая болезнь может привести к летальному исходу, если её запустить.

– Всё-таки, вам самому надо лечиться, док, – в сердцах произнёс Паша. Хотелось плакать. Грудную клетку разворотило, выставляя напоказ все внутренности. Обидно. Больно. Несправедливо. Безнадежно. – Вы всерьёз собираетесь отформатировать нас, как флешки. Просто, блять, подчистую.

Что это за Средневековье такое?

– Это не Средневековье. Этот метод не поддерживает 90% психиатрического сообщества, но метод действенный. Его практикуют – незаконно, да, – по всему миру. И это действительно выход для тех людей, которым консервативное лечение будет как костыль, с которым люди продолжают жить и быть социальными инвалидами.

– Я не верю, что слышу это, я просто, блять, не верю. Развяжите нас, мы просто уйдём.

– Такого уговора не было.

– Да никакого уговора, блять, не было. Кто вообще просил вас заниматься нашим лечением, умник вы хуев? Нашёлся тут учёный, хуй дроблённый.

– Хватит ругаться. Я вас не отпущу. Не после того, что было. Уже слишком поздно, и вы оба – мои опытные образцы. Я допишу диссертацию, и даже если не получу Нобелевскую премию, всё равно буду знать, что я сделал всё правильно, и с тобой, – он кивнул на девушку, – и с тобой, – кивнул на Пашу, – и с Гришей в конце концов.

– Вот только его не приплетайте, – ужаснулся Паша, – он тут вообще не при чём. Возможно, он именно из-за вас пошёл на ухудшение.

– Дурак ты, Паш. Если бы не Гриша, тебя бы тут не было. Я узнал о тебе от Гриши, когда он рассказал мне на сеансе, что начал переписываться со странным парнем, который думает, что живёт в ненастоящем мире. Если бы не я, он бы в

конец концов заблокировал тебя.

– Что? – ужаснулся Паша. Доктор потёр глаза на том месте, где обычно ему натирали очки, и пошёл вабанк: – Пришлось убедить его, что Шоу Трумана настоящее. Что за людьми наблюдают через смартфоны. Что даже мысли не безопасны, чтобы он сблизился с тобой и в итоге привёл тебя ко мне.

– Что?.. – ещё тише произнёс Паша, едва отдавая себе отчёт в том, что не моргает уже несколько минут.

– Ты мой золотой билет, как я мог упустить тебя... Гриша был слабаком, который столько раз пытался убить себя, что и не счесть. Его жизнь всё равно была пустой и бесполезной. Я оказал ему услугу.

– Вы *что* сделали?!

– Всё шло хорошо, но затем Гриша решил обратиться к гадалке. Та наплела ему, супервнушаемому психбольному, что им манипулирует его лечащий врач! Уму непостижимо. Шарлатанка. И вот всё почти вышло из-под контроля, когда Гриша направлялся к тебе, чтобы предупредить. И потом этот несчастный случай. Кома. Потеря памяти. И ты сам пришёл ко мне в руки. Я ненароком подумал, что как же повезло, сама судьба благоволит... Только я в эту чушь не верю.

– Вы психопат, – заключила Луиза, тоже во все глаза смотря на доктора, которому несколько минут назад чуть не доверила свою жизнь и право распоряжаться своей памятью. Этому ублюдку. Господи боже.

– Не разбрасывайся словами, значения которых не знаешь, девочка, – пригрозил доктор, всё так же восседая перед ними на мягкой кровати, как будто только что не превратил всё их доверие в тлен. От откровений, которые он так долго хранил в себе, становилось легче. Тем более они уже никому это не смогут рассказать. Возможно, он только сейчас в полной мере осознал свою безнаказанность: – Это даже поразительно. Когда он сообщил, что внезапно всё вспомнил, он просил не трогать тебя, Паш. Сказал, что никому не расскажет, только бы я оставил тебя в покое... Делом времени было подменить ему лечение, которое спровоцирует галлюцинации и параноидальный бред и подтолкнёт его к тому, что в итоге мы имеем, – самодовольно заключил психиатр. Власть ощущалась трепетом под кожей, и он не стал противиться себе и подавлять это чувство. Он знал одно старое европейское правило: «Божественное право» королей – короли отвечали за свои дела только перед Богом, никто на земле не смел оспаривать правомерность их решений». А будучи атеистом, это право буквально развязывало ему руки.

Паша сидел и остекленевшими глазами смотрел на своего поехавшего доктора. Вина окатила его как из дуршлага водой. *Паша сам попал в его сети.* И ещё и Луизу втянул. Всё шло по наклонной с самого начала. Паша считал, что есть некоторая Система, которая подстраивала события в его жизни, насмеялась над ним и использовала в своих целях, а был – один поехавший человек, который возомнил себя Бо-

ГОМ...

– Тем не менее. Теперь вы все знаете. Вы вдвоём мои пациенты, и я несу за вас ответственность. И диссертация, разумеется. Без вас двоих вряд ли бы всё так удачно сложилось.

– А я то причём? – слёзно спросила Луиза. Паша хотел извиниться, но понимал, что его извинения ни на йоту не помогут ей и их положению в целом.

– Любовный интерес, – хмыкнул доктор Крашник, как что-то само собой разумеющееся. – Ты в его вкусе. Мне показалось, что вы совместимы в своих комплексах и неплохо подошли бы друг другу. – Паша отвёл взгляд. – Да и вообще, в моменте влюблённости люди глупеют. Им хочется быть счастливыми, привлекательными, весёлыми. Некогда разгадывать загадки и считывать мотивы.

– Вы то сближали нас, то ухудшали моё состояние, чтобы манипулировать Пашей? – в шоке дошло до девушки. Она всего лишь игрушка в руках этого сумасшедшего.

– Не очень-то ты это мне помогала, – уже искренне насмеялся доктор. – Ты ходячая катастрофа, а не любовный интерес. Даже с этим не справилась.

– Пошел-ка ты нахуй, – сказал Паша. – И ты, и твоя диссертация. Тебе место в тюрьме.

– И кто меня туда посадит? Вы? Парочка обозленных на самих себя переростков. Меня бесит, что у вас у обоих вечно такие лица, словно жизнь – это наказание, которое вы согласились понести. Ты, Паш, даже с потерей первой девушки

справиться сам не можешь. София её звали? Как ты собираешься самостоятельно жить жизнь? А ты, – он обратился к девушке, – ты просто слаба, если позволяешь себе не заглушать боль. Боль – это то, что должно быть всегда. Для равновесия. Для того, чтобы не забывать, что ты живая и вообще-то довольно смертная. А ты только и можешь, что бежать и закрываться. Вы потом мне спасибо скажете.

По самым скромным расчётам, поможет им только чудо.

Доктор целенаправленно пошёл к своим инструментам, оставленным на полке комода.

– Закончим на этом, ребята.

Он взял новые кляпы и едва его жертвы успели закричать, как тут же закрепить верёвочный механизм как можно крепче вокруг их шеи.

Паша с Луизой дергались, переглядываясь напуганными глазами и кричали, как только позволяла заглушка.

Из глаз текли неконтролируемые слёзы.

Доктор повернулся к ним с двумя шприцами в железном лотке, в котором уже помимо этого лежали какие-то металлические инструменты, вроде ножниц или пинцетов, и ничего хорошего этот вид его не предвещал. Стоило только расстаться с сознанием, и не будет шанса сохранить свою жизнь. Он грёбаный маньяк.

Луиза не позволит этому случиться. Даже ценой своей жизни она его посадит.

Паша рядом дрожал, как холодец на ветерке, доктор дви-

гался прямо на него с подносом в руке.

Луизе стоило нечеловеческих сил подняться на онемевших ногах на эти секунды, чтобы оторваться от пола и налететь неуправляемой силой на доктора в тот самый момент, когда до него оставался один шаг.

Особого плана не было, но если в вас врезалась шестидесяти килограммовая туша на скорости зайца в прыжке, это создаст неудобства.

Хоть что-то.

Но маневр её не увенчался успехом.

Доктор от неожиданно отскочил, и девушке не хватил совсем немного, чтобы пришибить его. Поднос с грохотом полетел на пол, инструментарий разбросало по паркету, а девушка полетела вниз лицом, в последний момент подставив плечо, чтобы не расшибить лоб. Гадкий вёрткий сучёнок остался на ногах.

– Сука сумасшедшая, – раздалось за спиной.

Пока доктор рассредоточенно искал все свои железки, нагнувшись около девушки, Паша решился повторить манёвр. Его силы хватило, чтобы припечатать его сверху своим телом к полу, только вот вырубить его всё равно не вышло.

– Да вы осатанели, черты! – рявкнул психиатр, выбираясь из-под Паши, и потирая спину. Парню было видно только пол и со своего ракурса точно такую же напуганную Луизу. Девушка тем не менее морщилась от боли, из носа текла кровь.

– «Лу», – позвал он стоном сквозь кляп, лишь бы убедить-ся, что она отзывается. Девушка отреагировала, и зелёными заплаканными глазами пыталась сфокусироваться на парне.

– «У меня в руке что-то острое», – только и успела промычать она, когда Паше по ребрам прилетел удар ногой.

Парень задохнулся, закашлялся и свернулся, насколько возможно, закрываясь от новых ударов.

– Я не собираюсь тебя калечить! Только хватит мне мешать! Один укол! Один разрез! Один шов! Я многого прошу? – слова доктора сопровождались новыми ударами. Луиза видела это, но кричать уже не могла.

Где-то вне поля зрения раздалось гроыхание. Как будто тяжёлая коробка со стеклом свалилась на пол. А следом понесло каким-то предчувствием гари.

Луиза не знала, как разобрала это, но доктор перестал избивать парня и бросился в сторону шума за их спины. Она потянулась к Паше, заглядывая, как он, и рассмотрела около своей руки, прямо под кистью скальпель.

Доктор позади ругался, создавая хаос.

Упавший из-за их потасовки телевизор закоротило, и он дал искру, от которой загорелись шторы. Не привыкший к панике доктор ринулся сдергивать их, но пламя поднялось по ажурным занавескам стремительно вверх, не поддаваясь попыткам доктора сдернуть с крючков. Шторы обжигали руки.

– Да сукина ты мать, – рычал он. По полу уже пробирался

жар. Со стороны Паши было видно, как доктор схватил гостиничный огнетушитель. Красный баллон только на секунду мелькнул в поле зрения, доктор умело повозился с пробкой и предохранителем, и уже через пять секунд направил раструб огнетушителя на окно.

Оглушительный хлопок.

Паша зажмурился, а когда открыл глаза уже видел, как в солевом облаке потухал огонь. Шторы остывшие, покрытые белым порошком. Доктор Крашник пропал из вида. Пахло содой и гарью. И напротив в белом тумане комнаты лицом к нему лежит Луиза, перерезавшая скальпелем жгуты на руках.

Когда они оказались на ногах, хотелось тут же упасть. Без сил и кровотока стоять на ногах было сравнимо со стоянием на железных трубочках. Луиза не удержалась и рухнула на колени. Спина ныла, ноги и руки ныли, они с Пашей и сами подавно ныли, но уже метафорически и в прошлом. Избавившись от пут и кляпов, первым делом они увидели доктора, припечатанного к полу, покрытого белым одеялом. Без сознания.

Рядом валялся взорвавшийся огнетушитель, от которого ещё шёл белый дымок. Пыльное облако быстро рассеивалось.

– Что это сейчас вообще было? – выдал Паша, опираясь на белую стену из-за боли в ребрах. Огня нет. Опасности нет. Всё в порядке.

– Кажется, я знаю, – произнесла Луиза, вид её был тоже нездорово бледным и измученным. – Спасибо, – произнесла она, подняв глаза в потолок. – Я бы тебя даже обняла, жаль, что ты ненастоящий человек.

– О чём ты? – не понял Паша, не отойдя от шока.

– Забей.

Часть 41. Жизнь, злободневная и сумрачная

– Может бетоном его зальём? – предложила девушка, смотря на их доктора. Верёвки льняные, надежные, но она видела фильмы и потому допускала, что рано или поздно он выпутается.

– Лу... – Паша закатил глаза, осуждая девушку. – Нет. Давай без членовредительства.

– Почему это? – Луиза посмотрела на него, как на идиота.

– Чтобы не уподобляться, например?

Порошковый привкус еще витал в номере отеля. Удивительно, что за всё время представления к ним не соизволили хотя бы постучаться. Учинённый погром едва ли можно было спустить с рук постояльцу, даже если тот накинул пару тысяч сверху за беспокойство. Паша уже ни в чём не был уверен.

Доктор сидел перед ними, готовенький к правосудию. И если Луиза поглядывала на чемоданчик с колюще-режущими, то Паша уже сейчас вызвал полицию.

Даже лишённый движения, док не казался напуганным.

– Я лично схожу за сухой смесью бетона, – повторила девушка. Она сидела чуть поодаль и сверлила доктора глазами.

– Да не надо уже, полиция скоро приедет.

– Интересно, что ты им сказал? – проявил себя доктор Крашник притихшим голосом.

– Сказал, что нужен полицейский. Что мы поймали убийцу.

– Молодец, – пожал доктор Крашник плечами, будто одобчительно. «Может плечи тоже связать?». – Так они хотя бы из интереса приедут.

Это, конечно, не контузия, но лёгкое сотрясение он точно получил. Капилляры правого глаза лопнули и затопили весь белок, придавая имиджу балдёжности. Горячий мужик, подумала бы Луиза, увидь его в боевике. Но на конкретно этого персонажа теперь смотрела только с прищуром.

– Всё ещё чувствуете свою безнаказанность? Вам как минимум светит доведение до самоубийства и запугивание. А теперь ещё удержание в плену, психологическое и физическое насилие.

– Да, – выдохнул равнодушно их пленный, – не хотелось бы лишаться лицензии.

Паша покачал головой. Вот же выродок. Как только Паша не раскусил его раньше. Это всё ведь буквально было перед носом, только скрыто за прозрачным тюлем. И если бы парень вытащил голову из задницы, наверное, смог бы заметить.

– Я ведь так и знал, что его смерть это не нелепая неповоротливость, – произнёс тихо и разочарованно парень, ни к кому не обращаясь. Просто думал вслух. Мог ли он повлиять

на ситуацию? Или док контролировал всё от начала до конца и на любой непредвиденный исход у него, образно, был готов вот такой вот экстренный чемоданчик.

Доктор долго смотрел на бывших пациентов, а затем хмыкнул под нос и ухмыльнулся:

– Ты ведь не винишь меня за убийство человека, который молил о том, чтобы быть убитым?

– А ведь я знаю, где лежит кляп, – пригрозил Паша, выдернутый из мыслей.

Время наедине сквозило абсурдом. Медленно и тягуче перемещались стрелки часов в погоне друг за дружкой. А в голове каша, и та – с комочками.

Луиза, конечно, тоже была рядом, но помощи и успокоения не требовала. После того, как они связали доктору руки и ноги, она успела заварить себе чай. Теперь она – притихшая фигура показного безразличия, словно бы храбрилась специально для доктора Крашника. Надменно и властно. Совсем не похожа на Пашу, который не находил места. Он несколько раз проверил дырявый баллон огнетушителя, но так и не разобрался в том, что чувствовал.

Да, такое иногда случается: огнетушители требуют перезарядки каждые пять лет. Из-за недобросовестных владельцев гостиницы огнетушитель оказался в ряду тех, что вызывают несчастные случаи, взрываются или оказываются бесполезными в условиях реальной опасности. Срок предыдущей перезарядки изрядно поблёк, но и так было понятно,

что он служил только декорацией для пожарной инстанции. И именно эта деталь спасла им жизнь. Кому расскажешь...

Наконец, в номер постучали. Отряд вооруженных людей, знающих процедуру оформления преступления, в дальнейшем только заполняли протоколы и двигали Пашей и Луизой, как куклами, прося показать и рассказать что, как, куда и, желательно, в подробностях. Те же сотрудники вызвали машину скорой и криминалистов, позволяя пострадавшим «отдохнуть» в круговерти бумажек.

Доктор Крашник при этом вёл себя излишне мирно и спокойно, выдавал заготовленные версии о том, что всё не так, как выглядит, и вообще это инсценировка, а ребята шутки не поняли. На просьбу объяснить предназначение медицинских рецептурных препаратов и операционного оборудования, он спутанно заявил о том, что это подделка. Реалистичная, да, но и он актёр – не на помойке себя нашёл.

Как всё просто у этих маньяков, подумал Паша.

«Это не я».

«Презумпция невиновности!».

«Я медработник, а это психбольные, у них и справка есть».

Как во дворе в детстве. Ещё бы добавил: «Пока не доказано – не ебёт, что сказано».

Паше даже показалось, что сотрудники допускали и такую версию, оттого опасно поглядывали на всех троих, пока

везли их в отдел.

Дальше часы разбирательств, которые Луиза и Паша хотели бы с удовольствием забыть. Всё-таки бюрократия пронизала всё мироздание насквозь, и чихнуть без бумажки нельзя.

С другой стороны, вернувшись на следующее утро в квартиру Паши, они поели и уснули, как суслики на солнцепёке. Какой душ, какое празднование «победы» над врагом, какая истерика. Дайте пачку вафель и поспать.

Остальное приложится.

Уголовное дело заводить до последнего не собирались. Их заявление, конечно, приняли, но улики на доктора почему-то не хватало, а показания являлись лишь косвенным доказательством.

Луизе потребовалось обойти несколько этажей, чтобы подтолкнуть следствие к работе, хотя им двоим намекнули, что и без их дела «висяков» хватало. Чего стоили целых два свобододолюбивых маньяка на относительно небольшой город под Новосибирском.

Но ребята настаивали на своём, и сами принялись участвовать в деле.

В какой именно момент история завела Луизу с Пашей обратно в психлечебницу, они не помнили. Зато оттуда они

узнали от главного врача, что их доктор, заведующий отделением, находящийся прямо сейчас под стражей, был подозреваемым в смерти Гриши чуть ли не с самого начала. Проверку начали после того, как обнаружили, что в крови Гриши на момент смерти находились запрещенные препараты, превышающие допустимую дозировку. А когда стали копать дальше, оказалось, доктор перехватывал всю личную переписку Гриши с той ясновидящей и имел на компьютере доступ к аккаунтам бывшего пациента, откуда до последнего времени продолжал писать родственникам и друзьям парня о том, что всё хорошо и навещать его не нужно.

Паша после этой информации выпал в осадок.

Главврач не комментировал их саботированный побег и не упоминал лишней раз, только выдал выписки с рекомендациями и личные вещи: телефоны и одежду. Увидеться вновь со старыми знакомыми не дали.

Луиза порывалась пройти на их этаж, но простите, вы тут никто и звать вас никак, – намекнула им доктор Инга, вернувшаяся из отпуска.

– Суки сраные! – кричала вдогонку Луиза, когда охранник выпихивал их с вещами наружу.

– Тиши ты, Лу.

Тем временем дело затягивалось. Всплывали новые спорные моменты. Новые свидетели. И в итоге эта история отошла с основного плана на второй, если не на третий-четвертый-пятый.

Съехаться после всего казалось логичным, и Паша больше оповестил Луизу об этом, нежели дал выбор.

Луиза словно только и ждала подтверждения. На следующей неделе она уже обустроивала небольшую оранжерею на балконе квартиры Паши.

Помимо цветов рядом со столиком для пепельницы она посадила купленные на базаре огурцы, что простирались вверх до бельевой верёвке и всякий раз заставляли Пашу охренивать от вида этого плюща.

Каждый день им нужно было сражаться с самими собой, чтобы вписываться в рамки общества из таких же притворщиков. В итоге они лишь привыкали играть в нормальность, и с каждым днём у них получалось всё органичнее.

Жизнь не вошла в колею, и никто и не ждал, что скоро войдёт, но лишь напоминать о пережитом казалось лишним и почти что моветоном.

Паша начал искать работу. Луиза искала себя.

Доктор сидел в изоляторе досудебного содержания, и друзья считали дни на календаре до оглашения приговора.

Но он так и не наступал, а чем-то заниматься и думать о том, как жить дальше, нужно было уже сейчас.

Луиза в один из вечеров, сидя на диване с полотенцем на голове после душа, рассказала, что она имела в виду, когда благодарила потолок в номере злосчастливого отеля:

– Это была не случайность.

– Хочу ли я это слышать? – приветливо спросил Паша, испытывая дежавю.

– Это Варвара мне сказала, да, – кивнула Луиза с чашкой чая. Чай она с недавних пор боготворила.

– Ещё бы, кто если не она, – несмотря на сарказм, он не осуждал. Прошло достаточно времени, Луиза дала обещание не искать встреч, не выходить на связь и не слали пьяные – «вы были правы!» – голосовые сообщения, пусть Паша её об этом и не просил. – Ну и что она сказала? – смиренно ждал он. Всё-таки на такой кликбейт не возможно не повестись.

– Паш, только не злись.

Он поднял руки в знак «безоружен».

– Она ведь с самого начала говорила о духах. Души людей, что следуют за нами. Я могла бы закрыть глаза на её рассуждения, всё-таки она в первую очередь самозанятый предприниматель, но то, что произошло в номере... Тут даже самый заядлый скептик заткнётся.

Паша, в лице этого самого скептика, просил продолжения:

– И, ты считаешь, эта *душа*...

– ...помогла нам. Я не верю, что всё это случайное везение! Ну не верю, хоть убей. Как скальпель мог упасть ровно мне в руку? Как загорелся телевизор, если он просто свалился с подставки. Почему он вообще свалился? А огнетушитель? Его прямо-таки встряхнули, как баночку с колой перед открытием, чтобы вырубить доктора максимально эпич-

но, но не насмерть...

– Изоляция на шнуре от телевизора была паршивая. Телек полетел вниз, когда доктор запнулся о ковер, который цеплял провода, и искра просто появилась. Из-за законов физики. Тут если бы не штора загорелась, то загорелось бы пуховое одеяло. Огонь вообще страшная штука. А в том гадюшнике с падкими на взятки хозяевами удивительно, что этого не случилось раньше... – он замолчал, спокойно раскидав все по полочкам, – ну а скальпель? Ну, он просто упал. Чего ты до него докопалась? В твою сторону тогда весь поднос полетел, скажи спасибо, что в полёте ничего не воткнулось.

– Спасибо.

– Да не мне же.

– А я и не тебе, – не отступала Луиза. – Веришь, не веришь, но нам точно кто-то помог. И как только ты признаешь это, жить станет легче.

– Мне всё равно, Лу. Пусть хоть сама мать Тереза помогла нам, я устал разбираться в этом. Охотник на привидений из меня уж точно никакой.

Это была правда. Даже если бы он по-настоящему допустил до себя ещё и эту мысль, он бы не нашёл в себе сил что-то с этим сделать.

– *Даже если это София?* Не думаешь, что она присматривала за тобой всё это время? – произнесла Луиза, боясь слышать ответ, но в своей правоте она уже давно не сомневалась.

– Даже если она, – неожиданно сказал Паша. – Ничего не меняется.

Запах имбирного чая по утрам вьелся в обивку мебели. Фантомное свечение по вечерам виднелось с кухни, где за-седала Луиза с ноутбуком.

За ней закрепились свои привычки и тут же недостат-ки. Она помогала не покрывать квартиру грязью и вовремя замачивала чашку после гречки. Она утрамбовала вещи с двух его полок в одну, чтобы выкрасть для своих вещей про-странство. Его дом наполнился и ароматными штучками и продуктами, от которых Паша отвек из-за своей непрехот-ливости. Из-за нового кондиционера для белья Паша опе-шил. Ему вспомнилось его детство, юность, дом его роди-телей. Запахи наполнили его хижину и ассоциировались те-перь только с уютом.

Пока он ходил на собеседования и волновался об испыта-тельном сроке, мотаясь по городу, в его квартире продолжа-лась жизнь. Такая дурацкая мысль, но Пашу она поразила. Вроде бы что-то же было в его жизни до Луизы, а вспомнить он не мог. Не могла же там быть пустота, которую девушка один к одному заполнила до краёв?

Он привык жить один и искренне любил минуты спокой-ствия в своей обители. Тогда как же у Луизы получилось,

не влезая в его границы, обустроиться и выставить при этом довольно нескромно свои?

Он видел её спящей, хоть и спали они почти всегда отдельно, не считая вечеров, когда смотрели вместе фильмы допоздна. Он видел её не до конца одетой и растрёпанной. Он видел её брюзжащей из-за плохого настроения. Видел воодушевлённой и приветливой.

И только эта близость и доверие отпугивали его, чтобы не переступить черту и не испортить это прекрасное, что он чувствовал сейчас в груди. Только это.

Недели совместного проживания превратились в быт студентов из одной общаги. Или старых супругов:

– Ты опять не вылила бульон после пельменей! Он протух, убери, пожалуйста, меня сейчас стошнит, – мог сказать Паша, заглядывая в кастрюли в поисках еды. Готовили они по очереди. И тут же появлялась Луиза и с ухмылкой забирала всё это у него из-под носа:

– Зря ты так. Когда-то из «первичного бульона» появились первые живые организмы. Ты должен быть благодарен.

– Они появились в океане, а не в кислой солёной жиже после пельменей, Лу.

– Ну всё равно прояви уважение, – припечатывала она, не упуская момента пошутить.

Работа нашлась. Паша давно хотел себя попробовать в сменном графике с возможностью выхода на удалёнку. Менеджер в отделе разработчиков и наладчик оборудования.

– Ты типо механик, но в офисе? – уточнила Луиза, лакая свой чай и заедая мороженым из баночки. Бедные зубы.

– Ну это если прям очень утрировано. Я буду заниматься организационными делами, решать текущие неполадки, выставлять графики, сводить отчёты. И, по-моему отвечать за модерирование новостей на сайте товаров, – пояснял терпеливо он. – Я ещё сам не особо вник, но я это умею, так что почему бы не попробовать.

– Ну смотри мне, а то затянет эта работа, и я совсем от скуки помру без тебя.

Сердце Паши предательски сделало *скидьиц*, упав с двадцати метров в воду, не оставило брызг.

– Ведь ты такой клоун, – добавила она и улыбалась широко-широко. Зелёные впавшие глаза уже не казались болезненными и улыбка вполне искренняя. Паша готов был поклясться, что она понимала всё, что он чувствовал, и порой как-то приязненно подтрунивала над ним. И потому не боялся отвечать ей нечто подобное:

– Я клоун, только если ты балалайка.

– Поиграешь на мне? – подмигивала она.

– Боюсь порвать струну.

– Фи, Паш, – она смеялась, – иди в угол и подумай о своём поведении.

Паша и пошёл бы, квартира большая и он найдёт, чем заняться. Луиза кинула вдогонку:

– И кстати, если это всё цирк, то я здесь только для того,

чтобы жонглировать твоими нервами.

Точно. И не разберёшь, шутит она или нет, ведь Паша уже в другом конце дома.

На следующее утро за завтраком он вручил ей носки, найденные на складе собственного интернет-магазина.

– «Очередной день в цирке»? – прочитала она надпись и поперхнулась чаем от смеха. – Спасибо. А есть ещё какие-то?

– Ага.

Он уже тянулся к ноутбуку, открывая сайт.

То, как его будни обрасли ответственностью и одновременно умиротворением, должно было его напугать. Но он и без того пуганный и сумел влиться в новое русло его жизни, не сбавляя скоростей.

– Ты скучаешь по ней? – как-то вечером спросила девушка. Взгляд, что минуту назад следил за фильмом, теперь смотрел на друга рядом. Прошёл месяц. Огурцы на балконе зацвели, и пара штук успели попасть в салат. За окном середина сентября. Столько спорных моментов им еще предстояло решить, и прямо сейчас был один из них.

– Иногда, если вспоминаю её, бывает тоскливо. Но не более.

– Но не вспоминать вовсе не получается?

Паша задумался, почесав подбородок. Что осталось от памяти о Софии? Светлый образ. Чувство тепла, ушедшего безвозвратно. Ностальгия по нему самому, что был достаточно беззаботен и глуп. Странно вспоминать о девушке, но не чувствовать при этом той же тянущей любви. Тянущей не на дно, очевидно. Эту мысль Паша и озвучил:

– Жалею, что с ней произошло всё так, как произошло. Возможно, будь она жива, я бы хотел иногда писать и узнавать как у неё дела, как успехи.

– Ты всё ещё любишь её? – уточнила Луиза.

– Не думаю, что во мне осталось что-то кроме доброй памяти о ней, – почти стыдливо признался он. – Раньше... Меня вели обида на самого себя, за то, какие решения я принимал, и вина, потому что чувствовал свою... Ну, ты понимаешь. Причастность к её смерти...

– Да, – кивнула она, сжав в успокаивающем жесте его руку.

– Сейчас этого нет.

Луиза жевала нижнюю губу, обдумывая что-то. Паше даже стало волнительно. Затем она спросила:

– То есть со временем ты смог смириться с тем, что она оставила тебя и решила уехать?

– Да, – подтвердил он, – её тут не в чем винить. Даже если бы не та катастрофа... Она свободный человек и заслуживала двигаться к своей мечте. На то люди – это люди. Я бы не стал её удерживать возле себя, зная, что она страдает.

Досмотрев фильм, они разошлись по кроватям. И если Паша спал спокойно и не видел снов, то для Луизы это было отправной точкой в череде сомнений и давящих мыслей, не дающих спать.

Часть 42. Мир, который приютил нас

Глава сорок вторая. Предконечная. На следующей остановке нам выходить, и впору готовить деньги за проезд. Если мы, конечно, не собираемся дать заднюю и продлить маршрут, чтобы кататься по накатанным дорожкам повторно. Если страшно выходить – никто не осудит. Если страшно сейчас, можно оттянуть неприятное событие и, сделав лишний круг, выйти на нужной станции, но в следующий раз.

Важно помнить, что нас никто не гонит. Да и всё это движение – это лишь видимость движения. Стоп-кран всё это время был у нас в руках. Но раз мы доехали до конечки, с первого или с какого либо-раза, так было нужно. Так почему бы и не выйти. Чтобы наконец покинуть злосчастный пассажирский транспорт, выйти из-под контроля воли машиниста и продолжить путь на своих двоих?

Или мы будем кататься по проторенным дорожкам до тошноты, так и не решившись сделать шаг к изменчивому будущему. Даже если в конце концов транспорт опустеет и от первоначального состава останемся только мы.

Пеннистый виски, разбавленный дешёвой колой, не лез в горло.

Луиза. В голове крутился только её светлый лик и то, что останется после её исчезновения.

Как две крайности, между которыми не дают выбрать, а позволяют лишь напоследок взглянуть, чтобы в полной мере осознать разницу ощущения.

Она призналась, что решила уехать. Спустя полчаса сидения в баре. Вот так просто. Неуверенно перебирая словами, она хотела, чтобы Паша понял её.

Мотивы были просты:

– Я не смогу так больше, – говорила она, нарушив собственное правило и потягивая алкогольный коктейль вместе с Пашей в непопулярном баре на окраине, куда их занесло в одиннадцать вечера. Возможно, это был и не бар, потому что здесь подавали стейки и шашлык, а горячительные напитки были лишь для аперитива, но Луизе виделось иначе. – Я не могу... Точнее, я могу, но я не хочу. Я не хочу больше терять время на притворство, на страхи, на какую-то игру...

Паша смотрел на неё холодно сквозь фужер коктейля и, тоже изрядно набравшись, пытался удержать прозвучавшие слова в голове.

– То есть ты меня накочегарила для этого? – устало спросил он. – Чтобы сказать, что бросаешь меня?

– Да ну нет же, – реабилитировалась она, – совсем нет. Я слишком переживаю. Прости. Я тоже поплыла уже куда-то.

Плохая была идея...

Девушка поправила юбку, которую по глупости надела, залюбовавшись собственным видом. Теперь её приходилось придерживать, чтобы сильно не задиралась. Зато к кожанной куртке так шло.

Паша на эту юбку, наверное, даже внимания не обратил.

– Я не понимаю, – произнёс наконец парень, устав улавливать намёки и посылы. Тем более девушка посылала их не вполне осознанно. – Чего ты хочешь от меня? Что мне сказать? Что я не хочу тебя потерять? Так вот слушай: Я не хочу тебя терять!

– Паш, ну я же объяснила. Ну, правда.

То, что до этого говорила Луиза, за аргумент в поплывших глазах Паши не считалось. Зато считалось острое желание порвать с ним и уехать как можно дальше.

– Скажи, что я сделал не так? – отчаянно спросил он. – Неужели ничего нельзя уже исправить?

– Да ну ё-маё. – Она откинулась на месте. Клубы дыма наполняли помещение, вокруг маячили люди, пахнущие не то ладаном, не то наладом, не то тем же виски. То и дело мелькающие полуголые тела отвлекали внимание, не давая разговору утечь в эмоциональную яму.

– Да послушай же ты меня. Ты ни в чём не виноват. Вообще ни в чем. Ты был хорошим другом, хорошей поддержкой, я правда очень тебе б-благодарна. Но это только моё решение. И я очень хочу уехать.

Паша сложил руки на груди и глубоко дышал. Луиза, извиняясь, потянулась к нему рукой через столик. Её пальцы поглаживали сильные предплечья, но даже при наличии мускул Паша выглядел меньше, чем обычно.

Алкоголь уже основательно затуманил мозг, и точно выстроить нужную мысль не представлялось возможным, но Паша пытался:

– Так ведь ты ничего и не объяснила. Да, люди иногда покидают насиженное место, словно без причины, ни с того ни с сего, но я думал, что я хотя бы заслужил пару строк объяснения, Лу. Неужели это настолько сложно?

– Да, ну, не сложно это. Для меня – нет. Но тебе это объяснить... – произнесла она на выдохе. В изящных пальцах второй руки вертелся бокал, который она не порывалась больше пить. Кажется, с неё хватит. – Да, блин, Паш, ну, как тебе ещё сказать? Ну плохо мне! Не с тобой, не в твоей квартире, а просто плохо. Плохо в этом теле, плохо в этой жизни. И я хочу избавиться от этого.

Паша испуганно сглотнул.

– Не радикальным способом, – опередила она его мысль, – а просто – перемен хочу. Я хочу... хочу уехать.

Она глянула на свой напиток и, словно желая смыть привкус от мысли, озвученной ранее, наклонилась ближе к трубочке, чтобы остророжно присасаться к кончику. Янтарно-чёрная жидкость терпимо обжигала нёбо. Холодная струя устремилась по глотке к пищеводу. Если бы она ставила бу-

тылку подальше, она бы ещё на двух предыдущих бокалах остановилась по причине потери необходимого контроля. А тут вот оно что. Бар. Паша. Музыка. И виски такой вкусный с колой.

– Я хотел бы... Хотел давно сказать. Хочу, чтобы ты знала... Только не знаю, как сказать тебе, – начал сбивчиво Паша, но Луиза его тут же перебила:

– Даже если ты произнесёшь *это* вслух, это меня не оставит, – припечатала она. Паша пьяно моргнул и, подумав, кивнул. Затем решил зайти с другой стороны:

– Ты боишься родителей? Боишься прошлого? Если так, тебе не обязательно уезжать одной.

– Я не боюсь прошлого, Паш, я просто хочу начать будущее с чистого, мать его, листа, я что, много прошу? – взгляд хмелел, а язык заплетался, но она всё равно старалась максимально чётко донести свою мысль. Без резких слов и ссор, которые на утро будут вспоминаться обрывками. Её уверенность и так таяла прямо пропорционально времени, проведённому с Пашей и алкоголем наедине. Ещё немного, и ей станет стыдно бросать его и жалко саму себя.

– Чё я творю, – ломая язык, выдохнула она. Слишком сильно её захлестнуло. Она залпом допила полстакана коктейля.

Мочевой пузырь, наполняющийся не по дням, а по секундам, пришёл на помощь их неуютной тишине.

– Господи, погоди, я скоро вернусь, – бросила она, усколь-

зая из-за стола и оставляя парня одного.

Так много людей вокруг. Так душно. Кошмар. Всё кружит-ся. Скоро зима. Скоро снег будет точно так же *кружиться, летать и таять. И поземкою клубя...* Замечает зима, замечает... *всё, что было до тебя.* Как снежинка, она проскользнула в туалет. Мужской. В женском толпа.

Покончив со своими делами, она долго стояла у зеркала. Холодная вода из-под крана совсем не освежала лицо. Врут фильмы. Она всё такая же пьяная, только теперь ещё и мокрая, как собака. И за ворот капли попали.

Когда спустя целую вечность она вернулась, парень разглядывал меню, желая заказать то, чего желала бы в данную секунду его душа, – да только такого в меню ни одного бара не бывает, – он хотел ясности.

– Ну давай представим, что ты улетаешь? – начал он, словно сойдя с паузы их предыдущего разговора. – Ты даже не выбрала, куда лететь. Где остановиться. На что жить. Лу, ладно я – умалишенный, но ты-то куда? Как давно ты вообще затеяла это?

– Давно, – решила ответить на наиболее важный вопрос девушка, вытирая вспотевшие ладони о кожаную юбку. Она устала от разговора. Сильнее, чем мог бы устать трезвый человек. Она вернулась на место, разглядывая обновлённый напиток и ярко-зелёную трубочку. На вкус – всё тот же виски с колой. Надо бы закусывать, да только куриный шашлык и овощи на гриле ещё не принесли, а они успели накидаться..

Пашу преследовало дежавю, поэтому он на всякий случай спросил:

– Скажи честно, это только твоё мнение, к которому ты пришла единолично, своим силами?

– А как ещё? – тихо переспросила она. Затем по нахмурившемуся лицу Паши она поняла.

Варвара Преображенская – его догадка. Эта женщина имела свойство появляться в чужой голове в виде навязчивых мыслей, незаметно, бесшумно, и это не столько пугало, сколько бесило Пашу.

– Опять твоя колдунья? – все-таки спросил он.

– Нет! Я же обещала! – оскорбилась девушка.

– Тогда почему? – всё ещё не понимал Паша главную вещь. – Да ну что такое произошло-то? Я вообще не выкупаю прикола.

Новая волна обиды накатила, будто и не скатывалась во все. Девушка не выдержала, ударив дном стакана о стол. Разрушительный звон стекла добавил ей храбрости:

– Это не прикол, это то, что я чувствую! Я не могу больше быть для всех слабой и больной! А рядом с тобой я об этом никогда не забываю!..

В носу засвербило после озвученного наконец признания. Сердце колотилось, она слышала его даже сквозь какофония звуков вокруг.

– Ты хочешь держаться подальше от меня? – поразившись этой мыслью, произнёс он. Паша словно и вовсе потерялся в

звуках, складывая губы то в протяжную «а-а-а», то в изумленную «о-о-о».

Луизе было нечего возразить. Открыв рот, она его тут же захлопнула. Ничего хорошего не получилось. Она и тут обложалась. Но а как ещё она могла сказать ему т-а-к-о-е? Она и так как последняя нахлебница жила за его счёт и ничего не давала взамен. Ни положительных эмоций, ни внушительных бесед. Луизе вообще казалось, что она максимально лишняя, но по опыту она знает, что людям эту сторону себя показывать нельзя. Низкое мнение о себе отпугивало намного больше, чем напускная наглость. Её одолевал стыд к самой себе и чувство неправильности происходящего, которые достигнув своего апогея, вылились вот в этот вечер в баре. О чём она только думала.

Луиза успела четырежды пожалеть о сказанном, прежде чем им в конце концов принесли основное блюдо: сочные куски мяса, украшенные по кругу пёстрыми запечёнными овощами... Поблагодарив официанта, она подняла глаза на накупившегося Пашу:

– Слушай, забудь. Давай завтра об этом поговорим? – произнесла она спокойнее. – У меня чувство, будто это последняя ночь на Земле, а мы решили поругаться. Я не хочу так.

Паша не спорил больше. Паша вообще потерял нить и очень сильно надеялся, что с приближением завтрашнего дня и похмелья память об этом разговоре так же стремительно покинет его. Как результаты палёного алкоголя покида-

ют организм человека наутро. Чисто физиологически. Завтра будет завтра. А сейчас они – это они. Пьяны и несчастны по-своему. Перед ним сидела вся такая Луиза и смотрела на него проникновенно зелёными покрашенными глазами.

– Согласен, – сообщил он ещё одну вечность спустя. – Тем более мы ещё не добились нашу летальную дозу.

– «Взлетную» дозу, – подхватила Луиза, и уже спустя пару минут шуточных переругиваний вновь улыбалась. – Ну что. Стартуем? – произнесла она, сияя поднятым бокалом в руке.

Музыка всё так же била по перепонкам, но зато музыкальный плейлист сменился с поп на романсы. Виски больше не пульсировало так сильно. Горечь алкоголя не заставляла морщиться. А взгляд Луизы не посылал мурашки по коже.

Хотя насчёт последнего ещё можно поспорить.

– Давай на брудершафт, – проговорил парень, уступая место своему маргинально-бессознательному.

– Угу, – Луиза чокнулась с ним ребром бокала, запуская цепную реакцию. – За всё то, что было хорошего...

– ...И за то, чему не бывать, – поддержал Паша, после чего они замороженно переплелись руками и влили в себя алкоголь. А следом уже впечатывались в лица друг друга, не давая себе передумать. Ощущения от поцелуя смазались из-за онемения рта, да и не важно это, ведь на утро будут стерты и они.

– Привет, – посмотрел Паша сонно на Луизу. Та бодро надевала футболку в метре от его кровати. Даже в темени удавалась разглядеть очертания. – Красивая татуха.

– Спасибо, – проговорила она вполоборота. Бедра сверкали D-дефицитной белизной, и Паша задержал взгляд на округлых формах девушки. – Поспи, ещё рано, – послышалось вдогонку от неё, затем на бедра натянули пижамные штаны. В голове тут же возник образ задравшейся кожаной юбки, под которой жадно исчезали собственные ладони.

Как бы веки не стремились слипнуться вновь, Паша приложил над собой усилие, и осмотрелся. Скромный рассвет и тишина за окном предполагали, что сейчас в районе пяти утра. По окошкам моросил дождь.

– Ты... в порядке? – уточнил парень, обращаясь к девушке. Шока или удивления он не чувствовал, так как потерей памяти не страдал. Да и они вроде вчера вполне спокойно сошлись на одной мысли. Но попереживать за подругу никогда не будет лишним.

– Да, вроде норм, – пояснила девушка в поиске своего телефона.

– Что-то не так? – всё же задал он прямой вопрос.

– Извини, всё в порядке, правда, – она помешкала, – мне просто нужно побыть одной немного...

– Не объясняй, я понял, – всё так же сонно смотря одним глазом, пробормотал он. – Если нужно, чтоб я вышел из

квартиры, ты скажи, – с готовностью пояснил он.

– Н-не надо. Спи. Я просто погуляю и вернусь.

– Ладно. – Паша обернулся на другой бок, готовясь погрузиться во вселенную собственного сознания – хотя больше похоже на персональный ад с множеством комнат. – Возьми зонтик.

Он даже не успел осознать, как девушка наклонилась и клюнула его в щеку губами, чтобы в следующий момент так же скоропостижно исчезнуть.

Что-то не дало Паше полноценно запаниковать. То ли родные стены. То ли развороченная кровать. То ли отсутствие каких-либо признаков паники в лице девушки. Но это помогло ему задремать без долгих размышлений.

Он поймет. Он обязательно сможет её понять. Когда-нибудь. Может, не сегодня. Не тогда, когда она собирала вещи и просилане искать её.

Не тогда, когда она промолчала на вопрос: «Вернёшься?».

Не тогда, когда она умудрилась упаковать в дорожную сумку даже носки с «цирком».

Забрала всё до крошки, выгребла из его грудной клетки все детали, что могут напомнить о ней. *Кроме фотографий.*

Зря она это. Паша вяло помогал ей со сборами, но уже тогда понимал, что катастрофа пришла незаметно. Ядерный

гриб накрыл его, лишив дара речи и любых проявлений эмоций. Пока что она здесь, но он уже ослеплён. Она всё ещё тревожно просматривала расписание электричек, а он уже парализован. Она натянуто улыбалась так, что у глаз не собиралось морщинок, одними губами, а он пожелал ей удачи, не чувствуя лица.

Завтра наступит мучительно. Потому что завтра его уже не будет ничего сдерживать. А сегодня он всё так же глуп и всё так же влюблён.

– Можешь не рассказывать подробности, но хотя бы скажи: насколько ты уверена в своём маршруте? Ты же что-то набросала уже?

Девушка по-доброму отвлеклась на него. Глаза сияли. Возможно, она тоже немного не в себе от эйфории и предчувствия перемен.

– Набросала – да. Уверена – нет, – радостно сообщила она. Паша усмехнулся. – Я как обустроюсь, напишу обязательно.

– Было бы здорово, – подтвердил он. – А сам я написать не смогу?

– Нет, ты что. Я деактивирую все страницы и номера. Хочу сбросить всё до заводских настроек.

– Ты про телефон или про свою жизнь?

– Посмотрим. Я мечтала об этом много лет, но никогда ещё не приближалась к мечте так близко, – призналась она. Паша понимал. Однако не стал говорить, что такие, не подкреплённые никакой основой, мечты могут разочаровывать.

Она чётко дала понять, что слушать его не будет.

– Знаешь, я даже думаю поменять имя.

– На какое? – вырвалось у парня.

– На Луизу. Хочу задокументировать это в паспорте.

Чтобы ничего больше не ляпнуть, Паша кивнул и похлопал её по плечу, мол, удачи. Если в её голове сменить имя звучит так же легко, как совершить интернет-покупку, то что уж говорить об остальной её затее. Хорошо, что она не решила вовсе купить фальшивый паспорт. В этом ей ни Гугл, ни МФЦ не помогут.

– Хей, ну ты чего нос повесил? – обратилась она к нему, уже стоя одной ногой на остановке, до которой позволила себя проводить. Паша встретился с ней взглядом, сохраняя в памяти по кусочкам её дурацкое милое лицо.

– Я рад, что познакомился с тобой, – без шутки произнёс он и тут же, не выдержав, заключил в объятия. Девушка ответила тем же, скрепив руки за его спиной и головой утыкаясь в шею. Дышать обоим было тяжело.

– Ты же понимаешь, что у нас бы всё равно ничего не получилось? Таким, как мы, нельзя сходиться, – прошептала она без тени улыбки.

– Думаешь, у нас не получилось бы даже жаркого круизного романа? – говорил что-то Паша, лишь бы не оставлять пустоту и продлить миг.

– Это он и был, Паш.

- Так чего ты мне не сказала, я то не знал...
- Теперь знаешь.
- Ну спасибо, что хоть сейчас предупредила.
- Не за что.

После таких заявлений даже спорить уже нет смысла. Паша хмыкнул ей в темечко. Удивительная способность Луизы была в том, что она была нестигаема, при всей своей растяжке. Она могла сама поверить в какую-либо мысль. Затем убедить окружающих в ней. Да так убедить, что от истинности этой мысли было уже не скрыться.

Они и правда не могли бы быть полноценной парой.

Потому что в данную минуту Паша держал в руках ураган и мог слышать биение его сердца. А это, как правило, смертельно опасно. Теперь понятно, почему стихийные бедствия называли женскими именами.

- Пообещай сразу не умирать, – попросил он.
- До свидания, Паш.
- Прощай.

Часть 43. Последняя инстанция

Октябрь наступил неожиданно. Непогода, ветра и грозы. Ежедневная дождливая морось служила лишним раз напоминанием о произошедшем и подпиткой собственному настроению. Прошёл уже месяц, за который случилось так много и ничего одновременно.

На следующий день после прощания с Луизой Паше на телефон пришла смс:

– «Still alive!»⁷

А после попытки перезвонить, абонент уже был недоступен. Тут он смог только тоскливо улыбнуться с похмелья, и набрать следом другой номер.

Последовала неделя аутотерапии в лучших традициях, когда он был заперт с самим собой в одной камере и придавался психологическому давлению каждую секунду, за исключением эпизодов, когда он спал.

Спустя эту позорную неделю алкоголя, редких слёз и подавляемых истерик, ему и правда стало лучше.

Он отпросился с работы и дал себе ровно неделю на роль горемыки, ни в чём себя не ограничивал, потому что, во-первых, главное правило всех правил: все эмоции и чувства должны быть выражены. Это необходимо, чтобы он смог

⁷ Всё ещё жива!

оставить ненужное позади и двигаться дальше.

Это было «во-первых».

А во-вторых, этот совет ему дал доктор Крашник.

По нелепой случайности, когда Пашу с Луизой последний раз вызывали для дачи показаний, они пересеклись с адвокатом доктора Крашника. Так парню в руки попала записка с телефоном и электронной почтой доктора.

Да, так и есть. И после прощания с Луизой, Паша набрал его номер.

Доктору огласили приговор, до которого Луиза не досидела буквально пару дней, и Паша одним из первых узнал, что Крашника депортируют на родину и посадят под домашний арест. Это называется *условный срок*. О сохранении лицензии и говорить не стоит.

Исходя из дальнейшего общения, Паша был согласен, что они оба на самом деле тронутые умом, но судьи кто? Тем более, парню всё ещё был нужен специалист.

Без этих абьюзивно-компульсивно-маниакальных выходов со стороны доктора у них складывалось куда-более комфортное общение. И несмотря на прошлые ошибки, Паша был готов дать ему второй шанс. Закон тоже не всегда справедлив. Справедливость не всегда законна.⁸ Эти разговоры помогли составить какой-никакой план на ближайшие годы. Делов хоть отбавляй. Это как вернуться в разрушенный город: не знаешь, за что хвататься первым делом. Главное, не

⁸ (с) Владимир Шойхер.

напомянуть себе о том, что ты сам этот город превратил в руины.

Надо признаться, что это было самое странное лето в его жизни. Три месяца надежды, потерь, впечатлений, разочарований, любви и, наконец, расставания. Наверное, для хронометража фильма про его занимательные каникулы хватило бы полутора часов, но для парня он растянулся бы на три сезона.

Наступившая осень казалась *первой настоящей осенью* в его жизни.

Ещё никогда он не дышал так широко и свободно полной грудью.

Выйдя на улицу, под этот чёрствый осенний дождь октября, Паша, наверное, впервые мог сказать, что он больше не брошенный. Он нашёл сам себя в этой круговерти и невероятно рад своей удаче.

Он не собирался планировать что-то грандиозное. Он фаталист и всегда был им, просто однажды позабыл об этом. Он живёт сейчас и общается «на ты» со своей удачей. Пусть за ним следят духи. Пусть за ним присматривает погибшая в автокатастрофе четыре года назад девушка.

В этот момент он чувствовал себя как никогда живым. Возможно, это ремиссия, и скоро опять будет обострение, плевать.

Осень уже всю вступила в свои права. Она так молние-

носно набирала обороты, стоило ему отпустить свои страхи и неуверенность. Простая, казалось бы, попытка, хоть на некоторое время перестать ненавидеть себя больше, чем весь остальной мир, и Паша сразу преобразился. Даже на работе заметили, хотя он появлялся в офисе мимоходом и общался заготовленными фразами и шутками. Поменялся стиль в одежде, даже тембр голоса не нарочно опустился на пару октав, источая вселенскую мудрость.

Сырость и обжигающие ветра наводили на мысль, что скоротечность имеется во всех аспектах жизни: что-то приходит, что-то уходит, и стоит закрыть глаза, можно упустить что-то несомненно важное для его маленького мира.

Чувства легки и свободны.

Ливень набирал обороты, как и неделями назад. Только теперь куда опаснее. Дороги размыло, и в кедах пропала необходимость.

Ливень страшнейший. Он начался внезапно и уже затопил чей-то подвал. Синоптики опечатались. Потому что если бы они написали настоящие цифры, они бы добавили пару шуток про строительство ковчега и «каждая тварь, береги свою тварь».

Его маршрут не выделялся оригинальностью. Сходить за продуктами, а по дороге не умереть. Сложно устоять, ведь ветер избивал лицо и тело острыми, как кинжалы, каплями дождя, оставляя пламенные поцелуи на ледяной коже. Всё тело продрогло, а серая толстовка и джинсы напомина-

ли впитавшую в себя пару литров воды губку. Хотя, теперь это ничего не стоило. Цель. Только к ней надо стремиться. Невзирая на своё нытьё и неудобства. Эта был не первый дождь с ветром в этой осени, но несомненно самый *трогательный*.

Антрацитовое небо будто кровоточило этой влагой, а Паша шёл, почти бежал, ему хотелось кричать, петь во всю глотку, чтобы его клич утопал в шелесте дождя.

Паше нравились люди. По крайней мере сейчас. По крайней мере сегодня. Когда дождь отбивал по их телам забавную трещётку, и они при этом были бессильны. Они бегали по лужам, босиком, смеялись сами над собой. Наверное, у всех одна и та же мысль в голове: «Дождь не кислота – высохнет». И за маской недовольства они пытались скрыть, как в душе радовался их внутренний ребёнок. Именно об этом были все фильмы-катастрофы: в момент общего безумия мы как никогда становимся людьми.

И Паше плевать, что будет дальше. Он будет помогать другим. Поделится мудростью с теми, кому она нужна. Поможет найти дорогу тем, кто заблудился. Будет пробовать новое и учиться разным трюкам и навыкам, о которых раньше не думал.

Возможно, он заведёт собаку. Он так хочет помочь кому-нибудь. Он нуждается в этом, как в кислороде.

Быть человеком сложно. Это как нести с собой в руках горстку пепла в надежде, что эта вулканическая пыль даст

отдушину, новые краски, непривычные запахи, но всё это и есть человеческие чувства. Проходя через преграды, поддаваясь ветру, мы теряем драгоценные крупы, и вместе с ними в обжигающих потоках устремляются в другой мир наши частички души.

Осень частенько наводит на такие мысли. Бывает, проходишь по дороге, занесённой красочными, шуршащими под ногами листьями, а в голове проносятся воспоминания о том, что только вот-вот, только совсем недавно они расцвели в почках на деревьях, готовясь к очередной скорой смерти. И им всё равно, это естественно, но для человека сама мысль о возможной кончине была бы убивающей. Хватаясь за мачту уже потонувшего корабля, человек бы плакал о том, что так не должно было случиться, хотя с самого начала был убеждён в обратном. Но силой самовнушения он всё равно пытается отгородить себя от предстоящих бед. Хотя лучше принять это и попытаться не только разглядеть уходящее на дно судно, исчезающее под водной гладью, но и запомнить эти минуты. Запомнить, как красиво было море в этот момент, и как на его вечно больной организм влиял морской свежий бриз.

Моменты. Вот, что мы упускаем, готовя себя или же отвергая мысли о грядущей гибели. Куда мы спешим? Наша память способна хранить намного больше информации, но мы тратим эти ресурсы на страхи, неуверенность, слабости, мечась в поисках мнимого спокойствия и равновесия.

И это так грустно. Так много людей. Много судеб. Все спешат, стремятся успеть, преодолеть черту невозможного, хотя порой необходимо просто остановиться. На середине пути. Представить себя со стороны и осознать, что достигать вершины, взбираясь на Олимп, не то, что нам надо. Никуда не надо гнаться. Лишь оглядевшись вокруг, мы понимаем, что самое дорогое сокровище у нас уже есть. Только достигнув точки невозврата, мы осознаём эти простые истины.

Плвать, кто создал эту Вселенную, плвать, кто смотрит за ним свысока. Паша справится. Ему искренне интересно, в какие ещё узлы может скрутиться нить судьбы и что понадобится сделать, чтобы её распутать.

Плвать, настоящее это шоу Трумана или лишь попытка объяснить необъяснимое и переложить ответственность на других. Паша так голоден до знаний. До познания того, как этот мир на самом деле функционирует. Может, через десятки лет докажут присутствие на планете пришельцев или, может, правительственный заговор затрещит по швам, когда огласят настоящие мотивы и имена всех тех, кто руководит Системой. Может, будущего и не настанет и Паша проснётся в своей барокамере, чтобы поставить оценку в приложении для симуляции реальности. Не важно. Может, Паша окажется прав. Может, ему удастся создать свой сайт, где он будет искать единомышленников, прознавших о Системе, чтобы в итоге объединиться в одну обалденную оппозицию и дать отпор главам мира всего. Чтобы полностью соответство-

вать этой антиутопии.

Одно ясно точно, Паша попытается. Потому что *жизнь это не наказание, которое он согласился понести.*

Это была конечная остановка. Больше его не повезут. И решение о том, готов ли он идти дальше сам, он уже принял. Он не вернётся в душный автобус и не поедет к началу. Теперь он собирается компенсировать потерянные в метаниях годы, чтобы найти то, что придаст его жизни смысл. И этому Паша отдаст все свои силы.

Идея проста как мир: жизнь отвратительная, но только мы можем сделать из неё хоть что-то терпимое для себя. Паша попытается. Он хочет остаться и посмотреть, что будет дальше, и что он сможет сделать. Он готов даже смириться с путями мироздания, со своей ролью марионетки и настигнуть рано или поздно своего мифического хозяина. Потому что ему интересно, какие ещё повороты судьбы жизнь готова ему подкинуть. Он готов играть по чужим правилам.

А когда спустя год доктор Крашник наконец пришлет черновой вариант своей книги, Паша здорово посмеется. Не всякого человека напишут книгу. Не всякому прототипу доведётся читать книгу о себе.

В ней описывался интересный феномен – синдром Трумана, где с присущей кинематографичностью доктор решил обыграть события, произошедшие в их жизнях. Паша чувствовал сюрреализм, читая о самом себе в третьем лице.

Только жаль, что этот миг не получилось разделить с Луизой. Она бы, наверняка, смешно вздыхала и комментировала каждый момент, который, по её мнению, не совпадал бы с той реальностью, которую они все помнят.

Интересно, догадаются ли остальные его читатели, что книга основана на реальных событиях?..